



О. Семереньи

**Введение
в сравнительное
языкознание**



YFLC

**EINFÜHRUNG IN DIE
VERGLEICHENDE
SPRACHWISSENSCHAFT**

О.Семереньи

**Введение
в сравнительное
языкознание**

Перевод с немецкого
Б.А.Абрамова

Издание второе,
стереотипное



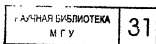
**УРСС
Москва • 2002**

Семереньи Освальд

Введение в сравнительное языкознание: Пер с нем Изд 2-е, стереотипное — М Едиториал УРСС, 2002 — 400 с (Лингвистическое наследие XX века)

ISBN 5-354-00056-4

Книга представляет собой популярное изложение основ сравнительной грамматики индоевропейских языков и включает историю индоевропейского языкознания, характеристику сравнительно-исторического метода и подробное описание фонологии, морфонологии и морфологии индоевропейского праязыка на материале древнеиндийского, древнегреческого, латинского и других древнеписьменных индоевропейских языков



635-23-84

Редактор *М.А. Оборина*

Издательство «Едиториал УРСС» 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 28.05.2002 г.
Формат 60×84/16 Тираж 800 экз. Печ. л. 25. Зак. № 9

Отпечатано в типографии ООО «Рохос» 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9

	ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
	НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
	E-mail: urss@urss.ru
	Каталог изданий
	в Internet: http://urss.ru
	Тел./факс: 7 (095) 135-44-23
	Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

ISBN 5-354-00056-4

- © Оригинал О Семереньи, 1970
- © Перевод с немецкого
Б.А. Абрамов, 1980
- © Едиториал УРСС, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга была задумана издательством «Wissenschaftliche Buchgesellschaft» в Дармштадте как введение в сравнительное индоевропейское языкознание. В меру своих сил я постарался осуществить этот замысел. Введение носит общий характер. Основную же часть составляют сравнительная фонология и сравнительная морфология индоевропейских языков.

В трактовке проблем я стремился четко разграничивать, с одной стороны, то состояние индоевропейского праязыка, которое поддается реконструкции путем сравнения, а с другой — его диахроническую интерпретацию. Делалось это для того, чтобы читатель постоянно отчетливо видел различие между этими двумя проблемами и приучал себя, лишь разобравшись в первой из них, приступать ко второй.

Книга, действительно, задумана как введение. Поэтому проблемы и выводы излагаются в ней простым языком, для того чтобы и начинающий смог разобраться в проблематике. По тем же соображениям, в отличие от некоторых широко известных введений, в конце книги не дается сводная библиография. Вместо этого соответствующая литература последовательно указывается не в примечаниях, а в конце каждого раздела*. Поскольку индоевропейское языкознание — это наука, которой занимаются во многих странах мира, мы постарались учесть все доступные нам работы, в особенности новые и новейшие. Что же касается более старых публикаций, то мы обычно отсылаем к библиографическим спискам, приводимым в ранее опубликованных серьезных изданиях.

* В переводе на русский язык редакция русского издания сочла целесообразным дать развернутый библиографический список работ также в конце книги — *Прим. ред*

Знакомству с литературой благоприятствовала моя многолетняя работа в исследовательских учреждениях, хорошо обеспеченных литературой в данной области. Особую благодарность я выражаю Лондонскому университетскому колледжу, где я раньше работал, а также другим институтам Лондонского университета и Британскому музею, богатыми собраниями которых я мог постоянно пользоваться в течение пятнадцати лет. Благодаря содействию, оказанному мне в Земле Баден-Вюртемберг и во Фрейбургском университете, в последние пять лет мне и здесь, во Фрейбурге, удалось наладить интенсивную исследовательскую работу. В некоторых случаях я счел целесообразным упомянуть названия и тех книг, которые я сам не читал. Они помечены звездочкой. За последние месяцы — рукопись была сдана в издательство в конце 1968 г. — появилось несколько важных работ, которые упоминаются в соответствующих местах. К сожалению, я был лишен возможности учесть их столь же обстоятельно, как это было сделано с более ранними публикациями. Если в книге я ничего не говорю о какой-либо работе, это еще не означает, что она мне не известна. Тем не менее я был бы признателен тем авторам, которые, не найдя здесь упоминаний о своих работах, прислали бы мне свои труды. Тогда можно было бы использовать их при подготовке второго издания настоящей книги, которое может оказаться необходимым. Мне хотелось бы еще отметить, что большая часть исследований по индоевропеистике за последнее пятидесятилетие учтена мною в историческом обзоре, который в ближайшее время должен появиться в IX томе «Current Trends in Linguistics».

Выполняя свой приятный долг, я благодарю своих сотрудников за оказанную мне помощь. Особенно признателен я моему бывшему секретарю Ингрид Ланг, а также доктору Уцу Маасу и доктору Альфреду Баммесбергеру.

Освальд Семереньи

Фрейбург в Брейсгау, 4 августа 1970 г.

1. ВВЕДЕНИЕ

1. У каждого, кто, кроме своего родного языка, владеет хотя бы одним иностранным языком, всегда есть возможность убедиться, что в обоих языках существуют не только «сами собой разумеющиеся» различия, но и бросающиеся в глаза сходные элементы. Например, немец, изучающий английский язык, даже без специальной подготовки заметит, что английские слова *father, mother, hand, ice* и т. д. очень похожи на такие немецкие слова, как *Vater, Mutter, Hand, Eis*. Изучавшему испанский язык итальянцу тоже не потребуется много времени, чтобы установить, что испанские слова *padre, madre, mano, pie* почти идентичны подобным же словам его родного языка. И русский, бывающий в других славянских странах, тоже может заметить, что такие слова его родного языка, как *рука, нога, зима* и пр., в большинстве других славянских языков звучат так же или сходным образом.

Поскольку за древними греками укрепились слава любознательных, можно было бы надеяться, что они тоже делали аналогичные наблюдения. Но в этом плане нас ждет разочарование. Конечно, не стоит думать, что они могли бы обнаружить очевидное для нас сходство греческого с латинским языком. Ведь латынь слишком поздно попала в их поле зрения. Вместе с тем, казалось бы, есть все основания ожидать, что от них не ускользало сходство между их родным языком и языком их долголетних врагов — персов. Об этом, однако, нет никаких свидетельств, хотя сходные элементы, как нам теперь известно, легко можно было бы обнаружить. Ведь греческим словам *πατήρ, μήτηρ, ἐστί* в языке персов соответствовали *pitā* (акк. *pitar-am*), *mātā* (акк. *mātar-am*), *asti*. Все же заслуживает внимания тот факт, что в диалоге «Кратил» (410a) Платон предлагает возводить греческие

πῦρ 'огонь', ὕδωρ 'вода', κῆρυξ 'собака' и «многие другие слова» к фригийскому, поскольку в этом языке они имели почти такую же форму, в греческом же их этимология была затемнена. Бóльшее впечатление производят, однако, лингвистические достижения полководца Эпаминонда, который, как сообщает Афиней (13, 650 и сл.), обосновывал притязания своего родного города Фивы на расположенное у беотийско-аттической границы местечко Сидан ссылкой на то, что σῖδα 'гранат'—это беотийское слово, в то время как в аттическом диалекте ему соответствует слово ροία. Этот факт, а также написанные на диалекте сцены в пьесах Аристофана говорят о том, что ухо грека хорошо подмечало языковые различия, по крайней мере на заселенной греками территории, и можно только пожалеть, что, в отличие от Наполеона, который взял Шампольона в свой египетский поход, Александр Македонский не имел лингвиста в числе ученых, находившихся при его штабе во время похода в Персию.

Сказанное выше об отношении греков к латинскому языку справедливо, естественно, только для доэллинистического периода. Когда же греки действительно познакомились с этим новым языком, они быстро обнаружили его сходство с греческим. Римляне тоже понимали, что лат. слова *sex* 'шесть', *septem* 'семь' соответствовали греч. словам ἕξ, ἑπτὰ. Даже *silva* 'лес' они рассматривали как соответствие греч. ὄλη, полагая, что древние римляне вместо греческого спиранта произносили *s*. «ὄλας dicunt et nos *silvas*, item ἕξ *sex* et ἑπτὰ *septem*» [«говорят ὄλας 'леса', как и мы *silvas* 'леса', а также ἕξ 'шесть' и ἑπτὰ 'семь'»] (Festus ed Lindsay, 1930, 392). Иногда на этом основании делали вывод, что латинский язык является диалектом греческого. Кое-кто шел еще дальше и считал латынь одним из эолийских диалектов, ибо так называемая «баритонность» эолийского была очень похожа на «баритонность» латинского языка.

2. В упомянутых языках, помимо сходных элементов в словарном составе, то есть так называемых лексических соответствий, можно установить также сходные черты в грамматическом строе. Ведь ясно, что нем *lieben*—*liebte*—*geliebt* 'любить' и англ. *love*—*loved*—*loved*

столь же похожи друг на друга, как и Vater—father или Eis—ice. И если итальянец для обозначения прошедшего времени от глагола *cantare* 'петь' употребляет конструкцию *о cantato*, а испанец в аналогичном случае говорит *he cantado*, то совпадение в структуре (ср. нем. *habe gesungen*) выступает столь же отчетливо, как и в другой форме прошедшего времени, звучащей в итальянском как *cantava / cantavi / cantava*, а в испанском — как *cantaba / cantabas / cantaba* 'я пел и т. д.'

Как ни удивительно, однако на такого рода структурное сходство долгое время не обращали внимания или, по крайней мере, не отмечали его. У нас нет свидетельств о том, что в античности делались наблюдения подобного рода. Да и в средние века, и в ранние периоды новейшего времени просто проходили мимо таких соответствий. Даже вызывающий изумление Йозеф Юстус Скалигер (1540—1609), предвосхитивший идею языкового родства и выделивший в Европе одиннадцать независимых друг от друга языков—в их числе язык со словом *deus* 'бог', то есть романский, и язык со словом *Gott* 'бог', то есть германский,—ограничивался только сравнением слов (A gens, с. 59). Тогда еще не настало время для истинного понимания идеи сравнения языков. Да и сама идея исторического развития языков была еще делом будущего. Изменения, возникавшие в процессе развития латинских словоформ в романские, характеризовались по-прежнему античными терминами. В XVII в. и даже позже говорили о сложении, вычитании, транспозиции и инверсии букв (см. II 1), считая это, подобно Квинтилиану, вполне нормальным. До Квинтилиана столь же беспомощным в отношении изучения языковых изменений исторического периода был Аристотель (Поэтика, 1458a). В частности, он считал, что гомеровские формы *πόλῆος*, *Πηληϊάδῃ* образованы из современных ему форм *πόλεως*, *Πηλεΐδου* путем удлинения, а гомеровские *κρί*, *δῶ* 'ячмень', *дом* и *ὄψ* 'взгляд, вид' — из *κρίθῃ*, *δῶρις*, *ὄψις*, напротив, путем укорочения. Гомеровские формы, которые по меньшей мере на пять веков древнее, Аристотель выводил из более поздних, современных ему форм, и это его нисколько не смущало. По его мнению, язык неизменен, а если изменения все же обнаруживаются, то их можно объяснить произволом поэта, считать его поэтической вольностью.

3. Положение изменилось лишь в конце XVIII — начале XIX вв. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, к тому времени уже получила признание идея сравнения в разных науках, в особенности же в «сравнительной анатомии». Еще в 1787 г. Христиан Якоб Краус (1753—1807) требовал, чтобы во всех языках устанавливались «главные черты языкового строя в целом, а также окончания существительных, степени сравнения прилагательных, типы спряжения глаголов, порядок слов в утвердительных и отрицательных повествовательных предложениях, а также в утвердительных и отрицательных вопросительных предложениях» описывались с таким расчетом (лучше всего на отдельных карточках), «чтобы каждый язык можно было любым образом сравнивать с каждым другим языком» (Agens, с. 125). Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806) еще в 1781 г. сформулировал точные критерии разных степеней родства языков: «Если в двух языках в целом, за небольшими исключениями, совпадают корневые слова, словоизменительные и словообразовательные средства, а различия наблюдаются лишь в вокализме... и в родственных согласных, то эти языки—всего лишь *диалекты* друг друга... Если в словоизменительных и словообразовательных средствах наблюдаются заметные различия, то это лишь *родственные языки*... Совершенно разные типы словопроизводства и словоизменения и заметные различия в корнях и их значениях создают более или менее *разные языки*» (Agens, с. 130 и сл.). Тем самым он выдвигает требование сравнивать грамматические структуры, а также корни и их значения, то есть словарный состав. Элементы сходства и расхождения в структуре—а не только в словарном составе, как это считалось до него,—являются, по его мнению, определяющими для градуирования родственных отношений между языками.

Во-вторых, интенсивное изучение санскрита, древнего литературного языка Индии, также способствовало преодолению традиционных представлений и созданию современного языкознания. В 1786 г. сэр Вильям Джонс (1746—1794), верховный судья в Бенгалии (до него отдельные замечания высказывались многими исследователями), сформулировал действительно новую, прогрессивную концепцию. В его опубликованном в 1788 г. докладе была кратко изложена новая точка зрения:

«Санскрит, каким бы ни был его возраст, имеет поразительную структуру, он совершеннее греческого, богаче латинского и превосходит оба эти языка по утонченной изысканности. И однако в его глагольных корнях и в грамматических формах обнаруживается отчетливое сходство с этими двумя языками, которое не могло возникнуть случайно; оно настолько сильно, что ни один языковед при исследовании всех трех языков не может не прийти к выводу, что они произошли из одного источника, который, по-видимому, уже не существует. Имеется аналогичное, хотя и не столь очевидное основание для предположения, что также готский (то есть германский) и кельтский языки, хотя они и смешивались с другим языком, имеют общее происхождение с санскритом, к этой семье можно было бы причислить и древнеперсидский» (ср. A g e n s, с. 128).

Исследование словарного состава—именно это имеет в виду Джонс, рассматривая глагольные корни, поскольку от них образуются имена,—и изучение грамматического строя приводят ученого к открытию понятия родства языков: если некоторое количество языков обнаруживает в обоих отношениях достаточное количество совпадений, то этот факт объясняется лишь тем, что они происходят из общего праязыка, который может уже не существовать, и что в этом смысле, то есть генетически, они являются родственными. Говоря иными словами, генетически родственные языки—это результат разного развития общего исходного языка.

Несмотря на выводы В. Джонса, ни современники, ни последующие поколения лингвистов не считали его основателем новой науки. Это объясняется не только условиями того времени, времени Французской революции и наполеоновских войн, и ранней смертью ученого, но и тем, что он скорее выдвинул новую программу, чем подкрепил новый тезис убедительным фактическим материалом. То же самое приходится сказать и о *Фридрихе фон Шлегеле* (1772—1829). Он также изучал санскрит и в результате в своей книге «*Über die Sprache und Weisheit der Inder*» (1808) впервые употребил для обозначения новой науки термин «сравнительная грамматика». «Древний индийский санскрит (!),—пишет он,—близко родственен римскому и греческому, а также германскому и персидскому языкам. Сходство обнаруживается не только в большом количестве корней, которые для них являются общими, но оно простирается и на внутреннюю структуру и на грамматику. Следовательно, это совпадение не является случайным, таким, которое можно было бы объяснить смешением, напротив, оно затрагивает саму

сущность и указывает на общее происхождение» (Arens, с. 139). Приведенные строки звучат почти так же, как у В. Джонса. Но Шлегель идет дальше Джонса, ибо он, хотя и кратко, на примере персидского показывает метод новой сравнительной грамматики:

«Склонение дает меньше всего или почти ничего. Значительно показательнее спряжение, признаком первого лица является *m*, в латинском оно утрачено, а в индийском и греческом имеет более полную форму *mī*, от признака второго лица *si* в индийском и греческом сохранилось только *i*, признаком третьего лица является *t* или *d*, во множественном числе — *nd*, как в латинском и немецком, в греческом — *ti* и *pti* в соответствии с более полными древними формами. Персидское причастие настоящего времени актива на *-ndeh* сходно с немецким, оканчивающимся на *nd*, более старая форма — *nde*» (Arens, с. 141).

То, что в этом отрывке и далее дано бегло и, скорее, как программа, было описано представителем более молодого поколения со всеми необходимыми подробностями и приобрело поэтому огромную убедительность. Не приходится удивляться, что современники и последующие поколения рассматривали и чтити *Франца Боппа* (1791—1867) как истинного создателя сравнительного языкознания. В знаменитой, вышедшей в 1816 г. работе «Konjugationssystem» Ф. Бопп задался целью не только показать, как в древнеиндийском спряжении «обстоятельные значения выражаются путем соответствующей модификации корня и как *verbum abstractum* (то есть 'быть') сливается иногда с основой в одно слово», и что то же самое происходит и в греческом, и в латинском языках, но и «наконец, доказать, что во всех языках, которые произошли из санскрита или, как и санскрит, из общего праязыка, ни одно отношение не выражается флексией, которая не была бы у них общей с праязыком». Он указывает на настоятельную необходимость «изучать прежде всего систему спряжения древнеиндийского языка, а затем уже, постоянно сопоставляя, спряжение в греческом и римском, германском и персидском языках, благодаря чему мы сможем убедиться в их идентичности» (Arens, с. 155).

Нетрудно заметить, что Бопп — не теоретик. Он не высказывает никаких общетеоретических соображений о том, что следует понимать под родством языков и как следует доказывать это родство. Не только понятие родства языков, но даже существование родства в смысле

общего происхождения рассматриваемых им языков он считает чем-то данным, не требующим доказательств. Он стремится доказать нечто иное. Он хочет показать, что все эти языки обнаруживают общую структуру и что материальные элементы этой структуры — корни, флексии и т. д. — тоже идентичны. Как видно из приведенных выше высказываний К. Я. Крауса и И. К. Аделунга, идея о родстве языков уже давно носилась в воздухе. Вместо общих расплывчатых теоретических соображений Ф. Бопп построил прочное здание, которое вследствие только самого своего существования, которым оно обязано Боппу, стало неопровержимым доказательством ранее лишь предполагавшегося родства языков и которое до сегодняшнего дня сохраняет свое методическое значение. Ведь два столпа учения Ф. Боппа — соответствие в грамматической структуре и в создающем ее языковом материале — сохраняют свою силу еще и сегодня. Родство, например, полинезийских языков и некоторых языков американских индейцев и сегодня может быть установлено только с помощью этих принципов. И оба принципа одинаково важны. Соответствия только в грамматической структуре, без соответствия в языковом материале — что мы, например, наблюдаем при сравнении именных флексий венгерского и турецкого языков — оказывается недостаточно для доказательства генетических связей.

4. Однако нельзя начинать со сравнения языков. Тот, кто владеет, например, только немецким и английским, мог бы поддаться искушению, опираясь на только что сформулированные принципы и на современные формы Haus, Maus, Laus 'дом, мышь, вошь', с одной стороны, и house, mouse, louse — с другой, принять в качестве общих для них праформ haus, maus, laus. Однако, располагая обширным, охватывающим более тысячелетия языковым материалом, мы знаем, что древние формы имели не au, а ū и что, следовательно, праформами необходимо считать hūs, mūs, lūs.

На этом основывается важный общий методический принцип сравнения языков в охарактеризованном выше смысле можно проводить только после того, как будут исчерпаны все возможности исторического изучения языка.

Важность данного соображения подчеркивал еще Ф. Шлегель в своей книге «Über die Sprache und Weisheit der Indier». При этимологических исследованиях он не допускал «никаких правил изменения или перестановки букв», применявшихся не только в античности, но и в новое время, а требовал «полной идентичности слова для доказательства его происхождения. Правда, если существование промежуточных звеньев исторически доказуемо, то допустимо возвести *giorno* к *dies*... Нужно только, как уже говорилось, суметь доказать наличие исторических промежуточных звеньев или общую аналогию; однако ничего нельзя сочинять на основе принципов». Не менее хорошо он понимал, что для сравнения надо использовать более древние стадии языка, другими словами, что ни сегодняшний немецкий язык, ни сегодняшний английский нельзя сравнить ни с латинским, ни с греческим. Для сравнения надо прибегать к готскому, англосаксонскому или древнеисландскому языкам (Arens, с 140—141).

Однако основателем исторического языкознания с полным правом считается *Якоб Гримм* (1785—1863). В своей четырехтомной «Грамматике немецкого языка» (1819—1837) он преследует ясную цель создать «историческую грамматику немецкого языка», понимая под «немецким» «общегерманский». В соответствии с этим он рассматривает все германские языки в определенной системе и последовательности: сначала древнейшую, затем среднюю и, наконец, новейшую стадию. Он начинает с готского и кончает новоанглийским. Тем самым он создает сравнительно-историческую грамматику в собственном смысле слова.

Совершенно иначе развивалось изучение классических языков. Здесь внимание с самого начала и на долгие годы было направлено вовне: латинский и греческий сравнивались с санскритом и другими языками. Внутренней истории не придавалось значения, она оказалась в ведении классической филологии. Только в конце прошлого столетия пришли к пониманию того, что историческое изучение этих языков, на что неоднократно указывал *Пауль Кречмер* (1866—1956), должно быть естественной предпосылкой сравнительных исследований.

Длившийся более двух тысячелетий процесс постепенного постижения проблем языка можно хорошо проследить на основе много-

численных и удачно подобранных извлечений из оригинальных произведений в книге H. Arens, Sprachwissenschaft — Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart, Freiburg i. Br. 1969^a. См. также G. Mounin Histoire de la linguistique des origines au XX^e siècle, Paris, 1967, R. H. Robins, A short history of linguistics, London, 1967, он же, Ancient and Mediaeval grammatical theory in Europe, London, 1951. Из более ранних работ особого упоминания заслуживает H. Pedersen, Linguistic Science in the 19th century, Cambr (Mass.), 1931 (теперь также в виде брошюры «The discovery of language», Bloomington (Ind.), 1962). О выдающихся лингвистах в оценке последующих поколений см. Th. A. Sebeok, Portraits of Linguists, 1—II, 1966.

5. Оба дополняющих друг друга направления исследований одинаковы и по существу. Оба пользуются методом сравнения. При исторических исследованиях сравниваются различные срезы одного и того же языка. Сравнительное же языкознание изучает древние, доисторические связи разных языков.

При этом преследуется двоякая цель. Сначала путем сравнительного изучения восстанавливается, реконструируется гипотетический язык-основа; когда же язык-основа, насколько это возможно, реконструирован, возникает следующая задача — показать, каким образом отдельные языки развились из праязыка в процессе длившейся столетия или даже тысячелетия эволюции. Сходство этой двоякой задачи с любимой идеей Платона очевидно. В своем трактате «Государство», в хорошо известном параграфе о разделенной линии (509 d-), Платон стремится показать, как исследователь истины, «продвигаясь к ничему не обусловленному, приходит к истинным началам всего и, лишь постигнув их, ... вновь нисходит». Так и для компаративиста отдельные языки — это «подставки, как бы ступени и опоры для движения вверх», с помощью которых он поднимается к началу всего, а затем, познав это начало, он уже способен понять и объяснить специфику отдельных языков.

6. Охарактеризовав в общих чертах цели сравнительного изучения языков, которое является основной задачей данной книги, мы можем детальнее определить его объект, то есть привлекаемые для сравнения языки.

В своей первой работе Ф. Бопп рассматривал только пять языков — санскрит (индийский), персидский (иран-

ский), греческий, латинский и общегерманский. Эти языки образуют как бы основу языковой семьи, получившей поэтому название индогерманской (индоевропейской). И сегодня в первую очередь на них опирается в своей работе индоевропеист. Позднее к этой семье были причислены, отчасти еще самим Ф. Боппом, многие другие языки, например кельтский, албанский и т. д. В нашем столетии к ним добавились еще некоторые языки, о которых даже не было известно, что они когда-то существовали. Особое значение имело открытие анатолийских языков в Малой Азии, главным представителем которых является хеттский язык, и тохарского в Центральной Азии.

У нас нет возможности подробно описать каждую индоевропейскую ветвь, но перечислить их здесь все же необходимо.

1. *Индоиранская группа языков (или арийские языки)* включает в себя индийский, точнее говоря, индоарийский, поскольку в Индии говорят не только на индоевропейских языках, и иранский. Оба известны примерно с середины I тысячелетия до н. э.

2. *Армянский*, который известен по переводу Библии и другим произведениям с V в. н. э.

3. *Анатолийские языки* (в Малой Азии) — древнейшая засвидетельствованная ветвь индоевропейской семьи языков. Памятники на анатолийских языках начинаются с эпохи древнего царства хеттов, некоторые из надписей, вероятно, относятся к 17 в. до н. э. Наибольшее значение для нас имеет хеттский как самый изученный. Большое значение для исторического языкознания имеет также еще более архаичный — *лувийский*, который с недавнего времени стал более доступным для исследователей. В близком родстве с ним находится язык, использовавшийся в иероглифических надписях позднихеттского и послехеттского периодов, в особенности в северной Сирии, и названный поэтому *иероглифическим хеттским*. На севере малоазиатского государства хеттов (столица которого находилась в Хаттусасе (ныне Богазкёй), точнее Анкары) говорили на *палайском* языке. Исследования последних лет показали, что известные на западе Малой Азии с I тысячелетия до н. э. языки *ликийский*, *лидийский* и, по-видимому, *карийский* были также ответвлениями хеттского или лувийского. В последнее время

предпринимаются попытки указать прямые или опосредованные связи *этрuscoго* с анатолийскими языками

4. *Тохарский язык*, представленный двумя диалектами, называемыми А и Б, или восточным и западным тохарским, известен по рукописям из Синьцзян-Уйгурского авт р-на (Китай), относящимся к концу первого тысячелетия н. э

5. *Греческий язык*; многие его диалекты нам известны. Особое значение для индоевропеистики имеют литературные диалекты, прежде всего аттическо-ионийский. До пятидесятих годов нашего столетия история греческого начиналась с Гомера. Но после расшифровки линейного письма Б ее начало отодвинулось еще на пятьсот лет в глубь веков.

6. *Италийские языки* представлены в основном *латинским языком*, собственная история которого начинается с двух надписей, относящихся примерно к 500 г. до н. э., хотя надпись, сделанная на так называемой Пренестинской фибуле на близком по форме языке, датируется 600 г. до н. э. Важное значение имеют и так называемые италийские диалекты, в особенности *оскский* и *умбрский*, также зафиксированные надписями.

7. *Венетский язык*, прежде считавшийся одним из диалектов иллирийского и лишь недавно признанный самостоятельным языком, известен теперь примерно по 275 надписям. Он очень близок к италийским языкам и, по мнению некоторых исследователей, даже относится к этой ветви языков.

8. К *кельтским языкам* относится материковый кельтский, представленный *галльским* и *кельто-иберийским*, а также островной кельтский, имеющий два ответвления. *гоидельский* (*ирландский*, *шотландский* и *мэнский*) и *бриттский* (включает *кимрский*, или *валийский*, *бретонский* и исчезнувший *корнский*).

9. *Германские языки* делятся по традиции на три группы: а) *восточногерманскую*, главным представителем которой является готский, известный главным образом по переводу Библии, сделанному Вульфиллой (IV в. н. э.); б) *западногерманскую* *верхненемецкий*, *нижненемецкий* вместе с *голландским*, *английским* и *фризским*; в) *северногерманскую*. *норвежский* и *исландский* (западнo-скандинавский), *шведский* и *датский* (восточноскандинавский). Приблизительно до 700 г. н. э. в так называемом

праскандинавском не наблюдается никакого диалектного членения.

Согласно новым представлениям, восточногерманский (пункт а) и северногерманский (пункт в) составляют единство, которое как единый северногерманский язык противопоставляется южногерманскому (пункт б).

10. К *балтийским* языкам относятся исчезнувший уже к 1700 г и известный лишь по немногочисленным текстам *древнепрусский* (западнобалтийский), а также *литовский* и *латышский* (восточнобалтийский), зафиксированные письменными памятниками, начиная с 16 в. и достигшие сегодня нового расцвета.

11. *Славянские языки* подразделяются на три больших группы:

а) *восточнославянскую*, включающую (*велико*)русский, украинский и белорусский языки;

б) *западнославянскую*, к которой относятся чешский и словацкий, польский, лужицкий и некоторые другие малые частично «мертвые» языки;

в) *южнославянскую*, состоящую из болгарского, македонского, сербохорватского и словенского.

Древнейшей и для компаративистики важнейшей формой славянского является засвидетельствованный с IX в. *старославянский*, который, хотя и обнаруживает отчетливые признаки болгарского (и македонского), однако настолько архаичен, что почти заменяет праславянский язык.

12. *Албанский язык* с его двумя главными диалектами — *тоским* и *гегским* — известен с XIV в.

К этим двенадцати главным ответвлениям индоевропейского следует добавить еще дошедшие до нас в крайне фрагментарных надписях или известные только по названию такие языки, как *фригийский*, *фракийский*, *дакомизийский*, *илирийский* (куда входит *мессапский*), *лигурийский* (?), *древнемакедонский*.

Само собой разумеется, что для компаративиста во всех этих группах наиболее важны древнейшие стадии языка, то есть его интересует, например, древнеиндийский, или даже древнейший индийский язык Вед, а не такие современные индийские языки, как хинди, бенгали и т. д. Для него представляют интерес также древнеперсидский и язык Авесты, священный язык религии

Заратустры, а не современный персидский язык, или же древневерхненемецкий, древнеанглийский и т. д.

Лингвисту, интересующемуся проблемами индоевропеистики и желающему работать в этой области, к основным языкам, то есть латинскому, греческому, древнеиндийскому, готскому, придется постепенно добавить и другие важные языки — хеттский, старославянский и т. д.

Подробный обзор индоевропейских языков и древнейших памятников можно найти у Meillet¹, гл. II, и Kuhn², с. 19 и сл.

Термин «индогерманский», объединяющий два крайних члена семьи — индийский и германский (точнее — исландский), — употребляется со времен Ю. Клапрота (1823). В настоящее время им пользуются только в публикациях на немецком языке. Раньше термин «индогерманский» встречался и в исследованиях, написанных на английском языке. Однако в настоящее время он вытеснен, как и в работах на всех других языках, термином «индоевропейский» (франц. indo-européen, ит. indo- или ind-europeo и т. д.); ср. Wissmann³, с. 6—14. Применявшийся иногда прежде вместо «индогерманского» термин «арийский» уместно использовать только для обозначения индоиранской группы языков*.

* В согласии с нашей традицией в переводе на русский язык настоящей книги мы будем употреблять наиболее принятый у нас термин «индоиранский» — *Прим. ред.*

II. ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

1. Как работает компаративист? Что он может сравнивать и как?

Само собой разумеется, что желание сравнивать вызывают прежде всего относительно легко выделяемые единицы словаря. Если одно и то же понятие обозначается (почти) идентичным по звучанию словом, как, например, в случае нем. *Eis* и англ. *ice* 'лед', то сравнение, можно сказать, напрашивается само собой. Следовательно, при идентичности значения и его обозначения сравнение является самоочевидным. Ведь трудно себе представить, что лат. *pater* и греч. *πατήρ* возникли независимо друг от друга и не имеют между собой ничего общего. Но и при отсутствии полной идентичности значения и его обозначения искушение сравнивать и устанавливать связи может оказаться непреодолимым. Так, например, лат. *fero* и греч. *φέρω* в настоящее время и в Германии, и в Англии признаются одинаково, в связи с чем мог бы возникнуть соблазн интерпретировать этот случай так же, как *pater/πατήρ* и т. д. Однако нам известно, что в классический период, да и позже, примерно до начала нашего летосчисления, *φέρω* звучало как *pherō*, где *ph* обозначало не *f*, а аспираторизованная губная (*p + h*, как в швейцарском слове *phange* [pxaŋə] из *behangen* 'повисать') Следует ли нам по этой причине отказаться от сравнения *ferō* и *pherō*? Очевидно, не следует.

Как же далеко может зайти допустимое расхождение в форме или/и в значении? Когда достигается граница допустимого? Античные ученые в этом смысле не чувствовали себя стесненными. Для иллюстрации достаточно привести лемму о слове *deus* из Феста (*Festus*) (*Lindsay*, 1930, 181):

«*deus dictus* (1) *quod ei nihil desit; vel* (2) *quia omnia commoda hominibus dat; sive* (3) *a Graeco θεός quod significat metum, eo quod hominibus metus sit. Sed magis constat* (4) *id vocabulum ex Graeco esse dictum, aspiratione dempta qui mos antiquis nostris frequens erat*».

‘богом называется (1), потому что у него нет ничего, чего ему не доставало бы; либо (2) потому, что он дает людям все блага; либо (3) от греческого *θεός*, которое обозначает страх, так как он внушает страх людям. Но более известно (4), что это слово происходит от греческого с утратой придыхания, что очень частым было у наших предков’

Из четырех приведенных толкований только два являются внутриязыковыми. Первое из них относится к типу *lucus a pop lucendo**, причем в слове *deus* во внимание принимается только элемент *de*. Во втором случае тот же самый элемент кладется в основу совсем иной этимологии. Два последних толкования опираются на греческий язык. В третьем варианте полностью соблюдается формальное соответствие, но значение, как и в двух первых, подгоняется кое-как. С этой точки зрения только четвертое объяснение можно считать понятным. Но при этом возникает вопрос, возможен ли предполагаемый здесь процесс — возникновение из греческого *θεός* в результате утраты греческой аспирации. Как мы теперь знаем, такой переход был бы невозможен при утрате аспирации могло получиться только **teos* и, следовательно, лат. **teus*, но не *deus*; ср.: *tūs* из *θύς* ‘благование’, *tūpnus* из *θύωνος* ‘тунец’.

Это возражение базируется, естественно, на предположении, что языковым изменениям присуща известная регулярность и что в отношении звуковых изменений нельзя допускать никаких „свобод“, которые ученым античного мира, а вслед за ними также средневековым ученым и ученым нового времени казались чем-то само собой разумеющимися и о которых Варрон («*De lingua latina*», 5, 6; ср. § 7, 1) высказывался следующим образом. «*litterarum demptione aut additione et propter earum traiectionem aut commutationem*» ‘Опущение или добавление букв, а также их перестановка или изменение’, тогда

* Букв. ‘Роща, потому что в ней не светло’ — прием сопоставления не по сходству, а по контрасту. — *Прим. перев*

как Квинтилиан (I 6, 32) более подробно характеризовал этот метод: «verba paulum declinata varie et multipliciter ad veritatem reducunt aut correptis aut porrectis, aut adiectis aut detractis, aut permutatis litteris syllabisve» (ср I 5, 10 и сл.) ('слова, которые немного отклоняются [по форме—перев.], приводят [ученые—перев.] разнообразными и многочисленными способами к истинности [формы и значения—перев.], либо сокращая, либо удлиняя, либо прибавляя, либо убавляя, либо изменив буквы или слоги').

Принципиально новый взгляд на пределы допустимых формальных расхождений был выработан только в XIX в. Новую точку зрения, правда, в несколько парадоксальной форме, можно сформулировать следующим образом: *расхождения* ничем не ограничиваются, если можно доказать их *регулярность*. В подтверждение приведем экстремальный, но вполне типичный пример. Так, англ. wheel, греч. *χῆλος* и др.-инд. śakra- полностью соответствуют друг другу, несмотря на столь значительные расхождения. Об этом говорится ниже (IV, 7.5.1.).

2. Напротив, к значению мы не предъявляем столь строгих требований. К этому нас вынуждает действительность. Лишь с трудом можно предположить, что между франц. chrétien 'христианин' и crétin 'кретин' есть что-то общее. Однако оба слова произошли из лат. Christianus, ср. crétin в диалекте Валлиса (Швейцария). Точно так же тождественными являются англ. silly 'глупый' и нем. selig 'блаженный' [в смысле 'счастливый']; еще в древнеанглийском sǣlig означало 'счастливый, блаженный'. Ит. formaggio и франц. fromage (более ранняя форма formage) означают 'сыр' и происходят оба от слова formaticus, являющегося производным от forma. Объясняется это тем, что первоначально употреблялось словосочетание caseus formaticus 'формованный сыр', давшее formaticus в результате отпадения «само собой разумеющегося и поэтому избыточного» слова caseus.

Из сказанного не следует делать вывод, что в развитии значений наблюдаются только нерегулярные, непредсказуемые переходы. И в развитии значений действуют определенные общие тенденции. Но мы не можем утверждать, что если в одном вполне достоверном слу-

чае Zaun 'забор' превратился в 'город' (ср., например, пару—нем Zaun и англ town), то значение 'забор' всегда развивается в 'город' или что значение 'город' всегда возникает из значения 'забор'

Принципы семасиологии и описание развития значений слов излагаются в книгах Ullmann^{1, 2, 3}, все три книги снабжены богатой библиографией. См также Krohnasser⁴.

Новые теории представлены в работах Ziff, Katz—Fodor (перездана с небольшими изменениями в Fodor—Katz), Weinreich, Katz, Lyons, Campbell

Обзоры новых исследований содержатся в Lepschy; Baumgärtner, Simone

О развитии значения слов см: Coseriu¹, Pottier.

Итак, при сравнениях предпочтение всегда следует отдавать форме. Если две формы точно или согласно определенным правилам соответствуют друг другу, то данный факт оказывается сильнее, чем некоторые расхождения в значении. В то же время, если две формы не могут быть «приведены к общему знаменателю», то здесь оказывается бессильным даже полное совпадение значений. По формальным причинам лат. deus (первоначальное звучание которого было к тому же deivos 'удивительный, ужасный') в такой же малой степени сопоставимо с греч. θεός, как и с нем. Gott 'бог'.

3. Чтобы сравнение форм разных языков осуществлялось на научной основе, мы должны расчленять эти формы на меньшие, даже на мельчайшие единицы. Ведь общий облик слова, хотя он и может послужить толчком для сравнения, не поддается научной проверке. Такими мельчайшими единицами форм, словоформ являются звуки. Вместо неопределенного сопоставления двух или более словоформ, которые по общему звучанию кажутся «сходными» и имеют одинаковое или сходное значение, производится методическое сравнение всех звуков, входящих в словоформу. В наше время эта процедура для всех очевидна, но еще в начале XIX в. она означала революцию во взглядах, революцию, приведшую двумя поколениями позднее к таким последствиям, которые ощутимы еще и сегодня.

Вслед за некоторыми, теперь давно забытыми предшественниками датчанин Расмус Кристиан Раск (1787—

1832) установил в 1818 г., что во многих словах общегерманского языка, которые можно сравнить со словами латинского и греческого языков, «буквы» изменялись таким образом, что это позволяет сформулировать некоторые «правила» Например, наблюдается регулярный переход *p* в *f*:

греч. πατήρ, лат. pater — др.-исл. faðir 'отец'
греч. πούς, лат. pēs — др.-исл. fōtr 'нога' и т. д.

Такая же регулярность наблюдается и для греч. *τ*, *δ*, *ϕ*, *θ*, *χ*, которым в общегерманском языке соответствуют *p*, *h*, *t*, *k*, *b*, *d*, *g*.

Эти — за единственным исключением — правильные наблюдения (Раск неправильно истолковал развитие и.-е. *b*) были использованы Я. Гриммом во втором издании его «Грамматики немецкого языка» (1822) и развиты во внушительную систему. Предположив для греч. *φ*, *θ*, *χ* современное произношение, он идентифицировал их с общегерманскими *f*, *þ*, *χ* и представил все развитие как круговорот. Если для группы *b*, *d*, *g* применить символ *M* (edia), то есть звонкий согласный, для *p*, *t*, *k* — символ *T* (enuis), то есть глухой согласный, а для *φ*, *θ*, *χ* / *f*, *þ*, *χ* — символ *A* (spirata), то есть аспирированный согласный, то упоминавшиеся процессы можно — если еще добавить изменение и.-е. *b* в общегерм. *p* — представить следующим образом

Т переходит в А
А переходит в М
М переходит в Т

или, проще:



Подобная регулярность процессов развития, область которых Я. Гримм расширил, обнаружив аналогичный круговорот и в др.-в.-нем., произвела на его современников такое сильное впечатление, что явление, которое сам Я. Гримм назвал «передвижением согласных», они стали называть «законом Гримма». Он, действительно,

впервые не только дал точные формулы для большого числа звуковых соответствий, или, точнее, звуковых расхождений, но и показал, что между отдельными частными процессами развития существует внутренняя зависимость. Именно в этом и состояла оригинальность сделанного Гриммом, произведшего столь сильное впечатление на его современников Тот факт, что в некоторых важных моментах, например в своих взглядах на аспирированные согласные, Я. Гримм заблуждался, ни в малейшей степени не умаляет исторического значения его работ.

В своей книге «Язык» (с. 48) О. Есперсен обнаруживает совершенно непонятный, неисторический подход: в весьма серьезном тоне он констатирует встречающиеся у Я. Гримма ошибки, как будто для исследователя такого масштаба в первую очередь важна непогрешимость, а не влияние, оказанное им. Более справедливую оценку дает другой датский ученый — Х. Педерсен (см. Pedersen, сс. 258—262), ср. также Prokosch, сс. 47—49, 304—305 [ср. также русск. перев. Э. Прокош Сравнительная грамматика германских языков, М., ИЛ, 1954].

Совсем по-новому освещает деятельность Раска П. Дидерихсен (см. Diderichsen, резюме на немецком языке, сс. 233—238). Он возражает также против оценки Раска, данной Луи Ельмслевом и уже «кодифицированной» Мунэном (см. Moulin, с. 162 и сл.).

4. Интересно, что ни Раск, ни Гримм не абсолютизировали открытые ими регулярности в звуковых изменениях. Раск считал, что согласные «часто» изменяются по указанным правилам. Гримм писал, что передвижение согласных осуществляется «в массе», «но в частностях никогда не протекает в чистом виде. Остаются и слова в старом оформлении, мимо которых проходит поток обновления» (Ager, с. 171). Хотя сорока годами позже Г. Курциус напишет, что «в жизни звуков... можно обнаружить твердые законы, которые проявляются почти так же последовательно, как и силы природы», он, однако, отметит при этом, что «надо различать два вида» звуковых изменений «регулярные, или всеохватывающие», и «нерегулярные, или спорадические», причем последние наблюдаются «только в более или менее ограниченном числе случаев» (Ager, с. 243 и сл.).

Для того периода подобные суждения вполне понятны. Ведь считалось неоспоримым, что наряду со многими случаями, когда развитие протекало по правилам, встре-

чались и такие случаи, когда оказывалось, что их развитие идет иным путем.

Так, явные параллели гот. *ist hafts fisks nahts* и лат. *est* (3-е л. ед. ч от глагола 'быть') *captus* ('взятый') *piscis* ('рыба') пох ('ночь') противоречили правилам звуковых изменений, поскольку *t* или *k* в них оставались неподвижными. Однако нетрудно заметить, что в подобных случаях неподвижному звуку предшествовал спирант, либо унаследованный (*s*), либо возникший в результате передвижения (*ft ht*). Отсюда следует, что во избежание скопления двух спирантов (*sf sʰ fʰ* и т. д.) передвижения в таких случаях не происходило. Общее значение такого объяснения заключалось в том, что само исключение из правила передвижения согласных осознавалось как регулярное.

Другую группу исключений составляли словоформы, в которых в общегерманском языке выступали два звонких согласных, как, например, в гот. *bindan*. Параллель между этим словом и скр. *bandh-* 'связывать' кажется бесспорной. Но при попытке более точно представить себе эту параллель мы сталкиваемся с трудностями. Соответствие между гот. *-d-* скр. *-dh-* объяснимо правилами передвижения согласных. Однако гот. *b-*: скр. *b-* в начале слова противоречат этим правилам; в общегерманском языке скр. *b* должно было бы соответствовать *p*. Путь к решению открывается только в том случае, если отказаться от традиционного представления о примате индийского языка. Если свидетельства общегерманского языка считать не менее ценными, то гот. *bindan* 'связывать' позволяет реконструировать и *-e bh—dh*. Грассман в 1862 г. установил, что «нерегулярность» в таких случаях присуща индийскому и греческому языкам, поскольку там в последовательности двух аспирированных согласных происходила диссимилиация — первый согласный утрачивал придыхание. Наглядным примером являются редулицирующие глаголы в этих языках. В индийском презенс *dhā-* 'сажать, ставить' имеет форму *da-dhā-mi* (1-е л. ед. ч); в греческом соответствующий корень *θη-* (то есть *t + h + ē-*) выступает в форме *ti-θη-μι*. Ясно, что редулициация по своей сущности позволяла бы ожидать **dha-dhā-mi*, соотв. **thi-thē-mi*.

См. Grassmann

Выяснилось, что эта группа вовсе не составляет исключений из правил передвижения согласных: нерегулярность как раз наблюдалась в других языках, но и там она оказалась регулярностью.

Была обнаружена еще одна значительная группа исключений из правил передвижения согласных. В соответствии с этими правилами индоевропейские глухие смычные передвигались в глухие спиранты, то есть *p* превращалось в *f*, *t* — в *þ*, *k* — в *χ* (а затем в *h*). Однако во многих случаях вместо *f þ χ* представленными оказываются *b d g* без особой, как можно думать, на то причины. Так, лат. *frāter* 'брат' соответствует гот. *brōþar*, но лат. *pater* 'отец' — гот. *fadar*. Наряду с этим единому *k* в лат. *socer/socrus* соответствуют др.-в.-нем. *swēhur/swigar*, ср. нем. *Schwāher* 'свекор; зять, шурин' и *Schwieger-(mutter)* 'теща, свекровь'.

Объяснение такого двоякого развития нашел в 1875 г. датский ученый *Карл Вернер* (1846—1896). Исходя из того, что такое двойственное развитие особенно заметно проявлялось в спряжении так называемых сильных глаголов, он сделал вывод, «что дифференцирующий момент необходимо искать в некотором фонетическом соотношении, которое вариативно сопровождает спряжение». После исключения всех вероятных факторов остался один-единственный — «подвижное индоевропейское ударение», которое особенно отчетливо выступает в древнеиндийском. Сохранившееся в современном немецком языке у ряда глаголов «грамматическое чередование», разграничивающее формы презенса и претерита (ср.: *schneiden/schnitt* 'режут/резал', *ziehen/zog* 'тянут/тянул'), наблюдалось раньше между формами 1-го и 3-го лица ед. ч. и мн. ч. (и 2-го лица ед. ч.) претерита; ср.: др.-в.-нем. *sneid/snitum* 'резал/резали', *zōh/zugum* 'тянул/тянули', др.-англ. *wearþ/wurdon* 'стал/стали' и т. д. В древнеиндийском этому соответствует не только чередование ступени гласного, но и чередование ударения. 1-е лицо ед. ч. перфекта от *vart-* 'поворачивать(ся)' имеет форму *va-vārt-a*, в то время как 1-е лицо мн. ч. — *va-vṛt-imá*. Из этих соответствий, охватывающих крупные категории, *Карл Вернер* сделал вывод, что возникшие из и.-е. *p t k* глухие спиранты *f þ χ* в середине слова превращались в звонкие *b d g*, если им непосредственно не предшествовало ударение. Это объяснение сохраняет свою силу и для

brōþar/fadar, swehur/swigar, поскольку им соответствуют индийские формы: bhrātar-/pitār, śvāśura-śvāśrū-. Еще одним подтверждением служит тот факт, что унаследованный индоевропейский глухой спирант *s* дифференцировался аналогичным образом: в заударном слоге он сохранялся (становясь иногда позднее снова звонким), в остальных случаях он отражался в виде звонкого *z* (как в нем. Rose 'роза'), а затем переходил в *g*. Поэтому претерит др.-в.-нем. wasan 'быть' имел форму was/wārum (из предшествующего *wās/*wēsúm); это чередование еще и сейчас представлено в англ. was/were

Написанная с классической ясностью и все еще заслуживающая внимания статья К. Вернера «Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung» была опубликована в 1876 г. Исключения из закона передвижения согласных были приведены К. Лоттнером (см. Lottner, cc 161—205)

5. В результате длительных исследований, точность которых возрастала, с неизбежной необходимостью сложилось новое отношение к выдвинутой Курциусом дихотомии (II 4). Коль скоро все якобы спорадические изменения постоянно оказываются лишь иного типа регулярностями, напрашивается мысль, что всю совокупность звуковых изменений следует считать регулярной. Это новое понимание, провозглашенное еще в 1875 г. Вильгельмом Шерером, было затем в 1878 г. в окончательном виде сформулировано младограмматиками Германом Остгофом (1847—1909) и Карлом Бругманом (1849—1919). Эта формулировка не утратила своего значения до сих пор

Все звуковые изменения, поскольку они протекают механически, совершаются по законам, не знающим исключений, другими словами, направление передвижения звуков у всех членов языкового сообщества, за исключением случаев диалектного расщепления, всегда одно и то же, и изменению подвергаются без исключения все слова, в которых изменяющийся звук находится в идентичных условиях

Эта программная формулировка содержится в предисловии к книге Г. Остгофа и К. Бругмана «Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», I, 1878, с. XIII. Polemическое по духу предисловие прозвучало как огромный возмущающей силы манифест, в котором младограмматики дискутировали с учеными древности. Этим начиналась новая глава в бесконечном драматическом споре старого и нового

Понятие *звукового закона* помогло преодолеть последнюю ступень донаучного языкознания. Иногда может

возникнуть впечатление, будто какой-либо звуковой закон не действует. Но это чисто внешнее впечатление. Дело в том, что действие одного закона может приостанавливаться другим или аналогией (II 8)

Понятие «звуковой закон», разумеется, не имеет научного обоснования, оно является постулатом научных исследований. Вместе с тем данное понятие непосредственно вытекало из целого ряда наблюдений (причем не только над передвижением согласных) и имело поэтому известную индуктивную основу. Однако благодаря исследованиям *Карла Поппера* мы знаем, что ни одну гипотезу нельзя верифицировать с помощью индукции. Ценность гипотезы и заключается именно в том, что в процессе последующего длительного применения и проверок возникает потребность опровергнуть ее. Однако до тех пор, пока гипотеза остается неопровергнутой, она сохраняет свое значение.

Об индукции см. Porper₂ (дополненный перевод книги «Logik der Forschung», Wien, 1934, см. с. 309 и сл.) и Porper₁, с. 130 и сл. Краткое обобщение см. Ruwet, с. 12 и сл. В историческом аспекте важна работа Putschke.

6. Сказанное не означает, что после 1878 г. не было частых попыток опровергнуть понятие звукового закона, как раз наоборот. Особенно сильное впечатление в этом плане произвели результаты *диалектографических исследований* (лингвистическая география). Ведь из того программного тезиса, что каждое слово имеет свою историю, казалось бы, следовало, что ни всеохватывающие звуковые изменения, ни звуковые законы существовать не могут. Как ни странно, но при этом не учитывалось, что изучение истории отдельно взятого слова (и, например, вывод о том, что в языке парижан *abeille* 'пчела' является заимствованием) возможно лишь потому, что звуковые законы—это надежное средство, позволяющее установить, исконно ли данное слово для определенной области или же оно проникло в нее извне, то есть является, по сути дела, заимствованием, пусть даже в пределах одного и того же языка. Следует подчеркнуть, что лозунг «каждое слово имеет свою историю» является чрезмерным преувеличением, точнее было бы (вслед за И. Мэлкилом) сказать: «Многие (или некоторые, или, вернее, немногие) слова кажутся имеющи-

ми поистине уникальную историю», вследствие чего в принципе меняется статистическая и тем самым вероятностная основа высказываемого диалектографами выражения.

Лингвогеография выдвигает еще одно возражение. Оно состоит в том, что для разных слов границы проявления звуковых изменений проходят по-разному. Однако это возражение лишено достаточных оснований. Данное утверждение относится к переходным зонам между отчетливо выраженными диалектами, а не к их ядерным территориям, где изменения захватывают как раз «каждое» слово.

А Доза совершенно прав, утверждая. «Если окинуть взором последние тридцать лет, то убеждаешься, что лингвогеография отнюдь не подорвала солидное сооружение, созданное строгим методом неограмматистов», и «стало быть, постоянство фонетических законов остается в принципе вне опасности».

Приведем работы, вводящие в проблематику диалектографии: Gamillscheg, Jaberg, Dauzat (приведенные выше цитаты см. на с 50 и 58); Bach A. Прекрасную разработку методов на практическом материале см. Frings. Применение к древнегреческому см.: Risch, с 19—28, Risch, с 61—76; Risch, с 142—155.

Высказывание И Мэлкила взято из его доклада «Each word has a history of its own» на симпозиуме Веннера—Грина (1964), напечатанного позднее в «Glossa», 1, 1967, с 137—149, цитата со с. 145.

7. Новое подтверждение звуковые законы получили в результате современного развития лингвистики, в особенности фонологии.

7.1. Старая *фонетика* скрупулезно, до мельчайших деталей, исследовала артикуляцию звуков. В виде реакции на такой расщепляющий, атомизирующий подход в конце двадцатых годов нашего века возникла *фонология*, сосредоточившая свое внимание на функционировании звуков. В результате выяснилось, что скрупулезно учитывавшиеся различия в произношении для лингвиста несущественны, иррелевантны. Существенны, релевантны только те различия, которые имеют функцию в языке, то есть используются говорящим для дифференциации языковых единиц. Так, /ç/ и /x/ (например, в нем. nicht 'не' и Nacht 'ночь')—это различные звуки, с точки зрения фонетиста, но не для говорящих на немецком языке.

Ведь в их языке данное противопоставление не имеет никакого значения, поскольку эти звуковые варианты не разграничивают слова. Напротив, различие между /s/ (ср нем *ist*—форма 3-го лица ед. ч глагола 'быть') и /z/ (ср нем *s* в *sagen* 'сказать', *Rose* 'роза') релевантно только в середине слова (ср нем. 'reisen' 'путешествовать' *reisen* 'рвать'), но не в начале, ибо в немецком языке нет слова **ßagen*. Напротив, во французском языке данное различие релевантно во всех позициях *coussin* 'подушка' и *cousin* 'кузен', *Saône* 'Сона (река)' и *zone* 'зона' разграничиваются только на этой основе, ср. также: *sabre* 'сабля'—*zabre* 'хлебная жужелица (насекомое)'; *sel* 'соль', *selle* 'седло', *scel* 'печать', *celle* 'эта'—*zèle* 'рвение'; *sain* 'здоровый', *saint* 'святой', *sein* 'грудь'—*zaïn* 'одноцветный'

Релевантные для языка звуковые единицы, *фонемы*, проще выявить на основе минимальных пар, то есть слов, отличающихся друг от друга только одним звуком; ср., например, нем. *Pein* 'мучение'—*Bein* 'нога'—*dein* 'твой'—*kein* 'никакой'—*mein* 'мой'—*nein* 'нет (отрицание)'—*Lein* 'лен'—*rein* 'чистый'—*fein* 'изящный'—*sein* 'его'—*Schein* 'луч'..

или

groß 'большой'—*Gruß* 'привет'—*grüß* 'приветствуй'—*Grieß* 'манная крупа'.

С помощью метода замены каждый раз только одного звука, то есть *коммутации*, любое слово можно разложить на его составные части, *фонемы*. Если мы захотим определить, скажем, фонемный состав (*ich*) *wahre* 'храню', то, сопоставив этот глагол, например, с *fahre* 'еду', получим сначала *w*. Сравнив его с *wehre* 'препятствую', установим *a* (в написании *ah*). В результате сравнения с *wage* 'осмеливаюсь' вычленим *r*, а сравнение с *wahr* (*dich*) 'береги себя!' даст *e*.

При расчленении речевого потока на все более мелкие единицы—связный текст, предложения, фразы, слова...—предельными единицами окажутся фонемы, которые отличаются от единиц более высокого уровня отсутствием собственного значения—*w* или *e* ничего не означают,—но служат для дифференциации единиц более высокого порядка они лишь диакритические знаки. Однако фонемы не являются предельными единицами в абсолютном смысле этого слова, ибо их можно разло-

жить и дальше на более мелкие элементы. Если сравнить друг с другом звуки *p t k* и *b d g*, функционирующие во многих языках, например во французском, в качестве фонем, то окажется, что второй ряд отличается от первого только тем, что все его члены *звонкие*, тогда как все члены первого ряда *глухие*. Фонемы *p* и *b* отличаются друг от друга только по звонкости, в остальном они идентичны. В противоположность всем другим членам этих рядов они являются лабиальными. Если же привлечь для сравнения *m* или *f* или *w*, которые тоже являются лабиальными, то можно констатировать, что *p b* характеризуются смычкой (губ), которая при произнесении взрывается. Таким образом, мы получим для *p* и *b* три признака: смычка, лабиальность, звонкость; последняя либо присутствует (*b*), либо отсутствует (*p*). Фонологически оба эти звука характеризуются совокупностью всех трех признаков. Иначе говоря, они состоят из трех перечисленных дистинктивных признаков. В общем виде можно сказать: *фонема есть пучок дистинктивных признаков*.

Мы не можем рассматривать здесь другие ответвления фонологии. Укажем лишь, что наряду с функциональным подходом не меньшую роль играет направление, базирующееся на понятии системы и структуры. Основополагающими работами в этой области являются. Trubetzkoy, Hockett, Martinet₁₀ (гл. 3); Pilch₁.

7.2. Результаты, полученные фонологией на материале современного языка, то есть в *синхронии*, должны быть приложимы и к истории языка, к *диахронии*, в частности к звуковым изменениям.

Как уже было сказано, фонема — абстрактное понятие: она охватывает все фонетически различные, но тем не менее сходные звуки, *аллофоны*, не имеющие смысловозначительной функции. Фонема представляет собой просто сумму своих аллофонов, которые могут либо свободно чередоваться, либо находиться в отношении дополнительной дистрибуции, будучи закреплены за определенными позициями в определенных условиях. Так, фонема /t/ в английском языке перед ударным гласным является аспирированной (*tip* 'прикосновение', *top* 'верхушка'), если ей не предшествует *s* (*stop* 'остановка'). Аналогичная аллофонная ситуация описывается законом Вернера

(II 4): вновь возникшие звонкие спиранты были первоначально аллофонами глухих спирантов и находились с ними в отношении дополнительной дистрибуции.

Еще большее значение для звуковых изменений имеет интерпретация фонемы как пучка дистинктивных признаков. Если какая-либо фонема, например /b/, изменяется, то это означает, что изменяется один из ее дистинктивных признаков. Так, например, может измениться характер смычки: губы больше не смыкаются, а остаются (небрежно) полуоткрытыми, в итоге возникает спирант. Так произошло, например, в древнегреческом на рубеже нашей эры. В результате древнему β сейчас соответствует v (звук, аналогичный начальному v в слове 'вата'). Может измениться также поведение голосовых связок. Если при артикуляции они больше не вибрируют, то /b/ превращается в глухое /p/. Такой переход произошел, например, в общегерманском языке, где и.-е. b соответствует p . В фонологической системе фонемы, как правило, не являются изолированными. Обычно в ней изменяется несколько фонем, обладающих определенными дистинктивными признаками. Так, из трех признаков фонемы /b/ два — а именно смычность и звонкость — встречаются обычно у фонем /d/ и /g/, которые отличаются от /b/ только по месту образования. Если изменяется один из признаков фонемы, то это изменение, поскольку оно не осознается, не только происходит во всех случаях (= словах), в которых встречается данная фонема, но и затрагивает все фонемы, обладающие этим признаком. Звуковые изменения и в этом смысле являются регулярными и даже системными. Это отчетливо видно на примере передвижения согласных, когда изменение признака «звонкость» привело к одновременному изменению и -e. $b d g$ (в герм. $p t k$).

Мы привели лишь небольшой фрагмент сложных процессов (которые иногда оказываются и более сложными), весьма элегантно и впечатляюще описанных А. Мартине (см. Martinet).

Открывающие новые пути работы Романа Якобсона стали теперь легко доступными после выхода его «Selected Writings», I, 1962. См. также Szemerényi³⁰, где цитируются также другие работы

8. Сказанное выше о звуковых законах нуждается еще в одном дополнении. Необходимость этого дополне-

ния поняли еще младограмматики, которые в процитированном выше отрывке из Манифеста подчеркивали, что сказанное там касается звуковых изменений, «поскольку они протекают механически» Им было ясно, что действие одних звуковых законов может приостанавливаться под действием не только других звуковых законов, но и под действием другого мощного фактора звуковых изменений — *аналогии*.

Этот унаследованный от античных времен термин приобрел современное и точное значение как раз на основе противопоставления данного явления звуковым законам. *Аналогия — это морфологическое преобразование по уже существующим в языке моделям, в результате которого обычно прекращаются и затемняются протекающие по определенным звуковым законам процессы чисто звукового развития.*

Например, в конце средневерхненемецкого — начале нововверхненемецкого периода старые парадигмы глаголов *stigen* 'подниматься (вверх)' (*steic/stigen*), *biegen* 'гнуть' (*bouc/bugen*), *binden* 'связывать' (*bant/bunden*) и т. д. приобрели современный вид: *stieg/stiegen*; *bog/bogen*; *band/banden*. Это — структурные преобразования в глагольной системе, а не звуковые процессы; другими словами, здесь нет прямолинейного звукового развития *steic* в *stieg*, или *bouc* в *bog*, или даже *bunden* в *banden*. Чисто морфологический характер приведенных процессов, их обусловленность внутрисистемными взаимосвязями подтверждаются как раз невозможностью чисто звукового развития *steic* в *stieg* или *bunden* в *banden*, ибо оно несовместимо с имеющимися в нашем распоряжении данными.

Изменения по аналогии, а также семантические сдвиги трудно описать в виде общих формул. В последнее время такого рода попытки были предприняты рядом лингвистов, см. *Kuryłowicz*₉; *Mańczak*₁, он же₄, *Lerchner*—*Frings*, *Lehmann*₂₂, *Trnka*.

9. В этой главе мы несколько подробнее говорили о звуковых изменениях. Но все сказанное *mutatis mutandis* справедливо для языка в целом — для морфологии, для синтаксиса, для словарного состава. При сравнении единиц более высоких уровней мы можем и должны придерживаться тех же самых принципов, что и при сравнении более мелких и мельчайших единиц. Основой всегда

должны быть материальная идентичность или сходство. Данное требование сохраняет силу, даже если функции значительно расходятся. Обратное не имеет силы и может привести лишь к необоснованным предположениям и путанице. Степень материального сходства или расхождения—вопрос, который мы в начале настоящей главы (II 1, конец) оставили открытым,—можно теперь определить точнее: расхождения должны соответствовать звуковым законам. При этом удастся выявить почти невероятные, но с точки зрения лингвистики абсолютно точные соответствия. В качестве примера часто приводят развитие армянского числительного *egku* 'два' по сравнению с формами из других индоевропейских языков, например по сравнению с лат. *duo*. Сравнение с и -е. **dwō* у непосвященного может вызвать неприятное впечатление, что здесь не совпадает ни один звук. Это, действительно, так. Однако можно доказать, что соответствие справедливо. Но доказать это можно только путем тщательнейших наблюдений и констатацией закономерного звукового развития. Поэтому надежнейшей основой для сравнительного языкознания, которой никогда нельзя пренебрегать, остается фонетика, хотя некоторых это может и покори́бить. И в данном случае оказывается справедливым изречение: *per aspera ad astra*.

III. ЗАДАЧИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Тот факт, что в грамматическом строе и в словарном составе столь большого числа языков Европы и Юго-Западной Азии наблюдаются многочисленные соответствия, можно, как мы видели, объяснить только предположением, что все эти языки происходят от одного общего языка-основы—индоевропейского языка, что все они являются лишь самостоятельно развившимися вариантами общего, лежащего в их основе праязыка.

Отсюда следует, что первая задача индоевропеиста состоит в том, чтобы, углубляясь в прошлое, реконструировать, насколько это возможно, индоевропейский язык. Фонологическую систему, поскольку она является закрытой, можно восстановить с достаточно высокой степенью надежности и с удовлетворительной полнотой. Реконструкция морфологической системы, хотя последняя тоже является закрытой, сопряжена уже со значительно большими трудностями. Тем не менее ее в значительной мере можно восстановить. Гораздо сложнее дело обстоит с синтаксисом. Единицы, которыми в данном случае придется оперировать, крупнее. Поэтому историческая вариативность может в значительно меньшей степени служить основой для реконструкции предысторической системы. Наконец, словарный состав. В общих чертах, в особенности по регионам, он хорошо распознается. Но поскольку ни в одном языке он не представляет собой закрытой системы, его индоевропейское состояние может быть реконструировано лишь частично.

Такая реконструкция индоевропейской языковой системы может и должна служить исходным пунктом для интерпретации самой системы и ее предыстории. В отношении индоевропейского языка дело обстоит исключительно благоприятно, и о предыстории реконструированного индоевропейского языка можно сказать многое.

Другая важная задача индоевропеиста заключается

в том, чтобы, двигаясь к современности, с помощью реконструированного языка-основы объяснить предьсторию и раннюю историю отдельных языков. Освещение собственно истории отдельных языков, конечно, уже не входит в задачу индоевропеистики. Последняя лишь создает для нее базу

В трактовке обеих задач существуют две четко разграниченные позиции. Одни считают, что путем сопоставлений можно выявить только соответствия. Если факты вынуждают нас признать, что, например, лат. *deus*, др-ирл. *día*, лит. *dievas*, др-инд. *devas* и т. д. с одинаковым значением 'бог' генетически связаны друг с другом, то мы можем лишь утверждать, что лат. *d* соответствует др-ирл. *d*, лит. *d* и др-инд. *d* и т. д. Однако, как замечают они далее, мы не имеем права идти дальше и высказываться о том, откуда все они произошли. Реконструированную праформу, в данном случае и -е **deiwo-*, можно, по их мнению, рассматривать только как формулу, которая облегчает тяжеловесные и длинные высказывания о засвидетельствованных соответствиях и призвана их вкратце обобщить. Другие же, напротив, полагают, что наши методы позволяют нам реконструировать исчезнувшее состояние языка. Реконструированная форма, например **deiwo-*, принимается ими за реальность, которая лежит в основе форм отдельных языков и из которой все они развились по своим звуковым законам. Вместе с тем нельзя не признать, что каждая реконструкция отражает соответствующий уровень в развитии лингвистики. Следовательно, реконструированную форму, как и естественно-научную теорию, надлежит модифицировать и улучшать по мере новых открытий. И в самом деле, наши реконструкции, что признается и представителями первого направления, «лучше», чем те, которыми оперировали сто лет назад, то есть они больше соответствуют историческим фактам. Только в случае признания реальности различных реконструированных форм имеет смысл ставить вопрос о том, как они соотносятся друг с другом, то есть как выглядела система. Реализм играет в этом плане решающую роль, поскольку реконструирование фонетически невозможных звуков или их последовательностей (= слов) явилось бы не более как пустым занятием. В данной книге отстаивается, как можно заключить из только что сказанного, реалистическое направление.

О реалистическом подходе см Hall, Jr₂, с 203—206, Hoenigswald₂, с. 134 и сл., Nehring₁, с. 357—368; Haas, с 113—153, особ. с 124, 130.

О методах реконструкции см Bonfante₃, с 83—94, 132—161, Marchand, с 245—253, Kuryłowicz₁₈, с 9—31; Martinet₁₃, Szemerényi₃₀.

Из реконструкции вытекают дальнейшие задачи индоевропейста. Реконструировав достаточную часть индоевропейского словарного состава, мы можем дать ответ на различные вопросы, которые представляют значительный интерес и для специалиста по древней истории. Какова была структура «семьи» и общества вообще? Какими были вера и знания индоевропейцев? Почитали ли они богов? Какие металлы, животные, растения были им известны? Насколько ответ на последние вопросы может помочь в локализации прародины и ее датировке? Обладали ли индоевропейцы языком высокого стиля, языком поэзии, а может быть, и поэтическими формами?

Одновременно возникают дополнительные вопросы лингвистического характера: в состоянии ли мы выявить диалектные различия внутри индоевропейского языка? Что мы можем сказать о процессе дифференциации, приведшем к образованию отдельных языков?

Все эти вопросы следует рассматривать в более значительном по объему введении в индоевропейское языкознание. Предлагаемое же вниманию читателей введение имеет весьма ограниченный объем, позволяющий либо только бегло коснуться всех вопросов, либо основательно осветить лишь ограниченный круг проблем. Автор пошел по второму пути в надежде, что читатель, хорошо усвоив основы, заинтересуется и другими проблемами

IV. ФОНОЛОГИЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ

а) Гласные

1. Сравнение отдельных языков показывает, что языковая основа имел пять основных гласных, долгих и кратких:

i	u	ī	ū
e	o	ē	ō
a		ā	

Данная система гласных почти в точности сохранилась в большинстве греческих диалектов. Лишь аттический и ионийский в двух пунктах отклоняются от унаследованного состояния. Долгое ā в результате изменения подъема превратилось в ā̄, которое затем совпало в η с унаследованным ē, но в аттическом в позиции после e, i и г претерпело обратное изменение в ā (см. Szemerényi₃₁). В этих диалектах краткое и долгое u сместились вперед, то есть превратились в u. В латинском языке система долгих гласных сохранилась довольно хорошо, хотя краткие гласные вне первого слога под влиянием окружения часто изменяли свое качество. В индоиранском эта система претерпела сильные изменения: три кратких гласных нижнего подъема — a, e, o — совпали в a, а долгие гласные — соответственно в ā, в результате чего образовалась система из трех гласных. В общегерманском произошло частичное совпадение: a и o совпали в a, долгие ā и ō совпали в ō, др.-в.-н. io. Готские e и i совпали в i, в то время как дифференциация долгих еще сохранялась. В древнеславянском a и o выступают как o, тогда как долгие ā и ō слились в a, то есть произошел процесс, обратный общегерманскому. В литовском краткие a и o выступают как a, тогда как долгие ā и ō совпали в ō.

или *uo*. В древнеславянском *i* и превратились в сверхкраткие *ī* *ū*, а долгие *i* *ū* стали выступать в виде *i* и *u*.

Такой краткий обзор, естественно, не позволяет отразить все детали, но он дает общее представление о системе индоевропейских гласных. Более подробные сведения о латинском языке приводятся ниже (л 12). Упомянутые выше процессы подтверждаются следующими примерами:

1.1. а

**agō* 'я гоню' греч. *ἀγῶ*, лат. *agō*, скр. *aġami*, сканд. *aka* 'ехать',

**agros* 'пастбище, поле': греч. *ἀγρός*, лат. *ager*, скр. *ajras*, гот. *akrs*;

**dakru* 'слеза': греч. *δάκρυ*, др.-лат. *dacryma* (позднее *lacrima*), гот. *tagr*, др.-в.-н. *zahar* 'слеза';

**ghans* 'гусь' греч. *χῆν*, атт. *χῆν*, лат. *anser*, скр. *hansa* 'гусь, лебедь', др.-в.-н. *gans*.

1.2. ā

**swādu* 'сладкий': греч. *ἀδύς*, атт. *ἡδύς*, лат. *suāvis*, скр. *svādu*-, др.-в.-н. *s(w)uozī*;

**bhāghu* 'рука': греч. *πῆχυς*, атт. *πῆχυς*, скр. *bāhu*-, др.-в.-н. *buog* 'сустав';

**mātēr* 'мать': греч. *μάτηρ*, атт. *μήτηρ*, лат. *māter*, скр. *mātar*-, др.-англ. *mōdor* др.-в.-н. *muoter*, лит. *motė* 'жена, супруга', ст.-слав. *mati*, *mater*-,

**bhrātēr* 'брат'. греч. *φράτηρ* 'член фратрии', лат. *frāter*, скр. *bhrātar*-, гот. *brōþar*, др.-в.-н. *bruoder*

1.3. е

**bher*-'нести': греч. *φέρω*, лат. *ferō*, скр. *bharāmi*, гот. *baigan* (*ai*=*e* вместо *i* перед *g* и *h*), др.-в.-н. *beran* (англ. *bear*, нем. *ge-bären* 'родить'),

**esti* 'есть'—3-е л. ед. ч. глагола 'быть'. греч. *ἐστί*, лат. *est*, скр. *asti*, гот. *ist*;

**genos* 'род, пол': греч. *γένος*, лат. *genus*, скр. *janas*;

**nebhos*, **nebhela* 'облако, небо' греч. *νέφος νεφέλη*, лат. *nebula*, скр. *nabhas*-, ст.-слав. *nebo*, *nebes*-.

1.4. ē

В германских языках, за исключением готского, *ē* перешло в *ā*, а в кельтском—в *ī*.

**rēg-s* 'король': лат. *rēx*, скр. *gājā* 'король, раджа', др.-ирл. *gī*, ген. *gīg*;

*sē- 'сеять' лат sēmen, гот manā-sēþs 'племя человеческое, мир', др.-в.-н sāmo, ст.-слав sēme, др.-ирл sil 'семя';

*dhē- 'ставить, класть, делать'. греч τί-θη-μι, скр. da-dhā-mi, лат. fē-ci, гот missa-dēds 'проступок', др.-в.-н. tāt,

*plē- 'полный' греч πλήρης, лат plēnus, скр prātas.

1.5. o

*oktō 'восемь' греч ὀκτώ, лат octō, скр aṣṭā, гот ahtau, др.-ирл ocht;

*owis 'овца'. греч ὄvis, οἷς, лат ovis, скр avis, гот awistr-is (ген.) 'овчарня', др.-в.-н ou (wi), лит. avis, ст.-слав. ovīca;

*potis 'господин, супруг' греч πόσις (δεσπότης), лат. potis potior, скр patis, гот. brūþ-faþs 'жених (господин, муж невесты)', лит. pats, (более старая форма) patis 'супруг';

*orbhos 'осиротелый': греч ὀρφανός, лат orbus, арм. orb 'сирота', гот. arbi 'наследство' (*orbhyom), др.-в.-н. arbi, erbi, др.-ирл orb 'наследник, наследство'.

1.6. ̅

*gnō- 'знать (глагол)'. греч γινῶν γι-γνώ-σχω, др.-лат. gnōscō, класс. лат. nōvī, скр. jñāta-, (g)nōtus, ст.-слав. znati 'знать';

*dō- 'давать', *dō-po-m, *dō-ro-m 'подарок' греч δίδωμι δι-δω-μι, δῶρον, лат dō dōnum, скр. da-dā-mi dānam, ст.-слав. dati, 'дать', darŭ 'подарок', лит. dūoti 'давать';

*ōku- 'быстро': греч ὥκύς, лат. ōcior, скр. āśu-;

*yōs- 'подпоясываться': греч ζώστος ζώννυμι ζώνη, авест. yašta- 'подпоясанный', лит. juostas 'подпоясанный', ст.-слав. po-jas-ŭ 'пояс'

1.7. i

*wid- 'ведать, знать': греч. гомер. (φ)ῖδ-μεν, скр vid-ma, гот. witum;

*widhewā 'вдова': лат. vidua, скр. vidhavā, гот widuwō, др.-в.-н. wituwa, ст.-слав. vīdova;

*misdho- 'плата, мзда': греч. μισθός, скр. mīdha- (mīlha-) 'трофей', авест. mīzda- 'плата', ст.-слав. mīzda, гот. mizdō, нем. Miete;

*k^wis, *k^wid 'кто, что': лат. quis, quid, хетт kwis kwid, греч. τίς τί (из τιδ).

1.8. ĭ

*g^wi^wos 'живой' лит gývas (y = ĭ), ст.-слав živŭ, скр jīva-, лат vīvos;

*wīs 'сила'. греч (φ)ῖς, лат. vīs,

*rīwon- 'жирный' греч πῖον, скр. pīvan-;

*rī- 'пить'. греч πῖνθι, скр. pīta- 'выпитый', ст.-слав pivo 'пиво'.

1.9. u

*yugom 'иго'. греч ζυγόν, лат. iugum, скр yugam, ст.-слав igo (yĭ переходит в yĭ и i), гот juk,

*rudhros 'красный'. греч ῥυθρός, лат. ruber, скр. rudhira-, ст.-слав rŭdgrŭ;

*medhu 'мед'. греч μέθυ, скр madhu 'сладкий напиток, мед', ст.-слав medŭ, др.-англ. medu 'мед (напиток)', др.-в.-н. metu 'мед, (напиток)';

*snusūs 'невестка': греч νύος, лат. nurus, скр. snusā, др.-в.-н. snur (см. Szemerényi, 1964, с. 318 и сл.).

1.10. ū

*mūs 'мышь'. греч. μῦς, лат. mūs, скр mūs-, ст.-слав. myši, др.-в.-н. mūs;

*bhrŭ- 'бровь': греч. ὄφρυς (.ὀπ-φρύς 'ресница'), скр. bhrŭ-, др.-англ. brū 'бровь';

*ūdher 'вымя': лат. ūber, скр. ūdhar, др.-англ. ūder 'вымя'; др.-в.-н. ūtar;

*dhūmos 'дым': скр dhūma-, лат. fūmus, лит dúmai, ст.-слав. dymŭ; ср. также греч θῦμός.

1.11. Шва

Совершенно бесспорные морфологические соответствия позволяют предположить еще один гласный; ср :

скр. sthi-ta- 'стоя': греч. στάτος, лат. stātus;

скр. a-di-ta 'он дал' (3-е л. ед. ч. аор. медиал). греч. ἔ-δο-το;

скр. pitar- греч πατήρ, лат. pater и т. д.

Здесь индоир ĭ противостоит гласному *a* других индоевропейских языков (в греческом — иногда *ε* или *ο*, в зависимости от долготы). Поскольку в основе приведенных соответствий не может лежать ни один из рассмотренных выше гласных, обычно высказывается предположение о

существовании индоевропейского редуцированного гласного (типа *e* в нем. Name 'имя', getan 'сделан(ный)') Для обозначения этого гласного используется заимствованный из древнееврейской грамматики термин (*šwā* 'пустота', что означает редуцированный гласный между согласными) Его называют «индоевропейским *шва*» и обозначают перевернутым *e*—(ə). О его природе и месте в системе гласных подробнее будет сказано ниже.

Наряду с этим *первичным и.-е шва* некоторые ученые вводят еще *вторичное и.-е шва*: если первое из них представляет собой редуцированную ступень долгих гласных, то второе — редуцированную ступень кратких. Фактов для такого суждения, однако, недостаточно.

1.12. Дополнения.

В латинском языке претерпевала изменения унаследованная система кратких гласных, в особенности гласные среднего подъема *e* и *o*

а) и -е. *e* изменяется в *o*

1) перед *w*: **pewos* 'новый', греч. νε(ρ)ός; лат. novos; и -е. **tewos* 'твой', **sewos* 'его', греч. τός ἐός, др.-лат. tovos sovos;

2) после *sw-*, так что *swe-* сначала дает *swo-*, а затем — *so-*: и.-е. **swesōr*, скр. *svasar-*, гот. *swistar* 'сестра' лат. *sorōr*; **swekuros* 'свекор', греч. ἐκυρός; лат. *socer*; **sweneti* 'звучит', скр. *svanati*; др.-лат. *sonit*; **swepnos* 'сон': др.-англ. *swefn* 'сон': лат. *somnus* (из **sopnos*);

3) перед велярным *l*, то есть *l* перед гласными заднего ряда *a*, *o*, *u* и согласными (за исключением -*ll-*): **wel-* 'хотеть' в *velim velle* выступает как *volō volt* из **welō* **welti*; *welu-* (ср. греч. ἐλύω) дает *volūtus volvō*, также **se-luo* (ср. греч. λύω 'освобождаю, развязываю') *solvō*;

б) и.-е. *e* переходит в *i* перед велярным носовым, то есть перед *ng*, *nk*: **tengō* (ср. греч. τέγγω) дало в лат. *tingō* 'смачиваю'; **k^wenk^we*, возникшее в результате ассимиляции из и.-е. **renk^we*, перешло в *quinque* 'пять',

в) и -е. *o* переходит в *u* перед велярным носовым: греч. ὄυχος 'крюк' в латинском соответствует *uncus*; то же самое — перед *mb*: лат. *umbo umbilicus*, греч. ὀμφαλός 'пуп'; то же перед велярным *l*: лат. *sulcus*, греч. ὄλκος 'поводья, бразды'; *ulkus* 'язва' — из **olkos*, которое, согласно пункту *a* (подпункт 3), возникло из **elkos*; ср. греч. ἔλκος 'язва, нарыв';

г) во около 150 г. до н. э. перед г, s, t изменилось в ve-: др.-лат. *vortō* *vorsus* *voster* *vorāre* дали *vertō* 'поворачиваю', *versus* 'поворот', *vester* 'ваш', *vetāre* 'запирать'.

Вне первого слога обычно происходило повышение подъема в направлении к *i* и. Ср. *facio* 'делаю': *afficio* 'причиняю', *affectus* 'пораженный', *premo* 'давлю' *comprimo* 'сдавливую', *compressus* 'сдавленный' (в закрытых слогах — только до *e*) Крайним проявлением этой тенденции является утрата гласного (синкопа): греч. *δεξιτερός* 'правый' лат. *dexter*; **wiros* дало **wirs*, **wigg* и, наконец, *vir* 'муж(чина)'. При постконсонантном г возник новый гласный: древнее *sakros* (5 в.) перешло в **sakrs* в результате синкопы, затем возникло **sakers*, **sakerr*, *sacer* 'священный'; аналогичным образом *agros* дало *ager* 'пастбище, поле'.

б) Дифтонги

2. Односложные (таутосиллабические) образования из более открытых гласных и закрытых гласных *i* и *u* также существовали в индоевропейском языке:

<i>ei</i>	<i>oi</i>	<i>eu</i>	<i>ou</i>
<i>ai</i>		<i>au</i>	

NB. Дифтонг *eu* в индоевропейском, а также в латинском и в греческом представлял собой сочетание *e + u*; его надо произносить иначе, чем нов.-в.-н. *eu*; *ei* также было сочетанием *e + i*, и оно произносится иначе, чем нов.-в.-н. *ei*. Латинский дифтонг *ae* до 200 г. н. э. произносился как *ai* (нов.-в.-н. *ei*).

Развитие дифтонгов вначале соответствует развитию одиночных гласных, то есть там, где *o* переходило в *a*, *oi* тоже изменялось в *ai*, *ou* — в *au*. Затем в разное время обнаруживается тенденция к монофтонгизации дифтонгов. Этой ступени латинский язык достиг уже в первой половине 2 в. до н. э. *Ei* перешло в *i*; *oi* — в *ū*; *ou*, с которым еще несколькими столетиями раньше совпало *eu*, перешло в *ū*; только *ai* (писалось *ae*) и *au* пережили период классической латыни. В греческом языке классического периода дифтонги сохранялись, за исключением *ou*, перешедшего в *ū*, которое, однако, продолжали еще писать *ou*. В общегерманском языке *ei* сравнительно рано перешло

в *i*. Из других дифтонгов дифтонги *ai* и *au* в готском обычно давали открытые $\bar{e}$ и $\bar{o}$, в древневерхненемецком *ai* переходило в $\bar{e}$ перед *g, w, h*, а в иных позициях — в *ei*; *au* переходило в $\bar{o}$ перед *h* и зубными (*d t z s n g l*), а в остальных случаях — в *ou*. В славянском *ei* переходило в *i*, *ai* и *oi* — в $\bar{e}$, дифтонги с *u* превращались в *u*. В литовском дифтонги сохранились еще и сегодня, за исключением дифтонгов с *i*, которые частично перешли в *ie*. В индоиранском все дифтонги первоначально совпали в *ai* и *au*, но к началу письменной традиции они уже подверглись монофтонгизации. Однако они сохранились в древнеиранском.

Приведем некоторое количество примеров для отдельных дифтонгов.

2.1. *ai*

**aidh-* 'гореть': греч. αἶθω, лат. *aedēs* (первоначально 'очаг', а затем 'дом'), *aestus, aestās*, скр. *ēdha-* 'дрова', др.-в.-н. *eit* 'костер';

**kaiko-* 'слепой': лат. *caecus*, др.-ирл. *caích* 'одноглазый', гот. *haihs* 'одноглазый'; ср. также греч. καίχας 'северовосточный ветер' ('темный');

**daiwēr* 'брат мужа, деверь' греч. δαίηρ, скр. *dēvar-*, арм. *taigr*, ст.-слав. *dēverī*, др.-в.-н. *zeihur*; сюда же относится лат. *lēvir* из *dēvir* по аналогии с *laevus* («quasi laevus vir» 'как глухой мужчина') с несвойственным римскому гласным $\bar{e}$;

**ghaido-* 'коза' лат. *haedus*, гот. *gaits*, др.-в.-н. *geiz*.

2.2. *ei*

**deik-* 'указывать, говорить'. греч. δείκνυμι, лат. *dīcō*, гот. *ga-teihan* 'объявить, обнародовать', др.-в.-н. *zīhan* 'что-либо сообщать о ком-л, обвинять кого-л' (ср. нем. *zeihen* 'уличать', *verzeihen* 'прощать');

**deiws* 'бог' лат. *deus, divus*, скр. *dēvas*, др.-прусс. *deiws*, лит. *dievas*;

**ei-ti* 'он идет': греч. εἶσι, лат. *it*, скр. *ēti*, лит. *eit(i)*;

**sneigʷh-* 'идет снег' греч. νείφει, др.-лат. *nīvit*; др.-в.-н. *snīwan*.

2.3. *oi*

**woida* 'я знаю': греч. (φ)οῖδα, скр. *vēda*, ст.-слав. *vědě*, гот. *wait*, др.-в.-н. *weiz*;

*oīnos 'один' греч οἶνη 'одно очко на кости', лат. ūnus (др.-лат. oīno), гот aīns, др.-ирл oīn;

*snoig^whos 'снег': др.-пруссск snaygis, лит sniegas, ст.-слав sněgŭ, гот snaiws, др.-в.-н snēo;

*toi 'те' греч. (дор.) τοί, лат. is-tī, скр. tē, гот þai.

2.4. au

*aug- 'множить': лат augeo, греч αὔω, αὐξάνω, гот. aukan 'размножаться', лит augti 'расти';

*sausos 'сухой': греч αῶς, скр. šōṣa- (из sōsa-), лит. sausas, ст.-слав suхŭ, др.-в.-н sōrēn 'высушенный';

*aus- 'ухо'. лат auris, auscultō, гот. ausō, лит. ausis; см. также о греч οὖς (Szemerényi²⁴, с. 47 и сл.)

*aus- 'черпать': греч αὔω, ἐξαύω, лат. hauriō, др.-сканд. ausa

2.5. eu

*deuk- 'тянуть, вести': лат dūcō (др.-лат. doucit), гот. tiuhan, др.-в.-н ziohan,

*geusō 'пробовать': греч γεύομαι, гот kiusan;

*eusō 'горю' греч εὔω, лат. ūrō, скр. ḡṣami;

*leuk- 'светить'. греч λευκός, гот. liuhaþ 'свет', скр. gōcati 'светит'

2.6. ou

*roudhos 'красный'. лат rōbigō и (диалектное) rūfus, гот. gauþs, др.-в.-н. rōt, лит. gaudas, gaudonas;

*loukos 'прогалина': лат lūcus (др.-лат. loucom), скр. lōka- 'пространство, мир', лит. laukas 'поле', др.-в.-н. lōh 'заросшая просека', ср. Waterloo;

*klounis 'ягодица'. лат. clūnis, лит. šlaunis 'ляжка, бедро', скр. šgōpi- 'ягодица, бедро', др.-сканд. hlaup 'ягодица';

*louksno 'светящий' лат lūna (пренестинск. losna), др.-пруссск lauknos мн ч 'звезды', авест. gaoxšna- 'сияющий'.

2.7.

Существуют также долгие дифтонги типа ai, oi, которые встречаются почти исключительно в падежных окончаниях и рассматриваются в морфологии; см. также VI 6 13.

в) Полугласные

3. Полугласные *y* и *w* (= англ. *w*) легко поддаются реконструкции благодаря убедительным свидетельствам индоевропейских языков. Правда, во многих из них *w* утратило древнее билабиальное произношение еще в начале исторического периода и стало лабиодентальным (= нем. *w*). Старый полугласный существовал в классическом латинском языке и в древнеиранском, а в английском он сохранился до наших дней. Однако еще первые древнеиндийские грамматисты отмечали лабиодентальную артикуляцию.

3.1. Полугласный *y* в греческом отсутствовал. В начале слова он переходил в *h* или *ζ*, в интервокальном положении исчезал совсем. В группах согласных он вызывал многообразные изменения, например *py* > *πτ*, *ty* > *σσ* или *ττ* и т. д. В латинском *y* обычно сохранялся, но в интервокальном положении он утрачивался, а после согласного большей частью переходил в *i*. В общегерманском полугласный *y* сохранился, но в начальной позиции он утрачивается в древнескандинавском и древнеирландском. Примеры:

**yekʷt* 'печень': скр. *yakrt*, лат. *iesur*, греч. *ἥπαρ*, лит. *įkpnos*;

**yugom* 'яго, ярмо': скр. *yugam*, лат. *iugum*, греч. *ζυγόν*, гот. *juk*, др.-сканд. *ok*;

**treyes* 'три (м. и ж. р.)': скр. *trayas*, лат. *trēs* из **tre(y)es*, а также греч. *τρεῖς* (где *ει* = *ē*), гот. *þreis* (= *þrīs* из *þrijis* в результате стяжения); ср. VIII, 51;

**alyos* 'другой': греч. *ἄλλος* (ассимиляция *ly*), лат. *alius* (три слога), гот. *aljis*;

**medhyos* 'средний': скр. *madhya-*, греч. *μέσ(σ)ος* (*ss* из *thy*), лат. *medius*, гот. *midjis*.

3.2. Полугласный *w* с самого начала не встречается в аттическо-ионийских памятниках. Но он существовал во всех других диалектах классического периода и сохранился в микенском. В древнеирландском в начале слова он перешел в *f*, в кимрском — в *gw*. Примеры

**wīro-*, **wīro-* 'мужчина'. скр. *vīras* 'герой', лит. *výras* 'мужчина', лат. *vir*, гот. *waír*, др.-ирл. *fer*;

**woida* 'я знаю' скр. *vēda*, греч. (F) *οἶδω*, гот. *wait*, ст.-слав. *vědě*;

*owis 'овца': скр. avis, греч. ὄ(φ)ις, лат. ovis;
 *newos 'новый': греч. νε(φ)ός, лат. novus, скр. navas,
 ст.-слав. повѣ, гот. niujis

г) Носовые и плавные

4. Эти звуки являются наиболее устойчивыми в системе индоевропейских языков. Повсюду они обычно сохраняются без изменений. Единственным существенным исключением является индоиранский, в котором *l* и *g* часто сливаются в одном звуке. В древнеиранском *l* везде перешло в *g*. В древнеиндийском в результате смещения диалектов первоначальное состояние настолько затемнено, что как *l*, так и *g* могут соответствовать и.-е. *l* и *g*. Носовые звуки, обозначаемые обычно через *n*, могут, конечно, фонетически различаться в зависимости от последующего согласного. в сочетании *pt* звук *p* является дентальным, а в сочетании *-nk-* —велярным. Но это различие не фонологическое. Эти варианты представляют собой аллофоны фонемы *n*. Напротив, *m* не подвергается воздействию окружения, она встречается во всех позициях и является самостоятельной фонемой. Следует отметить, что еще в древнеиндийском *n* часто становится церебральным (*ṇ*). В греческом, а также в хеттском и в армянском перед начальным *g* появляется протетический гласный (протеза).

Таким образом, можно считать, что в индоевропейском существовали фонемы *n*, *m*, *l*, *g*. Примеры.

4.1. *m*

*māter 'мать': греч. μάτηρ, лат. māter, скр. mātār-;
 *wem- 'рвать': греч. ἐμεῖν, лат. vomō, скр. vamiti
 'его рвет'

4.2. *n*

*nokʷt- 'ночь': греч. νύξ νυκτός, лат. nox, скр. nak, акк. nakt-am, лит. naktis, гот. nahts, хетт. nekut- 'вечер';

*seno- 'старый': греч. ἔως 'прошлогодний', лат. senex, скр. sana- 'старый, прежний', лит. sėnas 'старый', гот. sineigs.

4.3. *l*

*leuk- 'светить': греч. λευκός 'белый', лат. lūx, lūcēre, гот. liuhab 'свет', скр. gōcate 'светит', а также lōka- 'мир (свет)';

*leubh- 'люб(ить)': лат. *lubet*, *libet*, гот. *liuba*- 'люб', ст.-слав *ljubŭ* 'люб, дорог', скр *lubh-* 'сильно желать'.

*rju-, *relu- 'много': греч: *πολύς*, гот. *filu*, др.-в.-н *filu*, др.-ирл *il* 'много', скр *rigu-* и *ruḷu-*, др.-перс *ragu-* (см. 5 4)

4.4. г

*geudh-, *gudh- 'красный'. греч *ἐρυθρός*, *ἐρεύνω* 'окрашивать в красный цвет', лат. *guber* *gōbīgō* *rūfus*, лит. *gaudas*, ст.-слав *rudŭ*, *gŭdgrŭ*, гот. *gauda-*, др.-в.-н *gōt*, скр *rohit(a)-* 'красный', но также *lohita-* 'красный';

*dhwer-, *dhug- 'дверь, ворота': греч. *θύρα*, лат *forēs*, гот *daur*, др.-в.-н *tor*, лит *durys*, скр. *dvāras*;

*bher- 'нести': греч. *φέρω*, лат. *ferō*, гот. *bairan*, скр. *bhar-*.

д) Слоговые носовые и плавные

5. До сих пор для индоевропейского мы реконструировали только те звуки, которые действительно были засвидетельствованы, если не во всех, то хотя бы в нескольких индоевропейских языках. Тщательное сравнение некоторых форм в отдельных языках заставляет, однако, допустить, что имелись и такие звуки, которые нигде не сохранились. Г. Остгоф в 1876 г первым высказал мысль, что, как показывает сравнение санскритского датива ед. ч. *pitre* 'отцу' с локативом мн. ч. *pitṛsu* 'в отцах', один и тот же звук г мог выступать то как согласный, то как гласный (в интерконсонантной позиции) Этот слоговой (или сонант) сохранился только в индоиранском. Ему, очевидно, соответствует последовательность звуков *px* в греч *πῆρας*. К. Бругман в том же году высказал предположение о существовании слоговых носовых звуков (*ŋ* *ŋ̥*) и о слоговых плавных вообще (следовательно, не только *ŋ* и *ŋ̥*) С тех пор эти звуки прочно вошли в фONOлогическую систему индоевропейского языка Эти звуки известны во многих современных языках В немецком слове *Besen* 'метла', например, вторым слогом является *zə*. В английских словах *bottle* 'бутыль', *bottom* 'дно' представлены *ɪ* и *ʊ*. В славянских языках, например в чешском или в сербском, такие звуки допускаются орфографией и пишутся без гласных; ср. чешск. *prst* 'палец', *hlit* 'глоток'

5.1. Сравнивая обозначения числительного '100' в индоевропейских языках, то есть, например:

лат. centum, греч. ἑκατόν, гот. hund, скр. śatám, лит. šimtas,

мы видим, что это числительное, если отвлечься от греч. ἑ-, начинается с гуттурального, точнее говоря, индоевропейского нёбного (см. 7.4.) звука, а в середине слова стоит глухой зубной звук t, гот. d развился из него, согласно закону Вернера (II 4., конец), и свидетельствует, таким образом, о месте ударения в греческих и древнеиндийских формах. Но между этими смычными звуками в разных языках находятся разные звуки или звукосочетания, которые не могут соответствовать ни одному из упоминавшихся ранее гласных, ни сочетанию гласный + + носовой. В предварительном порядке мы можем только констатировать, что на основе приведенных форм получаются следующие соответствия:

лат. eп = греч. α = гот. un = скр. a = лит. im.

Эти соответствия не являются изолированными. Они представлены не только в данном слове, но регулярно встречаются в целом ряде слов. Например, они зафиксированы также в словах со значением 'десять':

лат. decem, греч. δέκα, гот. taihun, скр. dáśa, лит. dešimt.

Путь к решению проблем, вытекающих из таких соответствий, указывают, между прочим, некоторые формы греческих глаголов. Форма 3-го лица мн. ч. презенса и имперфекта медиопассива оканчивается обычно на -υται — соотв. -υτο; ср. образованные от παιδεύω 'воспитываю' формы παιδεύονται 'воспитываются' и ἐπαιδεύοντο 'воспитывались'. Напротив, у так называемых атематических глаголов мы находим формы типа гомер. κεῖσται 'лежат', κεῖστο 'лежали' от κεῖμαι 'я лежу'. В таких случаях тематическим -υται, -υτο соответствуют, следовательно, атематические -αται, -ατο. Еще за несколько лет до открытия, сделанного К. Бругманом, Ф. де Соссюр, который тогда еще был студентом, на основе соответствий сделал вывод, что, по всей вероятности, -αται, -ατο возникли из -υται, -υτο и что, следовательно, π при известных обстоятельствах могло выступать как α. Предпосылка для этого перехода весьма проста: π попадало между двумя согласными (key-n-tai) и поэтому не могло произноситься как соглас-

ный и должно было становиться слоговым. В общем можно сказать, что слоговой носовой звук, будь то η или π , как мы их теперь обозначаем, в греческом переходил в α .

Также совершенно ясно, что отглагольное прилагательное от $\tauείνω$ 'натягивать' (корень $\tauει-$) звучит $\tauατός$ потому, что от корня $ten-$ без корневого гласного образовывалась форма $tn̥tós$, то есть $*t̥tós$. О том, что в отглагольном прилагательном первоначально отпадал корневой гласный, отчетливо свидетельствуют архаичные формы $\phiυκτός$ 'дающий возможность убежать', $ἀπυστός$ 'пропавший без вести', $ἐπίσπυτος$ 'стремительный'.

Аналогичное развитие наблюдается также в индоиранском. Отглагольное прилагательное от скр. $tanōmi$ 'я натягиваю' (корень $tan-$) имеет форму $tatas$, как греч. $\tauατός$, возводимое к и-е $*t̥tós$.

С учетом приведенных выше параллелей $en = \alpha = un = a = im$ легко проследить развитие и-е η и π в этих языках. Можно вывести следующие общие соответствия

индоир греч. лат. общегерм. лит слав др-ирл.

η	a	a	en	un	in	ϵ (< in)	an, en
π	a	a	em	um	im	ϵ (< im)	am, em.

Рассмотренные выше формы можно, следовательно, возвести к и-е $*k̥m̥tóm$ или $*dek̥m̥(t)$. Приведем еще несколько примеров

$*m̥ti-s$ 'мышление'· скр. $matís$ 'мысль', лат. $mēns$ $men-tis$, гот. $gamunds$ ($mundi-$) 'память, воспоминание', лит. $mintis$ 'мысль', ст-слав. $pa-metī$ 'воспоминание, память';

$*yuv̥n̥kos$ 'молодой, молодняк'· скр. $yuvāśa-$ 'молодой', лат. $iuvencus$, гот. $juggs$ (= $jungs$, в результате стяжения $*juwungas$), ср-кипр. $ieuan̥s$, др-ирл. bac (= $\bar{d}ag$ с $g < nk$),

$*g̥m̥tos$ 'пришедший'· скр. $gata-$, греч. $\betạατος$, лат. $-ventus$, лит. $gimtas$ 'прирожденный, родной, природный' (см. 7.5 2);

$*sept̥m̥$ 'семь'· скр. $sapta$, греч. $ἐπτά$, лат. $septem$.

Добавление. В старославянском в исходе слова $-η$, $-π$ переходят в $-ь$; ср. $камень$ (вин. п.) из $-π$.

5.2. Аналогичным образом можно восстановить слоговые плавные. Они дали:

др.-инд. греч лат общегерм. лит слав. др.-ирл.

г	г	ρα/αρ	or, ur	ur	ir/ur	īr/ūr	ri, ar
l	г	λα/αλ	ol, ur	ul	il/ul	īl/ūl	li, al

Примечание. В старославянском эти звуки передаются на письме как *гī гŭ lŭ lŭ*, см. Diels, I, с 61 и сл.

**kŕd* (наряду с **kerd*) 'сердце': греч *καρδία*, лат. *cor*, др.-ирл. *cride* (из **kŕdyom*), лит. *širdis*, ст.-слав. *srŭdŭce* (из *sird-*), с **kerd* — гот. *hairtō*;

**dhŕs-* 'отваживаться, дерзать': скр. *dhŕsŋōti* 'он дерзает', греч. *θρασύς* 'отважный', гот. *gadaursan* 'дерзать';

**dŕk-* 'видеть' скр. *dŕš-* 'вид', греч. *δρακεῖν* 'увидеть', др.-ирл. *drech* 'лицо' (из **drikā*), общегерм. **turhta-* в др.-англ. *torht*, др.-в.-н. *zoraht* 'светлый';

**wŕkʷos* 'волк'. скр. *vŕka-*, лит. *vilkas*, ст.-слав. *vlīkŭ*, гот. *wulfs* (см. 7.5.1);

**pŕt(h)u-* 'широкий': скр. *pŕthu-*, греч. *πλατός*, галл. *Litana silva*, др.-ирл. *lethan* 'широкий';

**mŕdu-* 'мягкий': скр. *mŕdu*, греч. *βλαδεις ἀδυνατοι* (бла- из *mŕa-*), лат. *mollis* из **moldwis*

Относительно слав см. Moszyński, с 3—10, о греч. см. O'Neil, с. 8—46.

5.3. В значительном количестве отчетливых соответствий, по-видимому, прослеживается параллель к только что рассмотренным кратким слоговым носовым и плавным в виде соответствующих долгих.

Так, в древнеиндийском отглагольное прилагательное *jātas* 'рожденный' от глагольной основы *jan(i)-* соответствует лат. *(g)nātus*, галл. *Cintu-gnātus* 'первороденный' и гот. *-kunds*. Опять-таки получается, что в приведенных формах *ā — pā — pā — up* соответствуют друг другу. Все они имеют носовой гласный, который, однако, нельзя отождествить с кратким слоговым носовым. Поэтому мы вправе предположить, что существовали долгие слоговые носовые и плавные, которые дали.

др.-инд.	греч.	лат	кельт.	общегерм	лит	слав.
ṁ	ā	vā	pā	pā	up	ē
ṃ	ā	μā	mā	mā	um	ē
ī	īr, ūr	pā	rā	rā	ur	īr
ī	īr, ūr	lā	la	la	ul	īl

В древнеиндийском плавный переходил в гласный *ū*, если ему предшествовал лабиальный (или односторонний лабиовелярный); в иранском обычно появляется *ag*. В балтийских и славянских, как и для кратких сонантов, в некоторых случаях вместо *i* встречается *u*. В общегерманском, балтийских и славянских языках долгие слоговые развивались так же, как и краткие, то есть они стали краткими. Однако в литовском и в славянских первоначальная дифференциация обнаруживается еще в акцентуации (см. V, 2.6).

О долгих сонантах в славянских и в других языках см. Vailant, I, с. 175 и сл., Schwyzer, I, с. 171.

Примеры с долгими сонантами:

**gñtos* 'рожденный': скр. *jātas*, лат. *gnātus*, галл. *Cintugnātus*, гот. *airþakunds* 'рожденный на земле, земного происхождения',

**wīnā* 'шерсть': лит. *vilna*, др.-русск. *вѣлна* (русск. *во́лна*), гот. *wulla* (ll из ln), авест. *varəṇā*, др.-инд. *īṅṇā* (из *wīr-*), лат. *lāna* (из *wl-*), греч. *λάνος*, *λήνος* 'шерсть'

**rīnos* 'полный': скр. *rīṅṇa-*, лит. *pilnas*, ст.-слав. *plŭnŭ*, гот. *fulls*, др.-ирл. *lān* (утрата *p-*),

**gñtos* 'желанный': скр. *gūrta-*, лат. *grātus* 'угодливый' (оск. *brātom*), лит. *girtas* 'хваленый'.

**gñtom* 'растертое, зерно': лат. *grānum*, др.-ирл. *grān*, гот. *kaurn* 'злаки, пшеница', *kaurnō* 'зерно', ст.-слав. *zrŭno*, лит. *žirnis* 'горошина', скр. *jīṅṇa-* 'растертый';

**rīwo-*, **rīmo-* 'передний, первый': скр. *rīṅva-*, ст.-слав. *prŭvŭ*, лит. *pirmas*, др.-англ. *forma* 'первый', гот. *fruma*; ср. др. *πρῶτος*.

В некоторых случаях можно предположить, что долгие сонанты в греческом были заменены *ανα αρα αρα αρα*, а в лат. *an(a) am(a) ar(a) al(a)*, например:

**rīmā* 'ладонь': др.-ирл. *lām* 'рука', др.-в.-н. *folma*, греч. *παλάμη*, лат. *palmā*;

**sp(h)īg-* 'распускаться (о растениях), трескаться': др.-инд. *sphūrjati* 'пробивается, трескается', авест. *fra-spaṇəya-* 'побег, ветвь', греч. *σφαραγίζομαι* 'наполняться (о вымени), трескаться', лат. *spargo*

Ср. также Strunk, с. 1—8.

5.4. *ŕ* как привативная частица засвидетельствовано во многих индоевропейских языках; ср. скр. *a-jñātas*,

греч. ἄ-γνωτος, лат. ignōtus 'неведомый' (= in-gn, где in развилось из ep согласно I 12b, а затем было обобщено), гот. un-kunþs 'неизвестный', в противоположность Jnātas, γνωτος, (g)ñōtus, kunþs Слова с привативным значением могут образовываться также от существительных, которые начинаются с гласного Тогда в некоторых языках привативная частица выступает в другой форме; ср. греч. ἄν-ιδρος 'безводный' = скр. an-udra-. В этом случае говорят о слоговых носовых и плавных в предвокальной позиции (обозначаются пп или п^m и т. д.), хотя, собственно говоря, здесь заключено противоречие, поскольку эти звуки могут становиться слоговыми только между согласными. Однако в данном случае речь идет об обусловленных окружением анаптиктических (вставных) вокалических элементах, которые часто фонологизируются, другими словами, приобретают стабильность (ср VI, 6.15) Ввиду неясности написания пп—такая запись наводила бы на мысль о последовательности сонантного и согласного m — и для данной позиции мы будем применять простые обозначения п, ɸ и т. д. Их продолжения в большинстве языков идентичны продолжениям слоговых звуков. Отклонения наблюдаются в латинском и греческом в виде an am ag al, в древнеиндийском в виде an am и ig или (после лабиальных и односторонних лабиовелярных) ug, в славянском в виде ĩp ĩm ĩg ĩl, в иранском во всех случаях a, например:

*tɸu- 'тонкий': скр. tapu-, греч. τανύ-(θριξ), др.-ирл. tapae, др.-в.-н. dunni, ст.-слав. tĭnŭ-kŭ;

*sɸo- 'какой-то': скр. sama-, иран. hama- 'каждый', греч. ἄμó-θεν, οὐδ-αμοί, гот. sums, англ. some;

*gʷɸu- 'тяжелый': скр. guru-, греч. βαρύς, гот. kaurus (из *kurus);

*pɸu- 'много': скр. pugu-, др.-перс. paḡu- (см. 4.3.).

е) Спиранты

6. В индоевропейском языке имелся только один спирант—глухой s. В качестве его аллофона выступает также звонкий z (ср. s в нем. Rose 'роза'), но только перед звонкими смычными.

Как правило, s сохранился в древнеиндийском, литовском, старославянском. В греческом этот звук удержался перед смычными и после них, а также в исходе

слова. В остальных случаях он переходил в *h*, который утрачивался в интервокальной позиции, а в некоторых диалектах (так называемых псилотических), например ионийском, и в начальной позиции перед гласным. В иранском мы наблюдаем почти аналогичное развитие. В латинском *s* сохранился в большинстве позиций, однако в интервокальной позиции этот *s* переходил в *g* (так наз. ротацизм). В общегерманском из *s*, согласно закону Вернера (II. 4, конец), возник *z*, который в таком виде сохранился только в готском, тогда как в других германских языках перешел в *g*. Восточные индоевропейские языки (индоиранский, славянский, отчасти балтийский) отличаются тем, что *s* в этих языках в позиции после *i*, *u*, *g*, *k* переходил в *š*, из которого в древнеиндийском развился затем церебральный *s*, тогда как в славянском перед велярными гласными появляется *x* (ср. нем. *ch*), например:

**senos* 'старый'; см. IV. 4 2.;

**wes-* 'одевать': скр. *was-tē* 'надевает', лат. *vestis* 'одежда', *vestio* 'одеваю', греч. ἔνυμι 'надеваю', ἐσθίς 'одежда', ἐφαστρίς 'верхняя одежда, плащ', хетт. *wes-* 'надевать', гот. *wasti* 'одежда', *wasjan* 'одевать';

**eusō* 'жечь': греч. εῶω 'жечь, опалить' (из **euhō* с переходом аспирации в начало слова), лат. *ūrō* 'жгу', *ustus* 'сожженный', скр. *ōsāmi*;

**esō* — конъюнктив от **es-* 'быть': греч. ἔω, стяженное атт. *ω*, лат. *egō* (футурум), скр. *asāmi*.

6.1. Развитие восточного типа наблюдается, например, в локативе мн. ч., который оканчивается на *-su*;

скр. *aśvā-su* 'в кобылицах', но *agni-su* 'в огнях', *sūnu-ṣu* 'в сыновьях', *vāk-su* 'в словах', *pitṛ-ṣu* 'в отцах'; ст.-слав. *trī-xŭ* 'в трех', *synŭ-xŭ* 'в сыновьях'. Затем

**ters-* 'сухой': греч. τέρσομαι 'буду сухим', лат. *tostus* (из *torsitos*), гот. *ga-ḥairsan* 'высохший', *ḥaurstei* 'жажда', др.-в.-н. *durst* 'жажда' — скр. *tṛsyati* 'жаждет, испытывает жажду', авест. *taršna-* 'жажда', лит. *tirštas*;

**wers-* 'возвышенное место': лат. *verrūca* 'locus editus et asper' ('возвышенное неровное место') (Катон) 'бородавка, сосок', скр. *varṣman-* 'высота, острие', лит. *viršus* 'верхнее, вершина', ст.-слав. *vrŭxŭ* 'вершина, высота'.

См. Andersen, Kiparsky₂, с. 433.

6.2. Вариант *z* хорошо прослеживается в **mizdho-* 'мзда, плата': гоѣ. *mizdo*, ст.-слав *mizda*; ср. греч. *μισθός*, авест. *mižda-* (-*iz*->-*iž-*, как -*is*->-*iš-*), скр. *miðha-*; **ozdos* 'сук'. греч. *ὄζος*, эол. *ὄδοος*, гоѣ *asts*, арм. *ost*; **nizdos* 'насиживание, гнездо': лат. *nīdus*, др.-в.-н. *nest*, скр. *niða-* (из *nižda*->*nižða-*), арм. *nist*; вероятно, также лит. *lizdas*, где плавный в начале слова развился по аналогии.

6.3. Предположения относительно других спирантов делаются на основе определенных соответствий, согласно которым греческому дентальному противостоит индоиранское *s*. Ясно, что скр. *ṛksa-* 'медведь' соответствует греч. *ἄρκτος* (сюда же относятся лат. *ursus* и др.-ирл. *art*), скр. *taksan-* 'плотник' — греческое *τέκτων* 'плотник'. В этих и подобных им соответствиях ни индоевропейский дентальный, ни индоевропейский *s* не проявляют ситуацию. Поэтому со времен К. Бругмана допускают существование интердентального спиранта *ʃ* (англ. *th* в *thank* 'благодарность'), а также его звонкого соответствия *ð* (англ. *th* в *this* 'этот') и даже аспирированных *ʃh* *ðh*.

Со структурной точки зрения такое допущение едва ли оправдано. Надежно засвидетельствованный глухой спирант *s* не имеет звонкого соответствия. Поэтому было бы странно, если бы интердентальный ряд был развит лучше, поскольку ввиду сильно ограниченной дистрибуции он встречается только после гуттуральных.

Из сказанного следует, что в подобных случаях мы можем зафиксировать не самостоятельные фонемы, а особые модификации, обусловленные специфическими группами звуков. В пользу именно такой трактовки свидетельствует тот факт, что при наличии возможности для более широких сопоставлений языковой материал побуждает отказать от гипотезы об интердентальных звуках.

Так, соотносительные формы греч. *χθών*, *χθονιάλος* = скр. *ksam-* 'земля' получили новое освещение благодаря открытию хетт *tekan* (ген. *taknas*), тох. *tkam*. Исходной формой было **dheghōm-* с обусловленными склонением вариантами **dheghom-*, **dhghem-*/**dhghom-*. Из **dheghom-* развилась хеттская форма, из **dhghom-* в результате контактной метатезы в начале слова возникло греч. *χθον-*, позднее — *χθον*. Упрощением инициальной консонантной

группы dhgh- в gh- объясняются лат. humus, ст.-слав. zemlja и греч. χαμαί. Скр. ks—это особое развитие тяжелой консонантной группы.

В новом свете предстает теперь и соответствие *ἄρκτος* = *rk̥sa-*, поскольку сюда, по-видимому, относится и хетт. *hartagga-*.

В данном случае мы должны исходить из формы **ṛtko-*, которая просвечивает в хеттском через сложное написание этого слова и которая в греческом в результате метатезы превратилась в *ἄρκτος*, тогда как в индийском развитие пошло по особому пути.

См. об этом Wright₃, с. 1017—1022, а также Schindler₃, с. 191—205, с богатой библиографией; Вяч. Вс. Иванов₄, с. 24 и сл.; Szemerényi₂₉, с. 85.

6.4. Попытку приписать индоевропейскому языку также аффрикату *c* (=ts) можно считать неудавшейся.

Benveniste₂, с. 30 и сл.; он же₁₇, с. 8; см. критику Lazzeroni₂, с. 12—22, Szemerényi₂₉, с. 85.

ж) Смычные звуки

7. Даже беглое сравнение фонологических систем отдельных индоевропейских языков показывает, что они унаследовали от языка-основы, по крайней мере лабиальные, дентальные и гуттуральные согласные. Можно установить также, что наряду с оппозицией глухой: звонкий для этих звуков существовал как минимум еще один дополнительный способ артикуляции. Греческому была свойственна трехрядная система: звонкий—глухой—глухой аспирированный, например: β π φ. В древнеиндийском ей обычно соответствует система звонкий—глухой—звонкий аспирированный, например: b p bh. Эти три ряда представлены и во многих других языках, хотя и иным образом. В общегерманском языке древнеиндийским звукам b p bh соответствовали p f b; таким образом, древнеиндийскому bh соответствовал b, то есть звонкий звук, а не глухой, как в греческом. В других языках, например в латинском и в славянском, звуки, соответствующие др.-инд. b и bh, совпали в b, иными словами, звонкий звук и здесь соответствует др.-инд. bh. Для реконструкции третьего способа артикуляции имеются, следовательно, два основания: 1) греческий и древнеин-

дийский свидетельствуют о наличии аспирации как главного признака, 2) однако они отличаются друг от друга по звонкости. В то же время данные древнеиндийского языка относительно аспирации звонкого звука подкрепляются материалами большинства других языков.

На этом основании вначале можно сделать традиционный вывод о том, что древнеиндийский язык лучше всех других сохранил первоначальное состояние. В таком случае мы должны включить в индоевропейскую подсистему смычных следующие фонемы:

p	t	k
b	d	g
bh	dh	gh.

При этом, естественно, возникает вопрос, возможна ли и приемлема ли по соображениям общего порядка подобная трехрядная система. Ответ на него будет дан позднее (см. VI. 7.1.).

Необходимо также учитывать, что древнеиндийский обладал полной четырехрядной системой, то есть не только системой p b bh, но и симметричной системой p rh b bh. Отсюда напрашивается вопрос, не отражает ли такая система первоначальные условия точнее, чем трехрядная система других языков, и нельзя ли обнаружить в каком-либо из языков соответствия древнеиндийскому четвертому ряду. Действительно, имеется немало соответствий, которые позволяют обнаружить четвертый ряд в греческом и в других языках. Раньше четвертый ряд постулировался и для индоевропейских языков как сам собой разумеющийся. В исследованиях последнего времени от этой точки зрения отказались потому, что для четвертого ряда имеются лишь немногочисленные свидетельства, большей частью только в индоиранском, вследствие чего гипотеза о том, что это инновация, не лишена оснований. Подробнее об этом будет сказано ниже (см. IV. 8, VI. 7 1.4.) Теперь же предварительно тремя главными типами фонем будем считать p b bh. Их существование, за исключением начального b, подтверждается большим числом соотносительных форм

Относительно третьего способа образования возникает вопрос, являются эти фонемы монофонемами или бифонемами. Ответ на него можно дать только с учетом дистрибуции. В индоевропейском существовали цепочки

типа *prek- *plag- *drem-, а также *bhräter- *dhreugh- и т. д., то есть последовательности глухой аспирированный смычный + плавный и звонкий аспирированный смычный + плавный. Однако не существовало последовательностей из трех согласных, то есть глухого аспирированного смычного, спиранта и плавного типа *psrem-. Это означает, что с дистрибутивной точки зрения последовательность bhr или dhg можно считать лишь комбинацией двух фонем, другими словами, bh и dh монофонемны

Ср. Szemerényi²⁹, с. 95. Р. Якобсон дает ответ на сходный вопрос относительно бенгальского языка, опираясь на различные признаки, см. Jakobson, I, с. 647 и сл.

Сказанное выше в подтверждение существования отдельных рядов можно обобщить следующим образом. Первоначальные классы сохранились только в древнеиндийском. В греческом звонкие аспирированные звуки, то есть так называемые *Mediae aspiratae* (MA), превратились в тонкие (или глухие) аспирированные, в так наз. *Tenuis aspiratae* (TA), например bh в ph (= φ) и т. п. Процессы, протекавшие в общегерманском, несмотря на их радикальность и сложность, можно очень просто уложить в законы передвижения:

р перешли в f t перешли в þ k перешли в *χ, в ист. период—h
 b -"- p d -"- t g -"- k
 bh -"- b dh -"- d gh -"- g

Относительно общегерм. b d g необходимо, кроме того, отметить, что еще в ранний исторический период по характеру они были примерно идентичны соответствующим испанским фонемам в интервокальной позиции: они выступали как звонкие спиранты, в начале слова, после носовых и z—как звонкие смычные. С этими звонкими спирантами затем совпали возникшие, согласно закону Вернера, звонкие варианты (II 4).

Древневерхненемецкий отличается от этого общегерманского состояния так называемым вторым, или древневерхненемецким, передвижением согласных, в результате которого общегерманские глухие аспирированные согласные (*tenuis*) в начале слова при геминации и после согласных переходят в аффрикаты (p > pf, t > z = ts, в южн.-нем. также k > kχ), а в интервокальной позиции

и в исходе слова после гласной становятся долгими спирантами ($p > ff$, $t > z = ss$, $k > hh$). Общегерм. ř переходит в d , а d — в t

В латинском сложное развитие претерпел третий ряд. Оно проходило через многие промежуточные ступени; о некоторых из них еще ведется дискуссия, однако окончательный результат ясен. В начале слова МА переходили в глухие спиранты: $bh- > f-$, $dh- > f-$, $gh- > h-$. В середине слова возникли звонкие смычные (без аспирации). $-bh- > -b-$, $-dh- > -d-$ или, при известных обстоятельствах, $-b-$, $-gh- > -g-$, но в интервокальной позиции, в отличие от общей тенденции, также h . В иранском, литовском, славянском и кельтском индоевропейские МА совпали с индоевропейскими средними V армянском произошло «передвижение», очень похожее на германское. Весьма интересно, что p в кельтском утрачивается, в армянском же переходит в h , которое исчезает перед o .

О развитии МА в лат. см. Szemerényi, IV, с. 27—53, 99—116; V, с. 1—21; Serbat, с. 78—90.

Рассматривая развитие МА в греческом и древнеиндийском, необходимо учитывать также закон диссимиляции Грассмана (II 4): в последовательности, содержащей два аспирированных звука, первый из них утрачивает придыхание. Из и.-е. $*bheudh-$ в древнеиндийском возникло $*baudh-$, а затем $bōdh-$, в греческом — вначале $*pheuth-$, а затем уже $\pi\omega\theta-$ — ‘разузнавать’.

См. Hoenigswald, с. 59 и сл.; Langendoen, с. 7—9; Lejeune, с. 280, 282, Levin S., с. 66—75.

7.1. Лабиальные.

7.1.1. p

$*ped-$, $*pod-$ ‘пята, нога’: греч. $\pi\omicron\delta\varsigma$ $\pi\omicron\delta-\acute{o}\varsigma$, лат. $p\acute{e}s$ $ped-is$, скр. $pad-$, гот. $fōtus$, арм. otn ;

$*spek-$ ‘взирать’: лат. $speciō$ $spectō$, греч. $\sigma\acute{\kappa}\epsilon\pi-\tau\omicron\mu\alpha\iota$ (с метатезой $p—k$), авест. $spas-$, др.-в.-н. $spehōn$ ‘высматривать’;

$*ter-$ ‘теплый’: лат. $tereo$ ‘согреваю’, скр. $tapati$ ‘делает теплым, бичует себя’, ст.-слав. $teplostī$ ‘тепло, теплота’;

$*uper(i)$ ‘над, сверху’: скр. $upari$, греч. $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$, лат. $s-uper$, гот. $ufar$, др.-в.-н. $ubir$ ‘над’.

7.1.2.b

*belo-‘сила’: скр. *balam*, греч. βάλ-τερος ‘сильнее, лучше’, ст.-слав. *bolijǫ* ‘большой’, лат. *dē-bilis* ‘немошный, слабый’ (?);

*ribeti ‘пьет’: скр. *ribati*, лат. *bibit* (ассимиляция), др.-ирл. *ibid*;

*dheub- ‘глубокий, полый’. гот. *diups*, лит. *dubùs* ‘глубокий’, ст.-слав. *dǫbrǫ* ‘пропасть’, галл. *Dubno-gīx* ‘властелин мира’, др.-ирл. *domun* ‘мир’.

7.1.3. bh

*bher- ‘нести’: скр. *bhar-*, греч. φέρω, лат. *ferō*, гот. *bairan*;

*bhendh- ‘связывать’: гот. *bindan*, скр. *bandh-*, *bandhu-* ‘родственник’, лат. *of-fend-ix* ‘ремешок под подбородком на шапке священнослужителя’, греч. πείσμα ‘канат’ (из *πειθ-σма), πειθερός ‘свекор, тесть’ (‘связанный через женитьбу’);

*albho- ‘белый’: греч. ἀλφός ‘белые’, лат. *albus*, др.-англ. *ælbītu* ‘лебедь’;

*gombho- ‘ряд зубов, зуб’. греч. γόμφος ‘колышек, гвоздь’, γομφίος ‘коренной зуб’, скр. *jambhas* ‘зуб’, *jambhya-* ‘коренной зуб’, ст.-слав. *zobŭ*, др.-в.-н. *kamb*, др.-англ. *comb* ‘гребень’ (‘с зубьями’), тох *A kam*, *B keme* ‘зуб’; см. *Narten*₁, с. 255 и сл.

7.2. Дентальные.

7.2.1. t

*treyes ‘три’: скр. *trayas*, греч. τρεῖς, лат. *trēs* (см. IV. 3.1);

*teutā ‘род, народ’: др.-лит. *tauta* ‘народ’, оск. *touto* ‘civitas’, др.-ирл. *túath* ‘народ, страна’, гот. *þiuda*, др.-в.-н. *diot* (производное *diut-isc*, совр. нем. *deutsch* ‘народный’), хетт. *tuzzi-* ‘войско’;

*tres- ‘трястись, бояться’: скр. *trasati*, греч. τρέω ‘трепещу’ (аор. ἐ-τρέσ-σαν), лат. *terreo*, ср.-ирл. *tarrach* ‘боязливый’, лит. *trišu* ‘я трясусь’;

*pet- ‘устремиться, лететь, падать’. лат. *petō* ‘двигаться’ (*iam vēr appetēbat*), желать, хотеть’, греч. πέτομαι ‘я лечу’, πίπτω ‘падаю’, скр. *patati* ‘падает, спешит, летит’, *patra-* ‘перо, крыло’ (ср. лат. *pena* из *pet-nā), др.-англ. *feðer*, др.-в.-н. *fedara* ‘перо, оперение’ (*pet-rā), ср.-ирл. *ethait* ‘птица’ (*pet-ontī).

7.2.2. d

*domos 'дом': греч. *δομος*, лат. *domus*, скр. *damas*;

*ed- 'есть': лат. *edō*, греч. *ἔδοντι*, *ἔδμεναι*, *ἔδομαι*, скр. *ad-mi* 'я ем', гот. *itan*,

*sed- 'сидеть': лат. *sedeō*, греч. *ἕζομαι* (*sed-y-), *ἔδρα* 'сидение', скр. *asadat* 'сел', гот. *sitan*, др.-сканд. *sitja*, др.-в.-н. *sitzen*;

*reud- 'кричать, выть': лат. *rudō* 'реветь (об осле), кричать', скр. *rudāti* 'стонет, плачет', лит. *gaudóti* 'стенать, плакать', др.-англ. *gēotan*, др.-в.-н. *gīozan* 'жаловаться, плакать'.

7.2.3. Как уже указывалось, *dh* в интервокальной позиции переходит в латинском в *d*, но в *b* после *u* и *g*, а также перед *g* и *l*

*dhūmos 'дым': скр. *dhūma-*, лат. *fūmus* и т. д. (IV 1 10);

*medhyos 'средний' скр. *madhyas*, лат. *medius* (IV 3.1),

*widhewā 'вдова'. скр. *vidhavā*, лат. *vidua* (IV.1 7);

*ūdher 'вымя'. скр. *ūdhar*, лат. *ūber*, др.-англ. *ūder*, др.-в.-н. *ūtaz*;

*werdho-, *wīdho- 'слово': гот. *waurd*, др.-в.-н. *wort*, лат. *verbum*,

*bhardhā 'борода' латыш. *barda*, ст.-слав. *brada*, др.-в.-н. *bart*, лат. *barba* (из **farbā* в результате ассимиляции);

*rudhro- 'красный': греч. *ῥυθρός*, лат. *ruber*;

*stædhlo- 'стоянка, стойло': лат. *stabulum* (с анаптичесом -*bl-* в -*bul-*).

7.3. Гуттуральные (см. также 7.4 6).

7.3.1. k

*kerd-, *kīd- 'сердце': греч. *καρδία*, гомер. *κῆρ*, лат. *cor*, ген. *cordis*, гот. *hairtō-*, др.-ирл. *críde*, лит. *širdis*, ст.-слав. *srǫdice*;

*porkos 'поросенок' лат. *porcus*, ср.-ирл. *orc*, др.-в.-н. *far(a)h*, лит. *paĩšas*;

*ekwos 'лошадь': лат. *equus*, гот. *aihwa-tundi* 'колющий кустарник' ('лошадиный зуб'), др.-сакс. *ehu-skalk* 'конюх', скр. *aśvas*;

*ōku- 'быстро' греч. *ὠκύς*, лат. *ōcior*, скр. *aśu-*.

7.3.2. g

*agō 'я гоню': греч. *ἄγω*, лат. *agō*, скр. *a jāmi*;

*agros 'поле'. греч. ἀγρός, лат. ager, гот. akrs, скр. aŕas;
 *genu, *gonu 'колени': греч. γόνυ, лат. genu, хетт.
 genu, скр. jānu;
 *geus- 'пробовать': греч. γεύομαι, лат. gustō, гот.
 kīusan 'пробовать, проверять', скр. jōsati 'любит, наслаж-
 дается'.

7.3.3. gh

*gheim-, gh(i)uem- 'зима, снег': греч. χιών 'снег',
 лат. hiems 'зима', bīmus 'двухлетний' (собственно гово-
 ря, 'двухзимний', из *bi-himos), лит. žiema, ст.-слав.
 zima, скр. hēman (локатив) 'зимой', šata-hima- 'столет-
 ний';

*anghu- 'тесный': лат. angi-portus 'перевал, ущелье',
 гот. aggwus (gg = ng), др.-в.-н. angi, engi, ст.-слав. ožŭ-kŭ
 skр. aŋhu-;

*dheigh- 'лепить (из глины)': греч. τεῖχος 'стена'
 (диссимилировано из *theikhos), лат. fingo, figulus, figūra,
 гот. ga-digan 'мять, лепить из глины', daigs, др.-в.-н.
 teig 'тесто', арм. dizanem 'складываю в кучу', авест.
 paīri-daēza- 'ограда' (отсюда греч. παράδεισος 'сад, парк',
 нем. Paradies 'рай'), скр. dēhmi 'намазываю', dēhī 'вал,
 дамба',

*wegh- 'ехать'. греч. памфил. Φεχέτω 'должен отнести
 туда', (F)ῶχος 'повозка', лат. vehō 'везу', гот. ga-wigan
 'двигать, трясти', др.-в.-н. wegan 'двигаться', ст.-слав.
 vezr 'везу', авест. vazaiti 'везет, едет', скр. váhati 'везет'.

7.4. Сатем и кентум. Нёбные, велярные, лабиовелярные.

7.4.1. Мы видели в приведенных параллелях, что
 гуттуральному звуку западных индоевропейских языков
 регулярно соответствует спира́нт (тип s или š) восточных
 индоевропейских языков. Это справедливо для большин-
 ства тех случаев, когда в западных индоевропейских
 языках гуттуральный представлен или, как в общегер-
 манском, он был представлен ранее. По данному признаку
 «западные» языки, то есть греческий, латинский с италий-
 скими диалектами, венетский, кельтский, германский,
 а кроме того, хеттский и тохарский (хотя последние два
 и не засвидетельствованы на западе), противопоставляются
 «восточным» языкам, то есть балтийскому, славянскому,

албанскому, армянскому и индоиранскому. По форме слова 'сто' в латинском и соответственно авестийском их называют *языками кентум* и *языками сатем*.

7.4.2. Наряду с указанными типами соответствий встречаются также смешанные случаи, когда и на западе, и на востоке представлен один и тот же звук — гуттуральный, например

*kreu- 'кровавый, сырой, мясо'. греч. κρέ(F)α 'мясо', лат. cruor 'кровь', cruentus, ср.-ирл. crú 'кровь', др.-англ. hrēaw, др.-в.-н. (h)rawēr (h)rō 'сырой', лит. kraūjas 'кровь', ст.-слав. krŭvī, скр. kravis-, kravyam 'сырое мясо';

*(s)ker(t)- 'резать'. греч. κείρω, лат. carō (собств. 'сечение, разрез'), др.-в.-н. skeran (нем. scheren) — лит. skiriū 'делю', kertū 'режу, рассекаю', скр. kṛntati, kar-tati 'режет';

*loukos 'прогалина': лат. lūcus — скр. lōka- 'открытое место, мир', лит. laūkas (IV.2.6);

*yugom 'иго'. лат. iugum — ст.-слав. igo, скр. yugám (IV.1.9).

*aug- 'расти, множиться': лат. augeo — лит. áugti (IV.2.4);

*(s)teg- 'покрывать': греч. στέγω, лат. tegō — скр. sthaga(ya)ti 'покрытый', ст.-слав. ostegŭ 'одежда';

*steigh- 'идти, подниматься': греч. στείχω, гот. steigan — скр. stighnoti 'он поднимается', ст.-слав. stignr 'прихожу';

*mighlā 'туман': греч.μίχλη — лит. miglā, ст.-слав. mīgla; также скр. mēgha- из *moigho-;

*nogho- 'коготь, нога' греч. ονυξ ονυχος 'ноготь, коготь', лат. unguis 'ноготь', др.-в.-н. pagal — то же — лит. pagas 'ноготь', pagà 'копыто', ст.-слав. paga, pogŭti.

7.4.3. Поскольку первый тип соответствий не удается объяснить процессами развития отдельных языков, остается предположить, что оба типа соответствий относятся к индоевропейскому периоду. Как показывают исторические параллели (ср. ит. cento, франц. cent из лат. centum, то есть kentrum), тип s/z возник из прежних гуттуральных, которые, однако, на последней стадии существования индоевропейского языка не могли быть идентичными с другими гуттуральными, ибо последние сохранились как таковые в языках сатем. Поэтому выдвигается гипотеза, что в индоевропейском существовало

два типа гуттуральных: передние и задние гуттуральные. При артикуляции передних гуттуральных приподнятая спинка языка образовывала смычку с твёрдым нёбом (палатумом). При артикуляции задних гуттуральных спинка языка поднималась к мягкому нёбу (велуму). Поэтому один ряд называют *палатальными*, а другой — *велярными*. И если различие между ними релевантно, то его выражают и на письме, используя для этого *k* и *q* или *ḳ* и *k* или *k* и *ḳ*. Обычно же обходятся, как мы и поступали до сих пор, без такого разграничения. Дело в том, что в одних индоевропейских языках данное различие либо совсем отсутствует (тип кентум), либо оно очень четко проведено с помощью звуков различного типа — *s/š* и *k* — в языках группы сатем

7.4.4. В индоевропейском существовал, кроме того, еще *третий ряд*; ведь там, где в языках сатем зафиксирован тип *k*, в языках кентум ему большей частью соответствует не *k*, как это было в случае с велярными, а звук типа лат. *qu* или другие звуки, развившиеся из звуков такого рода. Это отчетливо видно на примере вопросительного и неопределенного местоимений. Др.-инд. *kaś* 'кто?', лит. *kàs* 'кто?' соответствуют лат. *quis* 'кто', quo- 'котор-' и хетт. *kwis*. Без сомнения, сюда же относятся гот. *hwas* *hwa*, др.-в.-н. (h)wer (h)waz. В итальянских диалектах в таких случаях представлен звук *r*, например: оск. *pis* 'кто', род 'который'. Аналогичное соответствие обнаруживается и в греческом, если согласный, о котором идет речь, стоял перед *a* или *o*, например: *πό-τερος* 'который из двух', *πό-θεν* 'откуда' и т. д.; если же согласный стоял перед *e* или *i*, мы встречаем обычно дентальный, например: греч. *τίς* в отличие от лат. *quis*.

Ясно, что в данном случае в языках кентум представлен первоначальный звук, который утрачивал элемент *w* в языках сатем, подобно лат. *qu* в романских языках (ср. франц. *qui* или ит. *chi* *che*), тогда как в определенных языках группы кентум этот элемент переходил в другие звуки (тип *p*, *t*). Велярный и лабиальный элементы были одинаково важны. К индоевропейскому типу звучания наиболее приближался, по-видимому, латинский язык. Поэтому индоевропейский тип фонем обычно трактуют как велярный с одновременным округлением

губ и называют *лабиовелярным*. На письме эти звуки обозначают k^w , g^w и g^wh . Нет необходимости специально подчеркивать, что предложенная для трех рядов фонетическая интерпретация является не абсолютно точной, а лишь приближительной.

7.4.5. *История индоевропейских лабиовелярных* в языках сатем довольно проста: там, вследствие утраты лабиального элемента, они, как правило, совпадали с обычными велярными. Некоторые процессы рассматриваются в § 7.4.7. В языках кентум развитие шло более сложными путями.

В греческом, как уже отмечалось, развитие зависело от последующего гласного. Перед *a*, *o* возникали лабиальные, перед *e*, *i* — дентальные, а перед или после *u* — чистые велярные, то есть * γ х. Однако g^w и g^wh становятся дентальными только перед *e*, а перед *i* возникают лабиальные β и ϕ . — В латинском сохранялся k^w (пишется *qu*), но перед *o*, *u* и согласными лабиальный элемент утрачивался, то есть оставалось чистое *k* (на письме передавалось в виде *c*); ср. *quis* — *cuius*, *relinquo* — *relictus*. В начале слова перед гласным g^w переходило в *w*, а g^wh — в *f*. Между гласными оба звука переходили в *w*, а после *n* — в gw (на письме передавалось через *gu*). Перед плавными и носовыми g^w переходило в *g*, а g^wh — в *b*.

В итальянских диалектах (оскском, умбрском и т. д.) k^w переходило в *p*, g^w — в *b*, g^wh — в *f*, но перед согласными лабиальный элемент утрачивался.

В общегерманском языке лабиовелярные были захвачены процессом передвижения согласных, так что из и.-е. $k^w g^w g^wh$, по-видимому, первоначально возникли hw , kw и gw . Из них еще в готском были представлены hw и kw . В других языках hw в середине слова утрачивает лабиальный элемент (гот. *saihwarp* др.-н. *sehan* 'видеть'). Сложным и спорным оказывается развитие и -е g^wh (см. Seebold, с. 104—133). Доподлинно известно, что общегерм. gw сохранялось после носовых, что перед *u* оно переходило в *g*, после гласных же, когда оно было таутосиллабическим, оно изменялось в *u*, а в остальных случаях — в *w*. В начале слова, видимо, возникало *b*, исключением была позиция после *u*, а после согласных обычно появлялось *g*.

7.4.6. Как показывает большинство примеров, приведенных в 7.3, индоевропейские небные развивались в языках сатем следующим образом:

И.-е.	Др.-инд.	Авест	Слав.	Лит.	Арм.
k	ś	s	s	š	s
g	j	z	z	ž	c (= ts)
gh	h	z	z	ž	j (= dz), -z-

Примечание. Др.-инд. h возникло в результате упрощения jh

7.4.7. Велярные и лабиовелярные давали в тех же языках чистые гуттуральные звуки, то есть в древнеиндийском—k g gh, а в других языках—k g g; в армянском, естественно, добавлялось «передвижение», и таким образом возникали kh k g

В индоиранском и славянском, а в некоторой мере также в армянском эти звуки подвергались дальнейшим изменениям; процесс этот можно назвать *палатализацией*. Иллюстрацией этого процесса является развитие романских языков из латыни. В западных романских языках из лат. k и g перед палатальными гласными e и i, а также перед y возникали аффрикаты č j (то есть tš dž) и т. п. В перечисленных же языках сатем первоначальные гуттуральные (в которых совпали и индоевропейские велярные и лабиовелярные) переходили в аффрикаты типа č или c (=ts)

В индоиранском k g gh перед e (которое затем переходило в a), i, y палатализовались в č j jh. В иранском утрачивается аспирация, в результате чего остаются только č j. В древнеиндийском jh переходит в h, так что в этом языке мы находим č j h. Следовательно, в древнеиндийском палатализованные гуттуральные j h совпадают со звуками, которые являются продолжением индоевропейских палатальных j h, например

и.-е. *k^we 'и': лат. -que, греч. τε—скр. ča;
и -е *g^wep- 'жена' греч. γυνή, гот. qinþ (q=k^w),
др.-в.-н. quepa—скр. jāni-, авест. jāni-,
и -е. *g^when- 'бить, убивать' греч. θείνω 'бить', φόνος 'убийство', хетт kwen- 'бить, убивать'—скр. hanti 'бьет', авест. jān-

В славянском развитие шло первоначально по тому же пути, затем j (=dž) упростилось в ž. Поскольку

в славянском МА совпали с медиальными, мы находим здесь только пару č ž, например:

и.-е. *k^wid 'что?': лат. quid, хетт. kwid, греч. τί — ст.-слав. čī-to;

и.-е. *g^wep- 'жена': др.-в.-н. quena — др.-прусск. gepna, ст.-слав. žena;

и.-е. *g^when- 'бить': хетт. kwen- — лит. genù 'гоню', ст.-слав. žepo

Однако в славянском произошла, кроме того, вторичная палатализация. После монофтонгизации дифтонгов ai и oi в ē [т. е. в è] (иногда в i) согласные k и g вновь оказались перед нёбным гласным и в результате палатализации изменились в c (=ts) соотв. dz (позднее z), например:

*koilu 'здоровый, невредимый': греч. κῆλον τὸ καλόν, гот. hails — др.-прусск. kailūstiskan 'здоровье', ст.-слав. cělū;

*ghoilo- 'сильный, резвый': гот. gailjan 'радовать', др.-в.-н. geil 'задорный, обильный' — др.-лит. gailas 'сильный', ст.-слав. dzělū 'сильный'.

В армянском палатализация захватила только индоевропейские глухие аспирированные (ТА) и звонкие аспирированные смычные (МА) (čhog-kh 'четыре': греч. τέτταρες, jern 'теплый': греч. θερμός), средние остались в стороне (kin 'жена': и.-е. *g^wep-, keam 'я живу': и.-е. *g^wi-).

7.4.8. Развитие лабиовелярных можно представить следующим образом:

и.-е.	греч.	лат.	общегерм.	др.-ирл.	др.-кимр.
*k ^w	π τ χ	qu, c	hw	c	p
*g ^w	β δ γ	gu, v, g	kw	b, g	b
*g ^w h	φ θ χ	f, b, gu, v	b, g, gw, w	g	g, -b-
и.-е.	др.-инд.	авест.	ст.-слав.	лит.	арм.
*k ^w	k, č	k, č	k, č, c	k	kh, čh
*g ^w	g, j	g, j, -ž-	g, ž, (d) z	g	kʲ
*g ^w h	gh, h	g, j, -ž-	g, ž, (d) z	g	g, j

7.5. Это развитие подтверждается следующими примерами.

7.5.1. k^w

*k^wi, k^wo- 'кто, что': греч. τίς ποῦ, лат. quis quod, хетт. kwis, гот. hwa(s)—скр. kas, čid (перешло в частицу 'даже'), ст.-слав. kŭ-to, čī-to, лит. kàs 'кто';

*k^wi- 'отплатить'. греч. τίωω 'плачѹ, искупаю', τίνομαι 'наказываю, мщу'—скр. čaumatē 'мстит, наказывает', ара-či-ti- 'расплата', отсюда

*k^woinā 'возмещение': греч. ποινή 'откуп за убийство, штраф' (вошло в латинский как заимствование в форме роена, откуда нем. Reip 'мучение')—авест. kaēnā- 'возмездие, штраф', лит. kaina 'цена', ст.-слав. сѣпа;

*k^welo-, *k^wek^wlo- 'колесо' (*k^wel- 'вращаться'): др.-прусс. kelan, ст.-слав. kolo, др.-сканд. hvel, греч. κύκλος, скр. čakra-, др.-англ. hwēol (из *hweula-, до этого *hwegwla-) 'колесо';

*wjk^wos 'волк': скр. vřkas, ст.-слав. vlikŭ, лит. vilkas—гот. wulfs (из *wulhwas; ср. обнаруживающее грамматическое чередование др.-сканд. ylgr 'волчица' из *wulgis, и -e *wjk^wi), греч. λύκος (из *wluk^wos), лат. lupus (диалектное слово);

*penk^we 'пять': греч. πέντε, лат. quinque (из *pinque как quattuor), гот. fimf (из *finhw; ср. wulfs)—скр. pañca, лит. penki;

*sek^w- 'следовать': лат. sequor, греч. ἑπομαι—скр. sačatē, авест. hačaitē, лит. sekũ; сюда же лат. socius из *sok^wuos;

*sek^w- 'видеть': хетт. sakuwa 'глаза', гот. saihsan, siuns 'вид, появление' (из *seunis, ранее *segwnis), др.-ирл. gosc 'глаз, взгляд' (из *pro-sk^w-o-);

*pek^w- 'варить, печь': греч. πέσσω (*pek^wyo), футур. πέψω, πέψις 'пищеварение', лат. соquō (из *k^wek^wō, образовавшегося в результате ассимиляции из *pek^wō), кимр. robi 'печь' (из por-, *k^wok^w-)—скр. pačati, ст.-слав. pekrъ (2 л. ед. ч. pečešī), лит. (с метатезой) керũ.

7.5.2. g^w

*g^wep- 'жена': греч. γυνή, др.-ирл. ben, гот. qinō qēns—скр. jani-, gnā 'супруга бога', др.-прусс. genna, ст.-слав. žena;

*g^wiws *g^wiws 'живой': лит. gyvas, ст.-слав. živŭ, скр. jivas—греч. βίος 'жизнь', лат. vivos, оск. bivus мн. ч., гот. qius, др.-в.-н. quek (ср. Quecksilber 'ртуть'), нем. keck, др.-ирл. beo 'живой';

*g^wem- 'приходить':гот. qīman, др.-в.-н. quēman и затем soman, лат. venio (из *wemūō), греч. βαίνω (из *banūō, *bamūō)—1 л. ед. ч. скр. аор. agamat, 3 л. ед. ч. конъюнктива gamat, авест. jamaiti, вероятно, также лит. gēmti 'рождаюсь';

*g^wou- 'скот': греч. βοῦς, лат. bōs (диалектное слово), др.-ирл. bó 'корова', др.-англ. cū, др.-в.-н. chuo—скр. gaus, арм. kov 'корова', слав. gov-ędo 'крупный рогатый скот',

*bheg^w- 'бежать' греч. φέβομαι 'я бегу, убегаю'—лит. bėgu 'бегу', ст.-слав. bēgati; bēžati;

*nog^w- 'нагой, голый':гот. naqarþs, др.-англ. nasod, др.-в.-н. naskut, лат. nūdus (все—из *nog^wodhos)—скр. pagna-, ст.-слав. pagŭ, лит. nūogas (обе формы—из *nōg^wos);

*g^wel-n- 'жёлудь':греч. βάλανος, лат. glāns, ген glandis—арм. kařin, лит. gilė, цслав. желѣдь;

*reg^wos 'темнота':гот. riqis, греч. ἔρεβος—скр. raǵas 'темнота' (и gaǵanī 'ночь'), арм. erek 'вечер'.

7.5.3. g^wh

*g^wher-, *g^whor^{mo}- 'жаркий, жара':греч. θερμός, лат. formus 'жаркий', ср.-ирл. gorim 'накаляю'—скр. gharma- 'жара', арм. jerm 'теплый', ст.-слав. gorēti 'гореть', žeravŭ 'раскаленный', лит. gāras 'пар', др.-прусс. gorme 'жар';

*g^whedh- 'желать, просить':греч. θέσσαιθαι 'молить' (*g^whedh-s-), πόθος (в результате диссимиляции—из *phothos), др.-ирл. guidiu 'прошу' (*g^whodheyō)—др.-перс. jadiyāmiy 'я прошу', лит. gedŭ 'стремлюсь, печалюсь', godŭs 'жадный', ст.-слав. žędati 'желать, жаждать',

*g^whep- 'бить, убивать':хетт. kwen-, греч. θείνω φόνος, лат. dē-fendō 'отражаю', др.-ирл. gonim 'раню, убиваю', др.-англ. gūþ 'битва' (из *gunþjō, *g^whōtyā), др.-в.-н. gund-fano 'боевое знамя' (франц. gonfalon—заимствование)—скр. han-ti 'бьет', ghn-anti 'они бьют', др.-перс. aǵapat 'я бил', арм. ĵem 'я бью' (через ĵinem из *g^whep-), лит. gępŭ 'я гоню', ст.-слав. žępr 'я гоню', goniti 'гнать';

*snig^wh- 'снег':греч. νίφα, лат. nivem (ном. nix из *sniks из *snig^wh-s), pinguit из *sning^wheti; ср. IV.2.2;

*snoig^whos 'снег':др.-прусс. snaygis, лит. sniėgas,

ст.-слав. *snegŭ*—гот. *snaiws* из **snaigwas*, др.-ирл. *snigid* 'каплет', кимр. *puŷ* 'снег',

**seng^wh-* 'торжественно объявлять': гот. *siggwan* (=ngw), др.-в.-н. *singan*, гот. существит. *saggws*, греч. *ὄμφη* 'голос, предсказание', ср. лат. *singultus* и нов.-перс. *aṇang* 'поучение, совет';

**neg^whgo-* 'почка (орган)': греч. *νεφροί*, др.-в.-н. *nigro* из **neugan-*, **negwr-*, сюда же лат. (Ланувий) *nebrundi-nēs*, (пренест.) *nefrōnēs*,

**dheg^wh-* 'гореть, согревать': лат. *foveo* 'согревать, оберегать', *fōmentum* (из *fovi-*) 'согревающий компресс', *febris*, ср.-ирл. *daig* 'огонь'—скр. *dahati* (в результате диссимиляции—из *dhah-*) 'горит', авест. *dažaiti*, лит. *degù* 'горю'.

7.6. Дополнительные данные об индоевропейских звонких гуттуральных

В некоторых случаях в древнеиндийском языке представлен МА (h), тогда как в других языках, если имеются соответствующие свидетельства, мы обнаруживаем медиальный [т. е. средний] Приведем наиболее надежные примеры:

скр. *hanu-* 'челюсть'—греч. *γένυς*, лат. *gena*, гот. *kinpus* 'щека',

скр. *aham* 'я'—греч. *ἐγώ*, лат. *ego*, гот. *ik*;

скр. *mahī* 'большой'—греч. *μέγας*, лат. *magnum*, гот. *mikils*, арм. *mes*;

скр. *duhitār-* 'дочь'—греч. *θυγάτηρ*; велярный подтверждается в этом случае авест. *duǵadar-*, лит. *duktė*.

В одном случае глухому небному других языков в индоиранском противостоит МА.

скр. *hṛd(aya)-*, иран. *zṛd-* 'сердце': греч. *καρδία*, лат. *cor*, лит. *širdis*.

7.7. Дополнительные сведения о лабиовелярных.

Обычно считается, что лабиовелярные в языках сатем полностью совпали с велярными, то есть что их нельзя отличить от велярных. Однако имеются некоторые надежные свидетельства о существовании лабиального элемента и в языках сатем. В древнеиндийском форма типа *gūrta-* 'желанный' или *gugu-* 'тяжелый' с *ū* соотв. и показывает, что некогда за гуттуральным следовал лабиальный элемент, ибо только после лабиальных появляется и, обычно же зафиксировано *i*. В армянском первоначаль-

ные лабиовелярные (за исключением МА) палатализуются перед е и і. С чистыми велярными этого не происходит. Инфинитив от ст.-слав. *žepъ* (и.-е. *g^when-) имеет форму *gŭpati*, где ъ (ŭ) может быть интерпретирован только как рефлекс лабиального элемента индоевропейского лабиовелярного звука. Естественно, это лишь немногочисленные остатки. Тем не менее их достаточно, чтобы опровергнуть тезис об отсутствии лабиовелярных в языках сатем.

Ср. Burrow₃, с 133—144, Pisanī₁₂, с 19—23, Szemerényi₁₈, с 401—402.

Что касается природы лабиовелярных, то относительно этого обычно высказывается предположение, что k^w и т д. представляют собой единые фонемы, а не группы фонем (k + w). Эта гипотеза прежде всего основывается на том, что лат. *qu* в стихах (обычно) является кратким и, следовательно, не может быть группой звуков. Однако метрику нельзя использовать в данном случае как доказательство. Поскольку *sequor* 'я следую' образовывало по аналогии с *volvō* 'качу'—*volūtus* свое новое причастие *secūtus* (старое представлено в *secta*, *sectāri*), ясно, что *qu* воспринималось как аналогичное *lv*, то есть также было группой. При данных обстоятельствах мы, следовательно, не можем решить, из скольких фонем состоял индоевропейский лабиовелярный—из одной фонемы или из двух.

Важнее указание на то, что модифицированным рефлексом лабиовелярного звука, например в греч. *ἵππος*, является краткое *p*, тогда как группе *k^w* в скр. *ašvas* 'лошадь' соответствует греч. *ἵππος*. К сожалению, в греческой форме, кроме того, трудно объяснить звук *i*, в связи с чем вряд ли целесообразно привлекать ее для каких-либо выводов. Более убедительным было бы доказательство, что в индоевропейском языке k^w и *kw* (то есть чистый велярный + w) находились в оппозиции, например *k^wap- и *k^war-. Но и в данном случае дело обстоит так, что немногие примеры *kv*- в языках сатем, видимо, являются инновациями.

Остается, по-видимому, только один путь для решения данного вопроса, а именно. обратиться к структуре индоевропейского слога и слова. Как мы видели, в индоевропейском встречаются слова типа *k^wek^wlo- 'колесо',

в которых представлена последовательность k^wC . В то же время нет групп с последовательностью $C + w + C$, то есть, например, twl , dwl , twp и т. д. Из этого следует, что k^wC нельзя интерпретировать как последовательность из трех согласных и что, следовательно, k^w является *единой фонемой*. Но этим еще не доказано, что и в раннеиндоевропейском языке здесь также была одна фонема.

з) Аспирированные глухие смычные

8. Четвертый ряд существует в индоиранском (см. IV.7) В древнеиндийском он представлен аспирированными глухими ($ph\ th\ kh$), в иранском — соответствующими спирантами ($f\ \theta\ x$). Согласно общим принципам реконструкции, представляется допустимым предположить существование такого ряда и в индоевропейских языках, хотя в других языках он обычно совпадает с другими рядами. О новых попытках доказать, что этот ряд является индоиранской инновацией, будет сказано ниже (VI.7 1.4).

8.1. Приведем наиболее надежные примеры для ряда ТА:

скр. *phalaka* — 'доска, брусok': ст.-слав. *palica* 'палка', др.-сканд. *fjöl* 'половица, доска';

скр. *panthās*, ген. *pathas* 'путь': греч. *πάτος* 'тропа', *πόντος* 'море', лат. *pons*, ст.-слав. *puti* 'путь';

скр. *ratha* — 'колесница (боевая)': лат. *rota*, др.-в.-н. *rad*, лит. *rātas* 'колесо';

скр. *vettha* 'белит': греч. *οἰσθα*, лат. *vīdi-st-ī*, гот. *waist*;

скр. *ṛṣthu-ka* — 'детеныш': арм. *orth*, греч. *πῶρις* 'теленok';

скр. *ṛṣthu* — 'широкий': греч. *πλατός*, лит. *platūs* 'широкий';

скр. *manthati* 'взбалтывает': лит. *mentūrė* 'мешалка, черпак', ст.-слав. *meŕo* 'приводить в смятение'; также греч. *μόθος* 'сумятица в бою';

скр. *asthi* 'кость': греч. *ὀστέον*, лат. *os*, хетт. *hastai*;

скр. *śaṅkha* — 'ракушка': греч. *κόγχος* 'раковина',

скр. *śākhā* 'ветка' арм. *chaх* ($ch = ts - h$) 'ветка', др.-русс. *соха* 'кол, дубина'; совр. русск. *соха*, лит. *šakā* 'ветка, зубец', гот. *hōha* 'плуг'.

С дистрибутивной точки зрения интересно, что в ведийском *th* не встречается в начале слова, но в то же время оно имеет большую частотность, чем все остальные ТА, вместе взятые.

В диахроническом аспекте приведенные выше примеры показывают, что в греческом *th* представлено звуком *τ* или *θ*, а *kh* — звуком *χ*. В армянском представлены *th* и *x*, а возможно, также *ph*. В общегерманском и балтийских ТА совпадают с неаспирированными звуками, как и в славянском, за исключением *kh*, переходящего в *x*.

Ср.: Meillet₂, с. 78—83, Frisk₁, Szemerényi₂, с. 41—43, Hiersche₃.

8.2. Обращает на себя внимание большое число ТА в древнеиндийском после *s*, ср:

скр. *sphūrjati*: греч. *σφαραγύσσαι* 'трещать' (см. 5 4);

скр. *sphurati* 'отталкивает, подскакивает, прыгает': греч. *σπταίρω* 'вздрагиваю, дергаюсь', лат. *spernō* 'отстраняю, отталкиваю';

скр. *sph(i)ya-* 'переднее весло, лопата, лопаточная кость' (см.: Japert, KZ, 79, 1964, с. 89 и сл.): греч. *σφήν* 'клин', др.-в.-н. *spān* 'лучина' (?);

скр. *sthā-* 'стоять': греч. *στήμι*, лат. *stāre* 'стоять';

скр. *sthaḡ-* 'покрывать': греч. *στέγω*, лат. *tegō* 'покрывать';

скр. *-istha* (из *-istha-* — суффикс превосходной степени): греч. *-ιστος*, общегерм. *-ista-*;

скр. *skhalate* 'оступается': арм. *sxalem* 'отклоняться';

скр. *chid-* 'отрезать': греч. *σχίζω*, лат. *scindō* 'разрезаю'.

Встречаются также случаи, когда *s*, как и в приведенном выше *sthaḡ-*, представлено не везде, ср:

скр. *phēpa-* 'пена': ст.-слав. *pēpa*, др.-в.-н. *feim*, лат.

spūma- 'пена'.

Этой группе в основном посвящена книга Hiersche₃.

8.3. В некоторых случаях ТА, по-видимому, оказываются необходимыми и за пределами индоиранских языков, ср:

греч. *ἀσκληθής* 'неповрежденный' от **σκληθός* 'вред': гот. *skafis* 'вред'.

8.4. Случаи типа приводимых ниже основаны, видимо, на звукоподражании

скр. *kakhati* 'смеется': греч. *καχάζω*: ст.-слав. *хохотѣ*,
скр. *phūt-karōti* 'пыхтит, дует': греч. *φῦσξ* 'дутье';
ср. арм. *phukh* 'дыхание'.

и) Фонологическая система индоевропейского языка

9. Если свести воедино отдельные результаты, то для индоевропейского языка как ступени, предшествовавшей непосредственно отдельным индоевропейским языкам, можно вывести следующую систему

9.1. Согласные.

	Носо-Смычные				Плав-вые	Полу-ные	Спи-гласные	ранты
Лабиальные	b	p	bh	ph				
Дентальные	d	t	dh	th	n	l	y	s
Палатальные	g'	k'	g'h	k'h	m	r	w	
Велярные	g	k	gh	kh				
Лабиевелярные	g ^w	k ^w	g ^w h	k ^w h				

9.2. Гласные, дифтонги, сонанты.

i	u	ī	ū						
e	ə	o	ē	ō	ei	oi	eu	ou	ɲ ɳ ɶ ɷ
a		ā			ai		au		ɺ ɽ ɻ ɼ

В исходе флексий встречаются также долгие дифтонги: *ai* *ōi*, *eu* *ū*.

V. МОРФОЛОГИЯ

1.1. Фонемы — строительный материал для языковых единиц более высокого уровня. По общему мнению неспециалистов, первой единицей более высокого уровня является *слово*, а изучение изменения форм слова, например в системе склонения и спряжения, является задачей *морфологии* — учения о словоизменении. Чередования типа лат. *mēnsa* 'стол' /*mēnsam*/*mēnsae* и *abōminātiō* 'пожелание' /*abōminātiōnem*/*abōminātiōnis* ставятся, таким образом, на одну доску. Однако римлянину всегда было ясно, что существует большая разница между *mēnsa* и *abōminātiō*. Дело в том, что *mēnsa*, с точки зрения говорящего на латинском, не поддается членению, тогда как *abōminātiō* не только допускает многоступенчатый анализ, но и требует его. Прежде всего ясно, что *abōminātiō* является производным от *abōminārī* с помощью суффикса *-tiō(n)* по образцу *bratiō* 'речь' от *brāre*, *laudātiō* 'похвала' от *laudāre* и т. д. В свою очередь *abōminārī* явно состоит из нескольких элементов, а именно из префикса *ab*, из существительного *ōmen*, *ōmin-is*, а также из глагольного суффикса *-ā-*. Соответствующие параллели найти нетрудно. Если называть мельчайшие значащие единицы языка *морфемами*, то в составе *abōminātiō* можно выявить четыре морфемы. Как видно из этого примера, морфема не тождественна слову. Слово может состоять из одной морфемы (например, *vir*), однако оно обычно состоит из нескольких морфем. Построение слов из морфем — *словообразование* — является такой же важной частью морфологии, как и «учение о словоизменении», к которому обычно сводят содержание морфологии.

1.2. Приведенный выше пример показывает, что морфеме не обязательно надо иметь неизменяемую форму

Правда, так может быть. Так, например, морфема *Klass-* в немецком сохраняет свою форму при склонении (*Klass-e/-en*) и при деривации (*klassifizieren*). Но чаще все-таки происходят различные изменения. Не вызывает сомнений, что в (*ich*) *geb-e*, (*er*) *gib-t*, (*ich*) *gab*, (*ich*) *gäb-e* представлена одна и та же морфема, хотя и в вариантах *geb-/gib-/gab-/gäb-*. Следовательно, морфема имеет алломорфы. Говоря иными словами, морфема — это совокупность алломорфов, так же как фонема — это совокупность аллофонов. Тип варьирования морфемы, иллюстрацией которого является *geben*, в немецком языке имеет огромное значение и называется *аблаутом*. Умлаут является столь же важным типом варьирования морфем. Это варьирование затрагивает вокализм. Однако в немецком, как и в других языках, существует также чередование согласных. Так, в русском языке алломорф *рук-* (им. п ед ч *рук-á*) чередуется с *руч-* в *ручка*, *ручнóй*. В английском языке */haus/* 'дом' чередуется с */hauz/* 'поселять' (в обоих случаях пишется *house*) или */naif/* — с */naiv/* в *knife: knives* 'нож. ножи'

1.3. Чередования подобного рода можно было бы рассматривать как в фонологии, так и в морфологии. В фонологии им можно было бы посвятить специальную главу о сочетаемости фонем в потоке речи, поместив ее после описания фонологической системы. В противоположность *парадигматической* оси системы в этой главе описывалась бы *синтагматическая* ось последовательностей фонем в потоке речи. Правда, чередования можно было бы рассматривать и в морфологии, поскольку они выявляются при словоизменении и словообразовании. С практической точки зрения представляется, однако, более целесообразным трактовать такого рода чередования как пограничную область между обими основными областями, как переплетение морфологии и фонологии, другими словами, как *морфофонологию*, если воспользоваться термином Н. С. Трубецкого.

Н. С. Трубецкой в основополагающей статье «*Gedanken über Morphologie*» (TCLP, 4, 1931, с 163—163) определял задачу морфофонологии как «исследование использования в морфологии фонологических средств языка» и отвал ей «почетное место» между фонологией и морфологией. В теоретическом плане эта точка зрения несостоятельна, см в особенности Dugović, который, подобно Е. Куриловичу (см Kuryłowicz₁, с 153—163), большинство

относящихся сюда вопросов включает в фонологию, а некоторые — в морфологию. Напротив, А Мартине (см Martinet₁₂, с 15—30, ср также Martinet₁₀, § 3—41) склонен включить их в морфологию или же опустить совсем. Американская (и русская) лингвистика пока еще не затронута теоретическими сомнениями подобного рода, см Hockett₁, с 271 и сл; Hall, Jr₁, с 138—144, Ахманова, с 52—62, см также Lamb, с 550 и сл., и (с критикой А Мартине) Postal, с 168 и сл. Ср также Komárek, с. 145—161.

1.4. Помимо чередования гласных и согласных, мы рассмотрим здесь еще *структуру морфем*. Наряду с этим целесообразно охарактеризовать также *ударение*, связанное со словом, но никак не относящееся к морфологии.

А) УДАРЕНИЕ

2. Ударение — это выделение одного слога внутри слова по сравнению с другими его слогами. Важнейшими средствами такого выделения являются интенсивность выдыхания, высота тона и длительность. Все это используется при любой разновидности ударения, в связи с чем следует признать устаревшим существовавшее долгое время деление языков на языки с экспираторным, или динамическим, ударением и языки с музыкальным ударением или тоном. При таком подходе получается, что в одних языках играет роль только интенсивность, а в других — только высота тона. Впрочем, и учитывающее данное возражение деление языков на языки с «преимущественно» динамическим ударением и языки с «преимущественно» музыкальным ударением не отражает существа дела. Здесь упускается из виду, что любое ударение является динамическим, а различие заключается в его либо «сильно», либо «слабо» централизующем действии. Р. Якобсон показал, что существенное различие между обоими традиционными типами ударения заключается в том, что в одном случае объем ударения соответствует длительности всей слоговой фонемы — такое ударение воспринимается как динамическое (напр., в немецком и в русском языках), а в другом случае оно затрагивает только часть слога — мору. Например, в литовском долгий гласный, состоящий из двух мор, может иметь как нисходящее, так и восходящее ударение, то есть либо $\smile$, либо $\frown$; например, *sūniū* 'сыну' = *sūniū*,

a būdas 'вид' = būidas. Поэтому следует говорить о *словом* и *мором* ударении

Ср. Jakobson (теперь Selected Writings I, 1962, с. 117—136), особенно с. 119, 123; Garde₂, с. 50 и сл. См также Szemeré-nyi₁₉, с. 279 и сл., Garde₁, с. 32—43.

2.1. Языки отличаются друг от друга, кроме того, местом ударения в слове. Во многих языках ударение регулируется механически: оно закреплено за определенным местом в слове. В чешском и венгерском ударение падает всегда на первый слог, во французском — на последний, в польском — на предпоследний. В латинском языке ударение ориентируется на предпоследний слог, если он длинный, и на третий слог от конца слова, если предпоследний слог краткий. Однако встречаются языки, в которых ударение не связано с определенным местом в слове. Так, в испанском языке форма término может акцентироваться тремя разными способами: término 'конец, срок', término 'я заканчиваю', término 'он закончил'. В подобных случаях говорят о *свободном ударении*, в отличие от вообще и/или фонологически *связанного* ударения, которое имеет место, например, в венгерском или во французском языках. Однако эта свобода не зависит от воли говорящего, а регулируется в зависимости от грамматических, морфонематических особенностей, и ударение может быть закреплено за тем или иным местом в слове.

2.2. Надо сказать, что и свободное ударение может подчиняться определенным ограничениям, то есть быть лишь *ограниченно свободным*. Типичным примером может служить *древнегреческое* ударение в аттическом диалекте. Оно закреплено за тремя последними слогами слова, но в этих пределах является свободным.

Обычно различают три типа ударения, которые со времени Византийской империи отмечаются также на письме: *акут*, *циркумфлекс* и *гравис*. Гравис закреплен позиционно: акут последнего слога переходит в гравис, если слово стоит не в конце предложения. А это означает, что окситонированное слово утрачивает акут в составе предложения, что его ударение нейтрализуется. Таким образом, только *акут* и *циркумфлекс* являются

истинными типами ударения. Свободными эти виды ударения могут быть только в долгом конечном слоге: ном ед. ч. τιμή 'честь', но ген. ед. ч. τιμῆς. Другими словами, η в зависимости от грамматической функции может нести либо акут (ē=eé), либо циркумфлекс (ē=ée) На кратком конечном слоге может стоять только акут, который исчезает внутри предложения. Во всех других слогах, то есть в предпоследнем и в третьем от конца, ударение определяется количеством последнего гласного или дифтонга. Если он долгий, то предпоследний слог может иметь только акут; если же он краткий, то на предпоследнем слоге может стоять только циркумфлекс, например: φέρω 'несу', δῶρον 'подарка' (ген.), но δῶρον 'подарок' (ном = акк.) Если последний слог имеет долгий гласный или считающийся долгим дифтонг, то на предпоследний слог вообще не может падать ударение. Если гласный последнего слога краткий или этот слог содержит краткий дифтонг, то ударение может падать и на третий слог от конца, но это ударение может быть только акутовым: φέρομεν 'мы несем', φέρομαι 'я несу'. Часто эти соотношения описывают как закон *трех мор*. В соответствии с ним различают, считая от последнего слога, следующие структуры: 1) ˘, ˘˘ или ˘˘˘, 2) ˘ | ˘, ˘˘ | ˘, ˘ | ˘˘, ˘˘ | ˘˘, 3) (˘)˘ | ˘ | ˘; другими словами, ударение не может перемещаться влево, дальше третьей от конца моры. Но этому противоречит тот факт, что существует и акцентный тип ἀνδρῆς 'человек', в котором ударение приходится на четвертую от конца мору (˘ | ˘˘ | ˘). Эта трудность не снимается даже в том случае, если мы будем считать долгие средние слоги «полудолгими» (Schwyzler, I, с. 378) или будем предполагать, что предпоследний слог «не является ударным и содержит только одну мору» (Garde, с. 145). Ведь тип δῶρον δῶρον доказывает, что и предпоследний долгий слог состоит из двух мор. Да и по соображениям общего порядка мы не могли бы представить себе, чтобы при моровом ударении долгий слог состоял не из двух мор. Эти факты хорошо укладываются в новую формулировку закона *трех слогов*, данную Р. Якобсоном: «Вокалические моры между ударной морой и последней морой не могут принадлежать разным слогам, другими словами, расстояние между ударной морой и последней морой не может быть больше одного слога».

Эту формулировку см. в Jakobson, On Ancient Greek Prosody, 1937 (теперь. «Selected Writings», I, 1962, с. 262—271); см. несколько модифицированную формулировку в: Allen₆, с. 8—14, особ. 12; Allen₆, с. 107—148; Allen₇, с. 46—62. О грависе см. также Galton₃, с. 286 и сл. О проблеме *ávdρwλoς* см. Szemerényi₁₀, с. 234 и сл., а также цитированную там (с. 238, прим. 1) работу Луциди (см. Lucidi, с. 77—102).

2.3. Среди индоевропейских языков представлены не только языки, которые с самого начала исторического периода имели связанное ударение (например, армянский, кельтский и другие), но также языки, в которых наблюдается (ограниченно) свободное ударение (например, греческий, санскрит, литовский, некоторые славянские языки). Ясно, что связанное ударение представляет собой инновацию по сравнению со свободным и что, следовательно, *реконструкция индоевропейского ударения* должна опираться на языки со свободным ударением. Хотя в общегерманском языке ударение было связанным, тем не менее этот язык часто играет решающую роль для определения места ударения в индоевропейском языке, поскольку, как мы видели (II.4), закон Вернера предполагает такое состояние, в котором еще сохранялось место ударения, присущее индоевропейскому.

В общем, можно сказать, что наряду с греческим языком важнейшим свидетелем индоевропейского ударения следует считать также и древнеиндийский язык. *Древнеиндийское ударение* периода Вед существенно отличается от греческого. Прежде всего оно (неограниченно) свободное. В отличие от греческого с его законом трех слогов, в древнеиндийском ударение может появляться в любой позиции; ср.: *tatás* 'растянутый', *jānu* 'колено', *bhārata* 'несете', *bhāramānas* 'ношенный', ген. *bhāramānasya*. Здесь представлены различные типы ударения. При этом следует отметить, что индийские теоретики всегда говорят о «высоте», но не о «силе», из чего можно сделать вывод о (преимущественно) музыкальном характере ударения. Главный тон они называют *udatta* (*udātta*) — 'высокий, поднятый'. Следующий слог имеет *svarita* (*svarita*) 'звучащий', нисходящий тон, тогда как на все последующие слоги падает *anudatta* (*anudatta*) 'не поднятый', то есть низкий тон. Для компаративиста имеют значение только *udatta* и так называемый независимый *svarita*, который в резуль-

тате исчезновения ранее ударного *i* или *u* стал главным тоном (например, *paduās* 'рэки' из *padíās*).

См. Allen, с. 87 и сл.

Дополнение. Интересно, что в индийском языке послеведийского периода ударение развивалось, как и в латинском: новое «динамическое» ударение регулируется законом четырех слогов, другими словами, оно падает на предпоследний слог, если он долгий, на третий от конца, если предпоследний слог краткий, и на четвертый от конца, если третий слог является кратким. В некоторых случаях ударение падает и на последний слог.

2.4. Место индоевропейского ударения во многих случаях определяется на основе совпадений греческого языка и языка Вед как в изолированных лексических соответствиях, так и в систематически сопоставимых категориях. Наряду с изолированными случаями типа скр. *dhūmās* 'дым' греч. *θῆμος* 'дух' важны перемещения ударения типа скр. *pāt* 'нога (ступня)' (акк. *pādam*, ген. *padās*), которым в греческом соответствуют *πούς*, *πόδα*, *πόδος*. Реконструированное таким образом место ударения в индоевропейском языке часто подкрепляется также данными общегерманского, ср.: скр. *pitā* 'отец', но *bhrātā* 'брат', греч. *πατήρ*, но *φράτηρ*, гот. *fadar*, но *brōþar*. Ср. также чередование в перфекте: скр. *didēša* 'показал': *didišimā* 'мы показали', др.-в.-н. *zēh* : *zīgum*. Иногда дополнительным подтверждением служат данные славянских и/или балтийских языков, хотя в них прежде всего приходится считаться с различными инновациями: ср. тем не менее скр. *pābhas* 'небо', греч. *νέφος*, русск. *небо*.

2.5. Обратимся к характеру индоевропейского ударения. Раньше это ударение — на том основании, что не только ведийское, но и греческое ударение до конца классического периода описывалось как музыкальное, — определяли как (преимущественно) *музыкальное*. Однако, как мы убедились, значительно важнее установить, было ли оно *слоговым* или *моровым*.

Греческий язык со своим противопоставлением акута и циркумфлекса свидетельствует, как можно полагать,

в пользу морового ударения Правда, в ведийском мы не находим ничего для такого сопоставления Однако было установлено, что в ведийском стихе звук ā часто используется как двусложный, в особенности в генитиве мн ч на -ām и в определенных формах аккузатива на -ām -ās; ср., например, двусложное gām и (?) dyām с ṛān 'бык' (аккузатив), ṛān, Zīn(ā), а также окончание генитива -ām с -ān. С этим согласуется также тот факт, что генитив мн. ч. в литовском имеет циркумфлексное окончание -ū

Еще большее впечатление производят многочисленные соответствия между греческим и литовским При этом надо учитывать, что в литовском нисходящее ударение, или акут (ū = ú), и восходящее ударение, или циркумфлекс (ū = uí), только по обозначению соответствуют греческим, но прямо противоположны им по движению тона. Славянская акцентуация, имеющая также указанные виды ударения, показывает, однако, что в литовском направление движения тона изменилось на противоположное, в связи с чем знаки ударения можно считать сопоставимыми. Приведем наиболее ясные типы соответствий ударения.

Литовский	Греческий
algà 'содержание', ген. algōs	θεά, θεᾶς 'богиня'
pāmas 'дом', лок. pamīē 'дома'	οἶχοι 'дóма' (= οἶχοι)
gēgas 'хороший', ном. мн. ч. gerì	οἶχοι 'домá' (= οἶχοι)
ном дв. ч. gerū	θεῶ 'два бога'
kálnas 'гора', инстр. мн ч. kalnais	θεοῖς 'богам'.

Приведенные факты, как можно полагать, доказывают, что оппозиция греческого акута и циркумфлекса имеет точное соответствие в литовском (и в славянских), то есть это различие в интонировании слогов унаследовано от индоевропейского. Одновременно оказывается доказанным существование морового ударения в индоевропейском языке.

Против этого — традиционного в своей основе — взгляда на индоевропейское ударение в целом ряде своих интересных работ выступил польский лингвист Е. Курилович Он указывает прежде всего на то, что типология не знает такого языка, в котором свободное ударение, ко-

личество (то есть долгие и краткие гласные и дифтонги) и интонация приходились бы на любой слог, и что поэтому такую систему нельзя принять и для индоевропейского. Кроме того, он считает, что предполагаемые соответствия между греческим и литовским (= славянским) в действительности отсутствуют. Ведь в греческом интонации только на последнем слоге фонологичны, тогда как в балтийском они фонологичны в начальном слоге, но не в конце слова. Е. Курилович отмечает, что греческие интонации являются результатом контракции последнего слога: общезначимое противопоставление $\acute{a}\epsilon$ и $\acute{a}\epsilon$ (то есть $\tilde{a}$ и $\acute{a}$) там, и только там, фонологично. Для процессов в балтийских языках, напротив, характерно, что ударение с кратких средних слогов передвинулось на начальный слог. Попавший в результате этого под ударение гласный, если он был долгим, получал акут, тогда как исконно ударные долгие становились циркумфлексированными и.-е. *bhrāterǵ (акк.) и *mātérǵ дали в балтийском *brōterim, *mōterim. Соответствия же типа $\alpha\lambda\gamma\delta\varsigma : \theta\acute{\alpha}\lambda\varsigma$ являются, по его мнению, только кажущимися, вследствие чего эти интонации нельзя возводить к индоевропейскому.

Эти суждения были, однако, почти единогласно отвергнуты балтистами и славистами. Приведенные выше соответствия интонаций конечных слогов еще и сейчас производят сильное впечатление. Отрицание этих параллелей и трактовка их как инноваций неубедительны. Поэтому указанные соответствия между языками сохраняют свою силу, а тем самым и свои свидетельства относительно индоевропейского состояния.

Работы Е. Куриловича охватывают период от ранних (1931 г. (см. Kuryłowicz₆) и 1934 (см. Kuryłowicz₇)) до его завершающего труда (см. Kuryłowicz₁₂). Ср. противоположные точки зрения. Stang₃, с 5 и сл. (о параллелях — с. 14), Stang₅, с 125 и сл., особ. 130 и сл.; Sadnik См. также Иллич-Свитыч₂, особ. с. 15 и сл. Для индоевропейского все еще сохраняет свое значение Hirt₃.

2.6. Остановимся вкратце еще на одном фонологическом явлении, поскольку оно находит неожиданное подтверждение в балто-славянском ударении. Как мы уже видели (IV.5.3), развитие кратких и долгих слоговых носовых и плавных в общегерманском и в балто-славянском протекает одинаково: результатом для обоих

рядов является иг соотв. ig и т. д. Но в балто-славянских языках старое различие между кратким и долгим звуком еще и сегодня дает о себе знать в ударении. Из кратких сонантов в литовском возникают циркумфлексные дифтонги, ср.

и.-е	*dekmtos 'десятый', греч. δέκατος	лит. dešimtas
	*newntos 'девятый', гот. niunda	deviñtas
	*mī-ti- 'умирание', скр. mīty-u-	mīfti 'умирать'
	*wīkʷos 'волк', скр. vīkas	viīkas.

Напротив, на месте долгих сонантов появились акутированные дифтонги, которые выглядят сегодня как im in il ir:

и.-е	*r[inos 'полный', скр. rūṇa-	лит. pilnas
	*w[ina 'шерсть', скр. ūṇā	vilna
	*g[ino- 'растертый', лат. grānum	žirnis 'горох'
	*gʷ[itos 'желанный', лат. grātus	girtas 'похваленный'
	*g[itos 'известный', гот. kunþs	pa-žintas.

2.7. *Греческий язык*, как отмечалось выше, хорошо сохранил индоевропейское место ударения в именных категориях. У глагола, напротив, старая система, за некоторыми исключениями, подверглась радикальным изменениям в результате смещения ударения в крайнее положение (это допускалось законом трех слогов), то есть фέρομεν 'мы несем', фερόμεθα 'нас несут' и т. д.

Другая группа изменений подчиняется закону Уилера: в многосложном слове с дактилическим исходом ударение перемещается с последнего на предпоследний слог. Ср. πατράσι 'отцам' из *πατρασί (ср. ποδῶν — ποσί 'ног — ногам'); ποικίλος 'пестрый', ἀγκύλος 'изогнутый' по сравнению с первоначальным скр. pēśalá-, ankurá-. В сложных словах тип στρατηγός 'полководец', ἵπποφορβός 'всадник' при дактилическом окончании дает αἰπόλος 'козопас', βοухόλος 'пастух', πατροκτόνος 'отцеубийца' и т. д.

Только для аттического справедлив закон Вандриеса: пропериспомен переходит в пропарокситон, если третий от конца слог является кратким (υ̣ ≈ υ̣ > υ̣ — υ̣). Этим объясняется различие между ἀρχαῖος 'древний', σπουδαῖος 'усердный', αἰδοῖος 'стыдливый' и τέλειος 'отборный'.

γέλοιος 'смех', τρόπαιον 'трофей', ἔρημος 'пустынный', а также между ἐμοί γε 'мне' (с усилительной частицей), ἐγώ γε 'я' (с усилит. част.) и ἐμοί 'мне', ἐγώ 'я' из *ἐμοί γε *ἐγώ γε, в которых предпоследний слог мог быть только циркумфлексным.

О проблемах, связанных с греческим ударением, см. Schwyzler₂, I, с 371 и сл.; Vendryès₂, Lejeune₂, с. 265—272, Kuryłowicz₁₂, с. 106—161, Gardes₂, с. 93 и сл., 144—148, Allen₂, с. 106 и сл., Kirarsky P₂, с. 73—93, см также выше, 22 и Bailey₁, с. 644 и сл.

2.8. В латинском языке старая система была полностью утрачена. Но в период между акцентуацией, подчинявшейся в историческое время закону трех слогов, и предисторическим свободным ударением произошло еще одно изменение акцентуации. Индоевропейское свободное ударение после середины I-го тысячелетия до н. э. сменилось закрепленным за первым слогом динамическим ударением, которое привело к ослаблению, а иногда и к утрате (синкопе) гласных в заударных слогах; поэтому мы имеем: faciō 'я делаю', но conficiō 'я совершаю', confectus 'совершенный'; regō 'управляю', но surgō 'поднимаю', pergō 'направляю'; sēmīs 'половина', но sē(mi)stertius 'цестерций' и т. д.; см. IV 1 12. В надписях, датированных примерно 500 г. до н. э., нет никаких следов этих процессов. Второе изменение ударения произошло, вероятно, в течение 3-го тысячелетия до н. э. и не завершилось еще во времена Плавта. В прокелеусматических словах ударение все еще приходится на первый слог, например: faciīlia 'легкие' (мн. ч. ср. рода).

О латинском ударении см. Leumann₁, с. 180—189; Kuryłowicz₁₂, с. 381—389 (также о романском), Galton₂, с. 291 и сл., Kuryłowicz₂₂, с. 190 и сл.; Allen₂, с. 193 и сл. О старом дискуссионном вопросе, каким было классическое ударение — музыкальным или динамическим, — см. (аргументация против музыкального ударения) Allen₂, с. 4, Allen₂, с. 85 и сл.

2.9. До сих пор рассматривалось только словесное ударение, причем так, как если бы каждое слово имело свое собственное ударение. Ведь во всех языках существуют слова, которые вследствие ослабленности их лексического значения не несут на себе собственного ударения, а «присоединяются» к другим словам и образуют с ними акцентное единство. Такие клитики могут при-

соединяться либо к предшествующему слову (*энклитика*), либо к последующему (*проклитика*). К энклитикам, например, относятся унаследованные из индоевропейского лат. *-que*, *-ve*, а также местоимения типа неопределенного *quis* 'кто', *tis* или греч. *με μοι μοι* 'меня' (акк.) 'меня' (ген.), 'мне', в отличие от не энклитических, эфматических *ἐμέ ἐμοῦ ἐμοί*. Проклитиками были так называемые предлоги, в греческом они получали гравис, который, как мы видели, означает неударность. Первично ударенная форма представлена, например, в *πέρι, ἐνι, ἀπο* ('о', 'в', 'от'), неправильно названным анастрофой. И синтагмы типа *ὁδὸς εἰς ἄστυ* 'дорога в город' также имеют только одно ударение (*Gardē*, с. 93). Интересно, что в древнеиндийском глагол не имел ударения в главном предложении, а в придаточном, напротив, находился под ударением. С этим связано рецессивное ударение греческого глагола.

Если отвлечься от подобных деталей, то мы не можем утверждать, что знаем все об ударении в синтагмах и в предложениях древних индоевропейских языков, а следовательно, и об ударении в самом индоевропейском праязыке. Однако вполне вероятно, что вопросительные предложения имели общеупотребительную восходящую интонацию.

Об ударении в сложных глаголах см. также *Kuryłowicz*₁₆, с. 1—10. О соотношении терминов тон, акцент, интонация и слог, слово, синтагма см. *Pilch*₂, с. 131—136. О лат. ударении перед энклитиками см. *Tucker*, с. 449—461.

Б) ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ: АБЛАУТ

3. Чередование согласных и/или гласных внутри морфемы встречается в самых разных языках. Выше мы уже приводили (1.2) некоторые примеры на оба случая. Здесь мы детальнее рассмотрим особый тип чередования гласных.

В латинском алломорфы *fac-*, *fec-*, *fic-* (2.8) явно принадлежат одной морфеме, при этом первичным было *fac-*. Из него при соответствующих условиях в определенный период развились *fec-* и *fic-*. Нам известно также, что этот период относится ко времени (примерно) после 500 г. до н. э. В таких случаях мы имеем, следовательно, дело с латинским чередованием гласных, возникшим в исторический период латинского языка.

Однако в латинском существуют и такие чередования гласных, которые появились, как известно, не в исторический период. Ясно, что *tēgō* 'покрываю' — *tōgā* 'тога' — *tēgula* 'покрытие, кирпич' представляют собой варианты морфемы *teg-*, а также, что чередование *ē/ō/ē* — это явление, которое не находит объяснения в истории латинского языка. Не поддается объяснению и чередование *deikō* 'я говорю' (класс. *dīcō*, но др.-лат. *DEICERENT*) и *dik-* в *dīctus*. Соответствия этим чередованиям обнаруживаются только в греческом языке, где они даже богаче представлены. Типу *ē/ō/ē* соответствует, например: *πατέρα* 'отца' (акк.) — *εὐπάτορα*, 'благородного отца' (акк.) — *πατήρ* 'отец', а типу *deik-/dik-*, то есть *ei/i* — чередование между *λείπω* 'оставляю' — *ἔλιπον* 'оставил', в котором в греческом языке часто участвует также *οί*, например *λοιπός* 'оставшийся'. Точные параллели обнаруживаются и в общегерманском *ē/ō/ē*, например в готском *bairan/bar/bērum* 'нести/нес/мы несли'; *ei/oi/i*, например в *steigan/staig/stigum* 'подниматься/поднялся/мы поднялись'.

Подобного рода чередования гласных встречаются и в других индоевропейских языках. Вследствие того, что по основной схеме они точно соответствуют друг другу и в то же время в рамках отдельных языков не поддаются объяснению, приходится предположить, что они *унаследованы от языка-основы*. Чередования встречаются не только в лексических морфемах, в так называемых корнях, но и в грамматических морфемах, в различных суффиксах. Этот тип индоевропейского чередования гласных со времен Я. Гримма называют *аблаутом* (по-французски — *апфонией*, что является калькой, созданной из греческих элементов).

3.1. Опишем вначале состав чередований по аблауту. Если в ряду *ē/ō/ē* основным, то есть *нормальной ступенью*, считать гласный *ē*, тогда *o* можно назвать *качественной ступенью* или *o-ступенью*, а *ē* — *продленной ступенью*. Следовательно, в типе *ei/oi/i* представлены нормальная и качественная ступени. В ряду *ei/oi/i* в чисто описательном плане допустимо рассматривать *i*-ступень как возникшую, «трансформированную» из *ei* в результате выпадения *e* и назвать эту ступень *нулевой*. В ряду *ē/ō/ē* нулевая ступень, действительно, будет представлена нулем, ср.: *πέτ-ο-αι* 'лечу' — *έ-πτ-ο-ι-ν* 'летел'. По сравнению

с нулевой ступенью нормальную ступень можно назвать также полной. Наконец, наряду с ё существует еще ступень качественного чередования $\bar{o}$. Таким образом, основная схема чередования гласных содержит *пять ступеней: полную ступень (П), тембровую полную (ТП), нулевую (Н), продленную (количественную) (К) и тембровую количественную (ТК)*. Все пять ступеней представлены в следующем примере из греческого:

П	ТП	Н	К	ТК
πα-τέρ-α	ἐν-πά-τορ-α	πα-τρ-ός	πα-τήρ	ἐν-πά-τωρ

Естественно, не все ступени засвидетельствованы для каждого корня. Приведем некоторые примеры.

П	ТП	Н	К	ТК
πέτομαι 'я лечу'	πτερόμαι 'порхаю'	ἐπτόμην 'я прилетел'	—	πωτάομαι 'часто летал'
ἔχω(<*σέχω) 'я держу'	ἔχοι 'держатель'	ἔσχον 'я имел, держал' ἴσχω(<*σί-σχ-ω) 'держу' (фрекв.)	—	εὐωχέω 'угощаю'
sedeō 'сиджу'	solium 'трон, престол' (если <*sodiom)	nīdus 'гнездо' (<ni-zdos <-sd-)	sēdēs 'сиденье' sēdāre 'успокаивать'	—
regō 'правлю'	rogus 'костер'	—	rēgula 'правило' rēx 'правитель'	—
pecō 'убиваю'	poseō 'врежy'	—	—	—
decet 'подобает'	doceō 'я обучаю'	—	—	—
pater 'отец'	—	patris 'отца'(ген.)	—	—

рядах аблаута. К тому же существуют не только односложные, но и двусложные корни. В связи с этим различают.

- I. Односложные корни: а) краткие вокалические,
б) долгие вокалические
- II. Двусложные корни

3.2. Ряды аблаута кратких вокалических односложных баз Большинство корней данного типа содержит, как отмечалось, основной гласный *e*. Если обозначить согласный через C (= consonans), то возможные и засвидетельствованные типы корней можно представить следующим образом: CeC, CeCC, CCeC и CCeCC. Для большинства из них примеры приводились выше, поэтому проиллюстрируем здесь только те, о которых еще не было речи.

П	ТП	Н	К
*kel- 'скрывать'			
лат. osculō	*kolyā в	clam	cēlāre
(<*kelō)			
др.-ирл. celim	гот. halja		
'скрываю'			
др.-в.-н. helan	др.-в.-н. hella		
'verhehlen'	'ад'		
*melg- 'снимать, доить'			
греч. ἀμῆλω	лат. mulgeō	скр. mṛṣṣta-	скр. mārṣṭi
нем. melken	(< molgeyō)		'стирает'
*kerd- 'сердце'			
гот. hairtō	лат. cor(d-)	лит. širdis	греч. καρ
		греч. καρδία	
мен- 'думать'			
*скр. manas	лат. moneō	скр. manyate	
'смысл'	meminī	греч. μαινομαι	
= греч. μένος	(< me-mon-ai)	(< man-y)	скр. matas

Особое значение приобрели ряды аблаута кратких вокалических односложных баз в общегерманском. Они образуют основу и каркас для пяти из семи классов так называемых сильных глаголов, которые с необычайной устойчивостью продолжают существовать и в современном немецком языке.

I.	И.-е. $CeiC-/CoiC-/CiC-$, герм. $CiC-/CaiC-/CiC-$				
и -e steigh-	гот. steigan	staig	stigum	stigans	
	др.-в.-н. stīgan	steig	stigum	gistigan	
	нов.-в.-н. steigen	(stieg)	stiegen	gestiegen.	

II.	И.-е. $CeuC-/CouC-/CuC-$, герм. $CeuC-/CauC-/CuC-$				
и.-е. gheud-	гот. giutan	gaut	gutum	gutans	
	др.-в.-н. gīozan	gōz	guzzum	gigozzan	
	нов.-в.-н. gießen	goß	gossen	gegossen.	

NB. И.-е. eu обычно переходит в iu в готском, в iö в древневверхненемецком перед *a, e, o* следующего слога, а в остальных случаях — в iu.

III. После основного гласного стоит носовой или плавный и согласный. Носовой или плавный обозначим через R.

И.-е. $CeRC-/CoRC-/CRC-$, герм. $CeRC-/CaRC-/CuRC-$.

и.-е. bhergh-	гот. baigan	barg	baurgum	baurgans	
	др.-в.-н. bergan	barg	burgum	giborgan	
	нов.-в.-н. bergen	barg	(bargen)	geborgen.	

IV. Корень отличается от III отсутствием конечного согласного.

И.-е. $CeR-/CoR-/CR-/CēR-$, герм. $CeR-/CaR-/CuR-/CēR-$					
и.-е. bher-	гот. baigan	bar	bērum	baurans	
	др.-в.-н. beran	bar	bārum	giboran	

нов -в -н (ge)bären -bar -baren geboren.

Примечание. Здесь слоговой сонант стоит в предвокалической позиции (см IV 5 4), но продолжение его в общегерманском было таким же, как и в случае предконсонантной позиции в классе III Древнее чередование в перфекте, соответствующее I—III классам, сохранилось только у претерито-презентных глаголов гот. *maþ—muþum* и *skal—skulum*, др.-англ. *maþ—muþon* и др.-в.-н. *scal—sculum*. В остальных случаях нулевая степень была заменена продленной.

В данной связи см Fourquet, 1962, с 64, Polomé, 1964, с 872

V. Структура корня такая же, как в IV, только за основным гласным следует смычный или спирант (обозначим его буквой Т).

	И.-е. CeT-/CoT-,	общегерм. CeT-/CaT-
И.-е. sek ^w -. гот. <i>saihwān</i>		<i>sahw sēhwum saihwans</i>
др.-в.-н. <i>sehan</i>		<i>sah sāhum gisehan</i>
нов.-в.-н. <i>sehen</i>		<i>sah sahen gesehen</i> .

Дополнение В корнях с -we-, -ge- и т. д. выпадение *e* в нулевой степени приводит к -u-, -ī- и т. д., ср.:

**swer-* 'спать': др.-сканд. *svefn* 'сон', **swop-*: лит. *sar-pas*, **sup-* греч. ὕπνος;

**prek-* 'просить': гот. *fraihnan*, **prok-*: лат. *procus* 'жених', **pr̥k-sk-ō-* скр. *pr̥č̥chati*.

Ср. также Levin, с. 156—161, Motsch, с 119—144; Hinderling, с 10 и сл., Boggs, с 501—504.

3.3. В небольшой группе односложных корней в качестве корневого гласного выступает *a* или *o*.

П	ТП	Н К	ТК
* <i>ag-</i> 'гнать'. греч. ἄγω	греч. ὄγμος — 'сжатая полоса (травы, хлеба)'	лат <i>amb-</i>	греч ἄγ- -ἄg-ēs ωγ-ή

	П	Н	ТП
*dhē-	греч. τί-θη-μι, лат. fēci гот. ga-dē-þs 'дело' скр da-dhā-mi	τί-θε-μεν, factus скр. hi-ta-	θη-μός 'куча' гот dōms 'при- говор' др -англ dōn 'делать'
*stā-	греч. ἵ-σταν-μι, лат. stāre скр. sthā-	σταν-τός, stā-tus скр. sthi-ta	лит. stuomuo, stuomas 'пост'
*dō-	греч. δι-δω-μι, лат dōnum скр da-dā-mi	δι-δο-μεν, dā-tus	—

В нулевой ступени в греческом появляется, следовательно, ε, α или ο, в древнеиндийском — i, в латинском (и в других индоевропейских языках) — всегда ā. Различие между древнеиндийским (и общеарийским) i и a других индоевропейских языков как раз и побудило предположить существование шва (см. IV 111). В таком случае в греческом языке этот неопределенный редуцированный гласный, видимо, приспособлялся к основному гласному, то есть ѳε- при ѳη- и т. д. Теоретически вполне возможно допустить, что лишь греческий сохранил первоначальное многообразие, которое в остальных языках было заменено единым тембром. См. по этому поводу ниже, VI.4 1, 4.7.

3.5. Ряды аблаута двусложных баз. Тот факт, что наряду с односложными базами аблаута в индоевропейском существовали также более крупные, двусложные базы, нагляднее всего подтверждается данными древнеиндийского. В древнеиндийском действовало морфологическое правило, согласно которому инфинитив с суффиксом -tum — акк -tu-основы, соответствующий латинскому супину, — или помен agentis на -tag- образовывались от полной ступени, тогда как отглагольные прилагательные на -ta- (= лат -tus) или абстрактное существительное на -ti- требовали нулевой ступени корня. В презенсе индикатива часто встречается также полная ступень:

	Презенс	Инфинитив	-ta-	-ti-
bhar- 'нести'	bhárati	bhár-tum	bhṛ-tá-	bhṛ-tí-
han- 'бить'	hánti	hán-tum	ha-tá-	ha-ti-
gam- 'идти'	gámati	gán-tum	ga-tá-	gá-ti-
	(аор. конъюнкт.)			
śru- 'слышать' (śṛṇōti)		śrō-tum	śru-tá-	śrú-ti-

Сюда же относятся nomina agentis от этих корней bhar-tar-, han-tar-, gam-tar-, śrō-tar-.

Совершенно иные отношения наблюдаются в другой группе глаголов, хотя презенс может быть идентичным, например

Презенс	Инфинитив	-tar-	-ta-	-ti-
jaratē 'поет, приветствует'		jarī-tar-	gūr-tá-	gūr-tí-
janati 'изготавливает'	janī-tōs	janī-tar-	jā-tá-	jā-ti-
sanōti 'приобретает'	sani-tum	sani-tar-	sā-tá-	sā-tí-
pavatē 'очищает'	pavi-tum	pavi-tar-	pū-tá-	pū-ti-
bhāvati 'становится, есть'	bhavi-tum	bhavi-tar-	bhū-tá-	bhū-ti-

У этой группы полная ступень, следовательно, обычно двусложная, а во втором слоге всегда представлен *i*. Поэтому древнеиндийские грамматисты, а вслед за ними часто также и их последователи на западе говорят о корнях без *i* (an-iṭ) и о корнях с *i* (sa-iṭ > sēṭ). С этим различием, по-видимому, связано еще одно различие, состоящее в том, что у рассматриваемой группы в нулевой ступени выступают ūṛ, ā и ū, в отличие от ṛ, a и u в корнях «an-iṭ». Выше (см IV. 5.3) мы уже познакомились с ūṛ и ā как с древнеиндийскими рефlekсами индоевропейских долгих сонантов (ṛ ū).

Ясно, что др.-инд. *i* в этих случаях не может представлять собой и.-е. *i*. Будь это так, в этом случае данный звук не мог бы исчезать. Следовательно, он представляет собой и.-е. шва. Таким образом, полные ступени корней sēṭ относятся к типу CeRə-, а нулевые ступени — к типу Cṛ-. Поскольку нулевой ступенью CeR- является Cṛ-, нетрудно сделать вывод, что R̥ в Cṛ- представляет собой комбинацию R + ə. Формы презенса janati pavatē

bhavati содержат, естественно, также *genə-, *rewə-, *bhewə-. Отсюда следует вывод, что шва перед гласным исчезает. Ясно также, что $\bar{u}$ в $\bar{p}\bar{u}ta$ - $\bar{b}h\bar{u}ta$ - представляет собой комбинацию нулевой ступени $\bar{p}\bar{u}$ - $\bar{b}h\bar{u}$ - от rew - $bhew$ - со шва, то есть $\bar{u} = uə$. А примеры типа $pa\bar{y}at\bar{i}$ 'ведет', $pa\bar{y}i$ - tum , pi - $tā$ -, pi - $t\bar{i}$ - или $bhā\bar{y}at\bar{e}$ 'боится', $bh\bar{i}$ - $tā$ - называют, что в таких случаях также $\bar{i} = iə$. Таким образом очевидно, что долгие сонанты ($\bar{p}$ $\bar{t}$ $\bar{r}$ $\bar{l}$), а также $\bar{i}$, $\bar{u}$ возникли вторично из слияния кратких сонантов, а также слияния i , u со шва. Вместе с тем само шва в ясных случаях представляет собой слабую ступень долгого основного гласного (см. выше, 3.4). Отсюда напрашивается вывод, что рассматриваемые здесь чередования по аблауту опираются на двусложные базы типа * $bhewā$ -, * $rewā$ -, * $genē$ -. В их слабой ступени в шва переходит иногда только долгий гласный и тогда возникают формы типа * $bhewā$ -, * $rewā$ -, * $genā$ - и т. д.; иногда же в слабой ступени встречаются оба гласных. Именно в этих случаях возникают * $bh\bar{u}$ -, * $\bar{p}\bar{u}$ -, * $g\bar{p}$ - и т. д. Поскольку в древнеиндийском $\bar{a}$ $\bar{e}$ $\bar{o}$ совпали в $\bar{a}$, материал древнеиндийского не дает возможности определить, какой из долгих гласных следует принять для базы. Для решения этой задачи нам необходимы свидетельства других языков, и особенно классических языков.

Соответствия древнеиндийским корням $s\bar{e}t$ имеются, естественно, и в других языках. Ведь ясно, что в греческом $\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\tau\omicron\rho$ 'родитель', лат. $genit\bar{o}r$ (в отличие, например, от лат. fer - $t\bar{o}g$ = скр. $bhar$ - tar -), греч. ϵ соотв. лат. i после 'корня' gen - не являются произвольными добавками. Против односложности корня * gen - говорит еще одно обстоятельство: если бы этот корень был односложным, форма отглагольного прилагательного имела бы вид * $gentus$. В действительности же это прилагательное имеет форму $(g)n\bar{a}tus$, которая точно соответствует скр. $j\bar{a}ta$ - и вместе с этой санскритской формой она восходит к и -е. * $g\bar{u}tos$. О других примерах будет сказано ниже.

Как мы уже видели, двусложный корень типа * $CeRa$ - выступает в формах * $CeR\bar{a}$ - и $C\bar{R}$ -, например и -е * $g^w\bar{e}r\bar{a}$ - и * $g^w\bar{r}$ - в скр. $jari$ - tar - и $g\bar{u}r$ - ta -. В и -е * $g^w\bar{e}r\bar{a}$ - представлена полная ступень первого слога и нулевая ступень второго слога, то есть $\Pi_1 N_2$. Таким образом, * $g^w\bar{r}$ - — это $N_1 N_2$. Гласный полной ступени второго слога можно определить только в том случае, если будет засвидетель-

ствована форма с полной ступенью. Но тогда первый слог будет представлен нулевой ступенью, то есть H_1P_2 . Такая форма засвидетельствована в греч. $\gamma\eta\tau\epsilon\iota\omicron\varsigma$ 'кровный, родной'. Поэтому греч. $\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$, лат. $genit\bar{o}r$ (из * $genat\bar{o}r$) и скр. $janitar-$ с их ϵ , a и i представляют собой слабую ступень $\bar{e}$. Таким образом, основными чередованиями, которые наблюдаются в корне * $gen\bar{e}$ - (этот корень ни разу не был засвидетельствован с полными ступенями в обоих слогах), являются, следовательно, P_1H_2 * $gen\bar{a}$ -, H_1P_2 * $gn\bar{e}$ -, H_1H_2 * $gn\bar{i}$ -. Помимо этого, могут существовать тембровые чередования TP_1H_2 и H_1TP_2 , то есть в данном случае * $gon\bar{a}$ - и * $gn\bar{o}$ -, а также продолженные ступени (только в первом слоге) * $g\bar{e}n\bar{a}$ - и * $g\bar{o}n\bar{a}$ -. Следует учитывать, что шва исчезает перед гласным, вследствие чего могут возникать формы типа * gen -, * gon -, * $g\bar{e}n$ -. Для иллюстрации приведем соответствующие примеры:

а) * $gen\bar{e}$ - 'производить, быть рожденным':

P_1H_2 : скр. $jani-tar$, греч. $\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}-\tau\omega\rho$, лат. $geni-t\bar{o}r$; скр. $jan-as$, греч. $\gamma\acute{\epsilon}n-\omicron\varsigma$, лат. $gen-us$;

TP_1H_2 : греч. $\gamma\acute{o}n-\omicron\varsigma$, скр. $jan-a$; греч. $\gamma\acute{\epsilon}-\gamma\omicron\nu-\alpha$, скр. $ja-jan-a$;

H_1P_2 : греч. $\gamma\eta\tau\epsilon\iota\omicron\varsigma$,

H_1TP_2 : греч. $\gamma\eta\nu-\tau\acute{o}\varsigma$ 'родственник', гот. $kn\bar{o}-dai$ (датель ч. ж. р.) 'род';

H_1H_2 : скр. $ja-ta$, лат. $(g)n\bar{a}-tus$, гот. $(air\bar{p}a-)kunds$ 'рожденный (на земле)'.
 б) * $rel\bar{e}$ - 'наполнять, быть полным':

P_1H_2 : скр. $ragi-man-i$ (лок.) 'во множестве', $ragi-nas$ 'избыток'; гот. $filu$, др.-англ. $fela$ 'много', др.-ирл. il ;

TP_1H_2 : греч. $\pi\omicron\lambda-\acute{\upsilon}\varsigma(?)$;

H_1P_2 : лат. $pl\bar{e}-nus$, греч. $\epsilon\pi\lambda\eta-\tau\omicron$;

H_1H_2 : скр. $p\bar{u}r-na$, лит. $pil-nas$, гот. $fulls$; скр. $pur-u$ 'много' (см. IV.4.3).

в) * $g^wey\bar{e}$ - 'жить':

P_1H_2 : греч. $\beta\epsilon\acute{\iota}-\omicron\mu\alpha\iota$ (футур.);

TP_1H_2 : авест. $gay-a$ 'жизнь', серб. goj 'мир';

H_1P_2 : авест. $ju\bar{a}-tu$ 'жизнь', греч. $\zeta\eta\nu$;

H_1TP_2 : греч. $\zeta\omega-\acute{o}\varsigma$ 'живой';

греч. $\acute{\epsilon}-\beta\acute{\iota}\omega-\nu$, $\beta\acute{\iota}\omega-\nu\alpha\iota$;

H_1H_2 : и.-е. * g^wi-wos (см. IV.7.5.2).

г) *gheyā- 'зевать':

Т₁Н₂ др.-в.-н. gei-pōn;

Н₁Н₂. лат. hīā-re, ст.-слав. zijati;

Н₁Н₂. лат. hī-scō.

д) *g^wegō- 'проглатывать':

П₁Н₂. греч. βράθρον, аркад. ζέρεθρον (оба из *g^wegē-; см. Szemerényi, с. 215); арм. ker (о-основа kero-) 'пища';

Т₁Н₂: греч. βορ-ός, лат. vor-āre;

Н₁Н₂: греч. ἔβρω-ν 'я съел', βί-βρώ-σχω 'я ем';

Н₁Н₂ скр. gīg-ṇa- 'проглоченный', лит. gīg-tas 'пьяный'.

В формах с нулевой ступенью первого слога обращает на себя внимание чередование вариантов типа *g^wуō-: *g^wуō- (в), которое, подобно Sw-: Siw-, образует параллель к уже известному чередованию mṇ . mṇ (IV 5.4).

Примерами двусложного аблаута в именном словоизменении служат слова со значением 'жена мужниного брата' (е) и 'утка' (ж).

е) П₁Н₂: греч. ἐνάτηρ (гомер. εἰνάτερες, с метрическим продлением), лат. ianitrīcēs (приращение по образцу genitrīcēs, из iāna-, возникшего в результате ассимиляции из *уēпā-), фриг. ιανατερα, лит. jēntė;

Н₁Н₂ скр. uātar-.

Таким образом, можно вывести парадигму: ном. *уēпā-
tēr, акк. *уēпā-ter-ṇ, ген. *уṇ-tr-ós.

ж) П₁Н₂. лит. ántis, др.-в.-н. anut;

Н₁Н₂. греч. νῆσσα, индоиран. āti-.

Таким образом, можно определить парадигму: ном. *апā-tī, ген. *ṇ-tiyās.

Чисто описательных работ по аблауту теперь нет. Все еще сохраняет свое значение первая работа Ф. де Соссюра — знаменитый «Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes», 1878, переизданная в «Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure», 1922. Современную литературу, в особенности по истории возникновения этого явления, см. в разд. VI (1—4).

3.6. Аблаут выполняет в индоевропейской грамматической системе функцию, роль которой трудно переоценить. В системе глагола, например, полная ступень большей частью ассоциируется с презенсом, нулевая ступень —

с аористом, 0-ступень — с перфектом (λείπω — ἔλιπον — λέλοιπα) Именные образования обнаруживают первоначально столь же тесную связь с определенными степенями аблаута. В сфере изменения форм тоже наблюдается интенсивное чередование определенных ступеней аблаута. Во многих временных формах глагола полная ступень представлена только в единственном числе. Напротив, двойственное и множественное используют нулевую ступень. Поскольку такие чередования часто сопряжены с просодическими чередованиями (чередование ударения), то можно сказать, что аблаут является избыточным и что, например, в отглагольном прилагательном *klu-tós (греч. κλυτός, лат. *inclusus* 'известный') -tós «является единственным носителем семантической функции». Но ввиду того, что та же самая акцентуация при различных степенях аблаута имела место уже в индоевропейском, то есть там не было автоматического чередования, это утверждение следует принимать лишь с известными ограничениями.

Об избыточности аблаута см. Kuryłowicz₁₉, с. 160 и сл.

В) ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

4. Наряду с чередованием гласных существуют определенные виды чередования согласных, которые, однако, в противоположность аблауту, в функциональном плане не играют никакой роли.

4.1. *S mobile*. Некоторые корни встречаются в различных индоевропейских языках, а иногда и в одном и том же языке то с начальным *s*, то без него. Применительно к таким случаям говорят о *s mobile*, или *подвижном s*. Приведем примеры:

*teg- 'покрывать': греч. τέτος, τέτη 'крыша, дом', лат. *tegō*, *tectum*, *teges*, *toga* 'покрываю, крыша, покрывало, тога', др.-ирл. *tech* 'дом', др.-сканд *þekja* 'покрывать', *þak* 'крыша', др.-в.-н *decchen dah* — то же; однако

*steg- 'покрывать'. скр. *sthaḡayati* 'закутанный', греч. στέγω 'прикрывать, заслонять, уберечь', στέτος, στέτη 'крыша, дом', др.-сканд. *staka* 'мех', ст.-слав. *o-stegŭ* 'одежда, остѣг', лит. *stiegti* 'крыть крышу', *stogas* 'крыша';

pek- 'видеть', скр. *pāśyati* 'видит', авест. *pašne* 'при виде', однако

*spek-· скр. spaš- 'лазутчик', авест. spasyeiti 'видит', лат. specio 'смотрю', др.-в.-н. spehōn 'выслеживать';

*пѣ- 'шить'. гот. wēþla 'игла', др.-в.-н. pādala 'игла', но

*спѣ- 'прясть'. скр. snāvan- 'сухожилие', др.-нрл. snītm 'прядение', др.-в.-н. spцог 'шнур', возможно, также греч. ἔ-vvv

Интерпретировать данное явление можно двояким образом 1) s- представляет собой первоначально полнозначный префикс; 2) утрату s-, а, может быть, и приращение s- следует рассматривать как сандхи: в составе предложения предшествующее слово с конечным -s могло быть причиной для перемещения границы между словами.

В связи с первой точкой зрения см. Schri jnen₁; Schrijnen₂, с. 117 и сл., Hirt₃, I, с. 318 и сл., с. 329—333; Erhart₇, с. 13—25.

В связи со второй точкой зрения см. Edgerton₃, с. 445—453.

См. также Schwyzer₂, I, с. 334, Benveniste₂, 164 и сл.; Fränkel, с. 295 и сл., Wanner, с. 133—140, Schindler₄, с. 159, Hoenigswald₁, с. 182—185.

4.2. Чередование w:нуль в начале слова наблюдается, в частности, в группах tw- sw-. Оно широко распространено в местоимении 'ты' и в рефлексиве.

*twe 'тебя'. скр. tvā(m), греч. σε, арм. khe-z (kh- из tw-);

*te лат. tē, др.-англ. þe(c), др.-в.-н. dih, ст.-слав. tę;

*swe 'себя'. скр. svayam 'сам', греч. (F)έ;

*se: лат. sē, гот. sik, ст.-слав. se.

Аналогичное чередование наблюдается и в числительном '6'

*sweks: греч. (F)ἕξ, кимпск. chwech, авест. xšvaš, и

*seks: лат. sex, гот. saihs.

И в случае y наблюдается чередование sy-/s в скр. syūtas 'сшитый', лит. siūti 'шить', ст.-слав. šiti (из *syū-): скр. sūtram 'нитки', лат. suō 'шью'. Также ру-: (s)р- в греч. πτόω 'плюю' (из руī-): лат. spuō 'плюю'. Наряду с ними наблюдается также ghy-/gh- в скр. hyas 'вчера': лат. hes-ternus heri 'вчерашний', нов.-в.-н. gestern 'вчера'.

4.3. Чередование различных смычных чаще всего встречается в конце морфемы, реже — в ее начале, например

*рō- 'пить': скр. pāti 'пьет', pā-tram = лат. pōculum 'бокал' (оба из *pōtlom), *pōtus 'питье', но редуплици-

рованный презенс скр. *ribati* = лат. *bibit* = др.-ирл. *ibid* (все из **ribeti*);

*ар- 'вода, река': скр. *ār-as*, но др.-ирл. *abann* 'река' из **ab-* (или **abh-*?);

**dhwer-/dhur-* 'дверь, ворота'. греч. *θύρα*, гот. *daur* и т. д., но скр. *dvār-*,

**bhudh-* 'дно'. скр. *budhna-*, греч. *πῶμα*, лат. *fundus*, но др.-англ. *botm* из **bhud-*;

**wedh-* 'вести (домой)': скр. *vadhū-* 'жена', но греч. *ἔδωυ*, *ἔδωυ* 'подарок невесте', др.-англ. *weotuma* 'выкуп за невесту' из **wed-* (см., однако, *Maughofer*, с. 190 и сл.).

*кар- 'схватывать': лат. *carīō*, гот. *hafjan*, но др.-ирл. *gabim* 'беру';

**ghabh-* 'схватывать': лат. *habēre*, но гот. *haban* из **kabh-* (или от предшествующего *кар-?);

**deik-* 'указывать': греч. *δείκνυμι*, лат. *dicō*, гот. *teihan*, но гот. *taikns* 'знак' из **deig-*;

**pak-* 'укреплять'. лат. *paciscō* *pāx* 'договариваюсь', но *rangō* *rēgi* 'втыкаю, воткнул', греч. *πῆγνυμι* 'втыкаю'.

О чередовании гуттурального М и МА уже говорилось выше (IV.7.6), так же как и о единичном чередовании Т. МА в **kerd-* 'сердце'. греч. *καρδία*, лат. *cor* и т. д., однако скр. *hṛd-*, иран. *zṛd-* из **ghṛd-*.

В случае варьирования конечного согласного морфемы напрашивается мысль о том, что оно обусловлено комбинаторными изменениями. См.: *Stapke*, с. 1890—1894. Станг считает, что они возникли в системе изменения форм глагола

4.4. В некоторых случаях наблюдается чередование начального смычного с нулем. Приведем наиболее интересные примеры:

**kost-* 'кость': ст.-слав. *kostī*, лат. *costa* 'ребро' при

**ost-* 'кость': греч. *ὀστέον*, лат. *os(sis)*, скр. *ásthi*;

**kag-* 'коза': ст.-слав. *koza*, др.-англ. *hēcen* 'козленок', ср. н.-нем. *hōken* (оба из **hōkina-*) при

**ag* скр. *aJa-* 'козел', лит. *ožys* 'козел' (из **āgiyos*).

Примечание Комментарий см. VI 4 4 2

4.5. *Сонанты* в некоторых индоевропейских языках исчезают после долгих гласных в конце слова. Номинатив единственного числа мужского и женского рода в словах с основами на -г имеет вид. индоиран. *pitā* 'отец',

mātā 'мать', дит móté, ст.-слав. mati при греч. μήτηρ, лат. māter. То же самое наблюдается и в словах с основами на -n-: скр. aṣmā 'камень', лит. akmuo и даже лат. (hom)ō по сравнению с греч. ἄκμων 'наковальня' или скр. ś(u)vā 'собака', лит. šuo, др.-ирл. cú (из *kwō) при греч. κύων 'собака'. При конечном -u даже в древнеиндийском можно зафиксировать дублиеты d(u)vāu или d(u)vā '2'; ср. гомер δῶω, ст.-слав. dŭva.

Утрату звука, возможно, обуславливало сандхи, то есть она происходила перед определенными согласными, с которых начиналось последующее слово. Речь идет, видимо, об индоевропейских вариантах, определенные типы которых были обобщены в каждом индоевропейском языке.

Лейн (см. Лапег, с. 198—202) предполагает, что сначала утрата происходила только перед начальным сонантом.

Г) СТРУКТУРА МОРФЕМЫ

5. Корневые полнозначные морфемы в отличие от грамматических морфем чаще всего имеют полную структуру. Ее исследование показывает, что она варьируется в определенных границах. Основные типы, так называемые канонические формы, можно свести к очень простым формулам. Так, канонической формой в китайском языке являются односложные морфемы, в семитских языках — корни, состоящие из трех согласных. Если обозначить через C какой-либо согласный, а через V какой-либо гласный, то для возможных в немецком языке основных морфем можно построить следующие канонические формы: V, VC, CV, VCC, CCV, CVC, VCCC, CCCV, CCVC и т. д.

Ср.: Hockett₁, с. 284 и сл., Pilch₁, I, с. 22 и сл.

5.1. Еще александрийскому грамматисту Филоксену (I в. до н. э.) было ясно, что все слова греческого языка можно свести к некоторому количеству односложных корней. Учение об односложности корней продолжало существовать и в новое время. Этой гипотезы придерживались Аделунг и В. Гумбольдт (Агепс, с. 131, 194). Применительно к индоевропейскому ее более четко разработал А. Шлейхер (1821—1868), который перечисляет следующие канонические формы.

V, CV, VC, CVC, CCV, VCC, CCVC, CVCC, CCVC и т. д.

См. Schleicher, с. 332.

Учитывая различие между односложными и двусложными корнями, которое наблюдается при чередованиях по аблауту, можно построить следующие канонические формы (при этом *e* обозначает *e*, *a* или *o*):

Односложные		
VC	*ed-	‘есть’
CVC	*med-	‘мерить’
CCVC	*trem-	‘дрожать’
CVCC	*serp-	‘ползти’
CCVCC	*dhreugh-	‘обманывать’
CCCVC	*strep-	‘шуметь’
CCCVC	*spreig-	‘изобилловать’
CV	*dō-	‘давать’
CCV	*dra-	‘бежать’
Двусложные		
CeCe	*pelē-	‘наполнять’
CeCeC	*temāg-	‘резать’

Для односложных корней, в которых возможны группы согласных, нетрудно построить простую структурную формулу. Чтобы представить ее в общем виде, обозначим смычные через T, сонанты (m p l r, а также i u как элементы дифтонгов) — через R, спирант s — через S. Тогда получим:

(S) (T) (R) e (R) (T/S)

Данная формула охватывает такие варианты, как eT, TeT, TReT, TReS, TeRT, TeRS и т. д., а также SeT, SeS, SReT, SReS, SeRT и т. д. Если расположить фонемы по возрастанию звучности (сонорности), а именно: T/S, R, V, — то тогда можно сказать, что *фонемы располагаются вокруг гласного по убывающей звучности*. Следовательно, можно ожидать kler, но не lker, sret, но не rset, kers, но не kesr и т. д. Корень *pster- в значении ‘чихать’ был бы допустим только как оноματοпоэтический, то есть отклоняющийся от нормальной структуры; фактически представлены только *pter- или *ster- (греч. πτάρωμαι ‘я расстилаю’, sternюб). Начальная группа sT(R)e встречается очень часто, например. *ster-, *spek-, *skeid- и *splei-, *skrei- и т. д. Напротив, TTe- отмечается

редко (греч. πτερόν 'крыло'). То же самое относится к TSe-. Из морфему может входить, самое большее, пять согласных.

О структуре слога см. F. de Saussure, с. 70—95, Scholcs, с. 55—77, см также ниже, 7.

5.2. В пределах данной структурной формулы можно обнаружить дополнительные ограничения, касающиеся *смычных*.

Возможные сочетания	Невозможные сочетания
1) M—MA bedh-	1) M—M (bed-)
2) M—T dek-	2) MA—T (bhet-)
3) MA—M bheid-	3) T—MA (tebh-)
4) MA—MA bheidh-	Но после s 3 возможно:
5) T—M ped-	*steigh- 'подниматься'.
6) T—T pet-	

Примечания. 1) Последовательность M—M представлена в скр. gad-ati 'говорит', но такая возможность ограничивается только древнеиндийским.

2) Два одинаковых смычных (типа *per-) невозможны, но одинаковые спиранты засвидетельствованы в *ses- 'лежать' (хетт. ses-, скр. sas-).

Далее, после корневого гласного не могут стоять ни *два сонанта*, ни *два смычных*; следовательно, *teurk- или *tekt- невозможны. Иногда у нас создается впечатление, что подобное сочетание имеет место. в таких случаях эти два сонанта или два согласных находятся на морфемном стыке, например лат. mīlus 'дар, подарок' из *moīnos образовано не от корня *moīn-, а от корня *moi-/mei- (ср. скр. mayatē 'меняет') с помощью суффикса -pos (ср. fēpus 'прибыль', facīpus 'действие, деяние').

Meillet₁, с. 173 и сл.; Сипу₃, с. 128 и сл., Сипу₁, с. 113—159.

На невозможность M—M впервые обратил внимание Грассман (см. Grassmann, с. 115. См. также: Borgström₃, с. 278 и сл., Stanley, с. 432 и сл., Chomsky—Halle, с. 386, Bechert₂, с. 28—46, а также ниже, VI, 55).

5.3. Ограничение простейшего типа морфем структурами VC и CV недостаточно убедительно—ведь морфе-

мы типа *СṼ* весьма многочисленны. Но все они, бесспорно, принадлежат к особой категории — это частицы (*de*, *ghe*, *kʷe*) и основы местоимений (*to-* 'этот', *me* 'я', *kʷi-* 'кто'). Возможна даже структура *V* — ср. основу местоимения *e-* 'этот'.

5.4. *Определители корня.* Сравнение гот *giutan* 'лить' с лат. *fundō*, *fūdi* 'лью' подводит нас к и -е. **gheud-*. Но этот корень неразрывно связан с **gheu-* 'лить' в греч. χέω (из χέFω), χυ-τός 'пролитый', скр *hu-*, презенс *ju-hō-ti* 'льет, жертвует'. Это означает, что **gheud-* в индоевропейском праязыке был образован от более простого **gheu-* с помощью суффикса, который (уже) не имеет ясного значения. Такие структурные элементы со времен Курциуса называются определителями корня.

Нередко мы замечаем, что несколько корней образовано от одного и того же простого корня с помощью разных определителей корня. Так, греч. ἔλπομαι, гомер. ἐέλπομαι, ἐλπίς 'надеяться, надежда' возводятся к корню **welp-*. Наряду с ними представлены ἔλδομαι, ἐέλδομαι 'желать, стремиться, тосковать', ἐέλδωρ 'желание, тоска', восходящие к корню **weld-*. Совершенно очевидно, что **welp-* и **weld-* связаны друг с другом, то есть являются производными от общего, более простого, корня **wel-*; это подтверждается и лит. *vil-iúos* 'я надеюсь', *vil-tis* 'надежда', а также лат. *velle*.

В некоторых случаях более простой корень не засвидетельствован, однако его предполагают различные параллельные образования. Так, **drā-* 'бежать' представлен в скр **drā-ti* 'бежит, спешит', греч. ἀπο-δι-δρά-σχω 'убегаю', аор. ἀπέδρᾶν 'убежал'. Скр. *drām-ati* 'бежит', греч. аор. ἔδραμον 'бежал' возводятся к **drem-*. Скр. *drav-ati* 'бежит' и многие названия европейских рек типа *Dravos* 'Драва', галльск. *Druentia* (франц. *Drognance*) возводятся к **dreu-*. Очевидно, что между имеющими одно и то же основное значение **drā-* **drem-* **dreu-* не может не существовать связи. Ясно, что все они образованы от одного и того же корня **dr-*, **der-*, хотя такой корень (больше) не удается обнаружить. Сосуществующие **trem-* в греч. τρέμω, лат. *tremō* 'дрожу', **trep-* в лат. *trepidus*, ст.-слав. *trepetŭ* 'трепет, дрожь', **tres-/ters-* в скр. *trasati* 'дрожит', греч. τρέω 'бегу в страхе', гомер. аор. ἔτρεσαν 'побежали в страхе',

лаг. *tergeō* 'запугиваю' возводятся к общему корню **tr-/ter-*, который сохранился только в скр *tarala-* 'дрожать, дергаясь' Греч *μέλω* 'пою', хетт *mal-* 'декламировать, клясться', общегерм *meldan* 'объявлять (сообщать)', лат *promulgāre* 'обнародовать', русск *молвить*, авест *mag-* = скр *brav-* 'говорить' восходят к **melp-*, **meldh-*, **melg-*, **melw/*mleu-*, которые предполагают первоначальный корень **mel-* 'торжественно объявлять'. Он, как можно полагать, сохранился еще в греч *μέλος* 'пение' и хетт. *mallai-* 'одобрять'.

См Szemerényi, с 159—174 (о **mel-*).

5.5. На существование определителей корня указывают некоторые структуры корня, которые в противном случае противоречили бы ограничениям, налагаемым, как было установлено, на простые корни Так, наряду с упоминавшимися **dra-/drem-/dreu-* 'бежать' имеется форма **dreb-* в др.-англ *treppan* 'ступать' (из **trapjan*), нов.-в.-н *trippeln* 'семенить', Тгерре 'лестница', лит *drebù* 'дрожу'. У этой формы «недопустимая» для простого корня структура, поскольку она включает М—М. Ее производный характер, наличие в ней определителя корня в данном случае подтверждается также другими вариантами.

Опираясь на подобные случаи, можно считать, что нерегулярные морфемные структуры сами по себе доказывают наличие в них определителя корня. Корень *kerdh-* 'ряд, стадо' «невозможен», так как он содержит Т—МА и должен, следовательно, интерпретироваться как *ker-dh-*.

Наиболее значительной в этой области продолжает оставаться работа Перссона (см Persson) См. также Kropasser, с 420 и сл., Макаев.

Д) КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЧЕТАНИЯХ МОРФЕМ

6. На стыках морфем происходят некоторые такого рода звуковые изменения, какие обычно не могут возникнуть внутри морфемы, поскольку определенные группы согласных не могут встретиться в ее пределах

6.1. Перед начальным Т морфемы ассимилируется конечный М предшествующей морфемы, то есть М переходит в Т. Особенно часто это явление наблюдается

перед суффиксами с начальным *t*. Например, корень **yeug-* 'соединять, запрягать' в сочетании с суффиксом отглагольного прилагательного *-to-* дает скр *yuk-tā-*, греч *ζυγ-τός* 'запряженный, соединенный'.

Наоборот, *T* или глухой *s* перед последующим *M* озвончается. Примеры этого наблюдаются и внутри морфемы, хотя и здесь соответствующая группа фонем становится возможной только в том случае, если ей предшествует другая морфема. скр. *urabda-* 'топот, шум' из *-rda-* от *padate* 'падает, валится', авест. *fra-bda-* 'передняя нога' от *pad-* 'пята', и.е. **nizdos* 'гнездо' (IV 6.2) из **ni-sd-os* — существительное к глаголу 'сидеться'; ср лат *sedēre* 'сидеть'.

Примечание. В древнеиндийском после церебрального *ṣ* (IV.6) *t(h)* также переходит в церебральный *ṭ(h)*, например, отглагольное прилагательное от *pis-* 'разламывать' (из *pis-*, ср. лат *pīnere* 'толочь, молоть', *pistor* 'мукомол') звучит *piṣṭa-* из *pis + ta* Индоевропейские палатальные, отражающиеся в санскрите как *ṣ j*, в сочетании с *t* дают группу *st*; ср скр. *aṣṭā* по сравнению с иран. *aštā*, *rāṣti* 'царит' из **rēg-ti*.

6.2. Закон Бартоломе (правило придыхательных). Последовательность *MA + T*, соответственно сказанному выше, выступает в большинстве языков как *T + T* Так, *gh + t* дает группу *kt* в греч *λέκτρον* 'ложе, постель', образованную от представленного в *λέχος* 'постель' корня **legh-* 'лежать', который сохранился в др.-в.-н. *liggen*, гот. *ligan*, нов.-в.-н. *liegen* 'лежать'. Та же самая группа представлена в лат. *lectus* 'постель, ложе'.

Совершенно иначе ведет себя древнеиндийский и вообще индоиранский. В подобных случаях здесь сохраняется звонкость, которую приобретают даже первоначальные *T*. В индийском, кроме того, сохраняется придыхание, перескакивающее в конец всей группы. Первоначальная группа *MA + T* заменяется, таким образом, группой *M + MA*, например:

скр *labh-* 'хватать': отглагол. прилаг. *labdha-* — из *labh + ta*;

скр. *budh-* 'пробуждаться'. отглагол. прилаг. *buddha-* 'пробудившийся' — из *budh-ta*;

скр. *dah-* 'жечь' (в результате палатализации *dagh-*; см IV.7.4.7 и 7.5.3): отглагол. прилаг *dagdha-*.

Если первоначально был *нс* (лабио)велярный, как в последнем примере, а палатальный (см. IV.7.4 6), то из *jh-t* вначале возникает *ždh*, а затем (см. выше 6.1) церебрализованное *ḡdh*, в котором *ḡ* исчезает, вызывая удлинение предшествующего гласного, например *lih-* 'лизать', отглагол. прилаг. *lidha-*—из и.-е. **lighto-*, *sah-* 'одолевать', отглагол. прилаг. *sādha-*. То же самое происходило в случае глагольных окончаний с *t*, например: **lēh-ti* 'он лижет' изменилось в *lēdhi*.

Этот процесс был впервые описан Бартоломе (см. Bartholomae₁, с. 3 и сл., Bartholomae₂, с. 206 и сл.) и в его честь называется законом придыхательных Бартоломе.

Вначале время действия этого закона относили к праиндоевропейскому языку. В таком случае приведенные выше примеры из классических языков следовало бы считать вторичными. Однако за пределами индоиранского не засвидетельствовано ни одного надежного примера, вследствие чего действие закона приходится ограничить индоиранским. Во всяком случае, этот закон действует в авестийском Ср. *augda* (на письме *aogədā*) 'он сказал' из **augh-ta*, и даже *augža* 'ты сказал' из **augh-sa*, которое затем перешло в *augžha* (ср. IV.6) и, наконец, с утратой придыхания—в *augža*; скр. *duhitar-* 'дочь' соответствует авест. *dugdar-* (на письме—*dugədar*) из **dugh-tar-*.

Индоевропейским этот закон еще и сегодня считает Е. Курилович (см. Kuryłowicz₃, с. 51, а также Kuryłowicz₁₁, с. 379 и сл. и Kuryłowicz₁₃, с. 13). На возможные его следы в хеттском было указано Семереньи (см. Szemerényi₂₆, с. 206). Общегерманские «доказательные примеры» в последнее время подверг уничтожающей критике Беннет (см. Bennett₂, с. 733—737. См. также VI.715 и Pisani₄, с. 346 и сл., и, совсем недавно, также Kuryłowicz₃₃, с. 339).

6.3. Особые процессы наблюдаются при встрече *ден-тального* в исходе морфемы с *дентальным* в начале морфемы

Последовательность *-tt-* (также из *-d-t-*) представлена очень хорошо благодаря отглагольному прилагательному с суффиксом *-to-*, а также благодаря отглагольным абстрактным существительным с суффиксами *-ti-* и *-tu-*. Ср. и.-е. **weid-* 'видеть'—**wid-to-* 'виденный, известный': скр. *vitta-*, авест. *vista-*, греч. *ἄ- (F)ιστος* 'неизвестный', лат. *vīsus* (вместо **vissus* от *vīdi*) 'зрение', др.-ирл. *fess*

‘познанное’ (умлаутированная форма мн ч ср. р из *wittā; ср iiss ‘знание’ из *wid-tu-s), гот un-wiss ‘неизвестный’, др.-англ wiss, др.-в.-н. gi-wiss ‘известный’; серб.-ст.-слав. věstī ‘ясный’ от vědē ‘знаю’ из *vīstī

И-е. *sed- ‘сидеть’ — *sed-to- скр satta-, авест. hasta-, лат. -sessus, др.-ирл sess ‘сидение’, др.-сканд. др.-англ. sess ‘сидение’; ср ст.-слав. sěsti, лит. sėsti ‘сидеть’

Таким образом, получается, что -tt- на западе (италийский, кельтский, общегерманский) переходило в -ss-, в центральных и восточных районах (греческий, балтийский, славянский, иранский) это сочетание переходило в -st-, а на востоке (древнеиндийский), напротив, сохранилось в виде -tt-. Чтобы согласовать эти различные процессы, уже давно (1) было высказано предположение, что и-е.-tt- вначале переходило в аффрикату, следовательно, превращалось в -tʰt-, затем, в результате диссимиляции в ряде языков (западных) возникало -ts-, а из него развилось -ss-. В другой части языков (центральных и восточных) появлялось -st-, тогда как в древнеиндийском s в tʰt выпадало, о чем свидетельствуют такие сложные слова, как utthā- из ut-sthā (то есть ud-sthā) ‘вставать’ и т. д. Эта точка зрения была подкреплена хеттским материалом. В хеттском, например, ets-teni ‘вы едите’ (на письме ezzatteni) подтверждает предполагаемое развитие и-е. *ed-t-.

В последнее время ступень -tʰt-, напротив, считается излишней и высказывается предположение (2), что в результате «диссимиляции геминаты» из -tt- непосредственно возникало в одних языках -ts- (> -ss-), а в других -st-. Этот процесс возможен только в том случае, если специфическое развитие -tt- протекало не в индоевропейском праязыке, а в отдельных индоевропейских языках. Ведь авест. hištaiti ‘стоит’ из и-е. si-st- в отличие от vista- из и-е. *wid-to показывает, что -tt- еще не перешло в -st- в тот период, когда s после i (а также после u r k, см. IV.6) переходило в š. Поэтому нельзя согласиться с мнением (3), что -tt- еще в индоевропейском праязыке переходило в -st-, или (4) — в -ss-.

Древнеиндийский не является унаследованным от первоначального состояния. Это подтверждается тем, что для -ddh- и в древнеиндийском прослеживается развитие в -zdh- (явно из -dzdh-). Так, формы императива

dehi 'дай', dhehi 'садись' возникли из *dazdhi, *dhazdhi, что подтверждается не только edhi 'будь' из *az-dhi (из as-dhi), но непосредственно авест. dazdi 'дай' (5)

Группа -ddh-, возникшая из -dh-t, представляет собой частный случай закона Бартоломе. В других же языках не обнаруживается ничего сходного Ср лат. iussus из *yudh-to-s через *yuttos, с утратой придыхания

О точке зрения (1) см Meillet₂, с 57—61, Kent, с 117 и сл, Porzig₂, с 76—78, Schmitt, с 234—235

О точке зрения (2) см. Schwyzer₁, с 234, 248, Hammerich₁, с 172 и сл

О точке зрения (3) см Johansson, с 310 и сл, Meid₂, с. 226 и сл, 236

О точке зрения (4) см Heller₁, с 7

О точке зрения (5) см Wackernagel—Debrunner, с 177 и сл с дополнениями Дебрунера. Противоположное мнение было высказано недавно Тедеско (см Tedesco, с 1 и сл), однако относительно azdā см Szemerényi₂₈, с. 203 и сл

Таким образом, представляется доказанным, что в дентальных группах -tt- и -ddh- в индоевропейском праязыке возникала аффриката. Возникшие в результате этого -tst- и -dzdh- затем, в отдельных языках, отчасти, видимо, еще в период региональных объединений, были диссимилированы в -ts- или -st-, тогда как в древнеиндийском в большинстве случаев были восстановлены -tt- и -ddh-

6.4. Закон Зибса. В начале морфемы, особенно в обшегерманском, а также и в других индоевропейских языках, может наблюдаться варьирование М и s + Т или МА и s + Т(А). Например, общегерм. *dauma- (ср -нидерл doom) и *stauma- (англ steam) 'пар', ср -в -н briezen = spriezen 'прорастать' и т. д. Из соответствий такого рода Зибс сделал вывод, что в индоевропейском праязыке начальное М переходило в Т, а МА — в Т(А), если ему предшествовал (префиксальный) s. Недавно скончавшийся советский исследователь Иллич-Свитыч предложил более точную, по его мнению, формулировку данного закона: начальные s + k и s + g повсюду переходили в sk-. Однако s + gh представлено в санскрите как skh-, в греческом как σκ и как sk- в других языках.

Ср Siebs (1862—1941), с 277—324, Иллич-Свитыч₁, с 93—98. В защиту закона Зибса высказывается также Kurowicz₂₈,

с. 53 и сл., он же¹¹, с. 378 Курилович использует этот закон для далеко идущих выводов. См. ниже VI 7.14 А Куни (см. Сипу², с. 73) тоже высказывает предположение о переходе $s \rightarrow bh$ в sph .

Е) СТРУКТУРА СЛОГА

7. Между фонемой и словом обычно выделяется еще промежуточная единица — *слог*. В односложных языках, таких, как, например, китайский, это понятие избыточно, поскольку слог и слово здесь совпадают. Но в языках других типов, в том числе в индоевропейских языках и в праиндоевропейском, слог является естественной единицей более высокого порядка. К сожалению, до сегодняшнего дня нет общепринятого определения слога. Ясно, однако, что слог имеет вершину, обычно ею бывает гласный или сонант, и что ей предшествуют и за ней следуют определенные элементы, так называемые согласные. В таком односложном слове, как нем. Stadt, то есть /stat/ 'город', границы слога, его начало и конец, выражены отчетливо. В многосложном слове (например, städtisch 'городской') границу не всегда можно установить экспериментально-механически, хотя Б. Мальмберг нашел прием для разграничения слогов с помощью соннаграмм. Важно подчеркнуть, что если вершину слога можно определить фонетически, то границы слога, как следует из работы Клостера Енсена, могут быть определены только фонологически, но с достаточной надежностью. Их определение зависит от возможных в конкретном языке комбинаций фонем в начале и в середине слога, а также от просодических факторов.

Для истории языка и для стихосложения существенно, кроме того, различие между открытыми и закрытыми слогами. *Открытый* слог заканчивается вершиной, а *закрытый* — согласным. В количественной метрике открытые слоги с краткой вершиной считаются краткими, а открытые слоги с долгим гласным и закрытые слоги с краткой вершиной, если даже за ними следует только один согласный, считаются долгими.

Примечание Не следует смешивать слог и морфему. Они могут совпадать, но не обязательно совпадают. В большинстве случаев этого не происходит. Индоевропейская морфема *bheidh- при сочетании с другой морфемой может образовывать слово *bheidhō, которое делится на слоги: *bhei-dhō.

О проблеме слога см.: Essen, с. 126—136, о границах слога—с. 131 и сл. См также Kuryłowicz₁₄, с. 193—220; Hála, с. 69—143, Malmberg₁, с. 80—87, Malmberg₂, с. 1—9; Klostner Jensen, с. 17—38, Pilch₁, с. 17 и сл.; Delattre, с. 13, Pilch₂, с. 238, Lebrun, с. 1—15, Kohler, с. 207—208; Kunert, с. 82—95, Scholes, с. 55—77, Fudge, с. 253—286 (с критикой Колера); Brown, с. 1—17.

7.1. Как и в любом языке, структуру слога можно описать и в индоевропейском праязыке, указав все возможные комбинации фонем до и после вершины слога. При совпадении начала слога с началом слова мы обнаруживаем комбинации, о которых говорилось при описании структуры морфем (см. выше 5.1). То же самое наблюдается и при совпадении конца слога с концом слова. Если же начало слога и/или конец слога оказываются в середине слова, то соотношения меняются. Хотя в начале слова возможны группы *kt-* *gr-*, слова **aktos* (из **ag-tos*) и **agros* делятся на слоги **ak-tos* и **ag-ros*, а не **a-ktos* и **a-gros*. Обычно, если две вершины разделены двумя согласными, слогораздел проходит между этими согласными. Если две вершины разделены тремя согласными, то слогораздел проходит обычно после первого согласного.

7.2.1. Если группу согласных замыкает сонант, как, например, в группах типа *dy*, *dw*, *pty*, *ptg* и т. д., то при этом происходят своеобразные и особенно характерные для индоевропейского праязыка преобразования структуры слога. Впервые на это обратил внимание Э. Зиверс (1850—1932), а в последнее время их тщательно изучил и описал Ф. Эджерто́н (1885—1963), так что теперь мы можем говорить о законе Зиверса — Эджертона.

Э. Зиверс, опираясь на некоторые факты общегерманского и ведийского, установил, что в этих языках и, вероятно, еще в индоевропейском праязыке у и w в позиции после краткого слога чередуются с i и u, а в позиции после долгого слога — с iu и iw. Таким образом, один и тот же суффикс выступает как *-ja-* в гот. *harjis* 'войско' и как *-ija-* в *hairdeis* (из *-dijis*) 'пастух'. То же наблюдается и в глаголе. Так, *-ja-* в *satjij̥* 'сажает' чередуется с *-ija-* в *sōkeij̥* 'ищет' из **sōkij̥* или *sandeij̥* 'посылает' из **sandij̥*. Предшествующий долгий

слог не обязательно должен присутствовать в том же слове. Он может создаваться паузой или конечным слогом предшествующего слова. Действительно, в ведийском наблюдается варьирование начала слога типа *dyaus/dīyauṣ* 'дневное небо', *syām/sīyām* 'пусть я буду'. Этому, очевидно, соответствует латинское чередование *diēs/luppiter, Iovem*, причем в последних у- произошло из *dy-*

Закон Зиверса был затем превращен Эджертоном в двух его превосходных статьях во впечатляющую систему, охватывающую не только у, w, но и п т л г, то есть звуки, называемые сонантами. Как уже говорилось выше (IV 4 и 5), носовые и плавные могут функционировать не только как согласные, но и как гласные, и в последней функции выступать даже перед гласными. Эти фонемы имеют, следовательно, три аллофона. г, например, выступает как г и ɣ, причем последнее в двух вариантах: *CɣC* и *CɣV*. В этом отношении гласные i, u и полугласные y, w функционируют так, как если бы они были аллофонами друг друга. Подобно г, функционируют у/i/iy и w/u/uw. Если обозначить один сонант у/i/iy, а второй — w/u/uw, смычный или s — через Т, два смычных или s + смычный — через КТ, краткий гласный — через а, долгий гласный — через ā и, наконец, паузу — вертикальной чертой, то можно, согласно Эджертону, представить варьирование в индоевропейском языке следующим образом

один сонант (1) аТуа	но аTiya, КTiya, Tiya
два сонанта (2) ауwa	но āyuwa
(3) ауuT, ауu	
(4) аТуuT, аТуu	но аTiyuT, аTiyu КТiyuT, КTiyu TiyuT, Tiyu
(5) аТуuwa	но аTiwa, КTiwa, Tiwa
(6) уuwa (или iwa?)	

Другими словами, если сонант у следует за Т, например *dy*, то после краткого гласного может стоять только *dy*, тогда как после долгого гласного (или после двух согласных, или после одного согласного непосредственно за паузой) *dy* недопустимо; в последнем случае автоматически возникает *diy*, то есть **edyo*, но **ēdiyo*, **gdiyo* и **diyo*. То же самое относится к *dw*: **edwo*, но **ēduwo*, **gduwo* и **duwo*

В случае двух сонантов, например г и у, после краткого гласного должно быть сочегание *агуо, но после долгого возможно только *āriyo. Если за г+у следует согласный, то, например, форма *агуd невозможна, и автоматически возникает *arid. Если два сонанта следуют за согласным, то при кратком предшествующем гласном возникает, например, *adrid, а при долгом — *adrid, а после двух согласных — также *ptrid (а не *ptrid).

Ср. Sievers, с. 129 и сл., Wackernagel—Debrunner, I, с. 197 и сл., Edgerton₁, с. 235—265 и (в новой редакции) Edgerton₂, с. 83—124 (см. обобщающую формулировку его правил с. 108 и сл.), кроме того, Edgerton₄, с. 352—359, где он (с. 353) с характерной для него откровенностью признает, что его «фонетические правила были не полностью живы даже в «Ригведе», а о каком-либо другом индоевропейском языке и говорить не приходится», но тем не менее он утверждает, что характерное для «Ригведы» и граничащее с регулярностью состояние указывает на то, что «фонетический закон еще действовал в период, не слишком отдаленный от того времени, когда начали слагаться гимны «Ригведы».

7.2.2. Регулярность в текстах «Ригведы» может быть охарактеризована статистически. Так, окончание датива — аблатива мн. ч. -bhyas встречается 120 раз в форме -bhiyas, после краткого гласного — только два раза. Местоимение tvam 'ты' в первом сборнике песен после паузы или долгого гласного засвидетельствовано 105 раз, а tvam — только 11 раз. После же краткого слога tvam не встречается ни разу, а tvam, напротив, 13 раз. Хорошо известными примерами, иллюстрирующими данное чередование, в других языках являются уже упоминавшиеся diyaus/dyaus, siyām/syām (ср. др.-лат. siem); кроме того, *kṵwōp/*kuwōp 'собака' (šuvā/švā, греч. *κύων*), *dṵwō/*duwō 'два' (ср. гомер. *δίω*, но *δίωδεκα* из *διώδεκα*), *gṵnā/*gṵnā 'жена' (скр. *gnā*, беот. *βῆνα*).

7.2.3. Окончательным доказательством своего тезиса Эджертон считал реверсию закона Зиверса (the converse of Sievers' law), происходящую в том случае, если при сочетании морфем возникали последовательности iy uw. Так, по его мнению, из su-varṇa- 'золото' ('прекрасноцветный') возник вариант svarṇa-, из antar-iyāt — antaryāt, из anu-vartitā — anvartitā именно потому, что тип iy uw был невозможен после краткого гласного и простого согласного, каким бы путем такое сочетание ни возникало.

7.2.4. При проверке этого тезиса норвежский исследователь Ф. О. Линдеман обнаружил, что 1) реверсия закона Зиверса, если она вообще верна, — это относительно молодое явление в индийском языке, но ни в коем случае не праиндоевропейское, 2) варьирование начала слога происходит только в односложных словах, тогда как в многосложных словах начальная группа согласный + сонант остается неизменной; ср. надежно засвидетельствованные индоевропейские слова **swekuros* 'свекр', **swesōr* 'сестра', **swādu-* 'сладкий', **dhwer-* 'дверь', **treyes* 'три' и т. д., которые никогда не содержат начальных *suw-*, *dhuw-*, *tre-* и т. д. Тем не менее греч. *φάρυξ* и лат. *frūmen* 'гортань, глотка', арм. *erbuc* 'грудь' (из **bruc*) свидетельствуют об индоевропейском чередовании **bhrug-:bh̥rug-*.

7.2.5. Хотя в, пожалуй, слишком точных формулах Ф. Эджертон много следовало бы изменить, тем не менее его заслуга состоит в том, что он распространил закон Зиверса и на другие сонанты. Тот факт, что более длинные словоформы оказывают более сильное сопротивление варьированию, то есть обобщают одну форму, заслуживает внимания и вполне понятен. Вместе с тем интересно, что «априорные» формулы Эджертон поразительно хорошо согласуются с эмпирическими формулами А. Мейе (см. Meillet, с. 134 и сл.).

Ср.: Lindeman₁, с. 38—108. Критику Ф. Эджертон см. в: Borgström₂, с. 152, последний одновременно высказывается против ранней позиции Куриловича (см. Kuryłowicz₂, с. 89 и сл.; также Kuryłowicz₁₁, с. 171, 340 и сл., 348 и сл.). В защиту Эджертон см. Lehmann₁, с. 10 и сл., а также работу Kuiper₂, с. 39—45; против него Sihler, с. 248—273. Действие этого закона в период, предшествующий «Ригведе», рассматривается в работе: Atkins, с. 679—709. Важной новой публикацией является: Nagy.

7.3. Интересная особенность индоевропейской структуры слога состоит в том, что в словах индоевропейского праязыка не встречаются долгие (так называемые геминированные) согласные, несмотря на то что они довольно часто возникали на стыке морфем, по крайней мере, в виде *-tt-* или *-ss-*. Да и в древних индоевропейских языках долгие согласные были необычны, они характерны для гипокористических (ласкательных) имен или экс-

прессивных слов, в том числе для детских слов. Возможность на основе соответствий, которые наблюдаются, например, между такими словами, как хетт. *attas* 'отец', греч. *ἄττα* и т. д., возвести эти слова к и-е. **atta* (детское слово уже в и-е праязыке?) представляется, если принять во внимание структуру слога, сомнительной.

Об экспрессивной геминации см. Kuryłowicz₂₁, с. 1—8 и Kuryłowicz₂₃, с. 342 и сл.

VI. ПРЕДЫСТОРИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В предшествующих главах мы попытались реконструировать фонологическую систему индоевропейского праязыка в том виде, в каком она была представлена незадолго до конца индоевропейской языковой общности. Состояние указанного периода можно проанализировать методами внутренней реконструкции (см. III) и восстановить таким образом некоторые важные черты еще более раннего состояния древнеиндоевропейского праязыка.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТУПЕНЕЙ АБЛАУТА

1. *Нулевая ступень.* Что касается чередований по аблауту, то здесь прежде всего следует отметить, что ослабление основного гласного связано с местом ударения. Скр. *ás-mi* 'есмь': *s-ánti* 'они суть' из и.-е. **és-mi* **s-énti* (ср. дор. *ἦμι:έντι*, гот. *im:sind*, ст.-слав. *esmi sōtū*) можно интерпретировать только следующим образом. корень **es-* во множественном числе, где ударение переходит на окончание (ср. также 1 л. мн. ч. *s-más*, 2 л. мн. ч. *s-thá*), именно по этой причине утрачивал основной гласный и принимал форму *s*; во всяком случае, возможен только переход от *es-* к *s-*, но не от *s-* к *es-*. Это существенно, ибо индийские грамматисты в своей теории аблаута исходной формой считали нулевую ступень, из которой две другие ступени возникали, по их мнению, в результате последовательного добавления *a*, то есть основная ступень *diš-* 'показывать', гуна (вторичное качество) *dēš-* из **d-a-iš-* и врддхи ('рост') *daiš-* из **d-a-a-iš-*. Исходной формой может быть только полная ступень, то есть гуна индийских грамматистов, хотя в отдельных случаях от нулевой ступени, согласно существующим чередованиям, могла возникнуть новая полная ступень (см. ниже 5 6).

Та же самая взаимосвязь нулевой ступени и перемещения ударения обнаруживается и в глаголе *ei- 'идти': 1 л. ед. ч. *éi-mi: 1 л. мн. ч. *i-més, 3 л. мн. ч. *y-énti (ср. скр. ēmi imás yánti). В именных образованиях эта связь обнаруживается в греч. πατέρα πατέρες 'отца' (акк.), 'отцы' (ном. мн. ч.), в отличие от πατρός πατρῶν 'отца' (ген.), 'отцов' (ген. мн. ч.), в отглагольном прилагательном с ударным суффиксом -tó-, например: *g^whēp- 'бить, убивать', *g^whēp-tó- (скр. hán-ti 'бьет': hatá- 'побитый'), *kleu- 'слышать' *klu-tó- 'известный' (скр. śrutá-, греч. κλυτός) и т. д.

Во всех этих случаях, можно полагать, именно перемещение ударения на конец слова привело к утрате корневого гласного. Но встречаются и такие случаи, когда к тому же результату приводило и перемещение ударения на первый элемент сложного слова. Слово с полной ступенью *gepi 'колено' (лат. genū, хетт. gepu) отражается, например, как *gpi в скр. pga-jñu- 'кривоногий', авест. ġa-špi- 'выставив вперед колени', греч. πρόχυν (из πρόχυν) 'коленипоклоненно' (собственно говоря, 'имея колени впереди')

Это ослабление распространялось, конечно, и на долгие гласные. Учитывая количественные различия, можно ожидать, что если краткие гласные исчезают полностью, то долгие гласные, по крайней мере сначала, переходят в краткие гласные. С этим согласуется тот факт, что нулевой ступенью долгого гласного является шва, то есть краткий редуцированный гласный.

Следовательно, можно сделать вывод, что нулевая ступень, то есть утрата основного гласного в безударной позиции, возникала чаще всего в предударной, а также и в заударной позиции. Поскольку такое ослабление и утрата известны только в языках с преимущественно экспираторным ударением, то для предшествующего индоевропейскому праязыку периода, когда возникла нулевая ступень, делается предположение о преимущественно экспираторном ударении.

Ср. Hirt₁, с. 20 и сл., Hirt₂, II, с. 9 и сл., 192 и сл., Kuryłowicz₂, с. 77 и сл.; Kuryłowicz₁₁, с. 97 и сл., Lehmann₁, с. III, Burrow₂, с. 110. Утверждение, что «тои был связан с чередованием, а не вызывал его» (Benveniste₂, с. 52), звучит несколько странно, если учитывать, к каким изменениям в вокализме привело ударение во французском и немецком языках. В защиту индийской теории вновь выступил Rundgren, с. 186 и сл.

Дополнение 1.

По совершенно иному пути идет К. Х. Боргстрём (см. Borgström, с. 137—187), который предполагает, что в древнеиндоевропейском праязыке существовала только одна ступень с открытым слогом и единственным гласным *ä* в этой системе механическое правило обуславливало бы выпадение каждого второго от конца гласного. Так, 3 л. ед. ч. **häsä-tä* давало бы **hästä*, позднее — **est*; 3 л. мн. ч. **häsä-pätä* соотв. **hsantä*, позднее — **sent*, из которых возникли **esti/senti*. Однако 1 и 2 л. мн. ч. **smes* **ste* уже не вписываются в это правило. **häsä-mä* должно было бы дать **es-m-*, а *häsä-mäsä* соотв. **sems-*. Тип скр. *dvesti* из **dweik-ti* в рамках данной теории тоже остается загадочным. Основной ошибкой, однако, является предположение об одной ступени только с открытым слогом; см. ниже. Ср. также более позднюю версию К. Х. Боргстрёма (см. Borgström, с. 282, а также Borgström, с. 119—128).

Дополнение 2.

В результате синкопы могут исчезать также *i* и *u*; см. Szemerényi, а также ниже, VI.7.2 2.5.

2. Продленная ступень. Эта ступень аблаута засвидетельствована прежде всего во многих именных образованиях от консонантных основ, причем не только в классе одушевленных существительных (м. и ж. р.), но также в классе неодушевленных (ср. р.); ср. греч. *πατήρ* 'отец', *πτεῖν* 'пастух', (дор.) *πῶς*, а также ср. р. *хър* 'сердце' (основа **kerd*). Сюда же относятся некоторые формы аориста и перфекта (лат. *vehō/vēxī* 'везу, вез', *venīō/vēnī* 'прихожу, пришел') и некоторые именные образования, производный характер которых маркирован как раз продленной ступенью, например, др.-в.-н *swāgiz* 'сын свекра' из **swēkuros*, которое является имеющим полную ступень дериватом от **swekuros*, то есть *vrddhi*. В некоторых языках продленная ступень используется в глагольном словообразовании; ср. лат. *celāre* 'скрывать' из **celere* (сохранилось в *oc-culere* 'скрывать, утаивать').

2.1. В вопросе о происхождении продленной ступени долгое время принималось объяснение, данное В. Штрайт-

бергом, согласно которому утрата гласного, если она была связана с утратой слога, вызывала продление гласного предшествующего слога. В соответствии со сказанным из **rātēro* возник ном. **rātēr*, тогда как акк. **rātērom* перешел в **rātērm* без продления, поскольку слог сохранился. Аналогичным образом возникли **dyēus* из **dyēwos*, **gʷōus* 'корова' из **gʷōwos*, **pēs* из **pédos*, **gēks* из **gēgos* и т. д.

Streitberg₁, с. 29—49, Streitberg₂, с. 305—416; Hirt₁, с. 175 и сл., Hirt₂, с. 37 и сл., Kuryłowicz₂, с. 92 и сл., 160 и сл., 234 и сл., Lehmann₁, с. 111; Borgström₂, с. 138, он же₃, с. 280

2.2. Вскоре, однако, М. Блумфилд высказал возражение, отметив, что, согласно этой теории, первоначально вообще не должно было бы существовать односложных корней. Далее, как подчеркнул Перссон, если продленную ступень атематических глаголов выводить из «тематической» как первоначальной (например, скр. *tāsti* 'он плотничает' возводить к **tekseti*), то аналогичный процесс следовало бы ожидать во всех глаголах, чего, однако, не наблюдается; ср. скр. *bharti* 'несет', *vas̥ti* 'он хочет' и т. д. И если именное образование **kērd* 'сердце' возводить к **kerede*, то из **deyewos* должно было бы образоваться **dēiwas*, а не засвидетельствованное на самом деле **deiwas* 'бор'.

Ср. Bloomfield, с. 5 и сл.; Wackernagel-Debrunner, I, с. 68; Blankenstein, Persson, с. 625 и сл.; Lehmann₂, с. 360, 367.

2.3. Возможность объяснить продленную ступень с фонетических позиций представлялась, по-видимому, все менее вероятной, и многие пытались давать объяснение, которое не носило фонетического характера. Продление гласного было, как они полагали, по своей природе *символическим* (*lautsymbolisch*) или *экспрессивно-ритмическим*. Так, Лёве писал: «Индоевропейское продление гласного было по своему характеру символическим (*lautsymbolisch*), особо динамическим, причем интенсивность представления передавалась продлением гласного».

Ср. Loewe, с. 60, 62, Pisani₂, с. 394—421, Schwyzer₂, I, с. 355 и сл., Specht₂, с. 338, 360 — Критику см. Lehmann₂, с. 367 и сл.

2.4. Весьма своеобразное, хотя и совпадающее по своей сущности с древнеиндийской теорией гуны объяснение было предложено *Е. Куриловичем*. Продленную ступень он считает по природе не фонетическим, а морфологическим явлением. Так, номинатив консонантных основ получает следующее толкование конечная группа -ег, характеризующая первоначальный, не имеющий флексии номинатив и продолжающая существовать в форме вокатива, стала неоднозначной ввиду того, что таутосиллабическое -ēg сократилось в -ег, тогда как при согласных, которые не являются сонантами, сохранилось -ēT, затем, по аналогии, -ег перешло в однозначное -ēg. В случае других продленных ступеней (врддхи в именных образованиях типа *swēkuros, сигматические аористы типа gēhī 'направил', tēhī 'покрыл') наблюдаются преобразования, в соответствии с основным соотношением ei/i, причем i воспринималось как основное, а ei — как производное, вследствие чего к основе e была образована производная ступень ē.

Ср. Kuryłowicz₁₁, с. 142—165; о распространении продленной ступени — с. 264 и сл.; он же₁₇, с. 198, 209 и сл.

2.5. Данное объяснение, каким бы остроумным оно ни казалось, не может удовлетворить исследователя. Оно не является настоящим решением не только из-за слишком математического подхода, но также из-за того, что, допуская образование по аналогии, оно вынуждает предположить наличие фонем и соответствий, тогда еще отсутствовавших в языке. Нельзя не считаться с тем фактом, что процессы образования по аналогии могут протекать только в пределах уже имеющегося материала, поскольку они опираются на существующие модели. Правда, такой подход, пожалуй, позволил бы объяснить некоторые врддхи (продленные ступени), однако только при условии, что для них уже имелись модели, другими словами, при условии, что продленная ступень уже существовала. То же самое следует сказать и о продлении в номинативе, причем необходимо подчеркнуть, что слова среднего рода типа *ṛ не находят объяснения.

Еще менее убедительным является психологическое направление. Продление согласных (ср франц. épprouvantable 'ужасный') и гласных (ср нем. schäääbig 'жааалкий') встречается в аффекированной речи. Однако

оно не относится к общеупотребительным средствам нормального языка

Весьма странным является предположение (Schmitt—Brandt, с 15 и сл.), что *dyēus, *kwēn (sic!) 'собака', *Hnēr 'муж(чина)' будто бы возникли из *deiws *keup *Hapг в результате метатезы (и продления!).

2.6. По-настоящему удовлетворительное решение можно будет дать только в том случае, если причины образования продленной ступени удастся свести к фонетически объяснимым различиям. Предварительную аналитическую работу проделал М. Леуманн.

В блестящей статье М. Леуманн показал, что врѣхи (тип *swēkuros 'относящийся к *swekuros') возводятся к односложным словам, номинатив которых имел продленную ступень. Удачным примером служит скр pāgi 'жена', образованное от сущ. м р. pā(г) 'муж(чина)'. Прилагательное *nēgos 'принадлежащий мужчине', с продленной ступенью, тоже образовано от *nēg 'муж(чина)'. Однако на главный вопрос, каким же образом возникла сама продленная ступень, Леуманн не смог дать ответа.

См. Leumann, с 360—371. В последней статье Леуманн указывает на то, что продленная ступень в номинативе односложных слов сопоставима с упоминаемым на с 362 продлением и в п. Об этом см. 2.7.4.

2.7.1. При интерпретации продленной ступени необходимо, следовательно, исходить из продления в номинативе м. и ж. р. основ определенных классов. Оно регулярно наблюдается для основ с носовым и плавным, а также для s-основ, например: *ghiyōm 'зима' (греч. χίων, лат. hiems), *k(u)wōn 'собака' (греч. κῶν), *ghnōn 'мужчина' (лат. homō, гот. guma), *mātēr 'мать', *bhrātēr 'брат', *swesōg 'сестра', *(a)usōs 'утренняя заря' (скр. usās, зол. aṁṣ, лат. aurōg-a), в формах сравнительной степени типа *meg-uōs 'больше', *sep-uōs 'старше' (лат. maiōr seniōr). Напротив, вокалические основы и основы со смычными в номинативе имеют -s без продления, на пример: *ekwos 'лошадь', *owis 'овца', *sūpus 'сын', *nok*ts 'ночь'. С функциональной точки зрения ясно, что некогда все основы одушевленных существительных должны были маркироваться -s, на что указывал также А. Мартине. Если упомянутые классы основ не имеют -s,

но обнаруживают продленную ступень, то отсюда следует, что это продление является компенсаторным. Другими словами, нормальный исход номинатива *-ergs -eps -emz* (соотв. *-orgs* и т. д.) развился в *-ēg -ēp -ēm* (соотв. *-ōg -ōp -ōm*) И в случае *s*-основ *-es-s* или *os-s* развились в *-ēs*, соотв. *-ōs*. Отсюда следует, что в основах с носовыми и плавными развитие шло от *-ergs* к *-ēg* через *-egg*, так что долгий гласный + долгий согласный давали последовательность долгий гласный + краткий согласный

2.7.2. Это объяснение справедливо и для дентальных основ, в которых, с дескриптивной точки зрения, представлены продленная ступень и *-s*. Рассмотрим, например, **pod-s* 'пята'. Ясно, что здесь в результате нормальной ассимиляции это **pod-s* давало вначале **poss*, которое обязательно переходило в **rōs*. Точно так же номинатив от **perot-* 'внук' приобретал форму *perōs*.

2.7.3. Из всех относящихся сюда форм номинатива рассмотрим еще причастия настоящего времени на *-nt-*. Первоначальной формой окончания было *-ont-s*, которое, будучи ассимилировано в *-onss*, в дальнейшем прошло такой же путь, как *-ops* в *p*-основах, то есть перешло в *-ōp*. В таком виде это окончание сохранилось только в греч. (φέρων). В других же языках было восстановлено *-onts* (или аналогичная форма), поскольку *-ōp* приводило к омонимичным формам. Так, **ferōp* в латинском стало иметь форму **ferō* (ср. *homō*), **bharāp* в индоиранском изменилось в **bharā*, гот. **bherōp* дало **baiga*. Все эти формы совпадали с формами 1-го лица ед. ч. настоящего времени.

2.7.4. Выше было сказано о продлении *u* в *ū*; отметим еще, что и *-e*. **mūs* 'мышь' описанным выше образом произошло из **mus-s*; продление не имеет ничего общего с односложностью. Точно так же номинатив от **nas* 'нос' стал иметь форму **nās*.

2.7.5. Продленная ступень связана лишь с геминацией, но отнюдь не с *-s*. Это подтверждается древней формой слова 'сердце'. Будучи словом среднего рода, оно не могло поэтому иметь ни *-s*, ни продленной ступени. Тем не менее форма номинатива в греческом звучит **ḗr*. Обычно эту

форму считают продолжением и -е *kērd. О невозможности такого соответствия свидетельствует сама форма, ибо и -е. *kērd должно было бы дать, с сокращением количества, *kerd, из которого в греческом могло бы возникнуть только *кер. Греческая форма является как раз продолжением и.-е. *kēg, которое в свою очередь возникло из нормальной ступени *kerd в результате ассимиляции. В латинском *kord тоже вначале дало *korg и лишь позднее — cor. Ср. VII.3 3 2.

2.7.6. Теперь станет ясно, почему 'весна' в латинском и древнескандинавском восходит к одной форме *wēg (лат. vēg, др.-сканд. vāg), тогда как греч. (F)ἔαρ указывает на *wesg. Последняя форма первоначально была допустима перед консонантным началом, тогда как перед гласными произносилось *wesg. Из этой формы возникло *wegg (так же, как -ergs дало -egg), которое затем развилось в *wēg.

2.7.7. Предвокалическая форма сандхи скрыта и в окончании локатива -ēi i-основ. Первоначально этот падеж оканчивался на -eu-i, но перед вокалическим началом появлялся вариант -euu, который развился в -ēi и в таком виде был собщен. По аналогии с i-основами затем и у u-основ появилось -ēu, вытеснившее первоначальную форму -ew-i, либо -ōu вместо -ow-i; см. VII.5.3.

2.8. На основе возникшего таким образом продления в форме номинатива были затем, как мы видели, созданы соответствующие формы врddхи. Наряду с уже приводившимися *nēg/*nēg-i/*nēg-o-s (?) можно упомянуть еще параллельный случай *g^wēp 'женщина' (акк. *g^wēp-ŋ), форма которого *g^wēp-i- представлена в гот. qēps (= kw-) наряду с qīpō из *g^wēp-ōn. С гипотетическим *nēg-o-s можно сопоставить действительно засвидетельствованные *sēm-o-s или *sōm-o-s 'один, тот же самый, одинаковый' в авест. hāma-, ст.-слав. samŭ 'сам'. Эта форма лежит также в основе др.-англ. sōm 'согласие', откуда в свою очередь было образовано др.-англ. sētan 'примирять'; все эти формы восходят в конечном счете к номинативу *sēm или *sōm числительного *sem- 'один'.

Только что упомянутые древнеанглийские образования, кроме того, показывают, каким образом формы с полной

ступеню могут проникать и в глагольное словообразование. Так возник тип **bhōreyō* из **bhōr*/**bhōr-π*, тогда как **bhoreyō* осталось связанным с **bhoros*; образованный от **bhōr* (или прилагат **bhōr-o-s*) тип ж. р. **bhōr-ā* дал **bhōrāyō*.

О первой попытке подобной интерпретации см. Szemerényi¹⁷, с. 12 и сл., с. 21. Ср. также Martinet⁷, с. 83—95; Martinet¹¹, с. 149—152; кроме того, см. Winter⁴, с. 205—293.

Дополнение 1.

Возникает еще один вопрос, можно ли с наших позиций объяснить продленную ступень в сигматических аористах. О возможности транспозиции долготы не только в конце слова свидетельствуют, в частности, числительные **wikmt-* '20', **trikomt-* '30', **k^wetwīkmt-* '40' и т. д., в которых *-ik-* *-īk-* возникли из *-ikk-* *-īkk-*, а последние — из *-i-dk-* *-ī-dk-*. В таком случае и форма аориста **bhēr-s-π* могла бы перейти в **bhērπ*, а позднее, в результате восстановления *s*, — в **bhērsπ*. Во 2-м и 3-м лице ед. ч. можно предположить аналогичное развитие окончания. **bher-s-s* > **bhēr*, **bher-s-t* > **bhēr*, которые затем были преобразованы в **bhēr-s(s)* **bhēr-s-t*. Ср. совершенно иное мнение Куриловича (см. Kuryłowicz, с. 111).

Дополнение 2.

К проблеме продленной ступени в собственном смысле не относятся перфектные формы *ēd-* *ag-* *ōd-* от **ed-* 'есть', **ag-* 'вести', **od-* 'пахнуть', которые возникли в результате стяжения *e+e* и т. д. Но они, видимо, сыграли определенную роль в проникновении продленной ступени в середину слова, например в **g^wēm-* (лат. *vēnī*, гот. *qēmum* 'мы пришли') и т. д. См. ниже IX.4 3, b — c.

2.9. Поскольку продленная ступень представляет собой модификацию полной ступени в определенном окружении, то она могла возникнуть в любое время. Поэтому относительная датировка по отношению к нулевой ступени представляется невозможной. Во всяком случае, этот процесс, особенно образование различных именных и глагольных врддхи, протекал, по-видимому, продолжительное время.

3. Тембровое о-чередование. В отношении большого

числа случаев и даже целых категорий, по-видимому, ясно, что тембровое чередование связано с ударением. Простым πατήρ 'отец', ἀνὴρ 'муж', ψῆν 'душа' противостоят сложные слова εὐπάτωρ 'благородного отца сын', δυσῶν 'ужасный из-за супруга', ἄφρων 'неразумный'. Наряду с типом δοτήρ 'даритель' существует δώτωρ, наряду с типом ποιμήν 'пастух' — тип δαίμων 'демон'. s-основе γένος 'род' соответствует сложное слово εὐγενές 'благородный'; от глагола λείπω 'я оставляю' образованы как прилагат. λοιπός, так и перфект λέλοιπα, от φέρω 'несу' — абстрактное существительное φορά 'нанесение' и т. д.

3.1. Во всех случаях ударному *é* в исходном слове противостоит неударное *o* в производном. На этом основании Хирт сделал вывод, что *o* возникало из *e*, «если последнее приобретало анти-тон, то есть в сложных словах или при перемещении ударения». Поскольку вызывавшее нулевую ступень преимущественно динамическое ударение не могло послужить причиной качественного изменения *e* (и *a*) в *o*, было высказано предположение, что *o*-ступень возникла вследствие появления более позднего музыкального грависа.

Hirt, c. 156, II, c. 172 и сл., Güntert, c. 1—87; Kuryłowicz, c. 97 и сл., Lehmann, c. 110.

3.2. В своих последних работах Е. Курилович обратил внимание на два важных момента: 1) ввиду того, что связь нулевой ступени с местом ударения в значительной мере еще прозрачна, можно было бы ожидать, что связь *o*-ступени с ударением, если она действительно возникла позже нулевой ступени, должна была бы быть еще более отчетливой. Однако этого нет. Наряду с приведенными выше примерами, иллюстрирующими подобную связь, как отмечает Курилович, встречается немало примеров, которые противоречат данной интерпретации, ср. формы с *o* под ударением φόρος 'ноша', φῶρ 'вор', αἰδώς 'стыд', ἥως 'заря', γόνυ 'колени' и т. д. Во всяком случае, он уверен в том, что тембровое чередование, если оно на самом деле было обусловлено ударением, еще в индоевропейском языке стало средством с чисто морфологической функцией. 2) Далее, Курилович считает эмпирически доказанным, что ударение вызывает ослабление и утрату гласных, но не их качественное изменение, по-

леднее обусловлено окружением, как, например, в русском языке, где *e* перед твердым согласным перешло в *o*, но только под ударением.

Из сказанного, как считает Е. Курилович, прежде всего следует, что период качественного изменения не следовал за периодом нулевой ступени, а предшествовал ему. Предпосылками для изменения он предлагает считать фонетические процессы в раннем индоевропейском праязыке. При ослаблении первоначальных последовательностей $eR\ oR$, где R обобщенно представляет $l\ m\ n$, возникли вначале ${}_eR_oR$, которые совпали в ${}_oR$. Вследствие этого, например, форме ед. ч. перфекта $*wert-$ противостояло $*w_{grt}-$, а не $*w_e rt-$. Однако сверхкраткое ${}_o$ воспринималось как относящееся к фонеме *o*. И таким образом возникло $*wort-$ вместо формы ед. ч. $*wert-$. Точно так же и в корневых именных формах первоначальное соотношение $*wert-/w_{grt}-$ после совпадения последнего с $*w_{grt}-$ перешло в $*wort-/w_{grt}-$, а затем — в $*wort-/w_{rt}-$. Вследствие этого возникла исходная база для *o*-ступени как именных, так и глагольных образований.

См. Kuřyłowicz₁₁, с.36—96, Kuřyłowicz₁₇, с. 52.

3.3. Эта новая интерпретация, предложенная Е. Куриловичем, была подвергнута резкой критике его земляком В. Маньчаком, главным образом из-за того предположения, что формы с полной ступенью будто бы по аналогии подвергались влиянию форм со слабой ступенью. Столь же трудно допустимым и ни на чем не основанным является, как считает В. Маньчак, предположение о совпадении ${}_e g$ и ${}_o g$, которое якобы дало толчок данному процессу. Для объяснения качественного изменения он предлагает два звуковых закона:

а) Ударное и прототоническое *e* перед гласными заднего ряда (*a/o/u*) переходило в *o*;

б) позднее посттоническое *e* перед сонантом переходило в *o*.

Примеры для (б). λέγομεν 'мы говорим', но λέγετε 'говорите'; πατήρ 'отец', πατέρες 'отцы', но ἀπάτωρ 'лишившийся отца', ἀπάτορες (мн. ч.); δότηρ 'даритель', но δώτωρ 'даритель'; ποιμήν 'пастух', φρήν 'дух', но ἄφρων 'камень', ἄφρων 'неразумный'.

Примеры для (а) первоначальная форма перфекта $*dedérka$ 'видел' стала иметь форму $*dedórka$ (греч. δέδορκα

с возобновленным ударением) и по аналогии с 3 л. ед. ч. также стала иметь форму *dedórke; в тематических именных основах окситональный тип номинатива *bhert-é-s, ген *bhertésyo дал вначале *bhertósyo, после чего о было обобщено и перенесено на другие типы, однако *wérgom 'труд', *sénos 'старый' сохранили свое е

См Майсцак₂, с 277—287 В Маньчак признает, что он не может объяснить все случаи, однако он разъясняет большее их количество, чем его предшественники, причем на основе исторически засвидетельствованных процессов

3.4. Хотя высказываемые мнения весьма расходятся друг с другом, некоторые моменты можно считать надежно установленными.

а) Ударение в качестве причины отпадает.

б) Не исключено, что конечные результаты качественных изменений являются следствием разных процессов. Однако определяющую роль, несомненно, играло окружение. Влияние носового при изменении в имперфекте (e)bherem в *ebherom или в аккузативе тематических основ -e-m в -om не вызывает сомнений. И вообще роль сонантов в развитии посттонических гласных представляется установленной (ἀχρῶν 'камень', δῶτωρ 'даритель'). Сюда же следует, видимо, причислить и влияние предшествующих лабиальных, как в случае *rōs 'пята', *perōs 'внук', *k^wetwores '4' и т. д. Во всяком случае, предстоит еще большая работа по выявлению различных факторов, вызывавших качественное изменение

в) Маловероятно, что звуковое изменение данного типа могло захватить также долгие гласные: они слишком устойчивы для этого. Отсюда следует, что качественное изменение в о происходило до периода количественных изменений (появления продленной ступени), то есть, например, не ёг переходило в ѓг, а сначала -ers переходило в -ors, а уже последнее позднее давало -ѓг. В то же время нет никаких оснований предполагать, что качественные изменения происходили после периода нулевой ступени.

Весьма своеобразную теорию предлагают Шмитт и Брандт (см. Schmitt—Brandt, с. 124 и сл.) О не упоминавшейся здесь теории Pulleyblank'а см. Szemerényi₂₈, с. 83 и сл. Ср также Rundgren, с. 186 и сл., см. Кравчук (с. 12—20), который высказывает предположение о сингармонизме.

ЛАРИНГАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

4. В своей работе «Mémoire sur le système primitif des voyelles» молодой Ф. де Соссюр выдвинул гипотезу, которая состоит в том, что в любом индоевропейском корне гласным был *e*, но за корневым гласным мог следовать еще «сонантный коэффициент» (*i u r l m n*), который в нулевой ступени становился вершиной слога: **deik-*, **kleu-*, **derk-*, **bhendh-* при нулевой ступени переходят в **dik-*, **klu-*, **drk-*, **bhjdhd-*. Однако к сонантным коэффициентам относились также *h* и *o*, которые могли появляться только в нулевой ступени, а именно как *a* и *o*. По предположению Ф. де Соссюра, в полной ступени им предшествовал общий для всех корней гласный *e*, и последовательности *e + h*, *e + o* дали, как он считал, и-е *a* и *o*. Ф. де Соссюр не приводит никаких доказательств. Однако нетрудно понять, как он пришел к данной гипотезе. Как мы сказали (V.3.1), большое количество корней имеет гласный *e*, поэтому, конечно, весьма соблазнительно возвести этот эмпирический факт в общее правило. Более умозрительным является утверждение, что долгие гласные представляют собой, собственно говоря, сочетание того же *e* с модифицирующими элементами, подвергавшееся стяжению. Ведь корни типа **stā-*, **dhē-*, **dō-* не дают никаких оснований для подобного анализа. Ф. де Соссюр (с 137), однако, указывает на параллельность скр. *ās-mī* 'я есть' s-mās 'мы есть', греч. (дор) *ēi-μi* 'иду': *i-μes* 'мы идем' и *φῑ-μi* 'говорю': *φῑ-μes* 'мы говорим'. В случае *as-* и *ei-* в единственном числе, по его мнению, выступает полная ступень, а во множественном числе — нулевая ступень корня, точно так же как и у глагола 'говорить' *φῑ-* является полной ступенью, а *φes-* — нулевой. Иными словами, подобно тому как у 'идти' полная ступень *ei-* «возникает» как бы в результате постановки *e* перед нулевой ступенью *i-*, точно так же и *φῑ-* образуется из *φῑ-* путем постановки *e* перед гласным корня, то есть *φῑ-* он считает не чем иным, как *phea-* (или *pheA-*).

См. Saussure₁ (здесь цитируется по Saussure₂).

4.1. Эта революционная идея, сразу сократившая индоевропейскую вокалическую систему до одного гласного *e*, была высказана в крайне неблагоприятное время. Она столкнулась с другой революционной идеей, которая за несколько лет до появления книги Ф. де Соссюра также

коренным образом изменила систему индоевропейского вокализма. Согласно этой точке зрения, в индоевропейском праязыке было не три гласных, как в санскрите, а пять, как в греческом. В то время эта точка зрения как раз постепенно завоевывала признание. Поэтому не удивительно, что от этого выкристаллизовавшегося в результате упорного труда взгляда отказались не сразу. К тому же система Ф де Соссюра не была в полной мере удовлетворительной.

Явный недостаток этой системы состоял в том, что если уж он хотел считать долгие гласные результатом стяжения, то тогда были необходимы три коэффициента, поскольку имелось три долгих гласных. Правда, Ф. де Соссюр видел, что интерпретация $\sigma\bar{a}$ -/ $\sigma\bar{a}$ - как $*stea$ -/ sta - (соотв. $*steA$ -/ stA -) означала, что и $\vartheta\eta$ -/ ϑe - следовало бы рассматривать как $*dhee$ -/ dhe - (с 133). Однако он не сделал соответствующего вывода, потому что не мог обнаружить никаких различий между $\bar{e}$ и $\bar{a}$ (с 135) и возводил их поэтому к $e + A$. Эту загадочную ошибку уже в следующем году исправил датчанин Г. Мёллер, высказав предположение о трех коэффициентах, согласно которому $\bar{e} = e + E$, $\bar{a} = e + A$, $\bar{o} = e + O$. Он указал также на нелогичность и неприемлемость высказанного Ф. де Соссюром предположения о том, что a и o всегда представляют собой нулевые ступени eA и eO , поскольку со структурной точки зрения, например, $*ag\bar{o}$ следовало бы интерпретировать так же, как $*ed\bar{m}i$, то есть как содержащее полную ступень. Теперь оставался только один небольшой шаг до того, чтобы коэффициентам, которые Г. Мёллер позднее — под влиянием своей гипотезы о родстве семитских и индоевропейских языков — назвал ларингальными, приписать свойство, позволявшее им изменять качество не только предшествующего, но и последующего гласного. Следовательно, корень $*ag$ - надо трактовать не как Ag - (Ф. де Соссюр), а как Aeg -, в котором сам ларингальный исчезал после изменения корневого гласного в a .

Если обозначить ларингальные через H_1 , H_2 , H_3 , то есть символы, ставшие в настоящее время почти общепотребительными, то для индоевропейского вокализма можно получить следующие уравнения:

Начальное	$e = H_1e$,	$a = H_2e$,	$o = H_3e$
Предконсонантное	$\bar{e} = eH_1$,	$\bar{a} = eH_2$,	$\bar{o} = eH_3$.

Примеры. *ed- 'есть' = *H₁ed-, *ag- 'вести' = *H₂eg-, *od- 'пáхнуть' = *H₃ed-, *dhē- 'сажать' = *dheH₁-, *stā- 'стоять' = *steH₂-, *dō- 'давать' = *deH₃-.

Из сказанного следует, что *шва* (примарное) (см V. 3 4) представляет собой слоговую, вокалическую манифестацию ларингальных, то есть их интерконсонантный аллофон: *stātós—это *stH₂tós, *dātós—это *dH₃tós и т. д. Отсюда следует, как установил Х Педерсен, ученик Г Мёллера, что долгие слоговые сонанты (IV. 53, V. 35) являются результатом слияния слоговых сонантов с неслоговыми ларингальными. ī ū ū̄ ī̄ ū̄—это iH uH ūH jH ūH ū̄H.

См. литературу. Hendriksen₁, с. 3 и сл., особ. 3¹, Szemerényi_{2a}, с. 4 и сл.; он же_{2b}, с. 68 и сл., Polomé₃, с. 11. Подробная история начальной стадии (1878—1927) в разработке ларингальной теории еще не написана, хотя она крайне необходима. Необходимость этого только подчеркивается последней работой на данную тему; см Vallini, с. 38 и сл.

4.2. Почти столетия ларингальная теория считалась фантазией одиночек. Но положение изменилось в 1927 г., когда благодаря открытию хеттского языка было получено заставившее долго себя ждать «подтверждение» данной теории.

Мы видели, что ларингальные дают о себе знать только через посредство результатов своего воздействия, однако сами они не сохранились ни в одном языке. Слова 'есть' (3 л. ед. ч. глагола 'быть'), 'перед' или 'кость' можно реконструировать как пра-и.-е. *H₁esti *H₂enti *H₃est-. Однако в индоевропейских языках представлены только формы, являющиеся рефlekсами *esti *anti *ost- (греч. ἐστί, ἀντί, ὀστ-έον), без каких-либо следов предполагаемых ларингальных. Как неожиданность было воспринято в 1927 г. заявление молодого польского ученого Е. Куриловича, что, хотя H₁ и в хеттском было утрачено, H₂ и H₃ тем не менее продолжали существовать в этом языке в виде спиранта h. Приведенные выше праиндоевропейские формы представлены в хеттском в виде eszi (= es-tsi, с аффрикатизацией ti), hanza 'впереди' (= hant-sa; ср. hantezzis 'первый': лат. anterior 'передний'), hastai 'кости'. Сюда же относятся соответствия, которые свидетельствуют о рефlekсах некоторых ларингальных также внутри слова; ср : pahs- 'защищать', ст.-слав. pas-ti, лат. pascō.

Таким образом, правильность ларингальной теории казалась подтвержденной. Однако, как часто бывает, новый материал не только помог решить старые проблемы, но тотчас же выдвинул новые. Ведь были известны случаи, когда индоевропейскому *a* и в хеттском соответствовало *a* без предшествующего или последующего *h*; ср. греч. *ἀπό* или *ὅπι* хетт. *арра* 'за, после'; *täyezzi* 'крадет' ст.-слав *tati* 'вор'. Курилович думал выйти из затруднительного положения, предположив существование H_4 , которое оказывало такое же влияние, как и H_2 , то есть вызывало изменение качества *e* [то есть переход *e* в *a*], но в отличие от H_2 исчезло и в хеттском.

Гр. Kuryłowicz₁; он же₂ и обобщающую работу Kuryłowicz₃, с. 27—76

4.3. Несмотря на указанные трудности, исследователи, как правило, обходились тремя ларингальными, например Э. Бенвенист (см. Benveniste, особ. с. 147 и сл.) или фламандец В. Куврёр, который определил также фонетическое качество ларингальных H_1 , по его мнению, был глоттальным смычным (семит *ālif*, нем. «твердый приступ»), H_2 — глухим ларингальным спирантом, H_3 — звонким ларингальным спирантом. Напротив, американская школа, вслед за Э. Сепиром, работала с четырьмя ларингальными, из которых два — (пост)велярные спиранты *χ* и *γ* — были представлены в хеттском как *h*, тогда как два других — оба глоттальных смычных — в этом языке исчезли. В отличие от этих двух гипотез, выдающийся датский лингвист Х. Педерсен пытался обойтись только двумя ларингальными, определяемыми соотношениями $eH_1 = \bar{e}$ и $eH_2 = \bar{a}$, поскольку $\bar{o}$ он рассматривал только как качественную ступень.

Ср. Couvreur₁, об американской точке зрения см. Sturtevant₂, Lehmann₁, (особ. с. 98, 104 и сл.), Pedersen₃, с. 179—190, Hendriksen₁, с. 3 и сл.

4.4.1. Совершенно новая фаза в изучении ларингальной теории началась с 50-х гг. благодаря применению компонентного анализа. Исходя из того наблюдения, что первичное, то есть не возникшее в результате тембрового чередования, $\bar{o}$ перед гласным очень часто чередуется с $\bar{w}$ (например, **dō* 'давать': скр. *dāvanē* (инф.)), А. Мартине делает вывод, что *w* надо рассматривать как «продукт» $\bar{o}$. Отсюда следует, что $\bar{o}$ недостаточно

определяется формулой $e + H_2$ и что H_2 должно было бы содержать элемент w , другими словами, лабиовелярная артикуляция была одним из различительных признаков H_2 . Если обозначить заднеязычный ларингальный (например, тот, который мы до сих пор обозначали через H_2) через A , тогда лабиализованный H_2 следует обозначить через A^w ; оба ларингальных относились друг к другу, как k к k^w . И.е. **pibeti* 'пьет', редулицированная форма корня **rō-* в настоящем времени (лат. *rō-tus* 'питье'), то есть **reH_2-*, показывает, что в первоначальном **ri-rH_2-eti* r под влиянием H_2 перешло в звонкий b . Данный факт можно объяснить только тем, что звонкость была различительным признаком H_2 , ибо там, где она не является различительным признаком и обусловлена лишь фонетически (например, обычно при p), подобной ассимиляции не происходит (например, русск. *окно* не изменяется в *огно*). Но если существовало H_2 , различительным признаком которого была звонкость, то из общих фонологических принципов следует, что должен был существовать и его партнер, то есть глухой противочлен к H_2 , и они должны были соотноситься друг с другом, как g^w и k^w . Вместе с тем есть основания считать, что H_2 в определенных случаях имел различительный признак «глухость», например редулицированная форма презенса от корня **stā-* (= *steH_2-*) **sti-stH_2-eti* дает в санскрите *tiṣṭhati*, то есть tH_2 становится аспирированным глухим th . Таким образом, приходится сделать вывод, что существовал также звонкий противочлен к H_2 .

Применяя последовательно описанный принцип, А. Мартине в одной из своих более поздних работ приводит систему из 10 ларингальных.]

		Веляр- Фарин- Глот- ные гальные тальные		
Без лабиализации	Открытая головая щель	χ	h	h
	Звонкость	γ	g	—
	Закрытая головая щель	—	—	φ
С лабиализацией	Открытая головая щель	χ^w	h^w	—
	Звонкость	γ^w	g^w	—

Ср *Martinet*₁ (включено в *Martinet*₃, с 212—234), *Martinet*₉ (почти идентично с докладом в «*Proceedings of the 8th Congress*», 1957, с 138—155) Другие возможности, в особенности для установления палатализованных рядов, были использованы в работах *Diver* и *Ruhvel*₂, последний допускает 8 ларингальных См критический реферат *Polomé*₃, с 33—44, а также *Adrados*₂

4.4.2. Чередования типа **kost-/ost-* 'кость' (см V 4.4) *раныш'* пытались объяснять при помощи гипотезы о префиксах (1). В последнее время такие чередования предпочитают трактовать как результат сандхи, предполагая, что на стыке конечного и начального ларингального второй становился смычным (2). В то же время высказывались суждения, что в результате ослабления начального велярного мог возникать спирант (3).

См (1) *Meringer*, с. 25—54, затем неоднократно *Meillet*₃, с. 291, он же, с. 259, *Ernout—Meillet*, см. *aper.*

(2) *Martinet*₆, с 56, *Lindemann*₃, 1965, с 91—94, Контр-аргументы см у *Polomé*₃, с 40.

3) *Schmitt—Brandt*, с. 106 и сл

4.5. Еще одним отрядным событием 50-х гг. было то, что после долголетнего молчания опять заявило о себе русское языкознание, и советские исследователи стали работать также в данной области. Наиболее значительная работа принадлежит перу грузинского ученого Т В Гамкрелидзе, который предполагает для праиндоевропейского состояния три фарингальных спиранта. Однако после качественного и/или количественного изменения основного гласного последние еще в индоевропейском языке совпали в одном звонком фарингальном спиранте Н, так что уже тогда существовали последовательности eН aН oН и He Ha Ho.

Ср Гамкрелидзе₁ краткое изложение см Гамкрелидзе₃, с 46—50 — Другие советские исследователи еще более консервативны Мельничук (см. Мельничук) предполагает только два ларингальных спиранта и смычный, о двух не охарактеризованных, точнее ларингальных, пишет также Вяч Вс Иванов (см. Иванов₃), в последний раз, в 1965 г., с 11—18, со ссылками на другие работы, см также Клычков, с 3—14, особ. 12 и сл весьма скептическую позицию занимает также Макаев (см Макаев₁), который вообще берет под сомнение доказуемость ларингальных.

4.6. Здесь не следует замалчивать то обстоятельство, что ларингальная теория не является общепринятой. Наиболее известными ее противниками являются в ФРГ—

хеттолог Г Кронассер, погибший недавно в автокатастрофе; в Италии — туринский компаративист Д. Бонфанте. В этих странах к ларингальной теории относятся с некоторой сдержанностью, это недоверие стало постепенно исчезать лишь в последние годы. Отрицательную позицию занимает также молодой американский ученый В. Ф. Уэтт мл.

Gr Kronasser₁, с. 79—96, 243—246, он же₅, с. 94—100, Bonfante₁, с. 161 и сл.; он же₄, с. 22—28, он же₅, с. 57—60, Wyatt Jr., с. 138—152.

Надо отметить вместе с тем, что и в ФРГ, и в Италии признавать ларингальную теорию начинает все большее и большее число ученых, например М Майрхофер, К Штрунк, П Д. Скардили и др.

Ср. Mayrhofer₁, с. 175 и сл., Strunk₁, с. 208 и сл., Scardigli, с. 75—116 (один заднеязычный, несколько гласных)

4.7. Какое же место в ларингальной теории занимает *шва*? В интерпретации Ф. де Соссюра вследствие приравнивания *dō/*dā- к *deO/*dO-, а в современном символическом представлении к *deH₃-/*dH₃-, шва выступает как слоговая форма сонантного коэффициента Н. Но в какой мере подобная алгебраическая репрезентация отвечает языковым, в частности фонетическим, реальностям?

4.7.1. Прежде всего можно с помощью дистрибутивной методики установить следующее. Факты говорят о существовании таких играющих существенную роль в интересующем нас вопросе морфемных структур, как TeRT-, TeHT-, TeRH-, TRH-T-. Из TeHT- следует, что Н обладает большей звонкостью, чем смычный; из TeRH- явствует, что Н менее звонок, чем сонант. Об этом непосредственно свидетельствует и такое обстоятельство в последовательности TRHT если эта последовательность оказывается в комбинации морфем, слогаобразующую функцию принимает на себя R, а не Н. Данный факт означает, что по звонкости ларингальный занимает промежуточное положение между сонантами и смычными, аналогично спирамтам. Отсюда следует, что *ларингальный — это спирант* (1).

Данный вывод, полученный с помощью дистрибутивной методики, многие ученые (1) сопоставляют с фонетическим тезисом, согласно которому спиранты не могут выполнять слогообразующую функцию. Если это соответствует действительности, то шва, являющееся гласным, нельзя отождествлять с ларингальным. Крайним представителем данной точки зрения можно считать оксфордского индолога Т. Барроу (2), который оказался вынужденным предположить для каждого шва (то есть индоиранского *i* ~ неиндоиранского *a*) различные суффиксы. Он не только уничтожает соответствие между лат. *status* и скр. *sthitās*, интерпретируя их как **stH₂-etos* и **stH₂-itos* (от глагола **sth-áytail*), но даже старое и надежно установленное индоевропейское слово со значением 'отец' расценивает на варианты **rH-i-ter-* (скр. *pitar-*) **rH-ter* (гипотетическое иран **ptar-*) и **rH-eter-* (лат. *pater* и т. д.) Другие же просто предполагают (1), что шва развилось из «вставного гласного» или шва вторичного, то есть ослабленного краткого гласного в позиции перед ларингальным или после него. Лишь немногие (3) не видят никаких препятствий для предположения, что ларингальный, даже когда он выступал как спирант, мог выполнять слогообразующую функцию.

(1) Kuryłowicz₈, с. 121 и сл., Ammer, с. 212; Lehmann₁, с. 92 и сл., 106 и сл.; Martinet₂, с. 28; Гамкрелидзе₁, с. 87, он же₂, с. 47.

(2) Burrow₁, особ. 48-59 соотв. 38-50, Burrow₂, с. 88, 104 и сл.

(3) Kuryłowicz₁₁, с. 170 и 109¹⁴, Гамкрелидзе₁, с. 88, см. также Belardi₂, с. 189 и сл. — О нулевой ступени долгих гласных см. Kuryłowicz₂₄, с. 433 и сл., Burrow₆, с. 251 и сл.

4.7.2. К проблемам, связанным со шва, относится также вопрос о количестве предполагаемых шва. Как было сказано выше (IV.1 11), все индоевропейские языки свидетельствуют об *одном шва*, тогда как в греческом существовали, по-видимому, рефлексy *трех* шва. Учитывая приводимую обычно триаду *θητός, στατός, δωτός*, трудно отказаться от мысли, что шва испытали или могли испытать влияние полных ступеней *θη- στα- δω-*. Наряду с указанными приводятся и такие примеры, для которых невозможно доказать подобное влияние, ибо соответствующие полные ступени отсутствуют, например *ἀνερός*.

‘ветер’ при *апа- (из *апə-) в кимр *anadl*, др.-ирл *anā* ‘дыхание’ и скр. *api-ti* ‘он дышит’.

Если допустить существование трех ларингальных, то греческое состояние объясняется очень просто: три гласных — *a e o* — продолжают триаду $H_1 H_2 H_3$ в их слоговой функции (1). Если же предполагается меньшее количество ларингальных, то их многообразие в греческом не может быть первичным.

Действительно, греческое состояние не может быть продолжением первичного многообразия. Дело в том, что встречается немало случаев, когда всем трем гласным соответствует нулевая ступень *a* (ср. греч. *χῆτος* ‘недостаток’: *χάτις*, *γλῶσσα* ‘язык’) *γλάσσα*. Приходится сделать вывод (2), что ослабление всех долгих гласных первоначально было единообразным, как это предполагали Бругман и Хирт. Немногочисленные греческие отклонения необходимо, следовательно, трактовать как восстановленные по аналогии.

(1) Kurylowicz₈, с. 44, Lehmann₁, с. 92 и сл., Cowgill₇, с. 153 и сл., Hendriksen₂, с. 92 и сл., Kurylowicz₁₁, с. 201 и сл., критику см.; Winter₂, с. 201. В защиту трех ларингальных выступил Бекеш (см. Beekes).

4.8. Из сказанного вытекает, что ларингальную теорию пока еще нельзя назвать окончательно выкристаллизовавшейся. Весьма примечательно, что Е. Курилович, который возродил и обосновал старую ларингальную теорию, в своих последних работах все меньше опирается на ларингальные и считает, что они не имеют существенного значения для индоевропейского праязыка и его предыстории. Эта его позиция находится в резком противоречии с позицией большинства последователей Куриловича, которые стремятся увеличить число ларингальных и с помощью ларингальной теории пытаются найти решение всех загадок. Критическую оценку этой теории, я считаю, лучше всего дать ниже, при характеристике всей системы гласных.¹

СТРУКТУРА МОРФЕМ

5. Первичный, чисто дескриптивный анализ индоевропейских морфем позволяет обнаружить большое разнообразие структур. Наряду с двусложными корнями,

которые оканчиваются на долгий гласный (TERĀ-) или долгий гласный + согласный (TERĀC-), подавляющее большинство структур состоит из односложных корней, причем структура односложных корней может варьироваться от наиболее полной формы с пятью согласными (*splend-) до более простой — с двумя и даже с одним согласным (*bheg-, *ed-) (см. V 5 1). Во многих случаях, однако, можно различить определители корней, которые доказывают, что более сложные структуры часто являются вторичными и образовались от более простых, например: *melp- или *wēlp- из *mel- соотв. *wel- (см. V 5 3).

Даже отвлекаясь от подобных случаев, полученных в результате исключения определителей корня, можно эмпирически установить, что большинство односложных корней содержит только два согласных с основным гласным *e*. Структура CeC охватывает еще большее количество корней, если предположить наличие ларингального перед вокалическим началом корня, то есть рассматривать, например, *ed- 'есть (инф)' как *H₁ed-, *ag- 'вести' как *H₂eg-.

5.1. На основании этого факта еще Г. Мёллер сделал вывод, что двухконсонантные корни (типа bh-g, g-n) относятся к древнейшему слою. Однако в общий принцип данное наблюдение было возведено лишь благодаря Э. Бенвенисту (см. ставшую знаменитой главу о структуре корня в индоевропейском языке в его книге «Индоевропейское именное словообразование» (1955)*. Там говорится, что *каждый корень односложен и «трехбуквен»*, то есть состоит из трех фонем, средняя из которых — это всегда гласный *e*, а первая и третья — какой-нибудь согласный (включая ларингальные), которые, однако, подчиняются уже упоминавшимся ограничениям (см. V.5 2). Для объяснения все же существовавших в индоевропейском языке более протяженных корней Э. Бенвенист разграничивает *суффиксы* и *распространители* корня (élargissements): суффикс имеет вариантную структуру eC/C, распространитель состоит только из одного согласного. Они заменяют элементы, обычно называемые *определителями* [или *детерминантами*] корня.

* См. Benveniste₂.

Э Бенвенист сформулировал два основных закона распространения корней 1) каждый корень в сочетании с суффиксом может дать две основы (Themen): если ударный корень сохраняет свой гласный, суффикс присоединяется к нему без гласного; если же гласный корня исчезает, присоединяемый суффикс сохраняет свой (ударный) гласный. В соответствии со сказанным корень *ret- 'убегать' в сочетании с суффиксом eg дает формы. 1) rét-g- (скр. rátra-) и (II)*rt-ég- (греч. πτερόν 'крыло') 2) К корню с суффиксом может присоединяться еще распространитель корня либо после основы I, либо как инфикс перед суффиксом основы II, следовательно *ueu-g-s- или uу-p-eg- (I*ueu-g-: II*уw-eg-). Присоединяемые далее распространители или суффиксы всегда создают именные основы.

Ср Möller₂, с XIV, Benveniste₂, с 147—173; согласно сказанному там, на с 153, *ret-k-s невозможно, может возникнуть только *rg-ek-s-, однако, как было показано выше, *ueug-s- засвидетельствовано! О концепции Соссюра см. Saussure₄, с. 9—10, особ. 172—173.

5.3. Эту, подкупающую своей простотой теорию корней встретили вначале с воодушевлением. Но в последние годы она стала вызывать скептическое отношение, которое все более и более усиливается. Дело в том, что эта теория, как и любая другая теория корня, должна отвечать двум условиям. (а) она должна согласовываться с эмпирически установленным объемом корня, а также (б) с эмпирически выявленной структурой корня.

а) Что касается длины корня, то нам ясно, что теория противоречит существующим языковым фактам: ведь существуют корни с большим числом фонем, типа *leikw- 'покидать' («четырёхбуквенные»), *sneig^wh- 'идти (о снеге)' («пятибуквенные») и т. д., а также более короткие, как, например, *es- 'быть' («двухбуквенные»). Сегодня все возражения направлены почти исключительно против предположения о сводимости более длинных корней к нормальному случаю. Действительно, предполагаемые более короткие формы, например для *sneig^wh- в виде *snei- и, в конечном счете, в виде *sep-, в большинстве случаев отсутствуют.

Ср Maurer, с 22; Ammer, с 193—214, Kuryłowicz₁₁, с 106 и сл., Schmitt--Brandt, с. 8 и сл., особ. с. 12, Stang₄, с 1890 и сл.

Однако с точки зрения системы приведенные возражения не обладают достаточной силой: они не в состоянии опровергнуть данную теорию (см II.5), поскольку нет внутреннего противоречия в предположении, что более длинные корни необходимо возводить к более кратким, хотя это и ведет к большому количеству омонимов. В то же время в предположении, что наряду с корнями еще должны были существовать суффиксы типа еС, заключено *внутреннее противоречие*. Откуда же могли взяться подобные формы, если среди имеющихся корней, то есть слов, были представлены только формы со структурой СеС?

Ср. Szemerényi₁₂, с. 481 и сл., 523 и сл.

Кроме того, можно доказать, что не все индоевропейские корни со структурой еС восходят к первоначальной форме *HeC, другими словами, существовали не только суффиксы, но и корни со структурой еС (см ниже, § 6.9).

Далее, нельзя упускать из виду, что многие древние корни — дейктические частицы, местоимения — имеют структуру CV.

б) Предположение, что все корни содержали основной гласный е, представляет собой постулат, опровергаемый, однако, фактами, ибо известны корни типа *nas- 'нос', *kas- 'серый', *sal- 'соль', *ghans 'гусь' и т. д. (см. ниже, 6.4).

5.4. Противопоставление двусложных и односложных корней, напротив, не является первичным. Об этом свидетельствует хотя бы частое чередование корней aniṭ и sēṭ.

5.5. Подводя итоги, можно сказать, что *индоевропейский корень был односложным*, но имел многообразную структуру: существовали структурные типы VC, CVC, TRVT, TVRT, Се и Са и т. д. и даже древние элементы типа CV.

К типу VC относятся обычно также детерминативы корня, которые ни в одном случае не имеют форму CV (см Сипу₁, с. 162), а выступают в форме VC (см Сипу₃, с. 105).

Об ограничениях в структурах со смычными в индоевропейских корнях (V 5.2) см также Magnusson, с. 17—25. Статистические исследования частотности различных согласных провел J u s c u o i s, с. 57—68.

5.6. *Вторичный аблаут*. Чередования типа *ters-/ *tres- (например, лат. *terreō* 'я устрашаю': греч. *ἐ-τρος-αυ* 'они испугались'), называемые *перестановочным аблаутом* (Schwebeablaut), восходят в принципе к двусложным основам типа *ter-es-, которые в зависимости от места ударения давали *tér-s- соотв. *tr-és-. В некоторых случаях (например, при среднем R) могла, по-видимому, происходить метатеза, то есть *terp- могло переходить в *trép-. В других случаях были созданы новые полные ступени к образовавшимся по всем правилам нулевым ступеням. Так, *deiwo- 'небесный' = 'бог' было произведено от *diw-, представляющего собой нулевую ступень корня *dyeu- 'небо'. То же самое наблюдается в случае *gheimō- (слав. *zima*) — от *ghim- из *ghyem- (лат. *hiem-s*).

Ср. Maurer, Kuryłowicz¹¹, с. 130 и сл., 151, Anttila, Schütz, с. 175—177, слишком далеко заходят Schmitt—Brandt, с. 22 и сл.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СОСТАВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ВОКАЛИЗМА

6.1. Под влиянием впечатления о древности санскрита создатели индоевропеистики и их непосредственные последователи предполагали, что древнеиндийский треугольник *i—a—u* представлял первоначальную систему. В 1864 г. Г. Курциус обратил внимание на то, что во многих случаях санскритскому *a* во всех других индоевропейских языках противостоят *e*; ср. греч. *δέκα* 'десять', лат. *decem*, гот. *taihun*, лит. *dešimt* по сравнению с скр. *daśa*. Однако он предположил, что в европейских языках как в замкнутой группе это *e* было инновацией, то есть что первоначальное *a* в них было расщеплено на *e* и *a*. Лишь в 1871 г. Артур Амелунг высказал мнение о том, что европейское *e* было первичным по сравнению с др.-инд. *a*. Однако признание оно получило лишь позднее, после того как К. Бругман опубликовал свою знаменитую статью (1876 г.). Благодаря открытию закона палатализации в индоиранском (см. IV.7.4.7) стало ясно, что (европейское) *e* является первичным и по отношению к древнеиндийскому. Тем самым было доказано, что система индоевропейского вокализма выглядела иначе, чем система древнеиндийского, и со-

держала пять членов нормального вокалического треугольника. краткие, долгие, а, кроме того, еще шва

i	u	ī	ū
e	ə	ō	
	а	ē	ō
		ā	

Ср. Amelung, Brugmann₁, с. 361 и сл., особ. 367 и сл., 380 и сл. Ссылки на другие работы, относящиеся и к следующим разделам, см. в Szemerényi₂₀, с. 3 и сл., он же₂₉, с. 67 и сл.

6.2. Едва была создана эта система, как в 1878 г. вышла книга Ф де Соссюра «Mémoire sur le système primitif des voyelles», в которой он одним росчерком пера все гласные свел частично к основному гласному *e* (а именно ē ā ō), а частично истолковал как слоговые варианты определенных консонантных коэффициентов (а именно а, о, і, u из А, О, у, w) и к этой последней группе присоединил также слоговые сонанты (г | п р и их противочлены); см. выше, 4.

Данная система, существенно модифицированная Г Мёллером, продолжала, однако, существовать лишь на периферии сравнительного языкознания. В Германии она была полностью отвергнута. Даже во Франции А Майе, ученик Ф де Соссюра, в своей знаменитой книге «Введение в индоевропейское языкознание» (см. Meillet₁, с. 98 и сл., 105 и сл., а также с. 154 и сл.*) лишь в весьма осторожной форме изложил эту теорию. Гласные а, е, о с соответствующими долгими он сохранил как «собственно гласные» («voyelles proprement dites»), в то же время і и u вместе со слоговыми носовыми и плавными, а также шва он поместил в особый класс между «собственно» гласными и согласными.

После того как были открыты хеттские параллели индоевропейским ларингальным, сложилось впечатление, что позиции системы Соссюра—Мёллера стали непоколебимыми. И сегодня этой системы придерживается большинство исследователей.

6.3. При оценке этой системы необходимо поставить следующие вопросы.

1) В какой мере гипотеза о единственном гласном согласуется с фактами реконструкции?

* Страницы указаны по 8-му французскому изданию 1938 г.—
Прим. перев.

2) Можно ли по соображениям общего порядка (например, с позиций типологии) считать эту систему реальной?

6.4. Место фонемы *a*. При сведении систем индоевропейского вокализма к единственному гласному *e* решающую роль играет наблюдение, что по сравнению с гласным *e* и его тембровой ступенью *o*, которые выполняют чрезвычайно важную функцию во всех сферах морфологии, гласный *a* почти не используется для таких целей. К этому следует добавить, что начальный *a*- можно просто заменить $H_e e$, а $\bar{a}$ — eH_e .

В функциональном использовании гласных важность чередования *e/o* является лишь оборотной стороной относительной функциональной ненагруженности *a*: именно потому, что чередование *e/o* использовалось во всевозможных функциях, фонема *a* была оттеснена. Однако она вовсе не была лишена функций: частично она участвовала в качественном чередовании (*a/o* наряду с *e/o*), частично же, как это подметил Ф. де Соссюр, использовалась в семантических целях — для обозначения различных «слабых ступеней» (например, **kaikos* 'слепой', **laiwos* 'левый' и т. д.).

Ср. Saussure₂, с. 202 и сл. = Saussure₄, с. 595 и сл.; Wyatt.

Что касается устранения *a* с помощью ларингального, то и в этом случае не получается окончательного решения, ибо таким способом не удастся полностью устранить *a* в середине корня. Правда, предпринимались попытки объяснить различные случаи типа *CaT* с помощью гипотезы о $CH_e eT$ и сведения $Ca iT$ к $SeH_e iT$. Однако в большинстве случаев данный путь является не только необоснованным (то есть изобретенным только ради самого тезиса), но и неправдоподобным. Бесполезно **kas-* 'серый', **nas-* 'нос', **sal-* 'соль' и т. д. возводить к $*kH_e es-$ $*nH_e es-$ $*sH_e el-$, если предполагаемые при этом формы (основа I) $*keH_e s-$ $*neH_e s-$ $*seH_e l-$ сами не вызывают доверия. Для **bhardha* 'борода' едва ли можно принимать всерьез форму $*bhH_e erdh-$.

Примечание. Если бы оказался прав Г. М. Хёнигсвальд (см. Hoenigswald₁, с. 182—185), который утверждал, что ларингальные после *s* не вызывали каче-

ственного изменения (*sH₂en- дает sep-ex, а не *sap-), то и *sH₂el- для *sal- было бы аналогичным образом опровергнуто

6.5. *Место фонемы о.* По аналогичным причинам столь же мало оснований ради самой теории устранять все случаи с *о* (например: *bhosos 'нагой', *ghostis 'чужак', *koksā 'бедро' и т. д.).

Примечание Интересно, что теперь Е. Курилович (см. Kuryłowicz₁₁, с. 106¹⁰, 392—393) признает *о* гласным, существовавшим до периода качественных изменений.

6.6. *Место фонем i и u.* Существование этих индоевропейских звуков не оспаривается, но их трактуют как аллофоны согласных *y, w*. Однако данный тезис неосостоятелен и с фонетической точки зрения, ибо *i* и *u* и *y, w* являются совершенно разными звуками: первые — гласные, вторые — спиранты. Вместе с тем, согласно ларингальной теории, *i* и *u* во всех случаях возникали в результате ослабления из *ei eu* соотв. *ye we*, другими словами, считается, что до периода нулевой ступени не было ни *i*, ни *u*. Но каким образом могло произойти ослабление, например, в сильно ударном вопросительном местоменинии *k^wis *k^wid? Очевидно, фонемы *i* и *u* существовали и до периода ослабления, а позднее к ним прибавились многие случаи, возникшие в результате ослабления.

См. Курилович₁₁, о фонематическом месте *i* и см. Szemegényi₂₀, с. 82.

6.7. Подытоживая, можно сказать, что индоевропейская система из пяти гласных, полученная в результате реконструкции, не вызывает сомнений и что ее не удастся свести к одному гласному.

Открытым остается вопрос, следует ли сводить все долгие гласные к комбинациям краткого гласного с ларингальным. Несколько ниже (6.9а) мы убедимся, что это противоречило бы данным хеттского языка

6.8. Следующий тезис, который выдвигает ларингальная теория, тезис о том, что в индоевропейском существовал только один гласный, должен быть отвергнут по соображениям общего порядка. Ведь до сих пор не уда-

лось обнаружить ни одного языка, обладающего только одним гласным: якобы существующая кавказская параллель оказывается при ближайшем рассмотрении ошибочной. Таким образом, можно, по-видимому, считать аксиомой, что индоевропейский праязык не мог обладать свойствами, которых нет ни у одного языка на земле.

См. Szemerényi²⁹, с. 71 и сл., Halle, с. 95—103.

6.9. Ларингальная теория и хеттский язык Обычно хеттский язык привлекают в качестве главного подтверждения правильности ларингальной теории. В принципе это так, но в то же время материал хеттского языка решающим образом свидетельствует против многих аспектов ларингальной теории в ее общепринятом виде.

а) В ряде случаев хеттский обнаруживает сочетание *гласного + h* там, где в других языках представлен *долгий гласный*, например:

хетт. pahs-	‘защищать’	:	лат. pāscō, скр. pā-	‘за- щищать’
nawah-	‘обновлять’	:	лат. novāre	‘обновлять’
nehur	‘время’	:	гот. mēl ‘время’, лат. mē- tior	‘измерять’.

Таким образом, хеттский в подобных случаях доказывает, что долгие гласные других языков возникли из краткого гласного +h. Вместе с тем встречаются многочисленные случаи, в которых долготу гласному не противостоит хеттское h, например:

хетт. pas-	‘глотать’	:	лат. pō-tāre	‘пить’
hassa-	‘очаг’	:	лат. āgā, оск. aasas	(ном. мн. ч.) ‘жертвенник’
ais, лув assa	‘рот’	:	лат. ōs	‘рот’
māi-, miyari	‘процве- тать, зреть’	:	лат. mā-tūrus	‘зре- лый’

Во всех этих случаях в хеттском следовало бы сжидать h. Его отсутствие доказывает, что существовали и такие долгие гласные, которые не возводятся к сочетанию «гласный + h», то есть являются первичными долгими гласными.

б) Общераспространенный вариант ларингальной теории предполагает наличие трех ларингальных, из которых H_2 и H_3 сохранились в хеттском. Об этом свидетельствуют

хетт.	hant-	'передняя сторона'	: лат	ante 'пéред, до'
	hassa-	'очаг'	: лат	āra (см выше)
	hapin-	'богатый'	: лат	op-ulentus 'богатый'
лув	hawī-	'кабан'	: лат	ovis 'овца'.

Однако встречаются параллели, в которых а- или о- других языков не противостоят хеттскому ha-, например.

хетт.	ais	'рот'	: лат.	ōs
	aku(wa)-	'пить'	: лат	aqua 'вода'
	appa	'сзади, после'	: греч.	ἀπό или ὀπί-.

С помощью трех ларингальных такие случаи вообще невозможно объяснить. Для подобных случаев можно было бы предположить четвертый ларингальный, который, подобно H_2 , имеет качество *a*, но исчезает также в хеттском, и, кроме того, еще пятый ларингальный, который, подобно H_3 , имеет качество *o*, но тоже исчезает. Однако даже таких допущений было бы недостаточно, поскольку засвидетельствованы случаи, когда *h* появляется после *e* и, следовательно, не может быть ларингальным H_1 , например в mehur 'время' (см. выше). Для него надо было бы предположить шестой ларингальный.

Очевидно, все попытки увязать хетт *h* с ларингальной теорией заводят в тупик. Следует признать, что предполагать ларингальный надо не в зависимости от качества гласного, а только в том случае, если он представлен в хеттском языке. Хетт *es-* 'быть' или *ed-* 'есть (инф)' доказывают существование и.-е. **es-* **ed-* без ларингального, а хетт. henkan 'судьба, чума' — и.-е. *Henk- с ларингальным.

Из сказанного следует, что

1) можно предполагать существование только одного ларингального;

2) в индоевропейском праязыке были также корни типа *eC* и в общем виде *VC*

К (2) см Schindler₄, с. 148, прим 32.

6.10. *Природа ларингального звука.* В индоевропейском праязыке наряду с чистыми смычными звуками были представлены также аспирированные смычные, например ряд bh dh gh. Однако мы знаем, что, согласно формулировке Р. Якобсона, «языки, обладающие парами звонкий — глухой, аспирированный — неаспирированный, имеют также фонему /h/». Отсюда, по-видимому, следует, что ларингальный, который мы только что установили, был не чем иным, как h, то есть обычным заднеязычным спирантом.

См. Szemerényi₂₉, с. 88 и сл., Allen₈, с. 51.

6.11. Другая возможность определить вокалическую систему древнеиндоевропейского праязыка могла бы открыться в том случае, если бы удалось доказать родство какой-нибудь иной языковой семьи с индоевропейским праязыком. В. М. Иллич-Свитыч предположил, что индоевропейский праязык родствен урало-алтайскому праязыку, а так как в последнем были выявлены гласные e—a—o, Иллич-Свитыч сделал вывод, что те же самые гласные были представлены и в древнеиндоевропейском праязыке.

См. Иллич-Свитыч₃, с. 22—26, особ. §6. Поскольку он предполагал, что индоевропейский праязык имел только один гласный, то он допускал редукцию первичной триады. См. также ниже, VI. 7.2.3.1.

6.12. Таким образом, для древнеиндоевропейского праязыка можно вывести ряды гласных i—e—a—o—u и i—ē—ā—ō—ū, которые сохранились до индоевропейского периода, во многих языках—даже до исторического периода.

Обогащение системы долгих гласных происходило на основе сочетаний *гласный + h*, которые сохранились только в хеттском, а в других языках совпали с соответствующими долгими гласными, а также благодаря продленным ступеням.

В системе кратких гласных частотность гласных верхнего подъема i и u увеличилась в результате того, что в период появления нулевой ступени дифтонги eu au ou ew aw ow редуцировались в i и u. Нулевая ступень корней с долгими гласными внесла в эту систему еще шва.

Процесс редукции $eu > i$ выглядит просто на бумаге, но в действительности труден для понимания. Во всяком случае, он не мог представлять собой простое выпадение гласного e . Сунт (см Sweet, с. 158) высказал поэтому предположение о развитии $eu > i > i$ и $ew > ow > u > u$, тогда как Мёллер (см Möller₁, с. 151, прим.) предположил $eu > ē > i$ и $ew > ō > u$, сходные мысли высказаны в последнее время Шмиттом и Брандтом (см. Schmitt—Brandt, с. 22 и сл.).

Дальнейшее обогащение системы вокализма произошло в период появления нулевой ступени в результате возникновения слоговых носовых и плавных. Эти краткие гласные в сочетании с ларингальным h (и, вероятно, также с другими фонемами; ср. выше, 2 8; дополнение 1) в предконсонантной позиции переходили в долгие гласные. В этот же период стала устанавливаться функциональная связь между y и i , w и u , которые до этого не имели ничего общего друг с другом, да и в дальнейшем оставались разными фонемами. Индоевропейская последовательность $uwnkos$ может восходить к $*yunkos$, $*yuwnkos$, а теоретически — даже к $*iwnkos$.

6.13. До сих пор не упоминались дифтонги, о которых подробнее говорилось выше (IV.2). Дело в том, что дифтонги были в индоевропейском праязыке не *монофонематическими*, а *дифонематическими*. Они состояли из таутосиллабической последовательности гласного, образующего вершину, и второго элемента, которым было либо неслоговое i , либо u (ei , eu и т. д.), либо полугласный y соотв. w ; мы сейчас не можем установить, какая из обеих возможностей была реализована в индоевропейском праязыке в различные периоды его существования. Дифтонги, следовательно, не относятся к инвентарю фонем. С практической точки зрения отдельное рассмотрение дифтонгов тем не менее оправданно, поскольку дифтонгические сочетания часто претерпевали развитие, которое их составные элементы не позволяли предвидеть.

Об общей проблеме моно-соотв. дифонематической интерпретации дифтонгов см. Trubetzkoy, с. 50 и сл., Martinet₁; вновь напечатана с существенным дополнением в 1965 г. (см. Martinet₁, с. 109—123); Futaky, с. 14—24; Vennemann, с. 65—76, Pilch, с. 87 и сл., 117. Об индоевропейской проблеме см. Lehmann, с. 11 и сл. (с недостаточной аргументацией), в традиционном плане — Глушаков, с. 21 и сл.

6.14. Дискуссионным является вопрос, обладал ли индоевропейский праязык, а тем более древнеиндоевропейский праязык долгими дифтонгами. Ранее установленные корни *rōu- 'пить', *dhēu- 'кормить (грудью)' в ларингальной теории приобрели вид *reH₂y-, *dheH₁y-, но ни в одном из этих корней никогда не было ларингального (ср хетт ras- 'глотать', лув. titaimi- 'воспитанник'), так что, видимо, и в этом вопросе необходимо частично вернуться к старой точке зрения.

О долгих дифтонгах см.: Kuryłowicz₁₁, с. 257 и сл., Lindeman_{4a}, с. 99—114, Глушак, цит. раб

6.15. Так называемые предвокалические слоговые носовые и плавные могут отчасти опираться на обобщенные процессы некоторых чередований, установленных Зиверсом (см. V.7.2.1). Однако в то же время они могут основываться в какой-то мере и на некоторых вызываемых аналогией перемещениях процессов (которые наблюдались в предконсонантной позиции, то есть происходили перед ларингальным) в предвокалическую позицию. Так, *g^wiH-ε- могло дать в греч. *βαλ-η-. А так как эта новая форма сосуществовала с древней βλη-, то к древнему μνη- вполне могло быть образовано новое μανη-.

См. Kuryłowicz₁₁, с. 180, 218 и сл., 394 и сл

Примечание Остроумная и оригинальная интерпретация системы и-ε- вокализма дается в новой книге Schmitt—Brandt, см также Kuryłowicz₂₁, с. 41—49

СОСТАВ И РАЗВИТИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

7. Из числа проблем, связанных с системой консонантизма, сегодня оживленно дискутируется прежде всего вопрос о том, сколько было типов артикуляции смычных. Интерес к заднеязычным ослабел. Собственно говоря, сюда же относятся и «ларингальные», но о них уже была речь при рассмотрении системы вокализма.

7.1. *Ряды смычных.* Что касается количества типов артикуляции смычных, то четыре различных ряда представлены в синхронной системе только в древнеиндийском. Однако лишь три ряда имеют совершенно отчетливые параллели во многих языках, тогда как четвер-

тый ряд (ТА) создается только изолированными соответствиями (см. IV 7) Возникает вопрос, надо ли вообще приписывать индоевропейскому праязыку также и четвертый тип Если же нет, то как интерпретировать его систему?

7.1.1. В последнее время исследователи пришли к выводу, что известные из древнеиндийского *звонкие аспирированные* (МА) были представлены также в *древнеармянском*: буквы, обычно транскрибируемые как b d g j j, обозначали не возникшие из индоевропейского МА звонкие смычные, а сохранившиеся в неизменном виде индоевропейские МА.

См написанные независимо друг от друга работы: Vogt, с 143—161 и Benveniste₁₆, с 46—56 Одним из первых эту точку зрения высказал, пожалуй, Х Педерсен (см. Pedersen₂, с. 336—337) (ср. Meillet₂, предисловие, с 13), но в 1951 г (см. Pedersen₈, с. 15) Педерсен от нее опять отказался

7.1.2. Даже если допустить, что Педерсен был прав, то данное предположение никак не затрагивает гипотезы относительно звонкости индоевропейского ряда Но если допустить, что существовал не только этот ряд, но также ряды звонких и глухих смычных, то возникает вопрос, каким типом артикуляции звонких характеризуется этот ряд Ведь, казалось бы, эмпирически установлено, что звонкие аспираты встречаются только тогда, когда в языке представлены и глухие аспираты, в то время как последние могут не иметь противочленов.

См Szemerényi₂₀, с 88; Lakoff, с. 168—169.

7.1.3. Таким образом, вряд ли правомерно предполагать, что в индоевропейском праязыке существовали три ряда типа t—d—dh. Поэтому проще всего было бы допустить, что для аспирированного ряда звонкость была иррелевантна, в связи с чем эти звуки можно было бы сравнить с семитскими эмфатическими (1). Поскольку МА редко встречаются в языках мира, некоторые исследователи склонны предположить существование звонких спирантов (2). Во всяком случае, гипотезу о глухих спирантах (3) можно сразу же отвергнуть, ибо эти звуки почти во всех индоевропейских языках являются звонкими.

(1) Hammerich₁, с 6 и сл., он же₂, с. 844, Гамкрё-
лидзе₃, с. 709, Kuryłowicz₁₈, с. 13, Вяч. Вс. Иванов₄,
с. 41 и сл., Иллич-Свитыч₆, с. 308, Иллич-Свитыч₇, с. 353
Szemerényi₂₉, с. 89 прим. 76.

(2) Walde, с. 461; Кноблох₃, с. 153

(3) Prokosch, с. 39 и сл.; критику см в Hammerich,
цит раб., Galton₁, с. 589 и сл.

7.1.4. Устранение *глухих аспирированных смычных (ТА)*, которое, по-видимому, и послужило основной причиной предположения относительно проблематичности звонких аспирированных смычных (МА), началось с открытия Ф. де Соссюра, сделанного им в 1891 г. Соссюр установил, что некоторые примеры с *th* следует возводить к *t* + *ларингальный* (1). Так, по его мнению, скр *prthu-* 'готов' возникло из и-е. **p̥tH-u-*, скр. *tisthāmī* 'стою' — из *(s)ti-stH-e/o- Е Курилович распространил это суждение на все ТА. Одновременно он отнес их возникновение к индоиранскому периоду, поскольку, согласно закону Бартоломе (см. выше, V 6.2), предполагается состояние, в котором у МА звонкость не была различительным признаком. В противном случае, например, *bh* + *t* могло бы дать только *pht* соотв. *pth*. Он считал, что возникновение чисто индоиранских ТА фонологически объясняется совпадением *bh dh gh*, после начального *s-*, дававших по фонетическим причинам *sph- sth- skh-* (закон Зибса, см. выше, V.6.4), с *p t k* после определенных ларингальных (2).

(1) Saussure₄, с. 603.

(2): Kuryłowicz₈, с. 46—54, он же₁₁, с. 375—382; он же₁₈, с. 13, Lehmann₁, с. 80—84.

7.1.5. В качестве контраргумента следует отметить, что закон Бартоломе ничего не говорит о природе МА и тем самым об отсутствии ТА. Ведь ясно, что это была индоиранская инновация. Она оказалась необходимой, чтобы предотвратить омонимические образования, которые могли бы в противном случае возникнуть (например, **augh-ta* и **aug-ta* оба дали бы **aukta*). Столь же несостоятелен и закон Зибса: переход *sbh-* в *sph-* явно выдуман, кроме того, он противоречит тому факту, что группа *-zdḥ-* сохранялась внутри слова и в его начале, как об этом свидетельствует авест *zdī* 'будь' из и-е. **s-dhi*.

Курилович (см. Kuryłowicz¹¹, с. 378—379) видит это противоречие, но не учитывает его

7.1.6. Из сказанного следует, что обе «опоры», необходимые для фонологического объяснения возникновения ТА, отпадают Следовательно, *нельзя отрицать, что ТА существовали в индоевропейском праязыке*, хотя встречаются они не слишком часто, а в их дистрибуции наблюдаются определенные пробелы.

7.1.7. В настоящее время часто высказывают предположение, что ТА представляли собой Т+ларингальный, а МА, хотя они в некоторых случаях также состояли из М+ларингальный, в своем большинстве были просто аспирированными звонкими смычными. Поскольку «ларингальным», как мы установили, был заднеязычный спирант *h*, постольку ясно, что ТА и МА первоначально представляли собой сочетания Т+*h* и М+*h*, которые в индоевропейском праязыке воспринимались как монофонемные.

Ср. Kammenhuber^{3a}, с. 76

7.1.8. В индоевропейской системе консонантизма *b* занимает своеобразное место: в начале слова этот звук, по всей вероятности, вообще не встречался, тогда как в середине слова он имел нормальную частотность. Педерсен отметил, что отсутствие *b*- было бы странным, поскольку начальное *p*- во многих языках исчезло. Из этого он сделал вывод, что и.-е. *b d g* возникли из более древних *p t k*, а и.-е. *p t k*—из *b d g*, и далее, и.-е. *bh dh gh* возникли из *ph th kh*, тогда как и.-е. *ph th kh* он рассматривал как вторичные сочетания Т+ларингальный.

См. Pedersen⁸, с. 10 и сл.; Вяч. Вс. Иванов⁴, с. 41

Древняя система с *p/b/ph* хорошо согласовывалась бы с типологическими фактами, см. Szemerényi^{3a}, с. 88. Вместе с тем, по-видимому, фактом является и то, что *p*, исчезающее в начале слова, не сохраняется и в его середине. Этого, однако, не наблюдается в индоевропейском праязыке.

7.2. Ряды заднеязычных (гutturальных). Три ряда, которые мы реконструировали для индоевропейского праязыка (IV 7.4), к сожалению, не разграничены так четко, как нам этого бы хотелось.

7.2.1.1. *Лабиевелярные*, по общему мнению, прослеживаются только в языках кентум. В языках сатэм они, как полагают, совпали с чистыми велярными. На основе этой гипотезы часто высказывались утверждения, что лабиевелярные совершенно не свойственны языкам сатэм и являются инновациями в языках кентум (1). Данное утверждение неприемлемо не только с фонетической и фонологической точек зрения, но, кроме того, оно фактически недостоверно, так как лабиевелярные оставили ясные следы и в языках сатэм (2).

(1). Joh. Schmidt₁, с. 134; József Schmidt, с. 54; Reichelt, с. 40—81, Kuryłowicz₈, с. 1—26; Kuryłowicz₁₁, с. 356—375, 401.

(2) см. выше, IV.7.7, Vaillant₆, I, с. 171 и сл., Pisani₁₈, с. 227—228.

7.2.1.2. Хотя следует предположить, что в индоевропейском языке лабиевелярные были *единицами фонемами* (см. IV.7.7), возникли они, по-видимому, из *групп* kw, gw, ghw. На это указывает тот факт, что наряду с полной ступенью k^we часто выступает и нулевая ступень ku.

Ср. Szemerényi₁₉, с. 401, Hirt₃, I, с. 288 и сл.; Sturtevant—Hahn, § 38, 56.

7.2.2.1. Сибиллянты (свистящие), которые в языках сатэм развились из индоевропейских *нёбных (палатальных)*, образовались, вне сомнения, из смычных. Однако данная палатализация и в языках сатэм не является полной. В некоторых случаях и здесь представлен велярный смычный, а не ожидаемый спираント, например:

скр. švašuga- 'отчим', лит. šešugas, но цслав. *свекръ*;
скр. pašu 'скот' (ср. лат. pecu), но др.-лит. rekus,
скр. ašmā 'камень' (ср. греч. ἀχμῶν), но лит. akmuo,
ст.-слав. каму;

скр. žgu- 'слышать', ст.-слав. sluti 'зваться, слыть' (ср. греч. κλῶν), но лит. klausyti 'слышать'.

Подобная *неполная «сатэмизация»* особенно характерна для балтийского и/или славянского ареалов, в меньшей степени—для албанского. Ее едва можно обнаружить в армянском и индоиранском. Ср., однако:

скр. guk-/guč- 'светлый, ясный' (ср. лат. lūceō, ст.-слав. lučī, а также

скр *gušant-* 'светлый, сияющий'.

Ср Brugmann, с 545 и сл., Sköld, с 56—79 Об албанском языке см Olberg, с. 683—690

7.2.2.2. Для объяснения этих фактов вначале было высказано предположение о *заимствованиях* из соседних языков *кентум* (1). С этим, пожалуй, еще можно было бы согласиться для (определенных) балто-славянских и албанских случаев, хотя и для них пришлось бы делать много невероятных предположений (например, в общегерманском отсутствует **ahm-* 'камень', которое было бы необходимо для объяснения лит. *акмиш*) Однако такое предположение совершенно не годилось бы для случаев типа скр *gušant-* (2).

Данная проблема неразрешима, да и вообще имеет место лишь в том случае, если считать, что палатальные (нёбные) бесспорно существовали по всей индоевропейской области и для лингвиста-историка являются, тем самым, трансцендентным рядом. Но последней точки зрения в настоящее время придерживаются немногие исследователи (3) Большинство лингвистов скорее склонно считать, что *палатальные*—это вторичные образования из *передних велярных*, примерно такие же, как романские спиранты (например, франц. *cent*, итал. *cento* и т. д.), возникшие из латинских велярных (*cent* из *ken-tum*). Поскольку такой подход связывает развитие палатализации с определенными условиями—прежде всего с последующими *e*, *i* или *y*,—в принципе можно ожидать, что продолжали существовать и непалатализованные формы (4).

Но и такая точка зрения позволила бы рассматривать само явление палатализации как общеиндоевропейское, что дало бы возможность приписать индоевропейскому праязыку три ряда заднеязычных (как выше, IV.7 4 3) Однако отсюда следовало бы, что в языках кентум палатализация данного типа затем была утрачена («санитарованный» тип—согласно Асколи, *tipo gisanato*). Конечно, проще было бы считать палатализацию, то есть «сатэмизацию», признаком языков группы сатэм и видеть тогда в ней либо явление, проходившее самостоятельно по всем языкам группы сатэм (5), либо явление, распространившееся из одного центра во всех направлениях и затухавшее по мере удаления от него (6), причем

таким очагом мог быть скорее иранский (7) или индоиранский (8), чем славянский (9).

(1) Brugmann, I, с 547

(2) Kiparsky, с 101 и сл.

(3) Kuryłowicz₁₁, с. 357 и сл., 375, Вяч. Вс. Иванов₁, с. 12—23.

(4) Об условиях палатализации (также в группах kwe, kle, kre, и т. д.) см. Georgiev₄, с. 33; ср. Hirt₃, I, с. 226 и сл. О непалатализованных формах см. Georgiev₄, с. 32

(5) Georgiev₄, с. 46, Абаев, с. 140 и сл.; Sampanile₁, с. 37—55.

(6) Porzig₃, с. 75—76.

(7) Pisan₁₂, с. 16, он же₁₆, с. 11.

(8) Porzig₃, с. 76, Schmid₄, с. 9 и сл. Однако делабиализация лабиовелярных не могла (с. 12) произойти до ассимиляции палатальных.

(9) Senn, с. 165, Devoto, с. 345, 398.

7.2.2.3. Для определения *времени перехода* палатальных в сибиллянты важны слова индоиранского, возможно, праиндийского происхождения, рассеянные в хеттских памятниках. Они как раз показывают, что и индоиранская палатализация (см. IV.7.4.7), и переход и.-е. *e* в *a* завершились ранее 1500 г. до н. э. Так, и.-е. **repkʷe* '5' выступает в форме *rapza*; ср. скр. *rañṣa*. Поскольку индоиранская палатализация предполагает также делабиализацию индоевропейских лабиовелярных, вряд ли этот процесс мог начаться позже 2000 г. до н. э. Первая же палатализация, превратившая «индоевропейские» палатальные в сибиллянты, протекала, по-видимому, лет на 500 раньше. Таким образом, очагом «сатемизации» можно, видимо, считать южную Россию.

Более подробно об этом, с аргументацией против более поздней датировки «сатемизации», см. Szemerényi₁₀, с. 13, ср. также (раннюю датировку) Georgiev₄, с. 30, 36. Недопустимо поздняя датировка дается Гусмани (см. Gustani₂, с. 327 и сл.)

7.2.2.4. Развитие, по-видимому, проходило следующие промежуточные стадии: *k > ky > ty > t's'*. Скр. *vaš-mi* 'я хочу', *vaṣti* 'он хочет' предполагают **vat's'-mi* и **vat's'-ti*, тогда как *vaksi* 'ты хочешь' было диссимилировано из **vat's'-si* (*t's'* в *kš*). То, что индоиранский достиг ступени *t's'* еще в Европе, подтверждается, как можно полагать, тем, что финн. *kah-deksan* '8', *yh-deksän*

‘9’содержит элемент ‘десять’ (deksan), отражающий праиндоиранское *det’s’an (с еще сохранившимся e!).

См Pedersen₁, с 193, Барнх, с. 1—57; резюме на нем. яз., с 58—72. Часто предполагаемая в последнее время промежуточная ступень t’ d’ для индоиранского неприемлема.

7.2.2.5. Предконсонантные палатальные, по крайней мере частично, обязаны своим возникновением утраченному гласному верхнего подъема. Можно предположить, что *ok’tō возникло из *okitō в результате синкопы.

См. Szemerényi₁₉, с. 399 и сл.

7.2.2.6. По традиции для индоиранского предполагается общая палатализация индоевропейских палатальных, причем ступени, образовавшиеся незадолго до исторического периода, характеризуются различным образом (t’ или t’s’ и т. д.). Правда, в последнее время, вслед за Моргенстерном, высказывается также мнение, что *кафирские языки* Афганистана обнаруживают отклонение в репрезентации индоевропейских палатальных и что эти языки являются самостоятельной *ветвью индоиранского, третьей по счету*. Однако вряд ли диалектная группа, которая известна лишь с XIX в. и, по общему признанию, характеризуется далеко зашедшим смещением индийского и иранского, может служить надежным свидетелем в пользу различия, которое, как полагают, существовало уже четыре или пять тысячелетий тому назад и которое опирается, собственно говоря, на несколько примеров с не вполне ясным с (= ts).

Morgenstierne₂, с 142—143 (впервые в 1926 г), Вяч. Вс. Иванов₁, с 13 и сл.; Етенеау₂, с 137—138; Самраниле, цит. раб (7.2.2.2), с 52. Противоположное мнение см. Leumann₂, с. 3.

7.2.3. Следовательно, если «сатэмизация», то есть происходившая при определенных условиях палатализация первичных велярных, ограничивалась какой-то одной частью индоевропейской области, то первичными мы можем считать только два ряда, велярные и лабиовелярные (1). Любая другая комбинация двух рядов гуттуральных — например, палатальные и лабиовелярные или палатальные и велярные — была бы совершенно невероятной.

Однако отнюдь не исключено, что даже двухрядовая система восходит к первичному состоянию с одним рядом.

По мнению некоторых лингвистов, триада $k'/k/k^w$ развилась из одного велярного ряда под влиянием последующего гласного (2). Однако возникновение лабиовелярных нельзя объяснить подобным образом. Напротив, они вполне могли возникнуть из групп kw , gw , ghw ; см. выше 7.2.1.2. Но это означало бы, что в более ранний период существовал только один ряд велярных.

(1) Hirt₃, I, с. 227, Bonfante₃, с. 141 и сл., Lehmann, 1952, 8.100 и сл.; Georgiev₄, с. 29, Булакова, с. 46—65.

(2) Pedersen₁, с. 192, Ribezzo₁, с. 225—241, он же₃, с. 41—62, ср. также Ribezzo₃, с. 131—151, Hermann₃, с. 16 и сл.; Specht₃, с. 316 и сл., Otrębski₁, Илич-Свитыч₄, с. 22—26 (Сравнение с урало-алтайским см. выше, VI 6.11)

РЕЗЮМЕ

8. На основе сказанного в двух предшествующих главах фонологическую систему индоевропейского праязыка в период незадолго перед распадом языковой общности можно считать установленной в ее наиболее существенных чертах. Она выглядит следующим образом (1):

i	u	ī	ū				
e	ə	o	ē	ō		ŋ	ɲ
	a		ā			l	ɭ
	y	w		p	p ^h	b	b ^h
	m	n		t	t ^h	d	d ^h
	l			(k')	k' ^h	g'	g' ^h ?
	ɾ			k	k ^h	g	g ^h
	s	h		k ^w	k ^{wh}	g ^w	g ^{wh}

В системе консонантизма обращает на себя внимание относительная бедность спирантами при относительном богатстве смычных. Отношение гласных (11) к общему инвентарю фонем составляет $11:35 = 31\%$. Величина этого отношения является средней; ср. 38% в финском—8 гласных при 21 фонеме, а также 8% в Белла Коола—индейском языке Канады, где из 36 фонем только 3 гласных (2).

(1) Szemerényi₂, с. 90 и сл., Hjelmslev, с. 49

(2) Szemerényi₂, с. 85 и сл.

VII. МОРФОЛОГИЯ I

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1.1. *Существительное и прилагательное* отличаются в индоевропейском праязыке друг от друга только тем, что прилагательное может изменяться по родам, тогда как существительное — только в исключительных случаях и в значительно более ограниченной мере (ср. лат. *equus:equa*). В остальном изменение форм обеих групп аналогично.

1.2. *Род* — это специфическая черта существительного, в соответствии с которой зависящие от существительного слова (прилагательные и некоторые местоимения) принимают различные формы. Род в известной мере связан с естественным полом (например, *отец, сын* — мужского рода, *мать и дочь* — женского рода), но эта связь не является определяющей. Это ясно из того, что в индоевропейском праязыке было три рода, которые сохранились почти во всех рано засвидетельствованных индоевропейских языках (древнеиндийском, греческом, кельтских, германских, славянских). Позднее, во многих языках один из родов утрачивался, обычно средний род. Существительные, имевшие первоначально средний род, распределились между существительными мужского и женского рода. Это произошло в литовском, а еще раньше — в романских языках. В более древнем — хеттском, напротив, существовали только общий род (для обозначений существ мужского и женского пола) и средний род (1). Дальнейшие утраты приводят к одному роду, то есть к отсутствию рода, как в английском или в персидском и еще в начале исторического периода — в армянском.

Индоевропейская система трех родов возникла, по-видимому, из двухклассной системы (2). На это указывает

хотя бы тот факт, что в древних классах склонения в флексиях мужского и женского рода нет различий. Однако они противостоят среднему роду; ср., например *patēr* 'отец', *mētēr* 'мать'. Но было бы неправильно рассматривать возникновение женского рода как процесс, еще не закончившийся в индоевропейском праязыке. Абсолютно ясно, что женский род был полностью развит и в так называемых периферийных языках (3).

На вопрос об образовании древнеиндоевропейской двухклассной системы ответ был дан А. Мейе, указавшим (2), что для определенных понятий имелись разные слова, которые, очевидно, различались как *одушевленные* (м. р. или ж. р.) и *неодушевленные* (ср. р.); ср. лат. *ignis* 'огонь' — греч. *πῦρ*, лат. *aqua* 'вода' — греч. *ὕδωρ* (в гот. *ahwa* — *wato*). В последнее время вновь оживленно дискутируется другой вопрос, а именно, каким образом женский род выделился из класса одушевленных. При этом в большинстве случаев наблюдается возврат к старой точке зрения, которая состояла в том, что общее развитие *-ā-* и *-ī-* как признаков женского рода восходит к местоимению (например, **sā* и **sī*). В то же время сами местоимения были образованы по образцу некоторых существительных, которые имели подобные окончания случайно (например, **gʷenā* 'женщина') (4).

(1) Об утрате женского рода пишут Pedersen₆, с. 13 и сл., Kuryłowicz₁₂, с. 235, он же₁₇, с. 211, 217, Goetze, с. 49 и сл.

(2) Meillet₄, I, с. 199—229; II, с. 24—28, Meillet₁₁, с. 1 и сл.

(3): Watkins₃, с. 40; Kammenhuber_{3a}, с. 76 и сл.

(4) Martinet₇, с. 83—95, Lehmann₂, с. 179—202.

О проблеме рода см. также: Hirt₃, III, с. 320—347, Royen, Fodor, 1959, с. 1—41; 186—214, Martinet₁₁, с. 15 и сл., 149—152; Kuryłowicz₁₇, с. 207—226, Brinkmann, с. 357—399 Hoffmann-Szantyr, II, с. 5 и сл., Balázs, с. 5—20; Wienold.

1.3. Индоевропейский праязык имел три числа: единственное, множественное и двойственное. Последнее сохранилось во многих языках еще в начале исторического периода, например в древнеиндийском, греческом, древнеирландском, старославянском, литовском. Но рано или поздно двойственное число утрачивается. В настоящее время существует лишь незначительное количество индоевропейских языков, в которых сохранилось двойственное число (например, в литовском). Раньше всего оно исчезло в хеттском.

1.4.1. *Падежная система* различных индоевропейских языков весьма разнообразна по объему. Так, например, в классическом греческом всего 5 падежей, в латинском—6, в старославянском—7, в древнеиндийском—8. Меньшее количество падежей в принципе могло бы отражать более древнее состояние, а их большее число в некоторых языках представлять собой инновацию (1). В действительности же было наоборот. Подтверждается это тем, что языки с меньшим числом падежей на более ранней стадии своего развития обнаруживают большее количество падежей или, если этого не наблюдается, обнаруживаются следы прежней более богатой системы. Так, в греческом в микенский период существовал еще самостоятельный инструментальный, остатки которого встречаются у Гомера. В латинском некоторые существительные имеют локатив. Если, следовательно, слияние ранее самостоятельных падежей (синкретизм) (1) во всех индоевропейских языках является историческим фактом, то тогда нужно сделать вывод, что в индоевропейском праязыке было (минимум) восемь падежей—система, которая лучше всего сохранилась в языках сатэм, тогда как в языках кентум она понесла тяжелые потери.

Ср. Szemerényi, с. 19—20.

1.4.2. Система, лучше всего сохранившаяся в древнеиндийском, имеет следующие падежи:

1. Номинатив
2. Вокатив (звательный)
3. Аккузатив
4. Генитив
5. Аблатив (отложительный)
6. Датив
7. Локатив (местный)
8. Инструменталис.

Формальная дифференциация падежей представлена только в единственном числе, да и то только в одной группе, у о-основ. Во всех остальных классах склонения аблатив в единственном числе идентичен генитиву, а в двойственном и множественном числе— дативу. Вокатив только в единственном числе, однако не во всех типах склонения, отличается от номинатива, в двойственном и множественном числе он идентичен ему. Отсюда следует, что во множественном числе разграничивались только

шесть форм, а в двойственном — только четыре. У существительных среднего рода номинатив, vokativ и akkuzativ в пределах одного числа не различаются.

1.4.3. Различные падежи характеризуются прежде всего *падежными показателями*, которые присоединяются к *основе*, то есть к той части слова как целого, которая является носителем лексического значения и, если отвлечься от некоторых чередований по аблауту, неизменяемой частью. Так, в номинативе мн. ч. греч. πόδες 'ноги' соединены основа ποδ- и падежный показатель -ες. Когда основа оканчивалась на гласный, падежный показатель, имевший вокалическое начало, еще в индоевропейском праязыке подвергался стяжению. Так, датив единственного числа *o*-основ оканчивался на -ōi в результате стяжения -o- и падежного показателя -ei; ему противостояло окончание локатива -oi, состоящее из -o- и падежного показателя -i.

Сопоставление различных индоевропейских языков дает следующие падежные показатели.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Двойств. ч.
Ном.	-s, -ø	-es	} -e, -ī/-i
Вокат	-ø	-es	
Акк	-m/-n	-ns/-ns	
Ген.	-es/-os/-s	-om/-ōm	-ous? -ōs?
Абл.	-es/-os/-s; -ed/-od	-bh(y)os, -mos	-bhyō, -mō
Дат	-ei	-bh(y)os, -mos	-bhyō, -mō
Локат	-i	-su	-ou
Инстр.	-e/-o, -bhi/-mi	-bhis/-mis, -ōis	-bhyō, -mō

Для существительных среднего рода в номинативе, vokative и akkuzative действовали особые правила. В единственном числе обычно выступала чистая основа, за исключением *o*-основ, к которым добавляется -m. Во множественном числе они оканчивались на -ā или -ā, то есть, вероятно, на ларингальный (-oh соотв. -h). В двойственном числе они оканчивались, по-видимому, на -i (-i?).

О падежных показателях в общем плане см. Hirt, III, с. 39 и сл., Wackernagel — Debrunner, III, с. 28 и сл., Schwy-

zet₂, I, с 547 и сл. Смелую трактовку предьстории предлагает Kuryłowicz₁₇, с 179 и сл., особ. с. 196 и сл.; ср. также Вяч. Вс. Иванов₃, с. 113 и сл., с. 129—140, Erhart₂, с. 7—26. Новой важной работой об индоевропейском склонении является Bailey₂, о падежных показателях — с. 17—94.

1.4.4. В основах первоначально повсюду происходило *чередование по аблауту*. В принципе полная ступень была представлена в номинативе, вокативе, аккузативе, локативе единственного числа и номинативе, вокативе, аккузативе множественного числа (сильные падежи), причем в номинативе ед. ч. основ одушевленных существительных часто появлялась продленная ступень (слабые падежи). Например, *dónt-n 'зуб (акк.)', но *dnt-ós 'зуба', *dónt-es 'зубы', *dnt-sú 'в зубах'. Там, где при нулевой ступени возникали тяжеловесные группы согласных, гласный вовсе не исчезал или вскоре восстанавливался. Например, при *ped- 'нога' ген. *pd-ós (то есть *bdós) вряд ли употреблялся длительное время.

Kuryłowicz₁₇, с. 194, прим 12, 200 и сл.

1.4.5. Падежные показатели и правила их присоединения к основам (включая ударение и чередование по аблауту) были первоначально общими для всех классов основ, другими словами, существовало только одно склонение. Однако еще в индоевропейском праязыке некоторые падежные показатели сливались с вокалическим исходом основы. И это слияние накладывало свой отпечаток на словоизменение в указанных классах. Распад первоначально единого склонения на несколько более или менее отличающихся друг от друга классов склонения стал в дальнейшем в отдельных языках еще более отчетливо выраженным

1.4.6. Насколько мы можем теперь установить, в конце основы могли находиться все согласные. Следовательно, имелись -р-/-т-/-к-основы, -s- и -ш-/-п-/-л-/-г-основы и т. д. Из гласных, напротив, в конце основы могли стоять только i, u, o и ī, ū, ā, но не a (e вместе с o объединены в одном классе, так называемом тематическом или -о-классе) Не исключено, что некоторые основы с долгими гласными имели также ларингальный h, так что в таких случаях следовало бы говорить об -ih, -uh и -ah (или, скорее, -oh)-основах

1.4.7. Только немногие индоевропейские существительные можно назвать корневыми. Подавляющее большинство таких существительных с помощью различных суффиксов было образовано от простых корней или уже имевшихся дериватов. Изучение весьма сложных правил, которые использовались при этом, то есть изучение правил словообразования, является важной составной частью морфологии.

Для важнейших индоевропейских языков можно назвать ряд превосходных работ по словообразованию для древнеиндийского: Wackernagel—Debrunner, II, с 1—2, для греческого: Schwyzler, I, с 415—544, для латинского: Leumann—Hoffmann, I, с. 190—254, для общегерманского: Kluge, C. T. Carr, Krahe—Meid; W. Henzen; Benveniste²⁰, с. 15—31, Lehmann⁴, с. 1—20.

1.4.8. Здесь нет возможности рассмотреть все классы основ и типы склонения. Остановимся лишь на главных классах, на примере которых можно было бы проиллюстрировать языковые факты и методы.

А. ОСНОВЫ НА СМЫЧНЫЙ

2. Простое сопоставление парадигм в разных языках чаще всего оказывается достаточным для выявления первичной идентичности парадигм и их древнего состава. В качестве примера приведем дентальную основу *ped-/ *pod- 'нога'.

2.1.	Скр.	Греч.	Лат.	И.-е.
Ед. ч.				
Ном.	pād	πούς(πάς)	pēs	*pēs
Акк.	pād-am	πόδ-α	ped-em	*péd-η
Ген.	pad-ās	ποδ-ός	ped-is	*ped-ēs/-ós
Абл.	pad-ās	—	—	»
Дат.	pad-ē	—	ped-ī	*ped-ēi
Лок.	pad-ī	ποδ-ί	ped-e	*ped-ī
Инстр.	pad-ā	pod-e	»	*ped-ē
Мн. ч.				
Ном.	pād-as	πόδ-ες	ped-ēs	*péd-es
Акк.	pad-ās	πόδ-ας	ped-ēs	*péd-ης
Ген.	pad-ām	ποδ-ῶν	ped-um	*ped-óm

Абл.-дат	pad-bhyás	—	ped-i-bus	*ped- bh(y)os
Лок.	pat-sú	πο(σ)-σί	—	*ped-su
Инстр.	pad-bhís	pop-p ^{hi} i	—	*ped-bhis

Тембровое (качественное) различие между ποός и pēs объясняется чередованием внутри парадигмы (например, ном. *pōs:ген. *ped-ós) или между симплексом и композитом (например, *pēs:*su-pōs 'с хорошими ногами'), причем впоследствии одно какое-то качество обобщалось (1)

Продленную ступень в номинативе единственного числа можно объяснить через ассимилированную форму *press из *ped-s (см. VI.2.7.2). В древнеиндийском дентальный был восстановлен, и из *pāts по правилу сандхи, которое допускает в конце слова только один согласный, образовалось pāt.

В аккузативе единственного числа, как показывают параллели -am:α:-em, было окончание -p, то есть окончание -m, которое в постконсонантной позиции в конце слова должно было становиться слоговым. Точно так же можно реконструировать окончание аккузатива мн. ч. :-ps, которое образовалось из -ms в результате ассимиляции, другими словами, из -m + s как признак мн. ч. (2). В общегерманском, например др.-англ. fōt 'нога', обобщена продленная ступень, присущая только номинативу единственного числа. В гот. fōtus обнаруживается даже образование u-основы на базе унаследованного окончания аккузатива -u(n) из и.-е. -p, а во множественном числе — -ups из -ps.

Окончание генитива единственного числа представлено в греческом в виде -os, в латинском — в виде -es (откуда -is); -os, по-видимому, — качественное изменение -es (3). Примечательно, что в номинативе множественного числа всегда выступает -es и никогда — -os.

Можно с уверенностью сказать, что дифтонг в дательном падеже ед. ч. был представлен формой -ei; ср. оск. paterei 'отцу', греч. ΔιFei-φίλος 'милый Зевсу', а также микен. tukatere ромепе и т. д., то есть θυγάτερει 'дочери', ποτρίνει 'пастуху'.

Инструментальный падеж ед. ч. оканчивался, по-видимому, на -e/-o или -ē/-ō. Качество гласного подтверждено теперь микен. egepate=ἐλεφαντε 'два слона'.

Генитив мн. ч. в древнеиндийском оканчивается на -ām, в греческом — на -ῶν, которые указывают на и -е. -ōm. Это согласуется с формами большинства языков, но едва ли со слав. -ъ [у нас — ѣ], которое, как и древнеирландское окончание, должно восходить к -ōm. В таком случае -om — простая форма прилагательного — должно, видимо, считаться первичной формой (ср.: *erilis filius* 'хозяйский сын'), которая при вокалическом исходе (то есть -а-соотв. -о-) в результате стяжения давала -ōm. Затем это -ōm в ряде языков было распространено и на другие основы (4).

Локатив мн. ч. имел окончание -su в языках сатэм, хотя в греческом представлено -si. Вероятно, в греческом -su было преобразовано под влиянием -i ед. ч. (5).

В дативе — аблативе и инструменталисе мн. ч. представлено характерное для них bh, которое было различным образом расширено, а первоначально, видимо, являлось послелогом *bhi* (ср. *bei*). В общегерманском и балтославянском вместо этого встречается окончание, содержащее m (6).

(1) Schmitt—Brandt, с. 125. Во всяком случае, окончание номинатива -s заимствовано у местоимений (см. *Kuryłowicz*₁₇, с. 211) почти повсеместно, см. выше VI.2.7.1. См. также Biese; Fillmore, с. 13.

(2) Brandenstein, 1952, с. 10.

(3) О чередовании см. *Kuryłowicz*₁₁, с. 76, он же *e*₁₇, с. 196¹⁵. Попытка установить первичное различие между генитивом на -os и аблативом на -ots (*Benveniste*₁₀, с. 32) окончилась неудачей (см. *Lazzeroni*₂, с. 12 и сл.; Вяч. Вс. Иванов₄, с. 35 и сл.), хотя, как предполагается, генитив возник из аблатива (см. *Kuryłowicz*₁₇, с. 194, 202). Неоднократно высказываемая, вслед за Ван-Вейком, гипотеза о первоначальной идентичности генитива и номинатива (например, *Lehmann*₂, с. 192; *Amthann*₂, с. 56 и сл.) едва ли убедительна (см. *Velten*₁, с. 218; *Jespersen*, 1964, с. 383).

(4) *Meillet*₂, с. 258 (-om), *Stang*₅, с. 185 (-ōm). О трактовке этой формы как прилагательного см. *Petersen*₁, с. 159; *Martinet*₂, с. 258²³.

(5) Точка зрения, утверждающая, что локатив возник в поздний период индоевропейского праязыка, то есть, другими словами, не является по происхождению индоевропейским, поскольку никогда не был развит на западе (Топоров, с. 275 и сл.), или образовался только в период существования отдельных индоевропейских языков (*Аmbrosini*₂, с. 85), неприемлема; нельзя согласиться и с мнением о том, что локатив ед. ч. имел нулевое окончание, в таких случаях речь идет об утрате -i; см. *Ferrell*, с. 656.

(6) *Schmidt*₂, с. 1—10. Об «адвербиальном» характере этого падежа см. *A. Meillet*₁, 1937⁸, с. 298 и сл., *Pedersen*₆, с. 30.

и сл. Kuryłowicz₂, с 168 и сл., он же, с. 201; о греч. — см Lejeune₂, Morpurgo—Davies₂, с. 46—54. См. также Szeмерényi₂₀, с. 31 и сл

2.2.1. Чередования по аблауту и связанные с ними перемещения ударения удобнее всего проиллюстрировать на примере -nt-основ. Слово 'зуб' имеет следующие парадигмы

	Скр.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.
Ед ч	Ном.	dán	ὀδών	dēns	*tunþus dantls
	Акк.	d-ánt-am	ὀδόντα	dentem	tunþu dañti
	Ген	d-at-ás	ὀδόντος	dentis	dantiēs
	Абл	d-at-ás			
	Дат.	d-at-é	dentī		dañčiui
	Лок	d-at-í	ὀδόντι	dente	tunþau dantijē
	Инстр.	d-at-ā			dantiml
Мн. ч.	Ном.	d-ánt-as	ὀδόντες	dentēs	dañtys
	Акк	d-at-ás	ὀδόντας	dentēs	tunþuns dantis
	Ген.	d-at-ām	ὀδόντων	dent(i)um	tunþiwe dantū
	Абл.—	d-ad-bhyás		dentibus	dantims
	Дат.				
	Лок.	d-at-sú	ὀδοῦσι		dantysē
	Инстр.	d-ad-bhís			

В древнеиндийском чередовании d-ant/d-at- (перед звонкими смычными d-ad-) -a—это нулевая ступень от -ap-. Она представляет собой, следовательно, регулярное развитие -ṛ-, которому, во всяком случае, точно соответствует -up- в гот. tunþus и, видимо, -en- в лат. dent- (см. IV.5.1). -ap- является полной ступенью, которая соответствует ступени -op- в греч. ὀδοντ-; -ap- зафиксировано в лит. dant-, а также в др.-в.-н. zan(d) (откуда нем. Zahn 'зуб'), в др.-сакс. tand, др.-англ. tōþ (совр. англ. tooth из *tanþ-). Все они развились из и-е. -op-. Можно полагать, что формы *dont- и *dnt- первоначально чередовались внутри парадигмы. Распределение форм еще хорошо сохранилось в древнеиндийском, но в других языках одна из форм аблаута была обобщена. Исключением является греческий, где наряду с основой ὀδοντ- (где о- является так называемым протетическим гласным) первоначально употреблялась также форма номинатива ὀδών с продленной ступенью. Последняя,

однако, позднее была также заменена на $\delta\delta\acute{o}\upsilon\varsigma$ из $\delta\delta\acute{o}\upsilon\tau\text{-}\varsigma$ (1); относительно - $\delta\pi$ из - $\acute{o}\pi\tau\varsigma$ см. VI.2.7.3. Таким образом, индоевропейская парадигма имела следующий вид

Ед. ч. * $\acute{d}\acute{o}\pi$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\tau\text{-}\mu$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\acute{o}\varsigma$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\acute{\epsilon}\iota$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\iota$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\acute{\epsilon}$
Мн. ч. * $\acute{d}\acute{o}\pi\tau\text{-}\epsilon\varsigma$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\mu\varsigma$, (* $\acute{d}\acute{o}\pi\tau\text{-}\eta\varsigma?$), * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\acute{o}\mu$ (- $\acute{o}\mu$), * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\beta\eta\text{-}$, * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\acute{\sigma}\upsilon$.

В некоторых языках эта консонантная основа подверглась изменениям. На основе форм аккузатива $\tau\upsilon\pi\tau\upsilon$ (ед. ч.), $\tau\upsilon\pi\tau\upsilon\mu\varsigma$ (мн. ч.) данное слово в готском перешло к ι -основам; в литовском на базе аккузатива слово $\text{dant\ddot{y}}$ dantis присоединилось к i -основам. В латинском классического периода в нормальном случае зафиксирована i -основа (ср. dentium) и более древняя форма — dantum — у Варрона.

Перемещение ударения также хорошо сохранилось в древнеиндийском: полная ступень (о-ступень) находится под ударением, при нулевой ступени оно перемещается на окончание

Ср. Szemerényi_{19} , с. 80 и сл. Нулевая ступень засвидетельствована также и в греческом. наречие $\delta\delta\acute{\alpha}\tau\epsilon$ 'кусая' возникло из $\delta\delta\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon$, древней формы локатива $\delta\delta\acute{\alpha}\sigma\tau\iota$ из * $\acute{d}\acute{o}\pi\text{-}\acute{\sigma}\iota$, см. Szemerényi_{24} , с. 24.

2.2.2. Тот же тип склонения использовался первоначально и в образованных с помощью суффикса - $\pi\tau$ -причастиях. Он представлен еще в древнеиндийском. Так, причастие от as- 'быть', s-ant- 'сущий' имеет следующую парадигму (в м р.):

Ед. ч. $\text{s}\acute{\text{a}}\pi$, $\text{s}\acute{\text{a}}\pi\text{t}\acute{\text{a}}\mu$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{a}}\varsigma$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{e}}$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{i}}$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{a}}$

Мн. ч. $\text{s}\acute{\text{a}}\pi\text{t}\acute{\text{a}}\varsigma$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{a}}\varsigma$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{a}}\mu$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{d}\text{b}\text{h}\acute{\text{y}}\acute{\text{a}}\varsigma$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{t}\acute{\text{s}}\acute{\text{u}}$, $\text{s}\acute{\text{a}}\text{d}\text{b}\text{h}\acute{\text{i}}\varsigma$

И.-е. парадигма * $\acute{s}\acute{o}\pi$, * $\acute{s}\acute{o}\pi\tau\text{-}\mu$, * $\acute{s}\acute{o}\pi\text{-}\acute{o}\varsigma$ и т. д. в гомер. $\acute{\epsilon}\acute{o}\pi\upsilon$, $\acute{\epsilon}\acute{o}\pi\tau\alpha$, $\acute{\epsilon}\acute{o}\pi\tau\acute{o}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\acute{o}\pi\tau\iota$ и т. д. была обобщена по основам на - $\acute{o}$. Однако в некоторых диалектах непосредственно или опосредованно сохранились еще и другие ступени аблаута. Лат. absens 'отсутствующий', praesens 'присутствующий' обобщили в - sens , - sentis нулевую ступень - $\text{s}\acute{o}\pi\text{-}$. В лат. iens 'идуший', euntem (акк. ед. ч.), euntis (ген. ед. ч.) и т. д. просвечивает первоначальная парадигма * $\text{y}\acute{o}\pi$, * $\text{y}\acute{o}\pi\tau\text{-}\mu$, * $\text{y}\acute{o}\pi\text{-}\acute{o}\varsigma$, которая вначале дала в этом языке * $\text{i}\acute{o}$, * $\text{i}\acute{o}\pi\text{t}\acute{\text{e}}\mu$, * $\text{i}\acute{o}\pi\text{t}\acute{\text{i}}\varsigma$ и т. д. Позднее форма номинатива * $\text{i}\acute{o}$ была заменена на iens , а euntem , легко

преобразованное из *iōntem, своей формой (eunt-) определило остальную часть парадигмы.

2.2.3. Глубокие изменения произошли в существительном *ront-* 'путь'. Первоначально оно имело следующую парадигму:

Ед. ч. *rōn, *rōnt-n, *rnt-ós, *rnt-éi, *rnt-í, *rnt-ē
Мн. ч. *rōnt-es, *rōnt-ns (*rnt-²), *rnt-óm, *rnt-bh-,
*rnt-sú, *rnt-bhí-.

В праславянском *ront-n перешло в *rontī, которое стало выглядеть как аккузатив от основ на i- и вследствие этого явилось базой для i-основы *ronti- с обобщенной ступенью -o- (русск *путь*, серб *път* и т. д.). В древнепрусском *pintis*, напротив, представлена обобщенная нулевая ступень *rnt-. Две ступени дали в греческом два существительных, которые стали относиться к основам на -o: *πόντος* 'море' и *πάτος* 'путь, тропа'. Лат. *rops*, унаследованное как консонантная основа, перешло в категорию слов с основами на -i, как и почти все слова с основами на -nt.

Др.-инд *panthās*, акк *panthām*, ген. *panth-as* и авест. *panthā*, акк. *panthm*, ген. *panthō* и т. д. были преобразованы из унаследованных *rōn, *rontn, *rntos и т. д., причем вначале произошла унификация номинатива *rā и аккузатива *rantam в *panthā, *panthām. В то же время по аналогии с основами на -n (-ā:ānam:-ānas) возникли формы *panthānam*, *panthānas*, авест. *panthānam*, *panthānō*. Звук *th* следует, видимо, приписать влиянию *gath-* 'ехать'. Инстр. мн ч *padbhis, еще сохранившийся в авест. *padābiš*, в древнеиндийском из-за омонимии со словом 'река' вышел из употребления и был заменен предконсонантной основой *pathi-*.

О значении см Benveniste, с. 256 и сл.; о чередовании основ ср. Kurylowicz₁₁, с. 377, Kuiper₂, с. 91 и сл. Часто реконструируемый ном. *ronteH-s с двумя полными ступенями невозможен; см также Schindler₄, с. 154

Б. ОСНОВЫ НА НОСОВОЙ И ПЛАВНЫЙ

3. Интересно, что удастся обнаружить лишь немногочисленные основы на -m- и -l-, тогда как основы на -n- и -g- встречаются в большом количестве. Во всех

случаях номинатив единственного числа у одушевленных существительных имеет продленную ступень (см. VI.2.7.1), в индоиранском — с утратой конечного согласного, после чего -s могло присоединяться вновь (kṣās: χῥῶν), как и в греческом.

3.1. Для основ с носовым в качестве примера можно сопоставить др.-инд. rājā 'царь', греч. ἄκμων 'наковальня', лит. akmuo 'камень', гот. guma 'мужчина', лат. homo 'человек'.

	Скр.	Греч.	Лит.	Гот.	Лат
Ед. ч.					
Ном.	rājā	ἄκμων	akmuo	guma	homo
Вокат.	rājan	ἄκμων	akmeniē		homo
Акк.	rājānam	ἄκμωνα	akmeni	guman	hominem
Ген.	rājānas	ἄκμωνος	akmenis	gumins	hominis
Дат.	rājānē		akmeniui	gumin	hominī
Лок.	rājan(i)	ἄκμωνι	akmenyję		homine
Инстр.	rājānā		akmeniū		homine
Мн. ч.					
Ном.	rājānas	ἄκμονες	akmenys	gumans	hominēs
Акк.	rājānas	ἄκμονας	akmenis	gumans	hominēs
Ген.	rājānām	ἄκμόνων	akmenų	gumane	hominum
Дат.	rājābhyas		akmenims	gumam	hominibus
Лок.	rājāsu	ἄκμοσι	akmenysė		»
Инстр.	rājābhis		akmenimis		»

И здесь распределение сильных и слабых падежей сохранилось, собственно говоря, только в древнеиндийском. В греческом произошло выравнивание по полной ступени (ἄκμωνος по аналогии с ἄκμονα и т. д.), соотв. ποικίλος по аналогии с ποικίλῃν 'пастух') или по продленной ступени (ἄκμων, -ῶνα, -ῶνος 'локоть'). Остатки нулевой ступени представлены в ἄρνός от ἀρνῆν 'ягненок', в κυνός наряду с κύων 'собака', в пиндар. φρασί (из -psi) наряду с φρένες. Подобные следы нулевой ступени обнаруживаются также в общегерманском (ср. гот. ген. мн. ч. auhs-п-е 'быков', дат. мн. ч. auhsun (из *uhs-un-miz от -η-mis), отклоняющиеся от общего типа gum-an-e gumam (-am из -an-mis), но очень хорошо согласующиеся с родственным по происхождению др.-инд. uksā 'бык', которое

имеет следующие падежные формы: *ukš-ŋ-e*, *ukš-a-bhiš* (из *-ŋ-bh-*). В латинском чередование по аблауту подверглось разрушению вследствие ослабления или утраты кратких гласных в слогах, следующих за первым. В литовском (и праславянском) оно редуцировалось еще до момента наступления чередования *-ŋp/-ep-*. Качественное чередование подобного рода представлено также в общегерманском (ср. гот *gumaþ gumins* из и.-е. *-on-ŋ -ep-os*) и, определенно, восходит к языку-основе. Таким образом, для индоевропейского праязыка можно реконструировать следующую парадигму (1)

	Ед. ч.	Мн. ч
Ном.	-ŋp	-ep-es
Акк.	-ep-ŋ	-(e)ŋ-ŋs
Ген.	-(e)ŋ-os	-ŋ-on, -ŋ-ŋm
Лок.	-ep-i	-ŋ-su.

Возможно, что в индоевропейском праязыке наряду с *-ŋp* в номинативе ед. ч. существовало также *-ēp* и что по образцу *-ŋp* уже в индоевропейском праязыке были созданы формы аккузатива ед. ч. *-on-ŋ* и номинатива мн. ч. *-on-es*. Есть основания полагать, что (односложные?) обладали также формой генитива ед. ч. на *-ep-s* *-em-s* с нулевой ступенью суффикса *-os* и полной ступенью предшествующей части; ср. авест. *χ^vēng* 'солнца', *dēng* 'дома' из и.-е. **swen-s*, **dem-s*. Последнее, по-видимому, представлено и в **doms-potis* 'хозяин дома' (несколько трансформированное в греч *δεσπότης*) (2). О локативе ед. ч. см. выше, 21 (5).

(1) Kuryłowicz¹¹, с. 62 и сл.; Szemerényi¹⁶, с. 158 и сл.; Benediktsson, с. 7—31.

(2) Szemerényi¹⁹, с. 374 и сл., 410.

3.2. В качестве примера для неодушевленных существительных с носовыми основами рассмотрим слово 'имя'. Следует отметить, что номинатив, вокатив и аккузатив имеют одинаковую форму в единственном и соответственно во множественном числе

	Скр.	Лат.	Гот	Ст.-слав.
Ед. ч. Ном	<i>nāma</i>	<i>nōmen</i>	<i>namo</i>	<i>imę</i>
Ген	<i>nāmnas</i>	<i>nōminis</i>	<i>namins</i>	<i>imene</i>
Дат	<i>nāmpē</i>	<i>nōminī</i>	—	<i>imeni</i>

Лок.	pām(a)ni	pōmine	pāmin	imene
Инстр	pānpā	pōmine	—	imenīmī
Мн. ч. Ном.	pāmā(ni)	pōmina	pānpa	imēpa
Ген.	pānpām	pōminum	pānpē	imenū
Дат.	pāmabhyas	pōminibus	pānpam	imenīmū
Лок.	pāmasu	—	—	imenīxū
Инстр	pāmabhis	pōminibus	—	imeny

Окончание номинатива ед. ч. восходит к -ŋ, которое в соответствии с правилами давало pāma pōnep (и греч. ὄνομα 'имя'). В ст.-слав. должна была бы появиться форма (im)ī (см. IV.5 4), однако проведенная по всей парадигме основа imēp- (1) была введена и в формы номинатива, где она, естественно, превратилась в imē. Все еще не поддается объяснению гот. pāto, которое было, по-видимому, каким-то образом преобразовано из предполагаемого *pāti (из -up < -ŋ) (4).

В номинативе мн. ч. в большинстве случаев представлено продолжение и -e. -ā, например, в лат. pōmina и т. д. Лишь индоиранский отклоняется от этого способа образования. В индийском встречаются как pāmā, так и pāmāpī. В авестийском этим формам соответствует -āp (например, pāṣaṇ) и -āpī (например, afšmāpī 'стихи'), вероятно, также -ā (2). Ясно, что -ā является нормальным индоиранским продолжением -āp (ср. VI.2.7.3), тогда как -āpī представляет собой ту же форму со вставным гласным -i. Обе формы развились, по-видимому, из и -e. -ōp таким образом, что при сандхи перед консонантным началом возникало -ā, а перед вокалическим началом — -āp (3).

(1): О различиях в корневом слове см. Szemerényi₁₉, с. 243 и сл.

(2): Kuiper₁, с. 13 и сл.

(3): Часто проводимое сравнение с гот. hairtōna 'сердца' на основе и -e. -ōp- (ср. Kuiper, 16 36) в структурном плане подкрепляется др.-инд. catvāri 'четыре' (номинатив мн. ч. ср. р.) Окончание -ōp развилось, по всей видимости, из -op-h, где знаком мн. ч. было только h. См. также Kurowicz₂₂, с. 86.

(4): Polomé₇, с. 821.

3.3. Основы с плавным—главным образом основы на -г—имеют в принципе такую же систему словоизменения, как и носовые основы, ср.:

		Скр.	Гомер.	Лат.	Ст.-слав.
Ед. ч	Ном.	māta	μήτηρ	māter	mati
	Акк.	mātaram	μήτέρα	mātreṃ	materī
	Ген.	mātur	μήτρος	mātris	matere
	Дат.	mātrē	—	mātrī	materi
	Лок.	mātari	μήτερι	mātre	materi
	Инстр.	mātrā	—	mātre	materījo
Мн. ч.	Ном.	mātaras	μήτερες	mātrēs	materi
	Акк.	mātṛs	μήτέρας	mātrēs	materi
	Ген.	mātṛñām	μήτρων	mātrum	materū
	Дат.	mātṛbhyas	—	mātribus	materīmū
	Лок.	mātṛsu	μήτρᾱσι	—	materīxū
	Инстр.	mātṛbhis	—	mātribus	materīmi

И в данном случае в индоевропейском языке было представлено чередование ступеней в основах:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	-ēr	-er-es
Акк.	-er-ṃ	-r-ṃs
Ген.	-r-os	-r-om/-ōm
Лок.	-er-i	-r-su

Данное распределение сохранилось, однако, только в древнеиндийском и отчасти в греческом. В других же языках произошло почти полное выравнивание; ср., например, основу mater-, проходящую через всю парадигму в старославянском.

Обращает на себя внимание не получившая до сих пор удовлетворительного объяснения падежная форма генитива единственного числа в древнеиндийском. Эта форма возникла, очевидно, из -ṛs, как подсказывает авест -эгэš=ṛš, которому соответствует также др.-сканд. -ur из -urs (др.-сканд. forður из *patṛs), хотя из этой формы нельзя было ожидать -ur; первичной формой было, видимо, -r-os

Аккузатив мн. ч. mātṛs противостоит форме м. р. pitṛn; обе формы являются обновленными по i- и u-основам вместо унаследованных *mātras, *pitras (из -ṛs). Более древнее состояние сохранилось еще в usg-ās 'зори', а также в одинаково с этой формой звучащем генитиве ед. ч. usg-ās и в pāg-as 'мужчины (ген.)' (см 3.3.1).

Генитив мн. ч. *mātṛāṃ*, *pitṛāṃ* также является новой формой вместо **pitṛām*, **mātṛām* (ср. *मृत्पुत्रम्*). Старая форма представлена еще в *paṅām* 'мужчин', *svasṛām* 'сестер'.

В старославянском номинатив ед. ч. **māter* в результате утраты конечного -р (-г) и повышения подъема *ē* превратилось в *mati*, ср. также лит. *mótė* (в современном языке большей частью *móteris*) 'женщина'. В аккузативе ед. ч. представлено -ī из -im, которое восходит к -pr; в аккузативе мн. ч. -i восходит к -ips из -ps. В дативе, локативе и инструменталисе мн. ч. к основе присоединяются окончания с -i-; ср. лат. *patribus*, с *i* перед -bus. В обоих языках *i* было введено по образцу основ на -i.

3.3.1. Из числа основ на -г одушевленных существительных упоминания заслуживает **peṅ-* 'мужчина', которое в греческом представлено с протезой как *ἀνερ-*. В греческом на начальной стадии еще довольно хорошо сохранилось и чередование ступеней. Гомер. *ἀνὴρ — ἀνέρα — ἀνδρός — ἀνδρί — ἀνερές — ἀνδρας — ἀνδρῶν — ἀνδράσι* продолжают регулярную парадигму **nēr/*nér-pr/*ṛg-ós/*ṛg-í/*ṛg-es/*ṛg-ps/*ṛg-om/*ṛg-su*, к которой восходят вед. *paṅām* (акк. ед. ч.), *paṅas* (ген. ед. ч.), *paṅē* (дат. ед. ч.), *paṅas* (ном. мн. ч.), *paṅām* (ген. мн. ч.). Греческая группа -νδρ- основывается на звуковом развитии *pr* в *ndr*, которое известно и в других языках (ср. флам. *Hendrik* из *Henrik*). В *ἀνρ-* вместо **ār-* появляется характерный носовой, подобно тому как в др.-инд. *paṅ-* восстанавливается гласный. Основа **peṅ-* продолжает существовать и в Италии: оск. имеет *piig* 'принцепс, глава, император; первый' (ном. ед. ч.) из **nēr* и *peṅim* (ген. мн. ч.), в умбском представлено *peṅus* 'принцепсам' (дат. мн. ч.) и *peṅi* (акк. мн. ч.). Имя Неро (Нерон) является словом диалектного происхождения, образованным от той же основы ('мужественный').

3.3.2. Арханческая форма среднего рода сохранилась в гомер. **ṛ* 'сердце'. Она продолжает и.-е. **kēr*, которое возникло в результате ассимиляции и продления гласного из **kerd* (VI 2.7.5) Эта форма сохранилась также в хетт. *kēr*, на письме — *ŠA-ir* и *kir*. Предполагаемые формы генитива и датива **kṛd-ós* и **kṛd-í* были вытес-

нены гомер. (ἄρκος), ἄρκι, однако с измененным началом корня (V 4.3) они продолжают существовать в скр. hŕd-ās и hŕd-ī. В санскрите в форме номинатива следовало бы ожидать *hā (из *hāg), но ввиду того, что эта форма в таком случае оказалась бы нераспознаваемой, ради ясности были сохранены конечное -г и даже принадлежащее к основе -d. *hārd, согласно действовавшему в древнеиндийском языке закону конца слов, нуждалось в гласном. Так возникло hārdī. И.-е. kēg сохранилось также в др.-прусс. sīr(an), seyr, причем акутовый тон долгого гласного отразился в акутовой интонации в лит. širdis, širdį (1). В лат. сог. cordis представлено, видимо, качественное чередование; ср. противоположный случай: pēs:πός. Во многих языках древнее корневое существительное вытесняется производным; ср. хардіа (из *kŕd-iyā), др.-ирл. cride (из *kŕdiyom), ст.-слав. srŭdĭce (из *kŕd-iko-) и с носовым распространителем: гот. hairto, ген. hairtins, др.-в.-н. herza, herzin (2).

(1). Szemerényi¹⁴, с. 179¹, он же²⁴, с. 66, прим. 74, Stang, с. 158 (неясно относительно -d).

(2): Szemerényi³⁶.

3.4. Сочетание г- и п-основ обнаруживается в группе так называемых *гетероклитик* (разносклоняемых существительных). Основы на -г представлены только в номинативе—аккузативе ед. ч. Сюда относятся, например, лат. femur/feminis 'бедро' и iecur/iocineris 'печень' (обобщение более древнего iecor/*iecinis с преобразованием iecinoris в iocineris), а также скр. yakŕt/yaknas 'печень'. Последней форме соответствует греч. ἥπαρ/ἥπατος, так что -ατος в генитиве приходится возводить к -ŕtos. Аналогичная картина наблюдается в ὕδωρ, ὕδατος 'вода'. Параллелями являются в умбском ном utur, лок. une из ud-n-i, в готском—ном watō из *wodōr, ген. watins из *woden(o)s (ср. др.-сакс. watar, др.-в.-н. wazzar). Хеттский хорошо сохранил wadar (ген. wedenas), да и в других случаях интенсивно развил этот тип, тогда как в других языках встречаются лишь скудные остатки этого типа.

Наблюдаемое в ἥπατος, ὕδατος и т. д. распространение с помощью -t- (-ŕ-t-os) встречается в греческом и в других группах существительных. Чистая основа на -п, например лат. pōmen, pōminis, в греческом преобразовалась

в основу на -t ὄνομα, ὀνόματος (из -τη-tos), что определенно является греческой инновацией (1).

(1) О вторичных t-основах см. новую работу моей ученицы: J. Forster, с. 116 и сл., 133 и сл., 241 и сл.

Относительно iecur см. Szeemerényi₁₀, с. 191, Rix₂, с. 79 и сл., Schindler₁, с. 75

В. S-ОСНОВЫ

4.1. Склонение существительных с основами на -s, принадлежащих чаще всего к среднему роду, хорошо сохранилось во многих языках; ср.: *genos 'род', *nebhos 'облако'.

		Скр.	Гомер.	Лат.	Ст.-слав.
Ед. ч.	Ном.	janas	γένος	genus	nebo 'небо'
	Ген.	janas-as	γένεος	generis	nebese
	Дат.	janas-ē	—	generi	nebesi
	Лок.	janas-i	γένει	genere	nebese
	Инстр.	janas-ā	—	genere	nebesīmi
Мн. ч.	Ном.	janāmsi	γένεα	genera	nebesa
	Ген.	janas-ām	γένέων	generum	nebesū
	Дат.	jano-bhyas	—	generibus	nebesīmi
	Лок.	janas-su	γένεσσι	—	nebesīxū
	Инстр.	jano-bhis	—	generibus	nebesy

В результате реконструкции получаем:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	*genos, nebhos	*genes-ā, nebhes-ā
Ген.	*genes-os, nebhes-os	*genes-om, nebhes-om
Лок.	*genes-i, nebhes-i	*genes-su, nebhes-su.

Качественное чередование между номинативом — аккумулятивом ед. ч. и всеми другими падежами особенно отчетливо выступает в греческом и старославянском; оно заметно также и в латинском. В готском -es- вследствие выравнивания проникло и в номинатив. riqiz, riqizis 'тьма, мрак' (1).

В номинативе мн. ч. и.-е. *genes-ā (см. выше) имеет соответствия в греческом, латинском и старославянском, но не в древнеиндийском. В древнеиндийском janāmsi вначале необходимо исключить назализацию, поскольку она является инновацией по аналогии с основами на -nt-

(2). Остающаяся часть *(jan)āsi сопоставима с продолжающим существовать в авестийском окончанием -ās Эти окончания соотносятся так же, как др.-инд. -āpi и авест. āp у п-основ (см. выше, 3.2), другими словами, окончание -ās возникло, вероятно, из -ōs, н.-е. -os-h (3).

(1) Об альтернации -es-/os- см Kuryłowicz¹¹, с. 67 и сл.

(2) Wackernagel — Debrunner, III, с. 288

(3) Kuiper, цит раб. (см ранее, 3.2), но не -āsH.

4.2. Наряду с существительными среднего рода имеется небольшая группа одушевленных существительных с основами на -s из -ōs, например греч αἰδώς 'стыд', эол., ион., атт αἰώς ἥώς ἔως 'заря'; лат honōs 'честь, почет', flōs 'цветок'. Они склоняются так же, как существительные среднего рода, с тем лишь различием, что у них, как и у одушевленных существительных, проведено формальное разграничение номинатива и аккузатива (а также вокатива) Продленная ступень номинатива ед. ч. возникла из -os-s (см. VI.2 7.1) В греческом, в отличие от существительных среднего рода, представлена о-ступень, например. аккузатив ед. ч αἰδῶ из -os-π, генитив ед. ч. αἰδῶς из -os-os, датив ед. ч. αἰδῶι из -os-i. -е-ступень встречается лишь в единичных случаях в изолированных формах. В латинском повсюду была представлена не только о-ступень, но и продленная ступень в номинативе. Единственным исключением является arbōs 'дерево' (Vergilius, Georgica, II, 66) arbōris К тому же в номинатив рано проникает r, развившееся из интервокального s, так что honōs/honōrem было заменено формами honōr/honōrem 'честь, почесть' (ном -акк ед ч). Кроме того, со времен Плавта все больше распространялся переход -ōr в -ōg В результате возникло соотношение -ōg/-ōrem, то есть прямо противоположное тому, которое было в индоевропейском.

О формах компаратива на -yōs и об активных причастиях перфекта см. Szemerényi²⁷, с. 25—36, он же²⁸, с. 7—26, а также см ниже, 8.4, IX. 6 1 2

Г. ОСНОВЫ НА -I-, -U- И ОСНОВЫ НА ДИФТОНГ

Б. Основы на -i- и на -u-, в особенности в древнеиндийском, склоняются по двум образцам, которые можно было бы назвать главным и второстепенным (1) или закрытым и открытым типом склонения (2).

(1) Wackernagel — Debrunner, 111, с 138.

(2): Kuryłowicz, 1935, с. 137 и сл., он же, с. 132, он же, с. 220.

5.1. В качестве примеров главного типа можно привести др.-инд. *agnis* 'огонь' (= лат. *ignis*), греч. *πόλις* 'гс-род', ст.-слав. *gostī*, гот. *qēns* 'женщина', соотв. *bāhus* 'рука' = греч. *πῆχυς*, лат. *manus*, гот. *sunus* 'сын' = ст.-слав. *synŭ*.

	а)	Скр.	Греч.	Лат.	Гот.	Ст.-слав.
Ед. ч.	Ном.	<i>agnis</i>	<i>πόλις</i>	<i>ignis</i>	<i>qēns</i>	<i>gostī</i>
	Вокат.	<i>agnē</i>	<i>πόλι</i>	—	—	<i>gosti</i>
	Акк.	<i>agnim</i>	<i>πόλιν</i>	<i>ignem</i>	<i>qēn</i>	<i>gostī</i>
	Ген.	<i>agnēs</i>	<i>πόλεως</i>	<i>ignis</i>	<i>qēnais</i>	<i>gosti</i>
	Дат.	<i>agnayē</i>	<i>πόλει</i>	<i>ignī</i>	—	<i>gosti</i>
	Лок.	<i>agnā(u)</i>	<i>πόληι</i>	—	<i>qēnai</i>	<i>gosti</i>
	Инстр.	<i>(agninā)</i>	—	—	—	<i>gostīmī</i>
Мн. ч.	Ном.	<i>agnayas</i>	<i>τρεῖς</i>	<i>ignēs</i>	<i>qēneis</i>	<i>gostīje</i>
	Акк.	<i>agnīn</i>	<i>τρίν</i>	<i>ignis</i>	<i>qēnins</i>	<i>gosti</i>
	Ген.	<i>agnīnām</i>	<i>τρίων</i>	<i>ignium</i>	<i>qēnē</i>	<i>gostīj</i>
	Дат.	<i>agnibhyas</i>	—	<i>ignibus</i>	<i>qēnim</i>	<i>gostīmŭ</i>
	Лок.	<i>agniṣu</i>	<i>τρισι</i>	—	—	<i>gostīxŭ</i>
	Инстр.	<i>agnibhis</i>	—	<i>ignibus</i>	—	<i>gostīmi</i>
	б)	Скр.	Греч.	Лат.	Гот.	Ст.-слав.
Ед. ч.	Ном.	<i>bāhus</i>	<i>πῆχυς</i>	<i>manus</i>	<i>sunus</i>	<i>synŭ</i>
	Вокат.	<i>bāhō</i>	<i>πῆχυ</i>	—	<i>sunau</i>	<i>synu</i>
	Акк.	<i>bāhum</i>	<i>πῆχυν</i>	<i>manum</i>	<i>sunu</i>	<i>synŭ</i>
	Ген.	<i>bāhōs</i>	<i>πῆχεος</i>	<i>manūs</i>	<i>sunaus</i>	<i>synu</i>
	Дат.	<i>bāhavē</i>	<i>πῆχει</i>	<i>manuī</i>	—	<i>synovī</i>
	Лок.	<i>bāhā(u)</i>	—	—	<i>sunau</i>	<i>synu</i>
	Инстр.	<i>(bāhunā)</i>	—	—	—	<i>synŭmī</i>
Мн. ч.	Ном.	<i>bāhavas</i>	<i>πῆχεες</i>	<i>manūs</i>	<i>sunjus</i>	<i>synove</i>
	Акк.	<i>bāhūn</i>	<i>πῆχεας</i>	<i>manūs</i>	<i>sununs</i>	<i>synu</i>
	Ген.	<i>bāhūnām</i>	<i>πῆχεων</i>	<i>manuum</i>	<i>suniwē</i>	<i>synovŭ</i>
	Дат.	<i>bāhubhyas</i>	—	<i>manibus</i>	<i>sunum</i>	<i>synŭmŭ</i>
	Лок.	<i>bāhuṣu</i>	<i>πῆχεσι</i>	—	—	<i>synŭxŭ</i>
	Инстр.	<i>bāhubhis</i>	—	<i>manibus</i>	—	<i>synŭmī</i>

Эти парадигмы свидетельствуют о полном совпадении главного типа склонения *i*- и *u*-основ. В номинативе и аккузативе ед. ч. представлен гласный основы *i* или *u*,

распространенный соответствующим показателем падежа s или m. -is -im, -us -um. В латинском языке -im или по фонетическим причинам, или по аналогии с основами на согласный перешло в -em, в старославянском — в -ь (i), а -um перешло в -ъ (ŭ). В готском же произошел другой процесс: -im было заменено нулем, а -um, напротив, заменилось -u

Вокатив оканчивается на -ei -ou, последнее окончание особенно отчетливо представлено в гот supau и лит. sūpau, тогда как -ei сохранилось в Πόσει(-δάων) 'о господи' = др.-инд. patē. Гласные -i -u в греческом и частично в готском объясняются аналогией с формами номинатива (1).

Для генитива ед. ч. установлен дифтонг, то есть -eis или -ois (ο πῶλεως см. 5.3, об ignis—5.2) соотв. -ous (ο πύχως см. 5.3).

Датив ед. ч. оканчивался, как свидетельствует древнеиндийский, на -eyei (то есть -ei было присоединено к полной ступени гласного основы i), а у u-основ — на -oweī (в старославянском) или -eweī (в греческом), обладающее такой же структурой, как и -eyei. Латинский, старославянский (и литовский) требуют для i-основ окончания -ei, которое, по-видимому, возникло из -eyei (= удвоенное -ei) в результате гаплогонии. В u-основах лат. -oweī регулярно давало -uwi, -ui.

В локативе ед. ч. согласно свидетельству древнеиндийского, был представлен долгий дифтонг или долгий гласный. Для i-основ окончание — благодаря греческому — можно определить как -ē. Это окончание удастся согласовать с i-основами только в том случае, если возводить его к -ēi; с -ēi согласуются также готские формы. Для u-основ данные старославянского (и литовского), а также западногерманских языков (древнеанглийского и древнесаксонского) указывают на -ū, которое, по-видимому, лежит и в основе гот -au, хотя последнее вместе с др.-сканд. -iu можно было бы возвести к -ēu.

Номинатив мн. ч. оканчивался: а) на -eu-es соотв. б) на -ew-es или с) на -ow-es. Из (а) после утраты интервокального у в латинском возникло -ēs, которое и в консонантных основах вытеснило унаследованное -ēs, а в греческом образовалось -ēs, которое в аттическо-ионийском писалось -εις; -eyes дало гот -ijis > -īs (писалось -eis), тогда как ст.-слав -īje из -iyes получило -i- по анало-

гии с другими падежами мн. ч. На (б) указывают греч. и гот. (-jus из -iwis, восходящего к -ewes). О (с) свидетельствуют старославянский и, видимо, один из диалектов литовского (2), а также древнеанглийский.

Аккузатив мн. ч. имел структурно ясные окончания -i-ps- u-ps.

Генитив мн. ч. оканчивался на -i-(y)om, -ōm, соотв. на -u-(w)om, -ōm; последнее преобразовывалось в -ew-om, -ōm или -ow-om, -ōm.

В остальных падежах множественного числа к основе на -i- соотв. на -u- присоединялись уже известные нам окончания.

На основании сказанного для индоевропейского можно построить следующие парадигмы

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Ном.	-is	-us	-eyes	-owes/-ewes
Вок.	-ei	-ou	»	»
Акк.	-im	-um	-ins	-uns
Ген	-eis/-ois	-ous/-eus	-iyom	-uwom
Дат.	-eyei	-owei/-ewei	-i-bh-	-u-bh-
Лок.	-ēi	-ōu/-ēu	-isu	-usu

(1). Курилович (см. Kuryłowicz¹⁷, с. 198 и сл.) считает, что -ei, -ou возобновлены из -i, -u. Ср. также Watkins⁸, с. 113 и сл.; Winter⁴, с. 210 и сл.

(2) Stang⁶, с. 216.

5.2. Второстепенный тип (1) отличается от главного тем, что гласные основы i соотв. u не чередуются по аблауту, а выступают перед окончанием в «неизменном» виде, естественно, переходя перед гласными в у соотв. w. Данный тип лучше всего сохранился в древнеиндийском, но его следы встречаются также в авестийском, греческом и даже в германских языках.

По этому типу в ведийском склоняются четыре i-основы (ari- 'чужак' (2), avi- 'овца', pati- 'супруг', sakhi- 'друг') и семь основ на -u (например, kratu- 'разум', madhu- 'мед', paṣu- 'скот' и т. д.):

	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	aris, kratus	aryas
Вок.	are (2)	
Акк.	arim, kratum	aryas, paśvas, авест. pasvō

Ген.	aryas, avyas, kratvas, pašvas авест. pasvām
Дат.	patyē, kratvē, pašvē
Лок	kratau
Инстр	patyā, kratvā, madhvā, pašvā kratubhis

Этот тип отчетливо представлен в греч. ὄ(F)ις 'овца', ген. ед. ч. οἴος, ген. мн. ч. οἴων, ном. мн. ч. οἴες из *owis, *owyos, *owyōm, *owyes. Сюда же относятся γόνυ, γουῖός, γούνα, γούνω; δόρυ, δούρός, δουρί, δοῦρα, δούρων у Гомера ('колени' и 'копье') из *gonu, *gonwos, *gonwa, *gonwōm и т. д. Лат. ovis, вероятно, склонялось аналогичным образом, например: генитив ед. ч. ovis из *owyos (как и alis—ном. ед. ч. из *alyos наряду с обычным alius); это, как можно полагать, способствовало распространению окончания генитива -is и на i-основы. В германских языках слова 'подбородок' и 'мужчина' своей формой обязаны этому типу склонения. Первое из этих слов встречается в готском как kinpus, причем -пп- возникало из -пw- в генитиве ед. ч. *kenwos, дативе ед. ч. *kenwei из и.-е. *genus, *genw-os (ср. γένος); второе также образовалось из *manus, *manwos; ср. гот. генитив ед. ч. manp, датив ед. ч. manp, номинатив мн. ч. manp.

(1) Wackernagel—Debrunner, III, с. 138.

(2) Thieme.

5.3. При реконструкции *предыстории* этих двух типов склонения вначале следует отметить, что в настоящее время под влиянием чередований ei/i, eu/u обычно считается, что суффикс имел форму -ei- -eu- соотв. -tei- -teu- и т. д. (1). Но ввиду того, что гласные i и u в настоящее время снова признаны полноправными членами системы индоевропейского вокализма, нет оснований предполагать, что основа при второстепенном типе склонения *owi-s/*owy-os когда-то имела вид *oweī-. Это слово, по всей вероятности, издавна имело облик owis. Точно так же и 'скот' звучало *reku(s), а не **rekeus. Следовало бы даже поставить вопрос, а не базируются ли и главные типы склонения -is/-eis, -us/-ous на -i- соотв. -u- как основных гласных, то есть не являются ли -ei- соотв. -ou- вторичными образованиями?

Здесь существенную роль играет наблюдение, которое состоит в том, что во второстепенном типе склонения в номинативе окончанию -is/-us всегда предшествует один

согласный, тогда как в главном типе ему предшествуют или предшествовали минимум два согласных (например, *ignis*, или, например, др.-инд. *mati-* 'мысль' из **m̥ti-*, восходящее к **men-ti-*), либо ему предшествует тяжелый слог с долгим гласным (например, *bhāghus* 'рука'). Это наблюдение наводит на мысль, что различие *-uos/-eis*, *-wos/-ous* связано с этим фактом.

Если довести эту мысль до логического конца, то получатся два первоначальных типа:

	I		II	
Ед. ч. Ном.	* <i>pot-i-s</i>	* <i>kret-u-s</i>	* <i>men-ti-s</i>	* <i>bhāgh-u-s</i>
Акк.	* <i>pot-i-m</i>	* <i>kret-u-m</i>	* <i>men-ti-m</i>	* <i>bhāgh-u-m</i>
Ген.	* <i>pot-i-os</i>	* <i>kret-u-os</i>	* <i>men-ti-os</i>	* <i>bhāgh-u-os</i>
Дат.	* <i>pot-i-ei</i>	* <i>kret-u-ei</i>	* <i>men-ti-ei</i>	* <i>bhāgh-u-ei</i>
Мн. ч. Ном.	* <i>pot-i-es</i>	* <i>kret-u-es</i>	* <i>men-ti-es</i>	* <i>bhāgh-u-es</i>
Акк.	* <i>pot-i-ns</i>	* <i>kret-u-ns</i>	* <i>men-ti-ns</i>	* <i>bhāgh-u-ns</i>
Ген.	* <i>pot-i-om</i>	* <i>kret-u-om</i>	* <i>men-ti-om</i>	* <i>bhāgh-u-om</i>

Из первого типа возникли (конечно, с переходом *-i-os* в *-uos* и т. д.) второстепенные типы раннего исторического периода. Слоγοобразование раннего индоевропейского праязыка не допускало, однако, соответствующего перехода у второго типа: **men-ti-os* не могло перейти в **mentuos*; возможным было только **mentiyos*. Соответственно **bhāgh-u-os* могло дать только *bhāghuwos*. Если в историческое время этим формам соответствуют **m̥tēis* и **bhāghous*, то приходится сделать вывод, что **mentīyos* переходило в **mentēyos*, а после того как начали действовать законы нулевой ступени, — в **m̥(e)n-tēy(o)s*, то есть **m̥tēis*, **bhāghuwos* переходило соответственно в **bhāghow(o)s*, то есть в **bhāghous*.

Благодаря такой гипотезе становится ясно, почему у *i*-основ появляется *-ei*, а у *u*-основ — *-oi* «Фонетически правильными» считались вначале ген. *-eis/-ous*, дат. *-eyei/-oweī*, ном. мн. ч. *-eyes/-owes*. Однако сосуществование структурно идентичных парадигм привело к выравниванию, так что возникли также *-eis/-eus* *-ous/-ois*, *-eyei/-eweī*, *-eyes/-ewes*.

В локативе ед. ч. *-ey-i* и *-ow-i* дали *-ēi* и *-ōi* (см. выше, VI.2.7.7), а позднее также *-ēi/-ēu*.

Окончание генитива в греческом (πῆχ)εος 'локтя' возникло из *-εος* по аналогии с *-ος*; (πῶλ)εος возникло из

(πῶλ)ρος, которое является результатом преобразования (πῶλ)εος по аналогии с локативом πῶλη-ι.

(1). Meillet₁, с. 253, 261, 273—274

Дополнение Греческий тип на -εός (например, βασιλεός 'король') является раннегреческой инновацией из индоевропейского материала, а не унаследованным от индоевропейского праязыка типом или заимствованием из средиземноморской области; см. Szemerényi₂₃, с. 159 и сл.; он же₂₈, с. 720 и сл., Szemerényi₃₂, с. 7—13

5.4. Особые обстоятельства привели к образованию специфической парадигмы у *reh-i- 'владение, вещь' и *nah-u- 'плавающее, корабль'. Они шли по второстепенному типу и таким образом сформировались:

	Ед. ч		Мн. ч.	
Ном.	*reh-i-s	*nah-u-s	*reh-y-es	*nah-w-es
Акк.	*reh-i-m	*nah-u-m	*reh-i-ns	*nah-u-ns
Ген.	*reh-y-os	*nah-w-os	*reh-y-om	*nah-w-om
Дат	*reh-y-ei	*nah-w-ei	*reh-i-bh(y)os	*nah-u-bh(y)os

В ведийском еще представлены парадигмы gayis/rāyas и paus/nāvas, которые закономерно образовались после выпадения h перед согласными с продлением предшествующего гласного. Второму имени существительному соответствует гомер. νῆϋς 'корабль', νῆ(F)ός, атт. ναῦς, νεώς, которое в латинском перешло в категорию форм с основами на -i (1). И.-е. *rehis/rehyos привело в латинском к rēs (2).

(1) Szemerényi₁₀, с. 185 и сл.

(2) Там же, с. 167 и сл.

5.5. Такие распространенные слова, как *dyeu- 'дневной свет, небо, небесное божество' и *gʷou- 'скот', представляют собой образования с дифтонгическими основами. Представление о сложном характере склонения таких слов дает простое сопоставление парадигм.

а)	Скр.	Греч.	Лат.
Ном	dyaus	Ζεός	diūs (1)
Вокат	(dyaus)	Zeū	Iū(piter)
Акк.	dyām	Zēn	diem
Ген.	divas	Δι(F)ός	Iovis
Дат.	divē	Δι(F)εί-φίλος	Iovī
Лок.	diví/dyávi	Δι(F)ί	Iove
Инстр	divā		Iove

В номинативе ед. ч. др.-инд. *dyaus* указывает на содержащее продленную ступень и.-е **dyēus*, тогда как вокатив имел полную ступень: **dyeu* дало *Zeū* и лат. *Iū*-(*dy* > *y*- и *eu* > *ou*); последнее всегда соединялось с *pater* (ср. *Zeū páter*), так что возникло *Iūpiter* (с экспрессивным продлением *Iuppiter*). Крайне своеобразен аккузатив: *dyām* = *Zḡv* = *diem* (из *diēm* с сокращением количества) возводятся к и.-е **dyēm*/**diyēm* (см V 7 2.2). Слабые падежи образованы от нулевой ступени существительного **dyeu*, то есть **diw*:- ген. **diw*-os, дат. **diw*-ei. В локативе встречаются как полная, так и нулевая ступень основы: скр. *dyav-i* и *div-i*. Полная ступень дала лат. *Iove* (из **dyewi*), *Iovī* (из **dyew*-ei), по образцу которых были образованы также *Iovis* и *Iovem*, тогда как аккузатив *diēm* дал частично номинатив *diēs* и *Diēs-piter*, частично косвенные падежи *diēi* *diē* и т. д. Вследствие этого первоначально единое слово распалось на две парадигмы.

Предположение о том, что номинатив ед. ч. имел продленную ступень и -s, то есть имел форму **dyēus*, тогда как аккузатив (первоначально **dyeu*m) получил продленную ступень по аналогии с номинативом и, получив форму **dyēum*, утратил второй элемент дифтонга, противоречит структурным принципам индоевропейского склонения (2). Первичным, напротив, следует считать **dyeus*/*dyeu*m (3). Аккузатив же затем, в результате поглощения *u* и компенсаторного продления, дал **dyēm*. По аналогии с этой формой в индоиранском долгота была перенесена и на форму номинатива.

(1): В выражении *tu-diūs tertius* 'сегодня третий день' = 'позавчера'.

(2): На это вновь указывают Lindemann, с. 133 и сл.; Leape, с. 200 и сл.

(3): Szemerényi, с. 186 и сл., Stang, с. 292 и сл.

	б)	Скр.	Греч.	Лат.	Умбр.
Ед. ч	Ном.	<i>gaus</i>	<i>βοῦς</i>	<i>bōs</i>	—
	Акк.	<i>gām</i>	<i>βῶν</i> (дорич.)	<i>bovem</i>	<i>bum</i>
	Ген.	<i>gōs</i>	<i>βο(F)ός</i>	<i>bovis</i>	—
	Дат.	<i>gávē</i>	—	<i>bovī</i>	—
	Лок.	<i>gávi</i>	<i>βο(F)ί</i>	<i>bove</i>	—
	Инстр.	<i>gávā</i>	—	<i>bove</i>	<i>bue</i>

		Скр.	Греч.	Лат.	Умбр.
Мн. ч.	Ном.	<i>gāvas</i>	<i>βó(F)ες</i>	<i>bovēs</i>	—
	Акк.	<i>gās</i>	<i>βῶς</i>	<i>bovēs</i>	<i>buf</i>
	Ген.	<i>gāvām</i>	<i>βοῶν</i>	<i>boum</i>	<i>buo</i>
	Лок.	<i>gōsu</i>	<i>βοοσί</i>	—	—

Соответствие между др.-инд. *gām* = *βῶν* = умбр. *bum*, *gās* = *βῶς* = *buf* (о начале слова см. IV.7.5.2) опять-таки указывает на **g^wōm* и **g^wō(n)s* как на форму аккузатива ед. ч. (соотв. мн. ч.), которые также возникли из **g^woum* и **g^woups*; см. выше, (3); аналогичным образом ном. **g^wous*, по крайней мере в индоиранском, дал **g^wōus*. Генитив имеет форму **g^wowos* там, где номинатив оставался в форме **g^wous*, и форму **g^wous* там, где (в индоиранском) номинатив выступает в форме **g^wōus*.

Таким образом, для указанных существительных можно реконструировать индоевропейские парадигмы:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Ном.	<i>*dyeus</i>	<i>*g^wous</i>	<i>*g^wōus</i>	<i>*g^wowes</i>
Вокат	<i>*dyeu</i>	<i>*g^wou</i>		»
Акк.	<i>*dyēm</i>	<i>*g^wom</i>	<i>*g^wōm</i>	<i>*g^wōs</i>
Ген.	<i>*diwós</i>	<i>*g^wowós</i>	<i>*g^wous</i>	<i>*g^wowom</i>
Лок.	<i>*dyéwi</i>	<i>*g^wowi</i>	<i>*g^wowi</i>	<i>*g^wousu</i>

Д. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

6. Так называют основы, в исходе которых выступает характерный для них гласный, чаще всего *o*, а в некоторых падежах *e*, и которые поэтому известны как *o*-основы или, точнее, *e/o*-основы. Для иллюстрации их реконструированного склонения приведем слова со значением 'волк', а для существительных среднего рода — со значением 'игро'. В основных чертах парадигма выглядит следующим образом:

	Скр.	Греч.	Лат.
Ед. ч			
Ном.	<i>vṛkas</i>	<i>λύκος</i>	<i>lupus</i>
Вокат	<i>vṛka</i>	<i>λύκε</i>	<i>lupe</i>
Акк.	<i>vṛkam</i>	<i>λύκον</i>	<i>lupum</i>
Ген.	<i>vṛkasya</i>	<i>λύκοιο</i>	<i>lupī</i>

Абл	vṛkāḍ	—	lupō(d)
Дат	vṛkāya	λύκωι	lupō(i)
Лок.	vṛkē	(οἴκοι)	domī
Инстр	vṛkā, -ēja	—	—
Двойств. ч			
Ном	vṛkā	λύκω	—
Ген — лок	vṛkayōs	λύκοιιν	
Дат — абл.	vṛkābhyām		
Мн. ч			
Ном	vṛkāś	λύκοι	lupī
Акк.	vṛkān(s)	λύκοις	lupōś
Ген.	vṛkānām	λύκων	lupōrum
Дат - абл.	vṛkēbhyas	—	—
Лок	vṛkēṣu	λύκοισι	lupīs
Инстр.	vṛkais	λύκοις	lupīs
Ед. ч			
Ном.	yugam	ζυγόν	iugum
Дв. ч.			
Ном.	yugē	ζυγώ	—
Мн. ч.			
Ном	yugā(ni)	ζυγά	iuga
Ед. ч.			
	Лит	Ст.-слав.	Гот.
Ном.	vilkas	vlīkū	wulfs
Вокат.	vilke	vlīče	wulf
Акк	vilka	vlīkū	wulf
Ген.	—	—	wulfis
Абл	vilko	vlīka	—
Дат	vilkuī	vlīku	—
Лок.	vilke	vlīcē	wulfa ²
Инстр.	vilku	vlīkomī	wulfa
Двойств. ч			
Ном	vilku	vlīka	—
Ген — лок		vlīku	
Дат — абл	vilkam	vlīkoma	
Мн. ч			
Ном	vilkaī	vlīci	wulfōś
Акк	vilkus	vlīky	wulfans

Ген.	vilku	vīkū	wulfē
Дат — абл.	vilkams	vīkomū	wulfam
Лок	vilkuose	vīcēxū	—
Инстр.	vilkais	vīky	—
Ед ч.			
Ном.	—	igo	juk
Дв. ч.			
Ном	—	i(d)zē	—
Мн. ч			
Ном	—	iga	juka

6.1. Эти основы относились к категории мужского или среднего рода Номинатив ед. ч. зафиксирован как -os, соотв -om, существительные женского рода на -os были, по-видимому, инновацией классических языков, а существительные среднего рода на -os(-us) — инновациями латинского (2). Рассмотрим сначала склонение мужского рода

6.2. Номинатив и аккузатив ед. ч. имеют повсюду окончания -os и -om в соответствии с их продолжением, например -us -um в классической латыни. Напротив, форма вокатива содержит характерный гласный e. В связи с этим в старославянском возникает различие между палатализованным vīče и формой номинатива vīkū.

Лишь в этом классе склонения существительных проведено формальное разграничение генитива и аблатива в единственном числе. Аблатив в раннелатинском имеет окончание -ōd (-d утрачивается около 200 г. до н. э.) и, таким образом, идентичен, видимо, др.-инд. -ād: балтославянский генитив на -o в литовском и на -a в праславянском указывает прежде всего на -ād, где -a остается неясным (3). Окончание -ōd представляет собой, во всяком случае, слияние тематического гласного o и окончания -ed, которое, как представляется, продолжает существовать в хеттском инструменталисе на -ed и совершенно определено в аблативе местоимений типа лат. mēd, др.-инд. mād и которое послужило источником для окончания существительных (4). Генитив обнаруживает весьма различные, на первый взгляд, формы

Так, др.-инд. -asya- и раннегреч. -οιο (вместо арм. -ου) восходят к -osyo. За готским окончанием -is стоит и.-е. -eso, в других германских диалектах — также -oso, которому в старославянском соответствует, как можно полагать, форма генитива местоимения česo 'чего (ср. р.?)' и, возможно, также др.-прусс. ген. deiwas 'бога' (-oso) (5). Латинский генитив на -ī долгое время ставили в соответствие кельт. -ī (огамическое maḡi 'сына', др.-ирл. maicc), однако фалиссские формы на -osio (Kaisiosio 'Caesii' и т. д.) доказывают, что и в латинском некогда имела место форма на -osyo (6). Др.-ирл. -ī также может восходить к -esyo. Хетт. -as, по первому впечатлению, казалось бы, указывает на то, что основы на -o первоначально имели одинаковое окончание с атематическими основами, а именно — -os (7). Однако генитив на -asī в иероглифическом хеттском и основа прилагательного (ср. лат. erilis) на -asī, лув. -assi- (8) скорее указывают на то, что унаследованное -osyo в результате апокопы конечного гласного дало -asī, к которому затем также присоединились окончания (прилаг. -asī-); хетт. -as является, по-видимому, результатом еще одной апокопы. Поскольку -osyo (-esyo) существовало, как можно судить, в большом числе языков, не исключено, что и общегерм. -esa возникло из -esyo в результате диссимиляции (9) и не является каким-то другим окончанием. Вопрос, следует ли окончание -osyo разлагать дальше, на -os-yo и считать -os консонантным окончанием, а -yo — (недифференцированным) относительным местоимением (10), остается пока дискуссионным. Вместе с тем нет никаких оснований для утверждения, что многообразие форм генитива, якобы, говорит о том, что индоевропейский праязык не имел генитива (11).

Датив ед. ч. совершенно определенно имел окончание -ōi, возникшее в результате стяжения -o + ei, тогда как в окончании локатива -ei или -oi слились тематический гласный e или o + i.

В инструментальсе ед. ч., как показывает лит. vilku, находим -b̃, которое зафиксировано также в основе др.-в.-н. wulfu; гот. wulfa, как и местоименная форма þatma 'этому', если судить по hvatme-h 'каждому', восходит, вероятно, к -b̃. В обоих случаях наблюдается продление тематического гласного e/o, то есть стяжение с окончанием e/o (или с ларингальным h?) (12).

6.3. У существительных среднего рода номинатив—аккузатив—вокатив, в противоположность другим классам склонения, представляли собой не чистую основу, а характеризовались еще и окончанием -оп.

6.4. В двойственном числе номинатив—аккузатив—вокатив м. р. имели совершенно определенное окончание -ō, характеризующееся, как и у -ī и u-основ (-ī -ū), продлением гласного основы. Так как консонантным основам была присуща флексия -е (например, *патѣр-е*), то можно предположить, что продленная ступень базировалась на стяжении с этим -е, другими словами, можно полагать, что -ō, -ī, -ū возникли из -о + е, -ī + е, -u + е (13).

В среднем роде в исходе было -oi, то есть -о + ī (14).

Генитив и локатив имеют одно и то же окончание и в древнеиндийском, и в старославянском, причем ст.-слав. (*vlīk*)и из -ous является более древним по сравнению с др.-инд. (*vr̥k*)ayos из -ouous; -au- восходит к формам числительного 'два' и местоимений. Лит. *pusiau* 'пополам' ('на две половины' от *pūsė* 'полсвина') и *dvieiau* 'вдвоем, в паре' указывают на форму локатива без -s; в авестийском, по-видимому, даже локатив *zastayō* (-ou) отграничен от генитива *vīrayā* (-ōs). Таким образом, можно предположить для локатива -ou, а для генитива -ōs (15)

В инструменталисе, дативе и аблативе используется форма, оканчивающаяся на -bhyō(m), соотв. -mō.

6.5. У существительных мужского рода форма номинатива мн. ч в индоиранском и в готском оканчивается на -ōs, с чем согласуется не приводившийся еще оскско-умбрский материал (например, оск. *Núvlanús* 'ноланец', умбр. *grīnūvatus* 'слуги'); сюда же принадлежит и древнеирландская форма вокатива на -u (например, *fīu* 'мужи!') из -ōs, продолжающая древний номинатив, тогда как для номинатива была создана новая форма на -oi (например, *fīr* из **wīroī* 'мужи'). Ту же самую инновацию можно наблюдать в целом ряде других языков, в том числе в греческом, латинском, балтийских и славянских языках, ср. греч. *λόχοι*, лат. *lupī*, ст.-слав. *vlīci* (с из k перед i из oi), лит. *vilkaī*. Данная инновация исходила из местоимений и развивалась через прилагательные. Интересно, что оскско-умбрские местоимения

под давлением существительных восприняли *-ōs*, например *оск. rūš* 'кто'. Именное окончание *-ōs* возникло, естественно, в результате стяжения тематического *o* и окончания *-es*.

Аккузатив имеет в готском и греческом окончание *-ons*; греч. *-ους* образовалось из засвидетельствованного *-ους*. Напротив, древнеиндийский, литовский (16) и, видимо, латинский указывают на *-ōns*. Первичной формой, вероятно, было *-o-ps*, однако из нее должно было бы возникнуть *-ōp* (VI.2.7 1). Таким образом, форму *-ōns* можно интерпретировать как фонетически закономерное *-ōp + s* консонантных основ (*-ps*); во многих языках *-ōns*, утрачивая долготу, вновь превращалось в *-ons* или упрощалось в *-ōs*.

Генитив мн. ч. оканчивался на *ōm*, которое еще сохранилось в греческом и в литовском; в виде *ōm* с утратой долготы оно представлено также в древнелатинском и в некоторых случаях даже в классической латыни (*deum* и т. д.). Однако по аналогии с формами основ на *-ā* это окончание обычно заменялось окончанием *-ōm*. В древнеиндийском в его начальный период еще засвидетельствовано *-ām* в *dēvāñ janma* 'род богов'; в остальных случаях его вытесняло *-ānām*, которое проникло из п-основ. Еще не решенную проблему представляет собой гот. *-ē* (17), которое, как можно полагать, возникло по аналогии.

В дативе—аблативе древнеиндийский использует *-bhuas*, которому в латинском соответствует *-bus* других типов склонения, то есть *bhuos* и *-bhos*. Этому суффиксу с *-bh-* (18) в германских и балто-славянских языках соответствует суффикс с *-m-*, вероятно, *-mos*, хотя в древнелитовском выступает *-mus*, из которого в результате синкопы возникло современное *-ms* (19).

Локатив перед суффиксом *-su* вместо тематического гласного *-o-* имеет дифтонг *-oi-* (воспринятый от местоимений); следовательно, окончание имело форму *-oisu*; из него развились др.-инд. *-ēsu*, слав. *-эхѣ* (перед ним *k* палатализуется в *s*, поэтому мы получаем форму *vlěcěhŭ*) и греч. *-οῖσι*, которое представлено еще в микенском (20). Лат. *(lup)is* ранее имело форму с *-ois*. Это окончание, по крайней мере частично, возникло из *-oisu* в результате апокопы. Лит. *-uose* также восходит к *-oisu* (19).

Инструменталис этого класса имел совершенно изо-

лированное окончание *-ōis*, которое прослеживается в древнеиндийском и литовском (19) и, безусловно, скрывается в ст.-слав *-ы(-у)*, теперь оно засвидетельствовано и в микенском Лат. *-īs*, видимо, отчасти связано с данной функцией.

6.6. У существительных среднего рода в древнеиндийском, старославянском и готском в номинативе — аккузативе — вокативе представлено окончание *-ā*, напротив, в греческом мы находим *-ā*; в латинском — *-ā*, восходящее, по-видимому, к *-ā*, см выше, 1 4 3. Действовавшее в аттическом, древнеиндийском и древнеиранском правило, состоящее в том, что при существительном среднего рода мн ч., если оно выступает в качестве субъекта, глагол стоит в единственном числе, связано с первоначальным собирательным значением этих форм (21)

6.7. Таким образом, можно реконструировать следующую парадигму.

	Ед. ч.	Мн. ч	Двойств. ч
Ном	-os, -om	-ōs, -ā	-ō, -oi
Вокат	-e, -om	-ōs, -ā	-ō, -oi
Акк	-om, -om	-ōns, -ā	-ō, -oi
Ген	-es(y)o/-os(y)o	-ōm	-ōs
Абл	-ōd	-bh(y)os, -mos	-bhyō(m), -mō
Дат.	-ōi	-bh(y)os, -mos	-bhyō(m), -mō
Лок	-ei/-oi	-oisu	-ou
Инстр	-ē/-ō	-ōis	-bhyō(m), -mō

(1) О чередовании *e/o* см Kuryłowicz₁₁, с 74 и сл; Schmitt—Brandt, с 128, Kuryłowicz₂₃, с. 271 и сл.; едва ли правильно о вокативе на *-e* Winter₄, с 219

(2) См в предварительном порядке Szemerényi₁₉, с. 319 и сл

(3) Szemerényi₁₉, с 101 и сл, Stang₅, с. 181 (маловероятно)

(4) Szemerényi₁₀, с 68, о стяжении *-o-ed* см. Kuryłowicz₈, с 154 и сл; он же₁₁, с 75 и сл.

(5) Szemerényi₁₃, с. 102 и сл, Stang₅, с 181

(6) Pisani₈, с 315—324, он же, с 82, однако нельзя вывести *lureuue из *lurouuo, мы должны исходить из *-io*-основ, которые претерпевали следующее развитие *-iosyo > -iouyo > -yu(y)o > -i*, как известно, *-io*-основы образуют генитив (вплоть до Лукреция) с *-i*, а не с *-if*, что затем было распространено также на *o*-основы (вместо *-ei*) Сравнение лат *-i* с древнеиндийскими адвербиальными образованиями на *-i* (это делает до сих пор Рундгрэн (см. Rundgren₁, с 51 и сл), а недавно и Джил (см Gil₂, с. 25 и сл))

является, как показал Блох (см Bloch, с 182 и сл.), невозможным. Утверждение, что -осуо, якобы, дало лат -orio (Bonfante, с. 8), давно опровергнуто формами eius cuius

(7): Borgström₁, с 121—128, Kuryłowicz₃, с. 146 и сл., 155, 260; Berg, с 224

(8) Mittelberger, с. 99—106, Georgiev₃, с. 157—165, Neumann, G, с 61—62

(9): Szemerényi₁₂, с 102.

(10). Watkins₄, с 16, 28, Poultney, с. 871—872, 877, 880

(11) Watkins₃, с 38

(12) Kuryłowicz₁₇, с 196.

(13): Specht₂, с 311, в поддержку ларингальной теории: Erhart₆, с. 11—32

(14) Szemerényi₁₂, с 220

(15). Benveniste₁, с 26, Antilia, с. 59—60, Risch₉, с. 56—58.

(16): Stang₅, с 186, по-иному Schmalstieg₈, с. 377 и сл.

(17): Последние работы Morgenroth, с. 328—336, Lehmann₉, с. 108—111, Kuryłowicz₂₂, с. 87⁸.

(18): Schmidt₅, с. 1—10.

(19): Stang₅, с 185

(20): Szemerényi₁₂, с 222 и сл., Lazzeroni₄, с. 173—197.

(21): Lehmann₂, с 179 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 205 и сл.

Е. ā- и i-ОСНОВЫ

7.1. Склонение ā-основ можно проиллюстрировать парадигмами следующих слов. др.-инд sēṇā 'войско', греч. θεά 'богиня', лат. dea 'богиня', ст.-слав. paga, лит. galvā 'голова', гот. giba 'дар'.

	Скр.	Греч.	Лат.
Ед. ч.			
Ном.	sēṇā	θεά	dea
Вокат.	sēṇē	θεά	dea
Акк.	sēṇām	θεάν	deam
Ген.	sēṇāyās	θεᾶς	deae
Дат.	sēṇāyai	θεᾷ	deae
Лок.	sēṇāyām		
Инстр.	sēṇ(ay)ā		(абл.) deā

Двойств. ч.

Ном	sēṇē	θεά
Ген — лок.	sēṇayōs	θεᾶiv
Дат. — абл	sēṇābhyām	θεᾶiv

Мн. ч.

Ном.	sēnās	ṭṣai	deae
Акк.	sēnās	ṭṣāç	deās
Ген.	sēnānām	ṭṣ(ā)wv	deārum
Дат.—абл	sēnābhyas	—	deis
Лок	sēnāsu	ṭṣaiç	(deābus)
Инстр.	sēnābhis	anijapi	

Ст.-слав.

Лит

Гот.

Ед. ч.

Ном.	noga	galvā	giba
Вокат	nogo	gálva	giba
Акк.	nogo	galvā	giba
Ген.	nogy	galvos	gibōs
Дат.	no(d)zē	galvai	gibai
Лок	no(d)zē	galvoje	
Инстр.	nogojō	galva	

Двойств. ч.

Ном.	no(d)zē	galvi	—
Ген.—лок	nogu	—	
Дат.—абл	nogama	galvom	

Мн. ч.

Ном.	nogy	galvos	gibōs
Акк.	nogy	galvas	gibōs
Ген	nogū	galvū	gibō
Дат.—абл	nogamū	galvoms	gibōm
Лок.	nogaxū	galvose	
Инстр	nogami	galvomis	

Номинатив ед. ч. представляет собой чистую основу на -ā, во многих языках краткое.

Аккузатив ед. ч. оканчивается на -ā-m. Вокатив первоначально отличался от номинатива; ср. гомер. νόμφᾱ, у Сафо: Διῶ Ἑλένᾱ, ст.-слав. nogo. Кроме того, можно указать еще умбр. Tursa в отличие от номинатива на -o, а также на иную интонацию в литовском. Все эти данные свидетельствуют о вокативе на -ā в отличие от номинатива на -ā. В эти рамки никак не укладывается индоиранский вокатив на -ai (др.-инд. -ē). Однако его ни в коем случае нельзя считать «чистой основой» на -ai, сопоставимой с греч. γύναι (1) Он, напротив, пред-

ставляет собой модификацию унаследованного -ā по аналогии с формами основ на -ī (например, *dēvi* 'о богиня''), которые вообще оказали сильное влияние на парадигму ā-основ в древнеиндийском. Инновация исходила от тематических прилагательных, у которых важно было различить формы мужского и женского рода, имевшие и вокативе -ā, древнее **ṛgiya* 'люблю' и новое **ṛgiyī* дали **ṛgiyai*, др.-инд. *ṛgiyē*. Первоначальное индоевропейское окончание -ā возникло по всем правилам в результате сокращения количества -a, поскольку в вокативе, стоящем в начальной или изолированной позиции, ударение падало на первый слог, а в остальных случаях вокатив уподоблялся энклитике и не нес ударения. Поэтому попытка вывести это окончание из -aḥ, основываясь на допущении предвокалического варианта сандхи на -a (2), не может объяснить количественной редукции.

Генитив на -ās возник в результате стяжения -ā + os, датив на -āi — из -ā + ei, локатив на -āi — из ā + i. Индоиранские формы на -āyās, -āyāi и -āyām возникли под влиянием ī-основ (3). Ст.-слав. родительный на -ы (-у) (=им.-вин. мн. ч.) восходит, по-видимому, к -aps, возникшему из -ās (4). Литовский локатив на -oje развился из -oj (и -e.-āi) в результате присоединения -e(n) (5).

Инструменталис первоначально имел окончание -ā (из ā + e). В древнеиндийском во избежание омонимии с номинативом он был преобразован по типу местоимений и ī-основ (6). В литовском представлено -āp, которое согласуется со слав. -р (в местоимениях — -ojr) (5).

В двойственном числе для -ē было реконструировано и -e. -ai. В микенском засвидетельствована форма -oi (7). Очевидно, эта же форма лежит в основе генитива и локатива *sēpaubōs* (и -e -ou-ous), тогда как ст.-слав. *погу* видоизменилось по образцу форм мужского рода.

Номинатив мн. ч. имеет -ās из -ā + es, тогда как аккузатив из -ā + ps должен был бы, собственно говоря, иметь форму -āp(s), однако он оканчивается на -ās или на -āps.

Генитив оканчивался первоначально на -ōm из -ā + om. Эта форма сохранилась в литовском и готском, а в старославянском претерпела редукцию в -om. Лат. -āgum и готск. -āgum (обе формы из -āgōm) являются местоименными окончаниями. Ведь в этих языках и номинатив мн. ч. видоизменился в -ai по образцу местоименного окончания мужского рода -oi. Др.-инд. -āpām здесь, как

и в мужском роде, заимствовано у форм с основами на -п

Датив—аблатив имеют уже знакомые нам окончания, а локатив—окончание -ā-su

Инструменталис мн ч представлен теперь микен -pī, которое, видимо, можно истолковать как -φίς и которое идентично др -инд. -bhis (8)

(1) Ahrens, с. 86 и сл., недавно вновь Georgiev₃, с. 81, 83; Watkins₆, с. 119, прим. 37

(2) Lehmann₂, с. 191 (при явном противоречии между текстом и прим. 21), Winter₄, с. 218 и сл.

(3) Wackernagel—Debrunner, III, с. 119 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 219

(4) Schmalstieg₇, с. 44 и сл.; о номинативе—аккузативе мн. ч. см также Schmalstieg₆, с. 238 и сл.

(5) Stang₅, с. 199.

(6) Kuryłowicz₁₇, с. 219 и сл.

(7) Szemerényi₂₂, с. 217 и сл.

(8) О склонении в греческом см. Morpurgo—Davies₁, с. 12 и сл.

7.2. ā-основы в принципе женского рода Однако во многих языках среди них встречаются также слова мужского рода. Они имеют обычно такие же окончания. Однако в большинстве греческих диалектов слова мужского рода в номинативе и генитиве имели иные окончания: ном. -ās, ген -āo, причем, как мы теперь знаем, уже в микенский период

Szemerényi₂₃, с. 531, о гомеровском номинативе на -ta см. Hooker, с. 14 и сл., Gil₃, с. 372 и сл.

7.3. С классом основ на -ā тесно связан другой класс слов, также женского рода, который в ведийском был представлен еще двумя подклассами; примерами могут служить dēvi 'богиня' и vṛkīś 'волчица' (1).

	Ед. ч.			Двойств. ч.		Мн. ч.
Ном.	dēvi	vṛkīś	dēvi	vṛkyā	dēviś	vṛkyāś
Вокат.	dēvi	vṛkī	"	"	"	"
Акк.	dēvim	vṛkyām	"	"	"	"
Ген.	dēvyāś	vṛkyāś	dēvyōś	vṛkyōś	dēvinām	vṛkīnām
Дат.	dēvyāi	vṛkyē	dēvibhyām	vṛkībhyām	dēvibhyas	vṛkībhyas
Лок.	dēvyām	vṛkī	dēvyōś	vṛkyōś	dēviśu	vṛkīśu
Инстр.	dēvyā	vṛkyā	dēvibhyām	vṛkībhyām	dēvibhis	vṛkībhis

Тип vṛkī включает лишь слова с ударным ī и имеет консонантное склонение, причем перед окончанием, которое

начинается с согласного, появляется *i*, тогда как перед окончанием, начинающимся с гласного, *i* модифицируется в *iu*, что, однако, маскируется орфографией (*vṛkuāth* вместо *vṛkiūath* и т. д.) (2). Принадлежность этого склонения к индоевропейскому состоянию подтверждается одним только соответствием *vṛkīs* = др.-сканд *ylgr* (из общегерм **wulgiz*); многочисленные рефлексy этого склонения встречаются и в других и.-е. языках. (3) Индоевропейские флексии **wṛkʷis*, **wṛkʷiy-n*, **wṛkʷiy-os*, **wṛkʷ-iu-ei* и т. д. являются, следовательно, очень древними, хотя как таковые они сохранились только в ведийском и вскоре слились с классом *dēvī* (4).

Тип *dēvī*, напротив, сохранился во многих языках. Он хорошо представлен в готском, например: *mawī* 'девушка' (из **magw-i* — производная форма женского рода от *magus* 'мальчик'), акк *mauja*, ген. *maujōs*, дат. *maujaī* и т. д. (аналогично *giba*; см. 7.1); *frijondi* 'подруга' — производная форма женского рода [так наз. мовированное образование] от *frijond-s* 'друг', представляющая собой, собственно говоря, причастное образование (с и.-е. *-nt-* и *-nt-i*) от глагола *frijōn* 'любить'. Лит. *martī* 'невестка', акк. *marčią*, ген. *marčios* (из *-tī*, *-tyām*, *-tyās*) принадлежит к данному типу, как и причастия женского рода, например *duodanti* 'дающая', ген. *duodančios* и т. д. в праславянском то же самое, например: ст.-слав *nespōti* 'несущая', вин. *nespōtr* и т. д. Однако лучше всего этот тип представлен в греческом в основах с *alpha impurum*, например: *μοῦσα* 'муза' *μοῦσαν*, *μοῦσας*, *μοῦσῃ*, восходящие к **montuā*, *-tyām*, *-tyās*, *-tyāi*.

Тип *dēvī* является, в сущности, типом с *-ā*. Однако перед *ā* всегда выступает *y*, а в номинативе зафиксировано не *-uā*, а *-ī*, в греческом — соответственно *-yā*. В аккузативе ед. ч. в древнеиндийском представлено *-īm*, тогда как в большинстве других языков — *-uām*, за исключением греческого, где появляется *-yām*. Можно, по-видимому, с достаточной уверенностью считать (5), что аккузатив первоначально оканчивался на *-iup*, которое в греческом модифицировалось в *-ia* (а позднее — в *-iau*) и вызывало и в номинативе *-ia*, тогда как в других языках появлялось *-uā* или *-ī*. Древнее склонение, следовательно, выглядело так: ном. ед. ч. *-ī*, акк. *-iup*, ген. *-uās*, дат. *-uāi* и т. д. В типе *vṛkī* ему соответствовало склонение *-ī(s)*, *-iy-n*, *-iy-os*, *-iy-ei* и т. д.

Для объяснения типа *dēvi* часто высказывают предположение (6) о том, что суффиксальный пучок *-u-eH₂-* в косвенных падежах давал *-uā-*, тогда как в номинативе ед. ч. нулевая ступень, то есть *-i-H₂*, давала *-ī*. Однако нулевую ступень никак нельзя обосновать, так как у основ на *-ā* номинатив ед. ч. оканчивается на *-ā*, поэтому лучше было бы предположить, что первоначальная форма номинатива на *-iueh* подверглась стяжению в *-īh*. Хорошей параллелью к этому было бы окончание двойственного числа *-ī* из *-i-e* (см. выше, 6.4). Однако следует иметь в виду, что первоначальное склонение основ на *-ī* (см. выше, 5) с течением времени все больше испытывало влияние форм с основами на *-ā*. Поэтому целесообразнее предположить, что первоначальный тип имел *-i-h-* (7) и консонантное склонение: *-ih-s*, *-ih-ṣ*, *-ih-os*, *-ih-ei* и т. д.; таков тип **wjk^wis*. Позднее этот тип склонения под влиянием категории форм с основами на *-ā* принял вид *-ih*, *-ih-ṣ*, *-ih-ās*, *-ih-ai*, еще позднее, вероятно, уже после утраты общности, в северных языках — *-ī*, *-uām*, *-uās*, *-uāī* (8)

(1) Wackernagel—Debrunner, III, с 163 и сл.

(2): Там же, с. 170 и сл.

(3) Lohmann, с 63 и сл., 68, 79.

(4) Thumb—Hauschild, с. 62 и сл.

(5): Brugmann³, II 2, с 124.

(6) Martinet⁷, с. 87.

(7): Lehmann², с 184¹¹, 191. Однако едва ли можно согласиться с тем, что это образование имеет «собирательное» значение (там же, с. 188 и сл.), см. Kuryłowicz¹¹, с 132 (собирательные из абстрактных). О *-i-* см. там же, с. 129, Kuryłowicz¹³, с 31 и сл., Kuryłowicz¹⁷, с 199, 220 и сл.

(8) Szemerényi¹⁹, с. 305¹, 309² (там же, о якобы имевшем место *-d/-wā-*)

Ж. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

8.1. Главный признак прилагательного, отличающий его от имени существительного, — это *изменение по родам*. Большинство прилагательных способно указывать своими формами все три рода (1). Формы прилагательных с основами на *-o* в номинативе оканчиваются на *-os*, в среднем роде — на *-om*, прилагательные женского рода имеют чаще всего окончание *-ā*, но могут также, в особенности в древнеиндийском, оканчиваться на *-ī*, например:

и-е. *newos, *newom, *newā 'нов-'; др.-инд. *navas*, *navam*, *navā*; греч. νέ(F)ος, νέ(F)ον, νέ(F)α; лат. *novos*, *novom*, *nova*; ст.-слав. *novŭ*, *ново*, *нова*.

Все другие основы имеют особую форму для среднего рода, а формы женского рода либо идентичны с формами мужского рода, либо образуются с помощью -ī/-yā- (но не -ā-), например:

и-е. *swādus, *swādu, *swādw-ī 'сладк-'; в др.-инд. *svādus*, *svādu*, *svādvī*; греч. ἡδύς, ἡδύ, ὕδα (из -εFya, образованного из -dwī по образцу -ἡδέος и т. д.);

и-е. *bheront-ī 'несущая'; др.-инд. *bharant-ī*, греч. φέρουσα (из -ontja), гот. *bairandei* (перешло в категорию основ на -n).

У соответствующих латинских прилагательных форма на -ī, преобразованная в -is, в одних случаях стала единственной формой (*swādus и *swādwis продолжают свое существование в *suavis*), в других же, в результате синкопы, вторично совпала с формами мужского рода (*ferentis > ferens). Новый тезис (2), что -is — это, якобы, добавочный суффикс -i- и не восходит к -ī, присущему формам женского рода, а также что тип *ferens* никогда не имел *i*, опровергается, между прочим, формами *fertilis* (из *fertr-ī 'приносящая') и *peritis* 'внучка' (3).

(1): Brugmann₃, II, 2, с 105 и сл.

(2) Specht₁, с 201 и сл., Burrow₁, с 31; Benveniste₁₀₃, с 3, Kastner, с 16

(3) Szemerényi₃₅, с 987 и сл., Stang₂, с 142, Watkins₉, с 40

8.2. На своеобразное поведение некоторых прилагательных в составе сложных слов впервые обратил внимание голландский индолог В. Каланд. По «закону Каланда» прилагательные на -го- (-по- и т. д.) заменяют этот суффикс на -i-, если они выступают в качестве первого элемента сложного слова; ср. др.-инд. *dabhīti* 'приносящий вред, обманщик' из **dabhi-iti* 'с приносящей вред поступью' — *dabhra*; *ṣiti-pad* 'белоногий' из **ṣviti-pad* от *ṣvitra* 'светлый'; авест. *tiyga* 'острый': *tiži-aršti* (из **tigi*-) 'с острым копьём'; греч. *κιδριός* 'знаменитый': *κιδι-ἀνείρα* 'знаменитыми мужами обладающая' и т. д. Эта интересная в синхронном аспекте замена основывается на том (1), что к моменту образования данного типа словосложения первые элементы

существовали только в форме с -i-. Позднее они были расширены с помощью -го- (и др.), а в -i-го -i- исчезло в результате синкопы, вследствие чего друг другу оказались противопоставленными уже не -i-·-iго-, а -i-:-го-.

(1) Szemerényi₁₈, с. 395—398, ср. Kuryłowicz₁₇, с. 232; Chantraine₄, с. 21 и сл.

8.3. Если исходить из латинского или немецкого, то кажется естественным, что прилагательное имело две степени сравнения—*компаратив* и *суперлатив*. Однако в индоевропейских языках наблюдается несколько типов образования этих степеней, в связи с чем возникает вопрос о характере системы, в которую они входили. Вначале, однако, необходимо описать языковые факты.

8.4. *Сравнительная степень (компаратив)* с суффиксом -ues-/ -uos- представлена в индоиранском, латинском и кельтском; ср. др.-инд. sap-uas 'старше' = лат. senior = др.-ирл. síniú. Все они восходят к и.-е. *sen-yos-/ *sen-yōs- от seno- 'старый' в senex и т. д. (см. IV 4 2). Тот же суффикс скрыт в ст.-слав. (ср. р.) bol-je 'больше' из -uos; -ues- представлен в литовской форме сравнительной степени saldesnis 'слаще'—из -ues-nis (1), формы, расширенной прибавлением n, как и в германском компаративе, например гот. bat-iz-in- 'лучше'. Напротив, старый компаратив без носового распространителя употребляется как наречие в литовском (например, geriaūs 'лучше') и в этом же языке во флектированной форме как суперлатив, например geriaūs-ias 'лучший' (из *ger-ē-yōs). Без помощи родственных языков и -е. -uos- нельзя было бы распознать в греческих кратких формах βελτίω (аккузатив ед. ч. м. и ж. р. и номинатив—аккузатив мн. ч. ср. р.) и βελτίους (номинатив—аккузатив мн. ч. м. и ж. р.) из -uos-и и -uos-a, соотв. -uos-es (2).

Первоначально в склонении компаратива полностью использовалась способность суффикса -ues-/ -uos- к изменениям по аблауту. Не засвидетельствовано только -yēs-. Распределение на поздней стадии индоевропейского языка было примерно таким же, как у n-основ; см. Szemerényi₁₈, с. 27; Kuryłowicz₁₇, с. 229; он же₁₁, с. 70.

Ном. м-ж. р.	-uōs	ср р.	-uos	м.-ж. р.	-uos-es	-uos(a)h
Акк.	-uos-īp		-uos		-uos-īp	»
Ген			-yes-os			
Лок.			-yes-i			

На более ранней стадии даже нулевая ступень *-is-*, видимо, была возможной в слабых падежах (например, генитив ед. ч. *-is-os*, мн. ч. *-is-om*). Об употреблении ее в номинативе—аккузативе ед. ч. ср. р., во всяком случае, свидетельствует наречие на *-is* в латинском (*magis* в отличие от *maius* из **mag-uos*) и германских языках (гот. *mais* 'больше' из **ma-is*, *mins* 'меньше', которые восходят к **minn-is* и т. д.). *-is-* как слабая форма суффикса подтверждается, кроме того, герм. *-iz-in-*, праслав. *-iš-* (из *-is-y-*) и и.-е. суффиксом суперлатива *-is-to-* (см. 85); ср. *Kuryłowicz*₁₇, с. 228 и сл.

Полная флексия форм с *-uos-* засвидетельствована только в латинском и индоиранском. В кельтских языках флексии были утрачены, нефлектированный компаратив (и суперлатив) может употребляться поэтому только в предикативной функции, например: 'он старше'. В германских языках и в греческом представлено склонение форм с основами на *-п* (гот. *batizip* и греч. *βαλτιον-*). На основании этого был сделан вывод, что расширение *-is-on-* произошло еще в индоевропейском праязыке. Микенский показывает, что развитие в греческом было поздним и поэтому не может иметь ничего общего со сходной инновацией в германских языках. Последняя, возможно, повлияла на литовский; см. *Szemerényi*₂₇, с. 27 и сл.

Чередование *-uos* и *-iyos-*, которое наблюдается, в частности, в древнеиндийском и в греческом (др.-инд. *sap-uas-* 'старше', *svād-īyas-* 'слаще', греч. *μεϊζων* 'больше' из *-gy-*, но *ἡδίων* 'слаще'), обусловлено, очевидно, законом Зиверса (V.7.2.1; см. *Szemerényi*₂₇, с. 31). Инновациями, напротив, являются общегерманский тип на *-ōzap-*, например гот. *frōdōzap-* 'мудрее', образуемый только от а-основ (и.-е. *-o-*), и праслав. тип. на *-ěji*, например ст.-слав. *nověji* 'новее'. Их считали производными от наречий (гот. *-ō-*, праслав. *-ě-*) или подвергшимися их влиянию; см. *Kuryłowicz*₁₇, с. 233.

- (1): Stang₅, с 260, 267 и сл.
 (2) Szemerényi₂₇
 (3) Kuryłowicz₁₇, с. 227 и сл.
 (4) Kuryłowicz₁₁.

8.5. Суперлатив с суффиксом *-isto-* представлен в греческом (βέλτ-ιστος) и в индоиранском (náv-is̥tha- 'новейш-') и в германских языках (гот. bat-ista- 'лучш-'); *-isto-* состоит, по-видимому, из *-is-* — нулевой ступени суффикса компаратива, и суффикса *-to-*; см. 8.8.

8.6. Суффиксы *-yes-* и *-isto-* во всех языках, где они представлены, выполняют одну и ту же функцию, то есть образуют формы компаратива и суперлатива. Наряду с ними существует еще две группы образований, которые в ряде языков используются не только для выражения степеней сравнения, но и в других функциях, а в некоторых языках они встречаются только в других функциях.

В индоир. *-tara-* и *-tama-* конкурируют с *-yas-* и с *-is̥tha-*, например *tavas-tara-* 'сильнее', *puru-tama-* 'очень много'. В греческом им соответствуют *-τερος* и *-τατος*. Последняя форма преобразована явно из *-ταμος* под влиянием порядковых числительных, где *-ατος* распространилось, потеснив *-αμος* (1).

Перед этими суффиксами тематический гласный прилагательных от о-основ продлевается в ω, если может возникнуть последовательность из четырех кратких гласных; вместо *σοφο-τερος употребляется, следовательно, σοφώτερος 'более мудрый'. По мнению Ф. де Соссюра, причиной продления были требования ритма (2). В настоящее время ее усматривают во влиянии наречий на ω (3). Заслуживает внимания предложение Швицера (4): он считает, что ω возникло по аналогии с πρότερος 'первый, старший' и ἀνώτερος '(более) высокий'.

Лежащие в их основе суффиксы (и.-е. *-tero-* и *-timo-*) встречаются не только у прилагательных, но и у наречий; ср. *ud 'на', вед. ut-tara- 'верхний, более высокий, более поздний', ut-tama- 'самый верхний, высокий, поздний' и греч. ύστερος '(более) поздний', ύτατος 'самый поздний'; лат. ex-terus 'внешний', ex-timus 'последний'; in-terus 'внутренний', in-timus 'самый внутренний, глубочайший'. По приведенным примерам видно, что у большинства наречий представлена более древняя форма суффикса, а именно -его- соотв. -τιο- (5), например *uro — *ureго* —

*urto-/*urto- в др.-инд. ura—uraga—urata-, лат. s-ub—s-uperus—s-ummus, греч. ὑπό—ὑπερός—ὑπέρτος (из ὑπέρτος), *q̌dher—*q̌dhero—*q̌dhro- в др.-инд. adhah—adhara—adhama-, лат. inferus 'нижний, подземный'—infimus 'нижайший, самый нижний'. В общегерм. тоже встречаются оба эти способа образования, ср. гот. hindar 'за, сзади'—hindum-ists 'самый задний' из -ter-/-tro- и uf—ufar—auhuma из *uro—*ureg—*urto- (6). Широко распространенное мнение, что формы с -ша—это компаратив, ошибочно (5). В кельтских языках встречаются также частично -tamo, например в галльском Ver-tamo-cori—названии верхнеиталийского племени 'высшее войско' (vertamo- из *ureg-tro-), частично -amo-, например исп.-кельт. veramos 'верхний' (из *ureg-tro-); модификацией -tego- является, по-видимому, древнеирландский экватив; ср. déinithir 'так же быстро, как' (из *deinitri-?) (7).

Своеобразный вариант представлен в суперлативе италийских и кельтских языков. В этой функции использует'я не древнее -isto- (8) и не возможное -(t)amo-, а новообразование -samo-, соотв. -isamo-. Эта форма особенно отчетлива в кельтских языках; ср. галл. Oūxi-sām 'очень высоко' (Marti), Rīgīsam 'цесарейшему'. Ввиду того, что также встречающееся Oūxi-sām явно является укороченной формой Oūxi-sām, весьма вероятно, что формы типа др.-ирл. tressam 'сильнее всего', nessim 'ближе всего' возникли из *treg(si)-samo-, *nes(si)-samo-, другими словами, имели тот же самый суффикс, что и др.-ирл. sinem 'старее всего' или имеющее то же значение др.-кимр. hinham. Обе формы восходят к *seni-samo- (а не к *sen-samo-). В латинском обычен суффикс -issimus, но тип facillimus 'легчайший', pigerrimus 'леннейший' указывает вместе с кельтскими на *fakli-samos, *pigrisamos, так что -issimus по аналогии с -errimus и -illimus возникло из -isamos (9), а maximus возникло из *mag-is-amos в результате синкопы (10), как и proximus из *ōk-isamo-, *propisamo-, тогда как в oc-isimus представлен новый тип.

Поскольку -isamo- ограничен италийскими и кельтскими языками, тогда как -isto-, который используется на юго-востоке (индийские и греческий) и на северо-западе (германские языки), согласно принципам лингвогеографии, некогда был представлен и в промежуточных

между ними ареалах, то есть во всем индоевропейском языке, ясно, что *-isamo-* вытеснил более древний *-isto-*. Детали этого процесса остаются неясными. Не исключено, что по аналогии с чередованием *-tamo-/amo-* вначале к *-is-to-* был образован *-is-o-*, который затем по аналогии с *-amo-* развился в *-is-amō-*. Во всяком случае, прямого пути от *-isto-* к *-isamo-* нет

- (1) Kuryłowicz₁₇, с. 238.
- (2) Saussure₄, с. 465, ср. Schwyzger₂, I, с. 239, Szemerényi₁₉, с. 272 и сл.
- (3) Kuryłowicz₁₇, с. 234
- (4) Schwyzger₂, I, с. 535
- (5) Szemerényi₁₅, с. 3 и сл.
- (6) Szemerényi₁₅, с. 25
- (7) Meid₄, с. 223—242
- (8) Едва ли он представлен в лат. *iuxta*
- (9) Bartoněk, с. 9—10, резюме на франц. яз.
- (10) Skutsch, I, 49.

8.7. Из приведенных фактов следует, что в индоевропейском или в позднем индоевропейском языке, во всяком случае, имелась система степеней сравнения, в которой *-yes-* и *-isto-* использовались для образования форм компаратива соотв. суперлатива в обычном смысле. Наряду с ними существовала группа образований на *-(t)ego-* и *-(t)po-*, к которой относились главным образом наречия и в которой пока еще не обнаруживалось никаких признаков употребления степеней сравнения. Правда, формы с *-(t)po-* в значении элатива были, по-видимому, очень близки к суперлативу; ср. *summus* и *(vir) clarissimus* 'славнейший, яснейший'.

В отношении суффикса *-tero-* на основе таких пар, как *exterus—interus*, *dexter—sinister*, *δεξιτερός—ἀριστερός*, *ἡμέτερος—ὀπίτερος* и т. д., давно уже было высказано предположение, что он использовался для противопоставления контрастных понятий (1). Бенвенист, напротив, высказал мнение (2), что противопоставлялись не две формы на *-tero-*, а форма на *-tero-* и форма положительной степени; таким образом, контрастирующими парами были *δεξιός—ἀριστερός*, *σχαίος—δεξιτερός* или *ὄπις—ἡμέτερος*. Он считает, что в латинском существительное *mātertera* 'тетка со стороны матери', то есть 'почти мать', находилось в оппозиции не к *māter*, а к *amita*, как к 'истинной' тетке, от которой отграничивается «материнское». В такой же мере и индоиранские названия живот-

ных типа др.-инд. *aśva-tara-* 'мул' (нов.-перс. *astar*) или нов.-перс. *kabōtar* 'голубь' (из **karauta-tara-*) следует интерпретировать не в сравнительном плане как 'почти лошадь' и т. д., а как мул, 'из породы лошадей', отграничиваемый от осла и т. д. Суффиксу *-tero-* приписывается «дифференцирующее значение», «разделительная функция», он «квалифицирует главным образом понятия пространственного характера (положение в пространстве и во времени)» (см. Benveniste, с. 121).

Суффикс *-yes-* раньше рассматривался как отглагольное прилагательное, которое использовалось «для интенсификации понятия, выражаемого глаголом», однако, в отличие от *-tero-*, «без специального учета другого понятия» (1). По мнению Бенвениста, образования с *-yes-* обозначают отвлеченное качество «в его наиболее явном аспекте», они представляют собой прилагательные с «значением размера». **mag-po-* — это «положительно большой», а **mag-yes-* — «сравнительно большой» (см. Benveniste, с. 121—124).

Указанному семантическому различию сопутствует различие синтаксического характера (см. Benveniste, с. 140 и сл.), которое можно проиллюстрировать на примерах лат. *maior me* 'больше меня' и *maior quam ego* 'больше, чем я'. В случае *-yes-* употреблялась конструкция с падежом (эквативом): *lucе clarior* означает, собственно говоря, 'ясный, как день', *melle dulcius* — 'сладкий, как мед'; конструкция со служебным словом, употреблявшаяся первоначально в случае *-tero-*, имела разделительную функцию, она выражала выбор между двумя альтернативами: *plus mihi dedit quam tibi* 'он дал мне больше, чем тебе'. (3).

Эта красивая гипотеза подкупает тем, что она объединяет в единый узел три свойства — форму, функцию и конструкцию. Однако она не согласуется с языковыми фактами. Сочетания *melle dulcius*, *lūce clārius* обозначают не 'сладкий, как', 'ясный, как' (это тоже можно было выразить), а как раз 'слаще, чем', 'яснее, чем' (4). Употребление в случае *-tero-* конструкции со служебным словом введено только ради симметрии. В действительности же *-tero-* встречается и с генитивом (например. (ἵπποι)λευκότεροι χιόνος 'лошади белее снега', а -ίων — также с ἤ, например πλέονες σοοί ἤ πέρφανται 'больше невредимых, чем убитых' (5).

- (1) Ср. Schwyzger, II, с 183 и сл.
- (2) Benveniste, с 115 и сл, Witwer (с очень произвольной интерпретацией)
- (3) Интерпретацией латинских оборотов в свете этих теорий занимался Ghiselli, с. 23—67.
- (4) См. также Thesleff, с. 127 и сл
- (5) Berg, с 212 и сл, о степенях сравнения см также Skard, с. 72 и сл.

8.8. Не подлежит сомнению, что *-yes-* и *-tego-*, хотя в индоиранских языках и в греческом они выступают в одних и тех же конструкциях, некогда имели разное значение, поскольку они формально разграничены. Столь же очевидно, что использование *-tego-* для образования компаратива является инновацией в данных языках и что его не было в индоевропейском. Напротив, использование *-yes-* для образования компаратива, а *-isto-*—для образования суперлатива следует отнести к индоевропейскому праязыковому периоду.

На более древней ступени положение дел, очевидно, было несколько иным. В последнее время неоднократно высказывалось предположение о том, что *-yes-* первоначально было не формантом сравнительной степени прилагательного, а существительным со значением интенсивности; такое существительное в позиции предикатива рано подверглось адъективации и, будучи соотнесено с положительной степенью, приобрело элативное, а затем компаративное значение (1). При таком подходе появляется возможность для более тонкого объяснения суперлатива. Ведь если *-yes-* исконно было прилагательным, невозможно объяснить, каким образом *-isto-* приобрело свою форму и функцию. Гипотеза, согласно которой *-isto-* возникло из компаративного *-is-* и указательного местоимения *to-* (2), не согласуется с тем фактом, что в данном случае следовало бы ожидать других форм, а именно компаративного *-uōs* и демонстративного *so*, то есть *-uōsso(s)*. Напротив, при том предположении, что речь должна идти о наречии на *-is* (ср. *magis*) и суффиксе *-to-* порядковых числительных (3), совершенно необъясненным остается процесс образования. Вместе с тем, исходя из существительного на *-is* и обычного суффикса *-to-* (ср. лат. *cēnātus* 'пообедавший', *barbātus* 'бородатый'), мы получим образование (4),

которое полностью объясняет основное элативное значение суперлатива.

Рассматривая *-tero-*, прежде всего необходимо учитывать, что наряду с ним существует также *-его-*. *-t-* интерпретировали как соединительный согласный, который первоначально возникал только после сонантов (аналогично суффиксу *-t-* у корневых существительных, например, др.-инд. *kr-t-* 'делец'), а позднее стал использоваться в качестве эпентетического согласного для униктожения зияния. Допустимы были, следовательно, (др.-инд.) *pi-t-aga-* *vi-t-aga-*, от которых *-taga-* перешло также к *ka-taga-* (греч. *κότερος*) и т. д. (5) В то же время высказывалось предположение, что *-его-/tero-* восходит к существительным среднего рода на *-er-/ter-*, приобретшим тематический гласный (6). *próteros* возводилось к **pro-ter* 'передняя сторона', др.-инд. *antara-* 'внутреннее' — к **antar* 'внутренняя сторона', и.-е. **en-ter* (лат. *inter*) и даже др.-инд. *aśvatara-* 'мул' — к **aśvatar-* 'лошадеподобное существо'. Не вызывает сомнений, однако, что этот способ образования восходит к наречиям места и что **up-er* 'вверху', **en-er* 'внутри' и т. д. являются композитами, содержащими элемент **er-* 'земля' (греч. *ἔρα*, гот. *airpa* и т. д.); и *-e* **ant-* 'передняя сторона, лицо' (лат. *ante*) дало **ant-er-o-* (лат. *anterior*), откуда *-tero-* могло проникнуть в **pos-tero-* и т. д. (7).

Суффикс *-m-*, выступающий в формах *-mo-*, *-mo-*, *-tmo-* (лат. *summus* из *s-up-mo-s*; *infimus* из **ndh-mo-s* = др.-инд. *adhama-*; *postumus*), занимал прочное место в индоевропейской системе как партнер *-его-/tero-*, имеющий элативное значение. Нельзя сказать с уверенностью, можно ли считать его идентичным с одинаково звучащим суффиксом порядковых числительных (8) и в конечном счете восходящим к нему (9).

(1) Friš, с. 101—113, Erhart₁₂, с. 432; Berg, с. 225 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 227 и сл.

(2) Aitzetmüller₁, с. 132

(3) Schwyzer₂, I, с. 537

(4). Так же считает Фриш (см. Friš, с. 109), указывающий на лат. *iustus*, и (?) Kuryłowicz₁₇, с. 230. Ср. также Benveniste₄, с. 161 и сл. и Szemerényi₁₂, с. 91.

(5) Kuryłowicz₁₇, с. 235 и сл.

(6) Burrow₂, с. 147, 149

(7) Szemerényi₁₂, с. 483.

(8) Szemerényi₁₂, с. 86 и сл.

(9) Kuryłowicz₁₇, с. 236 и сл.

8.9. *Супплетивизм* Наблюдаемое у немецких и латинских прилагательных своеобразное явление, называемое супплетивизмом (которое состоит в том, что отдельные степени сравнения образуются от разных корней, например *gut—besser—best*, *bonus—melior—optimus* 'хороший—более хороший—самый хороший'), было, очевидно, еще шире представлено в индоевропейских языках ранней поры. Супплетивизм особенно характерен для оценочных понятий типа 'большой—маленький', 'хороший—плохой', 'много—мало' и т. п. Поэтому, несмотря на выравнивание, он может постоянно возобновляться, вследствие чего не представляется возможным реконструировать для этих понятий общиндоевропейские элементы. Ср., например, обозначения 'хороший' др.-инд. *vasu-*, греч. *ἀγαθός*, лат. *bonus*, герм. **gōðaz* и т. д. В данной ситуации интересно, что в качестве первых компонентов в композитах для индоевропейского удастся реконструировать **su-* 'хорош-' и **dus-* 'плох'-; ср. др.-инд. *su-/dus-*, греч. *εὖ-/δύς*-, др.-ирл. *su-/du-*, герм. *Su(gambri)/tuz-*, ст.-слав. *съ(дравъ)/дъждь* 'дождь' (из **dus-dyus* 'плохое небо').

(1) Osthoff, Jaberg₃, с. 27—38; Mańczak₃, с. 82—89, Mańczak₅, с. 8—13.

VIII. МОРФОЛОГИЯ II

Местоимения

1. Хотя склонение местоимений в принципе не отличается от склонения существительных и прилагательных, имеются тем не менее некоторые специфические черты, отграничивающие местоимения от существительных

а) Различные основы используются для форм, которые, согласно нашему восприятию, образуют единую, прочно организованную парадигму. Так, номинатив личного местоимения 'я' имеет форму *egō и т. п., тогда как аккузатив имеет форму *me; номинатив указательного местоимения для одушевленных существ имеет форму *so/*sā, тогда как все остальные падежи образуются от основы *to-.

б) Местоимения не всегда используют падежные окончания существительных. Иногда местоимения не имеют окончаний, иногда в категории местоимений встречаются окончания, не известные именному склонению. Кроме того, между основой и окончанием в местоимениях часто появляются определенные вставные звуки — ср., например, *me, *t(w)e 'меня, тебя', в отличие от *ekwo-m 'лошадь' и др.-инд. ta-sm-ai 'этому', но не *tāi или *tāya

в) К местоимениям часто присоединяются различные дейктические частицы, как, например, во французском: se—celui—celui-ci. Ср. также лат. ego-met '(именно) я', pōs-met '(именно) мы'.

г) Личные местоимения не знают родовых различий. Различие по роду проведено у указательных и вопросительных местоимений, хотя некоторые из них не разграничивают мужской и женский род

Местоимения, обнаруживающие родовые различия, очень близки по характеру склонения к существительным. В настоящей книге такие местоимения будут рассмотрены раньше, чем личные местоимения, не обладающие категорией рода.

А. Указательные местоимения

2. Указательные местоимения передают указание с позиции говорящего, причем может указываться различная степень дистантности, поэтому существует несколько видов указательных местоимений. Максимальной для индоевропейских языков является четырехчленная система. 1) дейксис первого лица (*здесь у меня, этот у меня*), 2) дейксис второго лица (*там у тебя*), 3) дейксис близкого предмета (*вот*), 4) дейксис удаленного предмета (*там*, в отличие от *здесь* и *вот*) (1). Чаще встречается трехчленная система, как в латинском с *hic* 'этот' — *iste* 'этот (вот)' — *ille* 'тот', к которым следует еще добавить нейтральное *is*. Важнейшие указательные местоимения, по крайней мере наиболее богато представленные, являются предшественниками *der* и *eg.* и.-е. **so/*sā/*tod* и **is/*ī/id*.

(1) Brugmann, Brugmann, II, 2, с. 302 и сл. В общем плане Lyons, с. 275 и сл., Harweg.

2.1. Засвидетельствованное указательное местоимение, как уже говорилось, использовало основы **so-* и **to-*. Для реконструкции парадигмы важнейшее значение имеют др.-инд. (а), ст.-слав. (б), лит. (в), гот. (г), греч. (дорийск.) (д).

	Ед. ч.			Мн. ч.			Двойств. ч.		
(а)	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Ном.	sa	tad	sā	tē	tā(ni)	tās	tā(u)	tē	tē
Акк.	tam	tad	tām	tān	tā(ni)	tās	tā(u)	tē	tē
Ген.	tasya	tasyās	tēṣām	tāsām	tāyōs				
Абл.	tāsmād	tasyās	tēbhyaḥ	tābhyaḥ	tābhyaḥ				
Дат.	tāsmāi	tasyai	tēbhyaḥ	tābhyaḥ	tābhyaḥ				
Лок.	tāsmīn	tasyām	tēṣu	tāsu	tāyōs				
Инстр.	tēna	tāyā	tēbhis(tais)	tābhis	tābhyaḥ				

	Ед. ч.			Мн. ч.			Двойств. ч.		
(б)	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Им.	tū	to	ta	ti	ta	ty	ta	tē	tē
Вин.	tū	to	to	ty	ta	ty	ta	tē	tē
Род.	toḡo	toḡe	tēxū				toju		
Дат.	tomu	toji	tēmū				tēma		
Местн.	tomī	toji	tēxū				toju		
Инстр.	tēmī	tojo	tēmi				tēma		

	Ед. ч.		Мн. ч.	
(в)	М р.	Ж. р.	М р.	Ж. р.
Ном.	tas	ta	tiē	tōs
Акк.	tā	tā	túos	tás
Ген.	to	tos	tū	tū
Дат.	tām	tai	tiems	tóms
Лок.	tamē	tojē	tuosē	tosē
Инстр.	tuomi	tā	taīš	tomis

	Ед. ч.			Мн. ч.		
г)	М р.	Ср. р.	Ж. р.	М р.	Ср. р.	Ж. р.
Ном.	sa	pata	so	pai	po	pos
Акк.	pana	pata	po	pans	po	pos
Ген.	pis	pizos	pizai	pize	pizo	pizo
Дат.	panma	pizai		paim		

	Ед. ч.			Мн. ч.			Дв. ч.
(д)	М р.	Ср. р.	Ж. р.	М р.	Ср. р.	Ж. р.	
Ном.	ó	τό	ή	τοί	τά	ταί	τώ
Акк.	τόν	τό	τήν	τούς	τά	τάς	τώ
Ген.	τοῦ	τῶς	ταῖς	των	ταῖς	ταῖς	τοῖν
Дат.	τῷ	ταί	ταί	τοῖς	ταῖς	ταῖς	τοῖν

Без древнеиндийского трудно было бы представить себе общую картину. Др.-инд. *tasmai* как раз показывает, что в гот. *panma* -*mt-* представляет собой результат ассимиляции -*sm-*, что подтверждается умбр. *esmei* 'huic', *pusme* 'cui' и др.-прусс. *stesmu* 'ему (вог)'. Те же самые *tasya*, *tasyās* и т. д. указывают на -*sy-* в этих падежах, что подкрепляется гомер. *τοῖο*; лат. *eius*, *cuius* из **esyō(s)*, **k'esyō(s)* тоже подтверждают это. Различие между *tēsām* и *tāsām* и т. д. во множественном числе, хотя оно и стерто в старославянском и готском, может считаться первичным (**toisōm*, **tāsōm*) благодаря греч. *ταῖν*, ранее *ταῶν*, лат. *(is)tārum* из **tāsōm*. Вполне возможно, что греческое местоимение *τοῖος* спирается на унаследованный генитив мн. ч. *τοῖων* из **toisōm*, на которое указывают старославянский и германские языки (ср. гот. *blindaize*, *-aizo*—генитив мн. ч. прилагательного).

Не все падежи удастся реконструировать¹³ с достаточной уверенностью. Однако можно полагать, что приводимая ниже парадигма правильно отражает существенные черты на поздней стадии индоевропейского праязыка

Ном	Ед ч.			Мн ч.			Двойств ч		
	М р	Ср. р	Ж р	М р	Ср р	Ж р	М р	Ср р	Ж р.
Акк.	so	tod	sā	toi	tā	tās	tō	toi	toi
Ген	tosyo		tosyās	toisōm		tāsōm			
Абл	tosmōd		tosyās	toibh(y)os		tābh(y)os			
Дат	tosmei		tosyāi	»		»			
Лок	tosmī(n)			toisu		tāsu			

Супплетивность *so-/to-* вряд ли удастся свести с помощью какого-либо индоевропейского звукового закона (например, **to-tó > *ttó* и затем *tt > ss*) к одной основе (1); скорее данная двойственность восходит к первичному разграничению одушевленности и неодушевленности (ср венг. *ki* 'кто?', *mi* 'что?'). Напротив, форма среднего рода **tod* возводится к более древнему **tot*, то есть удвоенному вследствие эмфазы **to-i(o)*.

О генитиве **tosyo* см. ниже, § 2

Что касается форм с *-sm-*, то интересно отметить, что наряду с этими «местоименными» формами во многих языках встречаются формы без *-sm-* в субстантивном употреблении (2). Например, наряду с *tasmād* зафиксировано также *tād* и т. д. Поэтому вполне возможно, что *-sm* имело эмфатическую функцию, то есть являлось либо местоименной основой со значением 'тот же самый' (3), либо, что более вероятно, — словом, которое позднее стало числительным **sem-* 'один'. Первичные «окончания», следовательно, имели в дативе форму *-sm-ei* (ср умбр. *esmei*), а в аблативе — форму *-sm-ed*. Последние в дальнейшем под влиянием тематических основ были преобразованы в *-smōi*, *-smōd*, тогда как локатив сохранил *-sm-i(n)*. В формах женского рода (дат **tosyāi*, абл. **tosyās*) можно соответственно допустить женские «окончания» *-sm-yāi*, *-sm-yās*, то есть опрощение *-smu-* в *-sy-* (3), несмотря на закон Эджертонна.

Формы номинатива — аккузатива мн. ч. идентичны формам существительных. Отклоняется лишь *toi* с признаком мн ч *i*, которое, по-видимому, выступает также в косвенных падежах мужского рода (и среднего рода), хотя для **toisōm* предпочтение следовало бы отдать иной интерпретации, см ниже

Генитив мн ч женского рода **tāsōm*, подобно форме мужского рода **toisōm*, имеет, по-видимому, окончание *-sōm*, перед которым выступает основа женского рода. Вполне возможно, что **tāsōm* является новообразованием,

заменяющим неясное *tōm (из *tā-sm). Исходным пунктом можно было бы считать локатив мн. ч. *tāsu, воспринимавшийся как *tās-su и давший *tās-ōm, по аналогии с которым к номинативу мн. ч. м. р. tōi сформировался генитив tōi-sōm (4); см. также ниже, § 2.

(1) Heller₁, с. 7 и сл.

(2): Dal, с. 186—218

(3): Lane₁, с. 471

(4): Негтманн, с. 217—219. Напротив, Ларш (см. Lagosche, с. 41) пытается интерпретировать tāōm как форму, образованную от номинатива мн. ч. tās с помощью -ōm, что противоречит принципам образования падежных форм в индоевропейском языке.

2.2. Во многих языках засвидетельствовано также, хотя и не столь хорошо сохранившееся, анафорическое местоимение i-. Формы номинатива ед. ч. мужского и среднего рода *is, *id хорошо подтверждаются лат. is, id, гот. is it-a (ср. р. др.-инд. id-am). То же самое формы аккузатива *im (*id) устанавливаются благодаря др.-лат. im (также em), гот. in-a, др.-инд. im-am. Склонение по типу i-основ отчетливо прослеживается в номинативе—аккузативе мн. ч. мужского рода—см. гот. eis (из *ey-es, как gasteis из *ghostey-es), ins. Другая основа—*e—представлена в остальных падежах. Сопоставление лат. eius с др.-инд. asya (м. и ср. р.) указывает на генитив ед. ч. (м. и ср. р.) и.-е. *esyū; датив ед. ч. (м. и ср. р.), как показывают умбр. esmei и др.-инд. asmai, в индоевропейском имел форму *esmei (м. и ср. р.). Аналогичные формы с -sm- для аблатива и локатива ед. ч. (м. и ср. р.) также подтверждаются др.-инд. asmad и asmin. Для соответствующих форм женского рода установлен элемент -sy- (ср. *to-sm-ei : *to-sy-ai и т. д.) Благодаря «случайности», которая то и дело имеет место в индоевропейской области, для генитива мн. ч. (м. и ср. р.) др.-инд. ēṣām обнаруживается точное соответствие в оск. eisun-k, обе формы из и.-е. *eisōm (ср. *toisōm), с чем согласуются также гот. ize (из *isōm) с обычным преобразованием основы (ср. ize) и ст.-слав. iхŭ. Локатив и датив—аблатив мн. ч. можно также возвести к *ei-su (др.-инд. ēsu, ст.-слав. iхŭ) и *ei-bh(y)os (др.-инд. ēbhyaḥ, др.-лат. ibus).

Поскольку до сих пор речь шла только об основах на *i-, *e- и *ei-, латинист может с полным основанием задать вопрос, как вписывается в данную систему ла-

тинская основа ео-/еā-? Обычно на него отвечают, что эти основы образовались в результате «тематизации» *ei-/*i- (1). Но ни у какого другого местоимения не наблюдается подобной «тематизации», поэтому такое объяснение следует отвергнуть. Сопоставление с оскско-умбским показывает, что ео-/еā- первоначально имели место только в аккузативе ед. ч. мужского и женского рода и номинативе—аккузативе мн. ч. Готский, кроме того, показывает, что эта основа использовалась вначале только при образовании аккузатива ед. ч. женского рода и номинатива—аккузатива мн. ч. женского и среднего рода. По свидетельству индоиранского, первоначальной формой номинатива ед. ч. женского рода = номинативу—аккузативу мн. ч. среднего рода было *ī. К ней при- мыкали еще формы аккузатива ед. ч. ж. р. *īm/*iup и номинатива—аккузатива мн. ч. ж. р. *iyās и *iyā(n)s. Однако нам известно, что -ī в номинативе—аккузативе мн. ч. среднего рода основ на -i в классических языках и в германских языках обычно преобразовывалось в -i-ā (ср. др.-инд. trī: греч. τρία, лат. tria, гот. þrija). В соответствии с этим в латинском номинатив—аккузатив мн. ч. среднего рода должен был принять форму *ia. Формы с предвокалическим i- (*ia, *iās) по аналогии с начальным e- в eius и т. д. переходили в ea и т. д. А формы с *ea- дали в конечном счете толчок к образованию «тематических» форм типа eum, eōum и т. д. (2).

В соответствии со сказанным для анафорического местоимения можно построить следующую индоевропейскую парадигму склонения:

	Ед. ч.			Мн. ч.		
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Ном.	is	id	ī	eyes	ī	iyās
Акк.	im	id	iup	ins	ī	iyā(n)s
Ген.	esyō		esyās	eisōm		
Абл.	esmōd		esyās	eibh(y)os		
Дат.	esmei		esyāi	»		
Лок.	esmi(n)			eisū		

(1) Крахе₁, II, с. 45; см также Otrębski₂, с. 16 и сл., Molina Yébenes, с. 87 и сл.

(2) Пока см Thes Linguae Lat, относительно is

Б. Вопросительные и относительные местоимения

3.1. *Вопросительное местоимение*, которое выступало и как *неопределенное* и тогда было энклитическим (1), засвидетельствовано во всех индоевропейских языках. Основа *k^wi- склонялась так же, как и анафорическое *i-. Основа на -i отчетливее всего выступает в номинативе ед. ч. мужского, женского и среднего рода, например лат. quis 'кто', quid 'что', хетт. kwis, kwid, греч. τίς, τί; в аккузативе ед. ч. мужского и женского рода: лат. quem, хетт. kwīn, греч. τίν-α; сюда же относятся еще авест. čī 'чем' (инстр.) = лат. quī 'как' (н.-е. *k^wi); в номинативе мн. ч. мужского рода лат. quēs 'которое' (Racuvius) = авест. čayās (-čā) (н.-е. *k^weyes); в номинативе мн. ч. среднего рода авест. čī(-čā) = лат. quia, сохранившиеся только в качестве союзов, но в вопросительной функции—еще в quia-пат 'почему же?', и в дативе—аблативе quibus. Наряду с основами на -i встречаются также основы на -e/-o, в частности в определенных падежах, например в генитиве ед. ч. мужского и среднего рода. др.-инд. kasya = авест. kaḥyā и čaḥyā, гомер. τῷ, атт. τῷ, лат. cuius (ранее quouis), гот. hwis, др.-в.-н. hwes, ст.-слав. česo, то есть и -е. *k^wesyo (2); в дативе ед. ч. мужского и среднего рода др.-инд. kasmāi = авест. kaḥmāi и čaḥmāi, то есть и.-е. *k^wesmei (-mōi) и т. д. Эта основа *k^we- соотв. *k^wo- проникла и в другие падежи, которые имели основу *k^wi-; ср. др.-инд. kas 'кто', kam 'кого', но в ведийском было еще kis 'кто', pa-kis 'никто'; kad 'что'. Однако и.-е. *k^wid продолжает существовать в др.-инд. čid 'даже, во всяком случае'. С учетом всех источников можно построить следующую парадигму:

	Ед. ч.		Мн. ч.			
	М.р.	Ж.р.	Ср.р.	М.р.	Ж.р.	Ср.р.
Ном.	k ^w is		k ^w id	k ^w eyes		k ^w ī
Акк.	k ^w im		k ^w id	k ^w ins		k ^w ī
Ген.		k ^w esyo			k ^w eisōm	
Дат.		k ^w esmei			k ^w eibh(y)os	
Лок.		k ^w esmi			k ^w eisu	
Инстр.		k ^w ī				

(1) О том, произошло ли неопределенное местоимение из вопросительного или наоборот, а также о том, имеет ли данный вопрос

какой-либо смысл, см Szemerényi₁₁, с 99⁴, а также Nehring₈, с 204 и сл, Monteil, с 129, Hofmann—Szantyr, с 457. О неопределенных местоимениях см Danielsen, с 109 и сл.
(2) Szemerényi₁₁, с 197 и сл. Об основах см. Vaillant₁, с 103 и сл, Tedesco₁, с 133.

3.2. Интерес в этой парадигме представляет гласный *e* в основе формы генитива ед. ч. и т. д., который перекликается с анафорическим *is (ген. ед. ч. *esyo), но противоречит гласному *o* в *tosyo. Гласный *e* объясняет наблюдаемую в основных языках сатэм палатализацию *kʷ-* в *č-*. Наряду с этим существовали наречные формы с *ku-*, которые приобретали велярный. Вполне возможно, что по аналогии с *tosyo появлялось *kʷosyo. Оба факта объясняют, почему в авестийском наряду с ожидаемым *ča-/či-* представлено также *ka-*. Последнее даже вытеснило почти все следы палатализации в древнеиндийском. В старославянском пара *ko-/či-* использовалась для разграничения одушевленности/неодушевленности. *kū-to* 'кто', *čī-to* 'что'.

Еще больший интерес представляет, конечно, тот факт, что в парадигме склонения *kʷi- основ на *-i* в генитиве и в ряде других падежей выступает основа *kʷe-/kʷo-, которая используется также в дериватах типа *kʷoti 'сколько' (др.-инд. *kati*, лат. *quot*), *kʷoteros 'который из двух' (др.-инд. *kataras*, греч. *πότερος*). И для данного случая, конечно, можно было просто принять к сведению, что основа вопросительного местоимения (но какая?) могла давать различные распространенные формы, которые даже входили в одну парадигму. Но можно, как и в случае лат. *eo-/eā-*, задать вопрос, не являются ли *e-/o-* основы вторичными. Но чтобы ответить на него, необходимо прежде детальнее рассмотреть местоименный генитив на *-syo*.

Обычно высказывается предположение, что местоименный генитив на *-syo* возник в результате распространения более древнего генитива на *-es/-os*, иначе говоря, в *tosyo первоначально только *tos было генитивом. Элемент *-yo-* трактуют различным образом, отождествляя его с «посессивным суффиксом» *-yo-* (1) или с относительным местоимением *yo-* (2). Но как в таком случае оценить остающуюся часть *kʷes- *es-, которая сама по себе является генитивом? В правильной формулировке вопрос должен звучать так. каким образом *kʷes-

*es могут быть формами генитива *k^wis *is? Так как генитив ед. ч. этих i-основ имел форму *k^weis *eis, то с неизбежностью следует вывод, что распространенные формы *k^weis-yo *eis-yo претерпели диссимиляцию в *k^we-syo *esyо. Точно так же датив ед. ч. первоначально имел форму *k^weyei-sm-ei, которая вследствие гаплогогии дала *k^weismeī, а затем в результате диссимиляции — *k^wesmeī. Генитив мн. ч. *k^weisōm был образован с помощью -om из более древнего *k^weisyo, причем *k^weisōm было диссимилировано в *k^weisōm. Во множественном числе направление диссимиляции определялось, вероятно, номинативом мн. ч. *k^wey-es. Новое *k^weisōm обусловило, видимо, вариант -so в генитиве ед. ч. (ст.-слав. česo, гот. hwis из *hwesa) (3).

Возникшая в определенных падежах на основе чисто фонетических закономерностей новая основа *k^we-/ *k^wo-, *e-/ *o- проникла затем в те падежи, где исконным было i, например в аккузатив ед. ч. *k^wom наряду с *k^wim или вместо нее. Можно полагать, что образцом при этом послужило указательное местоимение to-, которое исконно было словом с основой на -o.

(1) Brugmann, II, 2, с 121, Knobloch, с. 123 (:s — это эргатив)

(2) со времен Шлейхера см Wackernagel—Debrunner, II, с 96, недавно Watkins, с 161, 28^a. Предположение о том, что генитив образовался в результате сложения двух местоименных основ (Sprecht, с 363 и сл), можно назвать только странным

(3) Brugmann, там же, с 161, 361.

3.3. Вопросительное местоимение, как уже отмечалось, во всех индоевропейских языках употреблялось и как неопределенное. В некоторых из них оно, кроме того, использовалось как *относительное* местоимение, при этом оно либо формально дифференцировалось (лат. quō- по сравнению с quis), либо нет (хетт.). К языкам, в которых *k^wi-/ *k^wo- выступают и как относительные местоимения, относятся анатолийские, тохарские, италийские, а позднее также кельтские и германские. В другой группе языков, куда входят индоиранские, греческий, фригийский и славянский, в качестве относительного местоимения используются *yos, *yā, *yod (1) др.-инд. yas, yā, yad; греч. ὅς, ἡ, ὅ; фриг. ἰός, слав. i-že. Данная ситуация создает много проблем.

Что касается происхождения этих относительных местоимений, то ясно, что *k^wi- тождественно с уже рассмотренным вопросительно-неопределенным местоимением. Но возникает вопрос, как на этой основе развилось относительное местоимение. Некоторые полагают, что оно возникло из неопределенного местоимения (2). Однако определенную роль здесь, вероятно, сыграло и вопросительное местоимение; ср. *rescipiam quis paucior, habeto первоначально 'приобретет кто-нибудь деньги, пусть тогда ими владеет' и tue wie er befiehlt из «wie befiehlt er? tue (so)» 'как он прикажет? сделай (так)' (3). Напротив, не вызывает сомнений происхождение *yos из указательного местоимения, а именно анафорического *i- (4); ср. происхождение нем. *der* 'который'.*

Вторая проблема касается пространства и времени: существовали ли оба относительных местоимения еще в индоевропейском праязыке? Если да, то каким было их распределение? Поскольку ни один индоевропейский язык не использует сразу оба местоимения как относительные, то первый вопрос может быть направлен только на выяснение того, во всех ли индоевропейских языках наряду с относительным местоимением сохранились следы употребления другого местоимения как относительного. Так, *yo- не представлено ни в хеттском, ни в тохарских языках. Однако хетт. *ya* 'и', тохар. *A yo* 'и' возводят к относительному местоимению *yo-* (5); но это отнюдь не является непреложной истиной, ибо вполне можно удовлетвориться указательным словом 'так, тогда'. Это справедливо и для гот. *jaþai* 'если' и т. п. Утверждение, что индоевропейский праязык использовал *yo- как относительное местоимение (6) или что *k^wi- служило обобщающим относительным местоимением, а *yo- — определенным (7), не имеют под собой почвы. Напротив, общиндоевропейское использование *k^wi- в качестве относительного местоимения доказывается тем, что *k^we 'и', которое образовано от этой основы и первоначально в качестве модального наречия имело значение 'как' (**prātēr*, **mātēr*k^we 'отец как мать'), является общиндоевропейским. Следовательно, употребление *k^wi- в качестве относительного местоимения — это не хеттская инновация (8), а архаическая черта указанных языков, тогда как в языках сатэм и в греческом относительное местоимение *yos представляет собой инновацию (9).

- (1): Gonda₃, с. 1—41; Benveniste_{14a}, с. 49, Seiler.
 (2): Hahn₂, с. 115, он же₃, с. 49⁸.
 (3): Hofmann—Szantyr, с. 555.
 (4): Brugmann₃, II, 2, с. 347; Вяч. Вс. Иванов₂, с. 41; Monteil, с. 12 и сл., Hahn₃, с. 49.
 (5): Вяч. Вс. Иванов, цит. раб.; Watkins₄, с. 16. Хетт. ya вполне обоснованно сравнивается с гот. ja-h в работах. Neumann E., с. 200; Rosenkranz, с. 172.
 (6): Brugmann₃, II, 2, с. 347; Hofmann—Szantyr, с. 555.
 (7): Sturtevant₁, с. 141—149, Hahn₂, с. 113 и сл., Monteil, с. 16.
 (8): Kammenhuber₂, с. 45, она же₃, с. 88.
 (9): Ср. Porzig₂, с. 173, 191, 198, Kammenhuber₂, с. 41.

В. Личные местоимения

4. В отличие от рассмотренных выше местоимений личные местоимения не знают родовых различий. Местоимение 3-го лица, «различающееся по родам», является, естественно, не личным, а анафорическим местоимением. Зафиксировано также возвратное местоимение, склонение которого идентично со склонением личного местоимения 2-го лица ед. ч. Кроме того, отмечается еще ряд притяжательных местоимений.

4.1. Вначале приведем склонение личных местоимений в наиболее важных языках: а) 'я', б) 'ты'; в скобках даны энклитические формы:

	а) Вед.	Ст.-слав.	Греч.
Ед. ч.			
Ном.	ahám	azŭ	ἐγώ
Акк.	mām(mā)	mene(mę)	ἐμέ(με)
Ген.	māma(mē)	mene	ἐμεῖο(μευ)
Абл.	mad	—	—
Дат.	māhya(m)(mē)	mŷnē(mi)	ἐμοί(μοι)
Лок.	māyī	mŷnē	—
Инстр.	māyā	mŷnojo	—
Мн. ч.			
Ном.	vayām	my(ny)	ἡμεῖς/ἄμμες
Акк.	asmān(nas)	nasŭ(ny)	ἡμέας/ἄμμε
Ген.	asmākam(nas)	nasŭ	ἡμῶν
Абл.	asmād	—	—
Дат.	asm-ē, -ābhya(m)	namŭ(ny)	ἡμῖν/ἄμμι(ν)
Лок.	asm-ē, -āsu	nasŭ	—
Инстр.	asmā-bhis	namī	—

6) Ед. ч

Ном	tvam	ty	σú
Акк.	tvām(tvā)	tebe(te)	σé(σε)
Ген	táva(tē)	tebe	σείτο(στυ)
Абл	tvad	—	—
Дат.	tubhya(m)(tē)	tebē(ti)	σεί(σσι)
Лок.	tvē, tvāyi	tebē	—
Инстр.	tvā, tvāyā	tobojo	—
Мн. ч.			
Ном.	yūyām	vy	ὕμετε/ὕμμετε
Акк.	yuṣmān, (vas)	vasū(vy)	ὕμμετε/ὕμμετε
Ген.	yuṣmākam(vas)	vasū	ὕμμεων
Абл	yuṣmād	—	—
Дат.	yuṣm-ē, -abhya(m)	vamū(vy)	ὕμιν/ὕμμι(v)
Лок.	yuṣm-ē, -āsu	vasū	—
Инстр.	yuṣmā-bhis	vami	—

	Др -лат.	Гот.	Хетт.
--	----------	------	-------

а) Ед. ч.

Ном.	ego	ik	ug
Акк.	mēd	mik	amug
Ген.	meī, mīs	meīna	amel
Абл	mēd	—	amedats
Дат	miht	mīs	amug
Лок	—	—	amug
Инстр	—	—	—
Мн. ч			
Ном.	nōs	weis	wēs
Акк.	nōs	uns(is)	antsas(nas)
Ген.	nostrī, -rum	unsara	antsel
Абл	nōbīs	—	antsedats
Дат.	nōbīs	uns(is)	antsas(nas)
Лок.	—	—	antsas
Инстр	—	—	—

б) Ед. ч.

Ном	tu	þu	tsig
Акк	tēd	þuk	tug
Ген	tui, tis	þeina	twel
Абл.	tēd	—	twedats
Дат.	tibi	þus	tug
Лок.	—	—	tug
Инстр.	—	—	—
Мн. ч			
Ном	vōs	jūs	sumes
Акк	vōs	izwis	sumas(-smas)
Ген.	vostri, -rum	izwara	sumel
Абл	vōbīs	—	sumedats
Дат.	vōbīs	izwis	sumas(-smas)
Лок.	—	—	sumas
Инстр.	—	—	—

4.2. На первый взгляд можно констатировать лишь большую пестроту. При более внимательном рассмотрении дистанция между отдельными языками сокращается и более отчетливо проступает структура парадигмы.

Номинатив ед. ч. для 1-го лица получаем *egō (классические языки) и *eg(h)om, во 2-м лице было *tū/*tu, в индоиранских языках с помощью частицы -am, которая, видимо, была заимствована у ah-am и представлена также в других лицах, было образовано tuv-am (tvam в ведийском часто двусложное), а позднее—односложное tvam. *Номинатив мн. ч.* образован от другой основы; для 1-го лица можно реконструировать форму wei, из которой в древнеиндийском с помощью -am было образовано vaуam; в готском и хеттском с формантом номинатива мн. ч. существительных возникла форма *wey-es, которая затем дала гот. weis (ср. *Freis*), др.-в.-н. wir, хетт. wēs (с выпадением у и стяжением); 2-е лицо *uīs представлено в гот. jūs, авест. uīš и uīž-am, а последнее показывает, что др.-инд. uīуam образовалось из *uīš-am по аналогии с vaу-am; о греческой, латинской и старославянской формах см. ниже.

Аккузатив. В единственном числе к этой форме, по-видимому, присоединяется окончание е: *(e)m-e, *tu-e = *twe, которое затем изменяется в *te (см. V.4.2); наряду с этим в индоиранских языках представлены также *mē *twē и с носовым—также *mēm *t(w)ēm в индоиранских и славянских. Поскольку частица, которая часто встречается в индоиранских языках (ah-am tuv-am), в славянских не известна, то, надо полагать, что в этих формах представлена не частица, а окончание m аккумулятива. Хетт. amug, tug; гот. mik, þuk (последнее—на месте *þik из *teg-; ср. др.-в.-н. dih) и венет. mego претерпели преобразования по аналогии с формой номинатива *egō. В результате преобразований по аналогии в хеттском возник даже номинатив *teg—аккузатив *tug, а затем, с последующей палатализацией, *teg развилась в tsg (1). Др.-лат. mēd tēd, естественно, не имеют ничего общего с формой аблатива; весьма охотно применявшееся для личных местоимений удвоение привело к *tē-tē, откуда в результате апокопы образовалось *tēt, а затем tēd и по аналогии с ним—также mēd.

Во множественном числе тесно связаны друг с другом др.-инд. asmān yusmān и греч. ἡμεᾱς/ἄμμε, ὑμεᾱς/ὑμμε.

Авест. аһта 'нас' показывает, что древнеиндийские формы возникли вторично из *аспа *ууспа в результате присоединения к ним окончания аккузатива ми ч., а эти последние идентичны с эол. ѡмѣ, ѡмѣ. Из того факта, что пас, вас в индоиранских языках являются энклитическими формами, которые, очевидно, лежат в основе лат. pōs, vōs, ст.-слав. pasŭ/пу, vasŭ/ву, хетт. pas и гот. ups (из *ps), напрашивается вывод о том, что индоиранские и греческие формы возникли из *psme, *usme (где ps, us представляют собой нулевые ступени *pos, *wos); хетт. sumes преобразовано из *usme(s) (2), др.-инд. уузм- имеет у- под влиянием номинатива, гот. izwis образовалось из *uswes.

Генитив. О *тепе для 1-го лица ед. ч. свидетельствуют ст.-слав. (и лит. tapęs), авест. (тапа), кимр (3); др.-инд. тапа — определенно результат ассимиляции, тогда как хетт *amel возникло, по-видимому, в результате диссимиляции *amen(e) Греч. ἐμεῖο образовалось из *emesyo, имеющего местоименное окончание. Лат. mei может быть аналогичной формой или же формой генитива притяжательного местоимения meus, как и tuī, nostrī, vestrī и nostrum, vestrum. Для 2-го лица ед. ч. в индоиранских языках, в старославянском (преобразованное по аналогии с формой датива), а также в кельтских засвидетельствовано *tewe или *tewo (3). Греч. σεῖο восходит к *twesyo. Наряду с этими ударными формами представлены также энклитические *mei/*moi, *t(w)ei/*t(w)oi, которые, кроме того, встречаются в дативе в индоиранских языках, в греческом (дат.), в старославянском (дат.), в древнелатинском (mis tīs, распространенные -s). Гот. meina, ŕeina трактуются обычно как притяжательные формы, но скорее являются скрещением *mei и *тепе. Во множественном числе др.-инд. asmākam, ушmākam представляют собой притяжательные формы среднего рода. То же самое относится и к латинским и к германским формам. Напротив, греч. -έων распространено по аналогии с существительными, а ст.-слав. pasŭ, vasŭ из *pōsom, *wōsom представляют собой формы генитива от *pōs, *wōs.

Аблатив. Для индоиранской формы на -ad теперь имеется точная параллель не только в лат. mēd, tēd, но также в хетт amed-, twed-, antsed-, sumed-, которые все подверглись распространению с помощью суб-

стантивного -ats (4). Формы множественного числа в латинском были заменены.

Датив. Простые формы единственного числа в древнеиндийском, греческом и старославянском описаны выше, при рассмотрении генитива; древнеиндийские формы мн. ч. asmē, yusmē, очевидно, относятся к тому же типу: *ṛsmei, *usmei. Образованим совсем иного рода являются др.-инд. mahya(m), tubhya(m), asmaḥbha(m), yuṣṭabha(m), в которых m по аналогии с -am было присоединено вторично; ср. авест. maibya, taibya, ahmaibya, yūšmaibya (xšmaibya). По образованию они, очевидно, идентичны ст.-слав. tebě(sebě) и лат. tibī (sibī), которые преобразованы по аналогии с формой датива существительных из -bhi, которое в древнеиндийском распространено -a (из -ā?) (5). Индоевропейские формы имели вид *mebhi, *tebhi. Лат. mihi и др.-инд. mahyam, в которых h, по-видимому, совпадает, представляют собой результат поздней диссимиляции и.-е. m-bh-; ст.-слав. mīnē заменило *mebē по аналогии с род. п. мепе. Лат. pōbīs, vōbīs (а также ст.-слав. pamī, vamī) являются поздними инновациями на базе «основ» pō-, vō-, которые извлекались из pōs, vōs. Гот. mis, þus приобрели свое -s, вероятно, по аналогии с uns, izwis.

Локатив др.-инд. tvāyī — результат повторного (проясняющего) присоединения показателя локатива -i к *twoi, которое представлено в tve; то же самое mayi. Во множественном числе можно было бы ожидать *asmi, *yuṣṭmi, которые представлены в āmyi, bmyi; др.-инд. asmē позволило избежать омонимии *asmi 'в нас' и asmi-p 'в этом' (-p вторично); asmē, yuṣṭmē восходят, по-видимому, к *asmaiyi, *yuṣṭmayi (6).

Инструменталис. Древний инструменталис представлен в др.-инд. tvā, которое восходит к tu + ā; тот же тип зафиксирован во множественном числе: asmā, yusmā подтверждают частично yusmā-datta-«данное вами» и т. д., частично иранскими формами. Инновации tvāya, māya возникли по аналогии с основами на -ā (7). Тот же процесс объясняет ст.-слав. mīpojo tobojo (8).

(1): Szemerényi₁₈, с. 160

(2) Schwyzer₂, I, с. 601; Benveniste₁₇, с. 76

(3) Thurneysen₃, с. 281

(4): Szemerényi₁₈, с. 59 и сл., 67.

(5): Insler₁, с. 232, прим. 15,

(6) Insler, там же, прим. 16

(7): Там же, с. 231.

(8): Vaillant, II, с. 449 и сл; Poultney, с. 877, 880

4.3. На основе проведенного выше анализа можно реконструировать существенные черты парадигм в следующем виде:

Ед. ч. Ном.	egō, eg(h)om	tū, tu
Акк.	(e)me, mē, mēm	twē/te, twē/tē, twēm/tēm
Ген.	mene, энкл. mei/moi	tewe/tewo, энкл. t(w)ei/ t(w)oi
Абл.	med	twed
Дат.	mei/moi, mebhi	t(w)ei/t(w)oi, tebhi
Мн. ч. Ном.	wei, ŋsmēs	yūs, usmēs (uswes?)
Акк.	nes/nos, nēs/nōs, ŋsme	wes/wos, wēs/wōs, usme, uswes
Ген.	nosom/nōsom	wosom/wōsom
Абл.	ŋsed/ŋsmed	(used?)/usmed
Дат.	ŋsmei	usmei

4.4. Интерпретацию этих парадигм (1) можно теперь несколько пополнить.

а) Соотношение между *egō/*eg(h)om и *em-/m в других падежах обычно рассматривается как проявление первичного архаизма; ср. Kuryłowicz¹⁷, с. 183. Но в таком случае трудно понять, почему не *eg- является личным окончанием глагола в 1-м лице ед. ч. Нельзя не сделать вывод, что -mī потому является личным окончанием, что в период образования личных окончаний не существовало еще *eg(h)ō, а было только m(2). Следовательно, значащим элементом в номинативе является не *eg(h), а -om; *eg(h) — это элемент, который в качестве префикса присоединялся к местоимению *em. Более древним, таким образом, является *eg(h)om, которое сохранилось в индоиранских языках и лежит в основе общегерманской формы. Представленная преимущественно в классических языках форма *egō вторична и является, по-видимому, инновацией по аналогии с глагольными -om/-ō(3).

б) В *аккузативе единственного числа* окончание -ē в *mē восходит, вероятно, к *em-é, *twé — к *tu-é (4). Формы *mē, *t(w)ē, которые можно отметить наряду с ними, видимо, представляют собой эмфатические формы с продолжением (5), а у форм *mēm, *t(w)ēm (см. 4.2) зафиксировано обычное окончание *аккузатива* -m. -e в качестве

окончания аккузатива не убедительно, тогда как **m-es*, **tw-es* были бы правильными образованиями. Поэтому следует предположить, что формы аккузатива, оканчивающиеся на *-es*, могли утрачивать носовой (6), вследствие чего гласный в исходе получал продление; скрепление **mē* и **tem* дало **mēm*. Аккузатив мн. ч. **ṛsme* таким же путем возник из **ṛsmēp*, а последнее — из **ṛsmens*; см. VI.2.7.1.

в) 1-е лицо мн. ч. участвует в супплетивных отношениях двоякого рода: ном. **wei* противостоит **ṛs* «косвенных падежей», в распространенной форме — **ṛsme*, и вместе они противопоставляются **eg(h)om*/**em*-. Для объяснения различия **eg(h)om*: **wei* приводят даже соображения рационалистического порядка: «*pōs* обозначает 'я и другие', а не множество 'я'» (7), «*мы* — это не 'я и я', а я и ты, а вы может означать ты и он» (8). В последнее время высказывалось, напротив, справедливое мнение, что местоименные формы множественного числа являются настоящими формами множественного числа, что 'мы' включает 'я' и связь 1-го лица ед. ч. и 1-го лица мн. ч. во многих языках имеет языковое выражение (9); ср. лит. *mes*, ст.-слав. *my*, арм. *mekh* и т. д.

Обычно считают, что лат. *pōs* в номинативе не является исконным и что в этой форме должно было бы быть **wei*. Но поскольку формы всех косвенных падежей образованы от основы **pos*, такой вывод явно ошибочен; **wei* представляет собой субститут, а не исконную форму. Вполне достаточно греческого для доказательства, что **ṛsmes* в номинативе также могло появляться на законных основаниях, очевидно, как эмфатический вариант **pōs*. Поскольку излюбленным средством эмфазы было удвоение, то, как представляется, **ṛsmēs* могло представлять собой просто *ṛsmēs* (10), другими словами, **mes-mēs* с редукцией безударной части в **ṛs*; по поводу **ṛs* из **ṛs* ср. окончание *-ṛs* в форме аккузатива мн. ч. Для 1-го лица мн. ч. форма номинатива **mes* подтверждается тем, что так же выглядит глагольное окончание; **mes* представляет собой образованную по всем правилам форму множественного числа *(*e*)*m-es* от **em*- 'я'.

Это дает ответ на долго и оживленно дискутировавшийся вопрос о том, какая интерпретация предпочтительней — **ṛs-me* или же **ṛs-sme*, и не являются ли родственными *-sm-* в **ṛs-sme* и *-sm-* в **tosmei* и т. д. (11)

Однако родство этих форм исключено вследствие того, что *-sm-* у указательных местоимений зафиксировано только в единственном числе, тогда как у личных местоимений — только во множественном числе, столь же необоснованным является и разложение **q-s-me* 'того плюс его плюс меня = нас' (12).

Влияние формы 1-го лица мн. ч. **ns-mes* на форму 2-го лица мн. ч. объясняет, почему в греческом мы обнаруживаем *ὑμεῖς*, а в древнеиндийском — *yusma-*; ведь следовало бы ожидать **uz-wes* из **wes-wés*, которое действительно представлено в гот. *izwis*.

Следовательно, формами номинатива 1-го и 2-го лица мн. ч. были первоначально **mes*, **wes*, соотв. **mos*, **wos*, к которым позднее добавились **ns-mes*, **us-wes* (соотв. **us-mes*); затем, по аналогии с **ns* **mos* заменилось **pos*. Из **pōs* возникла также форма двойств. ч. **pō* (др.-инд. *pā*, греч. *ῥῶ*) путем регрессивной деривации; ср тематическую форму мн. ч. *-ōs*: двойств. ч. *-ō*.

Вторичный и неместоименный характер **wei* обнаруживает себя в том, что его ядро **we* (*-i* представляет собой только признак множественного числа местоимений) используется также в других лицах. Так, в ведийском в двойственном числе представлено *vām* (из *vā-am*), *āvam* (13) 'мы оба', ст.-слав. *vě* 'мы оба', *va* 'вы оба'. Отсюда ясно, что **we-* в этих функциях является просто числительным со значением '2': **wei* образовано в качестве формы множественного числа с помощью *-i* от формы двойственного числа **we* 'мы оба' (14).

Более проблематичен характер номинатива **yus* местоимения 2-го лица мн. ч. Эту форму невозможно связать непосредственно с **wes-*, если рассматривать последнюю как упрощенную форму **ywes/yus* (15). Тем не менее сохраняет свою привлекательность идея, что *us* в **yus* является нулевой ступенью **wes*, а **y-* представляет собой предшествующий ей местоименный элемент *i* (16). В то же время, очевидно, ясно, что само **wes* есть результат упрощения **twes*, которое является закономерной формой мн. ч. от **tu* (ср. **mes* из **em-es*); это подтверждается глагольным окончанием *-tes*, которое является результатом упрощения комбинации согласных в **twes* (17).

г) *Датив* ед. ч. **mei*, **t(w)ei* — это совершенно отчетливо представленные основы **em-* соотв. **tu*, снабженные показателем датива *-ei*. Не вызывает сомнений, что

о-ступень появляется под влиянием предшествующего лабиального (см. выше, VI.3.46). «Полные» формы *tebhi*, *tebhi* следует анализировать так же, как **(e)m-ebhi*, **t(w)-ebhi*; они содержат постпозитивный элемент **ebhi* 'на — к', который (либо его другая тембровая ступень **obhi*) представлен в др.-инд. *abhi*, др.-перс. *abi* и ст.-слав. *obī* (18). Первоначальным — в предвосхищение развития в романских языках — было, следовательно, значение *ad me* 'ко мне', *ad te* 'к тебе', в отличие от чисто дативных **moi*, **t(w)oi*, которые, вследствие их меньшего объема, вскоре превратились в энклитики *-ebhi* в дативе, конечно, не имеет ничего общего с *-bhi* в инструменталисе.

Функция *локатива* у **mei*, **t(w)ei* восходит к тому периоду, когда дат. (-ei) и лок. (-i) не были еще разграничены. Напротив, *генитивное* использование **mei*, **t(w)ei* основывается на синтаксических возможностях симпатического датива, который представлен в греч. ὡ τέκνον μοι 'дитя мне', *gnāte mī* (где *mī* возникло из **moi*) (19).

д) *Генитив ed* ч. Падежное окончание *-os* дало формы **(e)m-ós*, **tw-ós*. Эти формы, переосмысленные как притяжательные и склоняемые по типу тематических основ, представлены в греч. ἐμός, ὄος 'мой, твой'. Генитив **mene*, бесспорно, является инновацией, восходящей к аблативу: **(e)m-enē* 'от меня' (как и лат. *supernē* 'сверху', гот. *utana* 'извне, снаружи'). В результате усечения аблатива возникло **menē* (20). Скрещение **menē* и энклитического **mei* дало **meinē* в гот. *meina* — Из генитива **tu-ós* образовалось не только **twós*, но и, подобно основам существительных на *-u*, также **towós*; из последней затем образовались посессивные формы: лат. *tuus* и с вторичным аблаутом — **tewos* в греч. τω(F)ός; затем путем «обратного образования» возникло **tewo* или **tewe* (21).

е) *Аблатив* характеризуется окончанием *-ed*, как вытекает из следующих форм: **twed* (надлежит анализировать как **tu-ed*); **ed* является послелогом, который продолжает свое существование в ст.-слав. *otŭ* 'от' (22).

(1). Из новых работ я хотел бы упомянуть следующие: Schwyzler, I, с. 559 и сл. (отличные обзор и библиография), Rosenfeld, I, с. 99 и сл., он же, с. 150—156 (особенно об общегерм.); Sze-merényi, с. 57—80, Liebert, с. 55 и сл. (слишком преувеличено употребление ларингальных). Haug, он же, с. 115—125; Мыркин, с. 78—86, он же, с. 71—75; Erhart, с. 11—33;

Cowgill₇, с. 169—170, Майтинская₁, с. 15—25, Майтинская₂, с. 31—40, Brandenstein₁, с. 17—19, Houwink Ten Cate, с. 123—132; Josephson, с. 133—154; Friedrich₃, с. 72—73 (все три работы—в основном о проблемах хетт),

(2) Так считают Мыркин₁, с. 79, и Савченко₂, с. 49;

(3) Schmidt Joh., с. 405 и сл. (с. 411; eghom—абстрактное существительное ср. pl), см также Майтинская₂, с. 33 и сл. О балт. еж см. Stang₅, с. 247.

(4) Едва ли допустимо возводить *twé к *t-wé (Cowgill), а не к *tu-e.

(5) Schwyzer₂, I, с. 599.

(6) По поводу этой гипотезы см. Meillet₁, 1937⁸, с. 173.

(7) Meillet₁, с. 333

(8) Hirt₃, III, с. 21; ср. также Prokosch 1939, с. 282: «Реальной формы множественного числа от 'я', конечно, не может быть—это не 'я плюс я'».

(9) Исаченко, с. 41.

(10) Мыркин₁, с. 80; ср. Prokosch, с. 282 и сл.

(11) Schwyzer₂, I, с. 601 (-sm=to-sm-), ср. возражения Лейн (см Lane₁, с. 471⁸, Erhart₃, с. 14); Э. Бенвенист (см. Benveniste₁₇, с. 76) считает -ш- признаком мн. ч., см. об этом Szemerényi₁₉, с. 70.

(12) Liebert, с. 101.

(13) Др.-инд. vām и ст.-слав. vě доказывают, что ā в др.-инд. āvat не восходит к *ṛH- (Erhart, Cowgill), а является присоединенной спереди частицей, поэтому и герм. un- нельзя возвести к *ṛHw-.

(14) Brugmann₃, II, с. 380, 455; ср. Liebert, с. 94 и сл.

(15) Vaillant₆, II, с. 543; это мнение ранее высказывал Х. Педерсен (см. Pedersen₅, с. 264 и сл., он же₈, с. 75 и сл.).

(16) Brugmann₃, II, 2, с. 380; *yu—это i+u 'он и вы', Liebert, с. 104: *yu=i+u 'я плюс ты' и *wi- 'мы'=u+i 'ты плюс я'.

(17) Brugmann₃, II, 2, с. 381 и сл.: *wes, следовательно, и *te-we- нельзя сопоставлять с авест. ava- и т. д.

(18) Brugmann₃, II, 2, с. 820 и сл.

(19) Schwyzer₂, II, с. 189, и (против прим 3) особенно Nаверс, с. 62 и сл.

(20) Во всяком случае, не не родственно pōs (см. Brugmann₃, II, 2, с. 382) и не возникло из *tete (Schwyzer₂, I, с. 601; как считает Коугилл, с. суффиксом -te из *te-me)

(21) Определенно не из *(t)we (см. Schwyzer, там же) и не из *te с суффиксом -we (Cowgill, там же) О генитиве см. еще также G Schmidt, с. 227—250

(22) Szemerényi, с. 59 и сл., 67 и сл.

4.5. От личных местоимений были образованы *при- тяжательные* местоимения (1). Наиболее древними формами были, по-видимому, *(e)mos, *twos, *ṛsmos, *usmos (-sm-), например в греч. ἐμός, σός, ἄμμος, ὄμμος; авест. ma- 'мой', θwa 'твой' (2), др.-инд. tva- 'твой'. Наряду с *twos имелось также *fewos/*towos (см. вы-

ше, 4.4.д), например греч. τε(F)ός. Энклитическое *mei/*moi лежит в основе лат. meus, ст.-слав. мой, а также гот. meina- и т. д. (см. выше, 4.4.д); в древнеиндийском же от форм аблатива mad tvad и т. д., представляющих собой основу личных местоимений, были образованы классические madiya-, tvadiya- и т. д., а от форм генитива личных местоимений еще в ведический период — притяжательные местоимения mama-, asma-, yusma-. Во многих языках во множественном числе встречаются также формы, образованные с помощью компаративного суффикса -(t)ero; ср. греч. ἡμέτερος, ὑμέτερος, др.-лат. poster, voster, гот. unsara-, izwara- 'наш, ваш'.

(1) Brugmann, II, 2, с. 403 и сл., Schwyzler, I, с. 608. О герм. притяжательных местоимениях см. еще Frings-E.—Linke, с. 91—117.

(2): Авест ahma- 'наш', приведенного Швидером (вслед за Бругманом?), не существует.

4.6. Наряду с личными местоимениями существует еще возвратное местоимение, представленное в лат. se/sui/sibi, греч. ἐ/οἰ/οἱ и т. д. Это местоимение не имеет номинатива. Из других падежей можно реконструировать, например, формы аккузатива *s(w)e и датива *s(w)oi и *sebhi, то есть формы, которые коррелируют с соответствующими формами личного местоимения 2-го лица ед. ч. Это не случайно, ибо указанные формы образованы от анафорического *se по образцу *t(w)e и т. д. (1).

Возвратное притяжательное местоимение, которое продолжало существовать в лат. suus и греч. ἐ(F)ός, ὅς (из *sewos, *swos), обладало той особенностью, что могло соотноситься со всеми лицами, как, например, в совр. русск. вместо 'я беру мою тетрадь', 'ты берешь твою тетрадь' говорят 'я беру свою тетрадь', 'ты берешь свою тетрадь' и т. д. Эта особенность обусловлена общественным строем большой семьи. не было, конечно, личной собственности на отторжимые предметы (в противоположность к неотторжимым частям тела, например ногам и т. д.), все принадлежало большой семье. Она называлась *swe/*swo- 'род' (от *sū- 'родиться'), а адъективированная форма *swo-s обозначала 'принадлежащий роду = собственный' (2).

(1) Benveniste₁₀, с. 36, Szemerényi₁₉, с. 314 и сл.

(2) Szemerényi₁₉, с. 334 и сл.

Числительное

5. Индоевропейское числительное представляло собой высокоразвитую систему количественных и порядковых числительных, в которой последовательно была проведена десятичная система, высказываемые нередко предположения о влиянии двенадцатиричной системы необходимо отвергнуть. Наряду с ними можно обнаружить лишь небольшое количество множительных числительных

Почти полная библиография дана в Szemerényi₁₆ (примерно до 1960 г) Упомянем, кроме того. Gonda₁, с. 135—145; Супрун, Risch₆, с. 129—141, Benveniste₁₇, с. 78—87; Kuryłowicz₁₇, с. 236 и сл., Watkins₈, с. 287—297, Hoffmann₁, с. 247—254, Erhart₈, Henning, с. 144

5.1. Наблюдаемое в самых различных языках соответствие — часто до мельчайших деталей — числительных от одного до десяти, числительных, обозначающих десятки и 'сто', стало уже прописной истиной. Из них числительные 'один' — 'четыре' и 'сто' могли склоняться, а остальные нет. Начнем с поддающихся реконструкции индоевропейских форм.

5.2. *oīnos '1' склоняется как тематическое прилагательное. др.-лат. oīnos, класс. лат. ūnus, гот. aīns, др.-ирл. oīn, др.-прусс. aīns, греч. οἰνῆ 'очко на кости'. 'Один' рассматривалось здесь как 'единственный, одинокий'; ср. греч. οἶ(F)ος 'единственный', точным соответствием которого является иран. aiva- 'один'. Другим вариантом является *oikos в др.-инд. ēka- 'один'. Напротив, обозначением для 'один' в значении совместности, единства служит *sem- греч. εἷς ἐν μίᾳ из *sem-s, *sem, *smiya; *sems образован вместо более древнего *sēm (см. выше, VI.2 7.1); сюда же относятся лат. sem-el, semper 'беспрерывно', simplex 'простой', гот. simlē 'когда-то, ранее'

*duwo/*dwō (м р.), *duwoi/*dwoi (ж. и ср р.) 'два, две' (1): др.-инд. d(u)vā, d(u)vē, греч. δύο, позднее только δύο; лат. duo, гот. twai; ст.-слав. dŭva, dŭvě; лит. du (м р.), dvi (ж р.) О чередовании duw-/dw- см. выше, V 7.2 2, вариант dw- закрепился в гот. twai, нем. zwei и т. д., а также в кажущемся странным арм. erku, в котором только ku (с k из dw) продолжает старое dwō (2). О склонении см. выше, VII.6 4

*treyes (м. р.), *t(r)isres (ж. р.), *trī (ср. р.) 'три' (3): др.-инд. trayas, tisras, trī; др.-ирл. tri, ж. р. teoir (4); в ряде языков представлены только две формы: в греческом: τρεῖς, τρία; в латинском: trēs, tria; в готском: þreis, þrija; в старославянском: trīje, ср. р. tri. Оно склонялось следующим образом: ном. *treyes, акк. *trins, ген. *triyom, лок. *trisu и т. д. (см. выше, VII.5.1), отсюда, например, лат. trēs, trīs, trium.

*k^wetwores (м. р.), *k^wetesres (ж. р.), *k^wetwōr (ср. р.) 'четыре': др.-инд. čatvāras, čatasras, čatvāri; др.-ирл. ceth(a)ir, ж. р. cethéoir (4); в остальных языках зафиксированы только две формы (греч. τέτταρες, -ρα; ст.-слав. četyre (м. р.), četyri (ср. и ж. р.)) или даже только одна: лат. quattuor, гот. fidwōr. Допускавшееся первоначально только в среднем роде -ō- (из -orh; см. выше, VII 3.2) (5) в некоторых языках было перенесено также и на формы мужского рода; ср. др.-инд. čatvāras, гот. fidwōr из *fedwōres (6) и, бесспорно, в праславянском, ибо его наличием там объясняется долгота у из ū вместо ū̃ (7). Это числительное имело следующую парадигму: ном. *k^wetwores, акк. *k^weturps, ген. *k^weturom, лок. *k^wetwrsu (8).

*penk^we 'пять': др.-инд. pañča, греч. πέντε/πέμπε (9), лат. quinque, гот. fimf, ст.-слав. pětī (10), лит. penkī.

*s(w)eks 'шесть': др.-инд. sas-, лат. sex, гот. saihs, ст.-слав. šestī (11), лит. šeši указывают на *seks. Греч. ἑξ (дельф. Fέξ), авест. xšvaš, галл. suexos, кимр. chwech свидетельствуют о *sweks. Др.-прусс. uschts 'шестой' и лит. užės 'шесть недель после рождения ребенка' (ср. также арм. vech) указывают на форму без s- и на то, что эта форма (то есть без s-) могла быть, по-видимому, первичной; в таком случае s- могло появиться по аналогии с '7' (12).

*septm 'семь'. др.-инд. sapta = греч. ἑπτά = лат. septem — это одна из самых красивых индоевропейских лексических параллелей; преобразования наблюдаются в гот. sibun, ст.-слав. sedmī (13).

*oktō 'восемь': греч. ὀκτώ, лат. octō, др.-инд. aṣṭa (см. выше, V.6.1), гот. ahtau, ст.-слав. osmī, лит. aštuoni (14).

*newr 'девять': др.-инд. náva, лат. novem, гот. niun, греч. ἐννέ(F)α, ст.-слав. devětī, лит. devyni (15).

*dekmt/*dekmp 'десять' (16): др.-инд. dáśa, греч. δέκα, лат. decem, рот. taihun, ст.-слав. desęti, лит. dešimt.

(1). Szemerényi₁₂, с. 220, см. также Benveniste₁₇, с. 86; Hiersche₂, с. 159 (неправильно); Erchart₅, с. 20, Schindler₂, с. 236, Olzscha, с. 146 и сл.

(2). Szemerényi₁₈, с. 96, он же₁₉, с. 295⁷.

(3). Benveniste₁₇, с. 86 и сл.; *ter- 'превышение'.

(4). Коугила (см. Cowgill₁, с. 341—345) показал, что, подобно индоиранским языкам, кельтские допускают только *tisres, *kwetesres (не -sor-), о происхождении элемента -sr- см. Szemerényi₁₉, с. 313¹, 335; он же₂₈, с. 206 и сл., особ. 220 и сл.

(5). Szemerényi₁₈, с. 15 (а также Meillet₁₀, с. 171), а о др.-инд. -i см. с. 133, прим. 64. Индоиранская форма *čatvā, которую можно было бы ожидать из и.-е. *k^wetwōr-, представлена, видимо, в catā (Morgenstierne₁, с. 203). Неправильно о *k^wetwōr- Schmitt—Brandt, с. 24, прим.

(6). Krahe₂, с. 36 и сл., однако -ō- не является индоевропейским по происхождению.

(7). Vaillant₅, II, с. 628, по-иному Schmalstieg₃, с. 59 и сл.

(8). Szemerényi₁₉, с. 288; он же₂₁, с. 34; о греч. τ-/κ- и общегерм. f- см. там же, с. 40. Относительно этимологии см. Erhart₅, с. 23 и сл.

(9). Szemerényi₂₁, с. 40 и сл. Относительно этимологии см. Polomé₈, с. 99—101.

(10). Szemerényi₁₈, с. 107 и сл.; вместо *penčē по аналогии с pentā, а не и.-е. *penk^wti- (в защиту этой точки зрения вновь выступил Гофман, см. Hofman₁₁, с. 253).

(11). О слав. формах от 6 до 10 см. Szemerényi₁₈, с. 109 и сл.
(12). Szemerényi₁₈, с. 78 и сл.; ср. также Nehring₂, с. 129 и сл.; Stang₅, с. 279. Домысел Эрхарта (см. Erhart₅, с. 26: H^we-ks=2×3) неприемлем.

(13). Szemerényi₁₈, с. 35, 109 и сл. О восточнослав. см. Liewehr, с. 726.

(14). О палатальном k см. Szemerényi₁₉, с. 399 и сл., относительно этимологии см. Erhart₅, с. 25, Olzscha, с. 152.

(15). О греческом см. Szemerényi₁₉, с. 107—118 (*enw^h не и.-е.!).

(16). Szemerényi₁₈, с. 68 и сл.; Olzscha, с. 146 и сл.

5.3. Для числительных, называющих десятки, для индоевропейского праязыка можно реконструировать композиты (так называемые dvigu), первым элементом которых является основа числительных, называющих единицы, а вторым — *(d)komt, которое является ступенью аблаута от *dekmt '10', причем долгота начала второго элемента вызвала продление исхода первого элемента (1). Индоевропейскими являются формы: *wikmt, *trikomt, *k^wetw^hkomt, *penk^wekomt, *(s(w)ekskomt, *sept^hkomt, *oktōkomt, *new^hkomt.

Развитие *ī, ū, ū* в *gā mā pā* дало в латинском характерный для всех десятков, за исключением 80, «соединительный гласный» *a* *quadrāgintā, septu(m)agintā, pōnāgintā* дали толчок к изменению **quinqūē-* и **sex-* в *quinqūāgintā sexāgintā*. Напротив, в греческом числительные от 60 и выше обобщили унаследованный «соединительный гласный» в *πεντήκοντα*; **τρῆκοντ-* по аналогии с **τετράκοντ-* стало *τρι-ᾱ-κοντ-*, а '40' позднее перешло в *τετταράκοντ-*. Окончание *-ᾱ*, соотв. *-α*, было введено в качестве опорного гласного, чтобы избежать редукции *-konṭ* в *-kon* (2). Древнее обозначение '20' **wikomṭ-* по аналогии с **dekṃt* вскоре приняло вид **wikṃt*. Значение дало толчок для формального сближения с формами двойственного числа **wikṃtī* дало зап.-греч., беот., фессал. *ῑκάτι* (с кратким *-i* по аналогии с *ῑόο*), в восточно-греческих диалектах — *ῑ(ῑ)κοσι*, *εἰκοσι* — путем уподобления *-κοντ-* и введения неясного протетического гласного; в латинском **vīcentī* перешло в *vīgintī* (3), вследствие ассимиляции среднего гласного в **vīcintī* и распространения *g*, возникшего из *k* после *ī ū ū*.

Здесь не имеет смысла описывать соответствующие формы во всех других языках, это сделано в моей книге «*Studies in the IE system of Numerals*», Heidelberg, 1960. Тем не менее развитие в *германских* языках представляет, по моему мнению, особый интерес и его стоит вкратце описать (4). Числительные 70—90, например гот. *sibuntēhund*, *ahtautēhund*, *niuntēhund*, а именно древние **septṃkomṭ*, **oktōkomṭ*, **newṃkomṭ*, из которых вначале возникли **seftunhand*, **ahtōhand*, **newunhand*, а им предшествовали в ряду числительных соответственно **fimfēhand* и **sehshand*, продолжают индоевропейскую систему. Первоначальное окончание *-hand* в числительных от 30 до 90 по аналогии с '20' и '100' изменилось в *-hund*. Среди этих числительных выделялось '60'. По аналогии с '50' оно было преобразовано в **sehshēhund* Давление числительных '50—60' привело к форме **seftunēhund*. Ввиду того, что у '50—60' (и '80') принцип построения был ясным (название единиц + *-(ē)hund*), а '7' уже имело форму **sefun*, то **seftunēhund* изменилось в **sefuntēhund*, **sebuntēhund*. Метатеза привела к форме, которая с синхронной точки зрения могла восприниматься только как *sieben + tēhund*, и, таким образом, к готскому ряду:

ahtau-tēhund — niun-tēhund — taihuntēhund

В западногерманском, напротив, древний ряд
*seftunhund — *ahtōhund — *ne(w)unhund
под влиянием '80' приобрел следующий вид:

*sebuntōhund — ahtōhund — niuntōhund,
откуда в древневерхненемецком в результате опущения
«избыточного» окончания образовались

sibunzo — ahtozo — niunzo,
а с IX в. под влиянием 20—60—
sibunzug — ahtozug — niunzug.

(1) Szemerényi₁₆, с. 5 и сл., 115 и сл., см также выше,
VI 2 8, дополнение 1

(2) Szemerényi₁₆, с. 133 и сл

(3) О *wi- см Szemerényi₁₆, с. 131, 134, Risch₆, с. 134;
Lejeune₄, с. 276, Erhart₅, с. 27 и сл

(4) Подробнее см Szemerényi₁₆, с. 27—44

5.4. Для 'сто' все индоевропейские языки дают форму
ср. р. *kmtóm. лат. centum, гот. hund, др.-ирл. cēt (то
есть k'ēd), греч. é-κατόν (вероятно, 'одно сто'), др.-инд.
śatam, авест. satəm, лит šimtas (1), ст.-слав. sūto, тохар.
kānt(e)

Что *kmtóm возникло из *dkmtom, то есть из
*dekmt '10', не подлежит никаким сомнениям. Вопрос
заключается лишь в том, каким именно образом. Все
десятки образованы по формуле «название единиц +
(d)komt». Естественнее всего было бы поэтому исходить
из *dekṛkómt, соотв. *(d)kṛkómt. Я склонен теперь
предположить (2), что эта форма перешла в *kṛkómt,
а затем, после утраты -t (ср. *dekṛ из *dekmt), — в *kṛkóm,
из которой в результате диссимиляции образовалось
*kmtóm (3). Последнее вскоре стало восприниматься как
о-основа среднего рода. Высказывается также предположение,
что *(d)kmtóm представляет собой порядковое
числительное к '10' и означает 'десятый' (4); при этом
упускается из виду, что 'десятое (десять)' мужчин остается
все же десятью и не означает '100'.

(1) В литовском ср. р. утрачен, а относившиеся к нему слова
перешли в категорию мужского рода

(2) В отличие от сказанного мною в 1960 г (см Szemerényi₁₆,
с. 140)

(3) Ср нем Kartoffel из итал tartuffolo и сходные случаи.

(4) Lohmann, с. 13, Risch₆, с. 135 и сл., 140 и сл., ср.
также Erhart₅, с. 23 и Olszcha, с. 149.

5.5. Для обозначения *сотен* не существует единой общиндоевропейской системы обозначения. Например, в древнеиндийском '300' может быть обозначено тремя различными способами (1): а) 'сто' как существительное, то есть *trī śatā(ni) (gavām)* 'три сотни (скота, ген.)'; б) из обоих числительных образуется бахуврихи со значением 'насчитывающий столько-то и столько-то сотен': *triśatās...śaṅkavas* '300 колесных спиц'; в) композитум приобретает собирательное значение и становится словом среднего рода на -а- или женского рода на -ī-, например: *triśatam raśūpām* 'триста (единиц) скота'. Первая возможность в классических языках неизвестна (например, лат. *tria *centa*) (2), в готском, напротив, она имеет место: *þrija hunda*. Из двух других возможностей (б) является правилом в латинском (*trecenti*), а с присоединением -io—также и в греческом (*τριακόσιοι*); надо сказать, что в древнелатинском использовалась также возможность (с): «*argenti sescentum et mille*» (Lucilius, 1053).

Для 'тысячи' тоже не существует общиндоевропейского обозначения. Заслуживает тем не менее внимания тот факт, что индоиранские языки и греческий, а, возможно, и латинский использовали одно обозначение: и.-е. **gheslo-* представлено в др.-инд. *sa-hasra-m* (где *sa-* из **sm̐-* 'один'; ср. греч. *εἰς*), др.-иран. *hazahra-* (нов.-перс. *hazār*); греч. *χίλιοι*, *χίλιοι* и лат. *mille* восходят, вероятно, (3) к **mī(hī)li* из **(s)mī *hēlī*, где **hēlī* (из **gheslī*) было абстрактным словом на *ī-* (см. выше, п. в.). Не менее интересно, что общее обозначение имеют германские и балтославянские языки: гот. *þūsundi* и ст.-слав. *tysești* (также *tysoști*) возводимы к **tūsqtš* (вероятно, причастное образование: 'изобилующий, большой?'), причем славянское слово, очевидно, заимствовано из германских языков; лит. *tūkstantis* восходит к **tūsant-* (4).

(1). Wackernagel—Debrunner, III, с. 390 и сл.

(2) См Szemerényi₁₉, с. 287.

(3) Szemerényi₁₇, с. 38 и сл., а также Напр, с. 274 и сл.

(4) Vaillant₆, II, с. 647 и сл., см., однако, Stang₆, с. 282

5.6. *Порядковые числительные* были сначала формами количественных числительных с тематическим -о-, причем предшествующий слог выступал в нулевой ступени (1): ср. др.-инд. *saptama-*—др.-лат. *septimus*; обе формы восходят к и.-е. *septm̐-o-s*, лат. *pōpus* из **povepos* и т. д.

Позднее этот принцип оказался затемненным вследствие того, что в случае *dekmt:*dekmt-o-s из-за утраты -t у '10' пара *dekmt:*dekmtos дала новый суффикс -to-, который все больше распространялся ввиду важности '10'. Вначале этот суффикс перешел на '5', затем — на '4' и '6', а с '4' — на '3', а также вверх, на '20' и т. д.

Древнее состояние можно представить в виде следующей таблицы (2).

Пра-и -е	И -е.	Поздне-и.-е и После-и.-е. периоды	
triy-o-	tri-yo-	tri-to-,	tri-tiyo-
k ^w tur-o-	k ^w tur-(i)yo-	k ^w etur-to-,	k ^w etw ^r -to-
p ^r ḱ ^w -o-	penk ^w -to-	penk ^w -to-	
(s)uks-o-		sweks-to-	
septm-o-		septm-o-	
oktuw-o-		oktuw-o-,	oktōw-o-
n ^w ḱ-o-		n ^w ḱ-o-	
dekmt-o-	dekmt-to-	dekmt-to-,	dekmt-o-
wikmt-o-	wikmt-to-	wikmtto-,	wikmtt-ṃo-
trikmt-o-	trikmt-to-	trikmtto-,	trikmtt-ṃo-

И.-е. *k^wtur-(i)yo-, с нулевой ступенью обоих гласных от *k^wetwor-, представлено в др.-инд. turiya-; *wikmtto-засвидетельствовано в беот. *ἑκατός* и в *εἰκοστός*, преобразованном по аналогии с порядковым числительным *εἰκοσι*, а образование с суффиксом -ṃo- — в лат. *vicenssimus*, др.-инд. *viṃśat-i-t-ama-*. В латинском древнее состояние долго сохранялось в числительных '7—9' и было даже расширено на '10'. Напротив, в греческом '10' рано стало оказывать давление на '9', вследствие чего вместо *(e)n^wḱos возникло *en^wḱtos, а из него *ενακτος и позднее, с синкопой, *ἐν(φ)ατος* (3). Еще дальше пошел этот процесс в германских языках, где и.-е. -tō- было распространено на '7—9', так что весь ряд '3—10' содержит этот суффикс (после глухих спирантов), соотв. с возникшим в нем *ō* (после п — смычный d). *ḥridja*, **fidurda*, *fimfta*, *saihsta*, **sibunda*, *ahtuda*, *niunda*, *taihunda*.

Совершенно изолированно во всех языках стоят 'первый' и первоначально также 'второй'. Для последнего использовалось вначале 'другой' (гот. *anþar*, лат. *alter*, замененное позже на *secundus* „следующий“), а для первого — прилагательное, которое имело, видимо, значение

‘передний’, ‘самый передний’ и в большинстве языков имело вид *r̥wo- соотв. *r̥mo- (от *pro ‘вперед’); ср. др.-инд. r̥va- ‘prior’ и r̥vya-, ст.-слав. r̥vŭ и, вероятно, греч. πρῶτος, др. πρῶτος из *gr̥wo-to-s, с одной стороны, и лит. r̥mas, др.-англ. forma из *furmo—с другой, тогда как гот. fruma преобразовано по аналогии с суперлативами на -uma; лат. pr̥mus возникло, как показывает пелигн. pr̥smu, из *pr̥samos, то есть из *pr̥isamos—формы суперлатива к prior; см. выше, VII. 8.6.

(1) Benveniste₄, с 144 и сл., Szemerényi₁₈, с 67 и сл., Kurylowicz₁₇, с 236 и сл.

(2) Szemerényi₁₈, с 92.

(3) Szemerényi₁₈, с 115 и сл.

5.7. *Количественные наречия* в ограниченном объеме были сформированы еще в индоевропейский период (1). К этому времени, несомненно, относятся *dwis и *tris, которые встречаются во многих языках. др.-инд. dvis, tris, авест. biš, θriš, греч. δις, τρις, лат. bis, ter ‘дважды, трижды’ (у Плавта еще ter), др.-исл. tvis-var ‘дважды’ и þris-var ‘трижды’, др.-в.-н. zwiro (-ror, -n) и driror. Сюда же принадлежит еще и.-е. *k^wetrus ‘четырежды’—принцип образования тот же, что и у *dwi-s, *tri-s. Оно возникло, следовательно, из *k^wetw̥-s. Оно представлено в авест. čaθruš, др.-инд. čatuh (из -ur-s), лат. quater (2). Для ‘единожды’ нельзя установить общиндоевропейского слова; по-видимому, оно постоянно обновлялось, ср. др.-инд. sakṛt, греч. ἅπαξ (оба образованы из *sm̥- ‘один’ и слова ‘удар’), лат. semel и т. д.

(1) Wackernagel—Debrunner, III, с 423 и сл.

(2) Когда древнее *quatus было синкопировано в quat̥s, а затем развилось в *quaters, тот же путь прошло *tris через *t̥rs в *ters.

IX. МОРФОЛОГИЯ III

Глагол

1. Системы глагола отдельных индоевропейских языков существенно отличаются друг от друга. Некоторые языки обладают крайне сложными системами, другие — совсем простыми. Это обстоятельство ставит компаративиста перед большими трудностями.

Рассмотрим некоторые системы. Например, в греческом языке система глагола выглядит следующим образом

Диатезы 3 (актив, медиум и (в аористе и футуруме) пассив).

Наклонения 4 (индикатив, конъюнктив, оптатив, императив)

Времена 7 (презенс, имперфект, футурум, аорист, перфект, плюсквамперфект, футурум перф). Временные формы имеют, кроме того, 3 числа, в единственном и множественном числе — по три лица, а в двойственном числе — только два. Помимо личных форм, то есть финитного глагола, существуют еще именные (инфинитные) формы, различные инфинитивы и причастия.

Весьма сходный вид имеет система глагола в древнеиндийском на его древнейшей ведической ступени

Диатезы 3 (актив, медиум, пассив)

Наклонения 4 или (с инъюнктивом) 5

Времена 7 (презенс, имперфект, аорист, перфект, плюсквамперфект, футурум, кондиционалис).

Напротив, в готском система глагола выглядит так:

Диатезы 2 (актив и пассив)

Наклонения 3 (индикатив, императив, конъюнктив).

Времена: 2 (презенс и перфект)

Сходная система обнаруживается в литовском:

Диатезы. 1

Наклонения 3 (индикатив, императив, оптатив).

Времена: 4 (презенс, претерит, футурум, имперфект).

В ранний период хеттский обнаруживает «минимальную» систему.

Диатезы: 2 (актив и медиопассив)

Наклонения: 2 (индикатив, императив).

Времена: 2 (презенс, претерит)

В еще большей степени, чем для существительного, для глагола возникает вопрос, что можно и нужно считать принадлежащим к индоевропейской системе. Вправе ли мы рассматривать «максимальную» систему индоиранского и греческого без каких-либо оговорок как индоевропейскую систему, из которой возникли все остальные в процессе постепенного обеднения? Или же максимальная система есть результат специфического развития в определенной части индоевропейской области, которого в других частях никогда не было? Можно ли в таком случае считать «минимальную» систему системой индоевропейского праязыка или позднеиндоевропейского?

Последняя точка зрения неприемлема. Это следует из большого числа наблюдений, позволивших, как и в системе существительного, обнаружить следы прежнего более богатого состава. Так, в индоиранских языках и греческом проводится различие между перфектом и аористом, чего нет в латинском, германских языках, кельтских и т. д. Во всяком случае, в этом вопросе данные юго-восточной группы языков следует признать доказательными, ибо в латинском перфекте объединены древний перфект и древний аорист, особенно отчетливо *s*-аорист, то же самое и в кельтских языках. В славянских языках еще встречается аорист, который в основном продолжает аорист древний.

В отличие от четырех наклонений, присущих греческому языку, в латинском представлены только три наклонения: индикатив, императив и конъюнктив. Свидетельствует ли этот факт о том, что оптатива в индоевропейском праязыке не было? Нет, ибо некоторые из важнейших глаголов еще требуют древнего оптатива. такими формами являются *sim* и *velim*. С такой же уверенностью можно сказать, что в индоевропейском был и конъюнктив. лат. *egō*, хотя и является формой будущего времени, однако некогда оно было формой конъюнктива, что с надежностью вытекает из параллелей с греческим и индо-

иранскими языками. Следовательно, хеттское состояние необходимо рассматривать как результат обеднения.

На основе сказанного в предварительном порядке примем для индоевропейского глагола следующие категории:

2 диатезы: актив и медиум;

4 наклонения: индикатив, конъюнктив, оптатив, императив;

3—6 временных форм: презенс, аорист, перфект; в дополнение к ним, возможно, еще футурум, имперфект, плюсквамперфект.

Среди временных форм презенс и аорист тесно взаимосвязаны, тогда как перфект стоит несколько особняком и занимает собственную позицию.

Для выражения этих разнообразных отношений используются различные средства. Различие между $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\iota$ 'он умывает' и $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota$ 'он моется', то есть различие в диатезах, выражается только личными окончаниями. В ряду $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\iota\varsigma$ — $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\iota$ — $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\iota\varsigma$ — $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon$ достаточно окончания последней формы, чтобы отграничить ее от остальных и охарактеризовать ее как императив. Напротив, остальные три формы имеют одно и то же окончание, они отличаются друг от друга элементом, который выступает между основой $\lambda\acute{o}\upsilon$ - и окончанием -ς и который характеризует их как индикатив, конъюнктив и оптатив. В случае $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\iota\varsigma$ — $\lambda\acute{o}\upsilon\epsilon\iota$ достаточно одного -σ-, чтобы маркировать различие между презенсом и футурумом как временными формами.

Обычно за временной основой (Ос) следует показатель наклонения (Н), а за ним личное окончание (Ок) с тематическим гласным (Тг) или без него. В зависимости от этого различают *тематическое* и *атематическое* спряжения. Это можно выразить с помощью формулы:

Тематическое	Атематическое
Ос + Н + Тг + Ок	Ос + Н + Ок

В индикативе обычно Н = нулю, вследствие чего формула сокращается до Ос + (Тг) + Ок.

Исходя из этой структуры, рассмотрим проблемы глагола в следующей последовательности:

А Личные окончания и тематический гласный, диатезы.

Б. Наклонения.

В. Временные основы

1. Основа презенса;

2. Основы аориста и футурума;

3. Основа перфекта;

4. Аугмент, полиморфизм, супплетивизм, система, аспект.

Г. Синтез: парадигмы (с примечаниями).

Д. Инфинитные (именные) формы.

Е. Предыстория.

Из работ по данному вопросу назовем. Brugmann₃, II, с. 3; Meillet₁, 1937⁸, с. 195 и сл., Hirt₂, 4, с. 83 и сл., Pedersen₄, с. 79 и сл.; Савченко₁, с. 111—120, Ambrosini₃, с. 33—97, Kurylowicz₁₇ (почти вся книга посвящена глаголу), Adrados₄ (ср Cardona₂, с. 105—114), Вяч. Вс. Иванов₄, с. 55 и сл. Вся индоевропейская область учитывается также в Schwyzler₂, I, с. 639 и сл. (о раннем греч. см. также Chantraine₂, с. 282 и сл.); Leumann₁, с. 301 и сл., интересны, кроме того, хотя, как правило, без ссылок на литературу, Vaillant₆, III (Le verbe), Stang₃, с. 308 и сл.

А. ЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ, ТЕМАТИЧЕСКИЙ ГЛАСНЫЙ, ДИАТЕЗЫ

2. В большинстве индоевропейских языков используются разные личные окончания в активе и в медиуме, а внутри этих диатез — для презенса и формы прошедшего времени; собственные окончания имеют перфект и императив. Окончания, естественно, дифференцированы по числам и лицам: правилом являются три формы для трех лиц в единственном числе (1—3) и три формы для трех лиц во множественном числе (4—6); однако в индоевропейском праязыке наряду с ними существовали еще три формы для трех лиц в двойственном числе (7—9). Всю совокупность форм можно сгруппировать следующим образом.

а) активные окончания презентно-аористной системы;

б) медиальные окончания презентно-аористной системы;

в) окончания перфекта;

г) анатолийская система;

д) окончания императива.

Окончания, используемые в презенсе и аористе, употребляются и в наклонениях в собственном смысле, то есть в конъюнктиве и оптативе; только императив имеет собственные окончания.

2.1. *Активные окончания в презентно-аористной системе.* Эти окончания в принципе засвидетельствованы для лиц 1—3 и 6 в дублетных формах один вариант оканчивается на *i*, это *первичные окончания* (ПО), а другой не имеет *i*, это *вторичные окончания* (ВО), например: *-mi/-m*, *-si/-s* и т. д. Как уже указывалось выше, первичные окончания употребляются в презенсе, а вторичные — в аористе, но не только; ВО используются также в опативе

Эти окончания могут присоединяться к основе либо непосредственно, либо с помощью тематического гласного (см выше), в соответствии с этим разграничивают *тематические* и *атематические* образования, например: **es-ti* 'есть (3 л. ед. ч.)', но **bher-e-ti* 'несет' В обоих случаях, за исключением 1-го лица ед. ч., используются одни и те же окончания.

2.1.1. Первичные окончания в важных для реконструкции языках выглядят следующим образом:

Вед.	Авест.	Хетт.	Греч	Др.-лат.	Гот.	Ст.-слав	Лит.
1 <i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	$\mu\iota$	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>mĭ</i>	<i>mi</i>
2. <i>si</i>	<i>si</i>	<i>si</i>	$\sigma\iota$	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>si</i>	<i>si</i>
3 <i>ti</i>	<i>ti</i>	<i>tši</i>	$\tau\iota$	<i>t</i>	<i>t/p</i>	<i>tĭ</i>	<i>ti</i>
4. <i>mas(i)</i>	<i>mahi</i>	<i>weni</i>	$\mu\epsilon\nu/\mu\epsilon\varsigma$	<i>mus</i>	<i>m</i>	<i>mŭ</i>	<i>me</i>
5 <i>tha(na)</i>	<i>θa</i>	<i>teni</i>	$\tau\epsilon$	<i>tis</i>	<i>þ</i>	<i>te</i>	<i>te</i>
6. <i>nti</i>	<i>nti</i>	<i>ntsi</i>	$\nu\tau\iota$	<i>nt</i>	<i>nd</i>	<i>ntĭ</i>	—
7. <i>vas</i>	<i>vahi</i>	—	—	—	($\bar{o}$) <i>s</i>	<i>vĕ</i>	<i>va</i>
8. <i>thas</i>	?	—	$\tau\omicron\nu$	—	<i>ts</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>
9. <i>tas</i>	<i>*tas</i>	—	$\tau\omicron\nu$	—	—	<i>te, ta</i>	—

Вторичные окончания выглядят следующим образом

1. <i>m</i>	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>v</i>	<i>m</i>	$\emptyset$	(<i>n</i>)	?
2 <i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	ς	<i>s</i>	<i>s</i>	$\emptyset$	?
3. <i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	$\emptyset$	<i>d</i>	$\emptyset$	$\emptyset$	$\emptyset$
4. <i>ma</i>	<i>ma</i>	<i>wen</i>	$\mu\epsilon\nu/\mu\epsilon\varsigma$	<i>mus</i>	<i>m(a)</i>	<i>mŭ</i>	<i>me</i>
5. <i>ta(na)</i>	<i>ta</i>	<i>ten</i>	$\tau\epsilon$	<i>tis</i>	<i>þ</i>	<i>te</i>	<i>te</i>
6. <i>n[t]</i>	<i>n, at</i>	<i>ir</i>	$\nu[\tau]$	<i>nt</i>	<i>n(a)</i>	<i>n</i>	—
7. <i>va</i>	<i>va</i>	—	—	—	<i>u, wa</i>	<i>vĕ</i>	<i>va</i>
8. <i>tam</i>	—	—	$\tau\omicron\nu$	—	<i>ts</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>
9. <i>tām</i>	<i>tām</i>	—	$\tau\tilde{\alpha}\nu$	—	—	<i>te, ta</i>	—

Исходя из совпадающих данных индоиранского, хеттского и греческого, в предварительном порядке можно заключить, что в индоевропейском праязыке использовались следующие окончания:

	ПО	ВО
1.	-mi	-m
2.	-si	-s
3	-ti	-t
6	-nti	-nt.

Хотя другие языки сами по себе не позволили бы нам прийти к таким результатам, тем не менее они подтверждают приведенные выше реконструированные окончания. Так, хотя в классической латыни для 3-го лица ед. ч. имело место только окончание *-t*, в древнелатинском, однако (в древних надписях и вплоть до появления литературных памятников), проявляется различие между *FECED*, *KAPIAD*, *SIED* (позднее *fēcīt*, *capīat*, *siet* = *sit*) и *IOVESAT* (= *iurat*), которое объясняется тем, что первичное *-t* в исходе слова вначале переходило в *-d*, тогда как *-ti* и после отпадения конечного *-i* выступало как *-t*; в начальный период появления памятников дублетность *-t/-d* была снята в пользу *-t*. Точно так же гот. *-r* (например: *baigr* 'он несет') предполагает в исходе слова гласный — с помощью более древних языков его можно определить как *i* — поскольку конечное *-t* утрачивалось; ср. *wili* 'он хочет' в отличие от *wileir* 'вы хотите' из **welīt* (= лат. *velit*; обе формы первоначально были оптативными) и **welite* (= лат. *velitis*). Иным образом подтверждают результаты реконструкции не приведенные выше индоиранские формы 3-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч. от *ber-* 'нести'. В этих языках они имеют форму *berid/b'er'id'* и *berait/b'erid'* в простой, так называемой абсолютной форме, но *as-beir/b'er'* 'говорит' ('высказывает': *eks-bher-*) и *as-berat/b'erad'* в составной, так называемой конъюнктивной форме (1). Палатализация конечного согласного в абсолютных формах и звук *i* в *berid* (из *e* — в результате повышения подъема) указывают на конечную группу *-ti*, то есть на **bhereti* и **bheronti*, тогда как *-beir* и *-berat* — на формы без *-i*, то есть на **bheret* и **bheront*.

Менее отчетлива предыстория остальных личных окончаний.

чаний. Для 1-го лица мн. ч. на ПО -mesī (или -mosi?) указывают иранский, отчасти древнеиндийский и древнеирландский (2). Напротив, на -mes указывает дорическая, на -mos — латинская формы; -mēs, которое зафиксировано в древневерхненемецком, не может восходить к и.-е. -mēs(i) (3). Вариант с носовым представлен в вост.-греч. -μεν, близко к которому хетт. -wepi (с первичным -i). ВО отличаются отчетливо от ПО только в индоиранских языках и хеттском. Можно, по-видимому, считать первичным окончанием -mes, которое в индоиранских языках и в древнеирландском было расширено в -mes-i. С последним в качестве ВО соотносилось -me(m) с вариантом -me или -mē; ср. VIII.4.4.6.

Аналогичную картину можно наблюдать также в 1-м лице двойственного числа, с тем лишь различием, что здесь ПО -wes/-wos подтверждается также гот. -ōs (из o-wos или -ōwos в результате стяжения), а ВО имеет форму -we/-wē.

Во 2-м лице мн. ч. первичным окончанием было, вероятно, -te(s), а вторичным окончанием — -te; индоир. -th- является инновацией (4), а гласный также был кратким (5). Для 2-го лица двойственного числа примечательно соответствие между индоиранскими и готским, ибо в гот. -ts два спиранта -fs определенно являются результатом диссимиляции (из -tes). Для 2-го и 3-го лица двойственного числа, однако, не удается реконструировать и.-е. форму, хотя вторичным окончанием 3-го лица двойственного числа было -tā(m) (6).

(1) Об этом см. Meid₁, по поводу данной проблемы решающие соображения высказывает Е. Курилович (см. Kuryłowicz₁₇, с. 132). Ср. также Rix₁, с. 265—275, Campanile₃, с. 41 и сл.; странную позицию занимает Уоткинс (см. Watkins₈, с. 1 и сл. (6 и.-е. -ti — это 'мраж!').

(2) Meid₁, с. 57 и сл.

(3) Běch₁, с. 195 и сл.

(4) Kuryłowicz₁₇, с. 152.

(5) Др.-ирл. beirthe нельзя возводить к *bheretēs (например, Meid₁, с. 58 и сл.), так как это было бы необычным и не подтверждалось бы др.-в.-н. -mēs, см. (3).

(6) Kuryłowicz₁₇, с. 153—156.

2.1.2. Только что рассмотренные окончания можно назвать *mi*-окончаниями, поскольку они особенно отчетливо выступают в атематическом (так называемом *mi*-) спряжении. Наряду с ним есть еще также так называемое

о-спряжение, или тематическое спряжение, которое, по крайней мере в 1-м лице ед. ч., отличается от *mi*-спряжения тем, что первичным окончанием в этом спряжении является *-ō*; ср. греч. *φέρω*, лат. *ferō*, гот. *baiga*, др.-ирл. (абс.) *bíru* и (конъюнк.) *-bíur* из **berū*; гата-авест. *spasyū* 'спесиō ('смотрю')' (в авестийском и древнеиндийском — *-āmi* — в результате контаминации с *mi*-), лит. *nešū* 'я несу'.

В остальных случаях тематическое спряжение имеет те же окончания, что и атематическое — со всей определенностью в системе ВО и, весьма вероятно, также в системе ПО, хотя относительно членов данной системы в последнее время высказывались новые соображения, которые опираются на небольшое количество языков и касаются главным образом 2-го лица ед. ч.

Во 2-м лице ед. ч. литовский имеет в тематическом спряжении окончание *-i* (например, *neši* 'несешь'), которое ввиду рефлексивной формы *-ies (i)* должно восходить к *-ei (si)*. Окончание *-ei* можно сравнить только с греч. *-αις*: первоначальное *-ei* было, по-видимому, расширено в *-ei-s* и по аналогии с ним образована новая форма 3-го лица ед. ч. на *-ei*. Далее, индоиранский (конъюнктив) *-biṣ* восходит, вероятно, к **bherei*, так что во всех трех языках должно было бы быть *-ei*, а не *-esi*. Наконец, в 3-м лице ед. ч. лит. *veda* 'он ведет', подобно др.-ирл. (конъюнк.) *-feid*, восходит, видимо, к и.-е. **wed-he-t*, что возможно и в случае греч. *-αι* (*-t* могло отпасть). Таким образом, для тематического спряжения в единственном числе получаем окончания: *-ō*, *-ei*, *-e-t*. Все они отличаются от атематических ПО (1). Незначительное расхождение в единой точке зрения на эти окончания заключается в том, что 3-е лицо ед. ч. *-αι* анализируется как *-e + ∅ + i*, где *e* — тематический гласный, *i* — признак первичного окончания, а само окончание является нулем (2). Такой анализ приложим даже к хетт. *-ai* (например, *da-i* 'он берет') (3). Другие предпочитают форму 3-го лица ед. ч. *-αι* приравнивать к хетт. *-ah-i*; по их мнению, лит. окончание *-i* восходит к *-ēi* и вместе с греч. *-αις* указывает на окончание, более древнее, чем *-e-si* (4). Наконец, высказывалось предположение (5), не соответствует ли греческое *-αι* древнеиндийскому *-ē* в медиальном *ṣau-ē* 'лежит', *bhuv-ē* 'говорит' (тогда на этом основании форму *-αις* можно интерпретировать по образцу имперф.

ѣфарѣ 'он нес' ѣфарѣс 'ты нес'). Однако этому решительно противоречит различие в диатезе.

Надо сказать, что все эти построения несостоятельны. Др.-ирл. (абс.) 2-е лицо ед. ч. *biri* «безукоризненно» возводится к **bheresi*, а в случае (конъюнк.) *-bir* следует исходить из **bheres*, а не из **bher-ei* (6). Лит. *-(s)i* у атематических глаголов [*esi* 'еси (2-е лицо ед. ч. глагола 'быть')'] др.-инд. *asi* восходит не к *-s-ie* из *-sei*, а к простому *-si*. В последнее время это стало столь же очевидным, как и происхождение тематического *-i* из атематического *-(s)i* (7). Поэтому не удивительно, что в последнее время многие вновь указывали на то, что для греческого можно исходить только из повсеместно хорошо засвидетельствованных *-si*, *-ti* (8). Правда, вряд ли имеет смысл выводить специальный звуковой закон (9). Больше оснований видеть здесь аналогический процесс (10). Об этом свидетельствуют развития такого типа, как 2-е лицо ед. ч. *ḡdōiς*, 3-е л. ед. ч. *ḡdōiς*. Исходным было **didōsi*, которое перешло в **ḡdōi*, а затем в **ḡdōiς* и в результате сокращения — в **ḡdōiς* (11).

Следовательно, нет никаких оснований предполагать, что тематическое спряжение и помимо 1-го лица ед. ч. отличалось от атематического. Для множественного и двойственного числа идентичность обоих способов образования является общепризнанной. Следует подчеркнуть, что еще одной точкой сближения обеих систем было 3-е лицо мн. ч., где перед *-nti* выступает гласный не только у тематических глаголов, но часто и у атематических, ср. **s-enti* 'суть'.

(1) В последний раз Meillet₁, 1937^a, с. 227 и сл., см изложение в работе: Meid₁, с. 19 и сл. Ему следуют Pedersen₆, с. 87 и сл., 93 и сл.; Watkins₁, с. 140, прим. 16, Adrados₃, с. 149, не совсем определенно Stang₅, с. 407 и сл.

(2) Watkins₁, с. 103, не указывая, как согласуется это мнение с оценкой 2-го лица ед. ч.; ср. также Kuryłowicz₁₇, 153, 156.

(3) Pedersen₆, с. 88, 93, Watkins₁, с. 103, Evangelisti₁, с. 3 (последний считает греко-хеттской инновацией в Малой Азии), Untermaier₁, с. 166, прим. 3).

(4) Hirt₃, IV, с. 151; Vaillant₁, с. 112, он же₆, III, с. 9, 20.

(5) Birwé, с. 10—11.

(6) Meid₁, с. 56, Sampanile₃, с. 59 и сл., несмотря на мнение Уоткинса (см. Watkins₁, с. 5).

(7) См. теперь Kazlauskas, с. 293 и сл., 299, ср. также Schmalstieg₂, с. 369—374.

(8) Poldauf, с. 160, Kiparsky₃, с. 112, Kuryłowicz₁₉, с. 166.

(9) Предложенное Кипарским решение -esi, -eti перешли сначала в -eis, -eit — рассматривал еще Шульце (см. Schwyzler, I, с. 842 ad 661.

(10) Kuryłowicz²⁷, с. 77

(11) По-иному Schwyzler, I, с. 687.

2.2.1. Медиальные окончания в системе презенса и аориста. Во временных формах, где встречаются только что рассмотренные окончания актива, засвидетельствованы следующие медиальные окончания. Приведем вначале первичные окончания:

	Вед	Авест.	Хетт.	Греч.	Гот.
1.	ē	ē	ha(ha)ri	μαι	da
2.	sē	sē	ta(ti)	σοι	za
3.	tē	tē	ta(ri)	τοι	da
4.	mahē	madē	wasta(ri)	μεθα	nda
5.	dhvē	dvē	duma(ri)	(σ)θε	nda
6.	ntē	ntē	nta(ri)	ντοι	nda
7.	vahē	—	—	—	—
8.	athē	—	—	(σ)θον	—
	ithē	—	—	—	—
9.	atē	—	—	(σ)θον	—
	itē	itē	—	—	—

Засвидетельствованы следующие вторичные окончания:

1.	i	i	ha(ha)t(i)	μαν
2.	thās	sa	tat(i)	σο
3.	ta	ta	tat(i)	το
4.	mahi	maḍi	wastat	μεθα
5.	dhvam	ḍwam	dumat	(σ)θε
6.	nta	nta	ntat(i)	ντο
7.	vahi	vadi	—	—
8.	athām	—	—	(σ)θον
	ithām	—	—	—
9.	atām	atam	—	(σ)θαυ
	itām	itām	—	—

Прежде всего необходимо указать на важное соответствие: в случае первичных окончаний 1, 2, 3, 6 типа индоиранские языки и греческий свидетельствуют о дифтонге с -i. На основе форм почти всех греческих диалектов долгое время этот дифтонг реконструировали как -ai.

В начале 50-х гг. испанский специалист по греческому языку М. S. Ruipérez обратил внимание на то, что данная реконструкция не только не объясняет состава форм в аркадско-кипрском (2-е лицо ед. ч. -σοι, 3-е л. ед. ч. -τοι, 6. -υτοι), но и не может быть понята на индоевропейской стадии, для которой установлены вторичные окончания -so, -to, -nto; его непреложный вывод о том, что ПО 1, 2, 3, 6 надо реконструировать как -ai, -soi, -toi, -ntoi, меньше чем через год был подтвержден дешифровкой новых микенских текстов (1). Возможно, но не обязательно, что греч. -ραι вместо -αι получило свое m от окончания m(i) активного залога. Для ВО 2, 3, 6 с уверенностью можно принять -so -to -nto; др.-инд. -thās «заимствовано» у перфектных окончаний (см. ниже, 7.1.3); древнее -so сохранилось не только в иранском, но также в окончании 2-го лица ед. ч. императива -sva, которое образовалось из -sa по аналогии с формой 2-го лица мн. ч. -dhva. В 1-м лице ед. ч. друг другу противостоят индоиранское -i и греч. -μαι, которые кажутся несводимыми одно к другому. В индоир -i можно было бы усмотреть нулевую ступень ПО -ē (и.-е. -ai : -i). Однако это не соответствовало бы другим ВО, а также окончанию опатива -a (например, др.-инд. īś-īy-a 'я обладал бы'); напротив, это -a не только согласовывалось бы с первичным окончанием -ai и помогло бы объяснить вторичное окончание -i как вторично образованное к этому -ai, но и позволило бы установить связь с греч. -μαι: по сравнению с -μαι в -μαι представлен вторичный -v (оно может быть либо окончанием -v 1-го лица ед. ч. актива, либо широко распространенным конечным носовым; см. выше, VIII.4.4.6), а -rai или ā (без m) могло в исходе слова подвергнуться количественной редукции (отсюда ā-) и вместе с первичным i дать *-ā-i, то есть -ai (2).

В индоиранском первичным окончанием 1-го л. мн. ч. было madhai, родственное греч. μεθα, опять-таки на основе и.-е. *medha или *medhā, от которого с помощью первичного i было образовано индоир. madhai из *medhā-i; индоир. ВО madhi, очевидно, образовано вторично по аналогии. Форму 2-го лица мн. ч. на основе dhva(m) и (σ)θε приходится пока реконструировать как *dhwe, от которого в индоиранских языках было образовано первичное окончание *dhwai, а вторичное окончание было преобразовано в *dhwam.

Таким образом, на основе индоиранских и греческих форм можно вывести следующие окончания:

	ПО	ВО
1	-ai/-mai	-ā/-mā
2	-soi	-so
3.	-toi	-to
4.	-medha (-ā ²)	-medha (-ā ²)
5.	-dhwe	-dhwe
6.	-ntoi	-nto.

Эту картину с помощью других языков можно отчасти модифицировать, отчасти подтвердить

Хеттская форма 1-го лица ед. ч. -ha показывает, что вместо -ā лучше предположить -ha; -ha и -hai достаточны для индоиранского. Для греч. -μᾶ, вероятно, можно было бы допустить метатезу -ha в -ah. 2-е лицо ед. ч. -ta явно связано с др.-инд. -thās; см. ниже, 7.1.3. 2-е лицо мн. ч. -duma из -duwa преобразовано из *dhwe по аналогии с остальными окончаниями с конечным -a. Наибольший интерес представляет форма 1-го лица мн. ч. -wasta, которая, хотя она и отклоняется от реконструированного *medha, но зато имеет точное соответствие в гомер. -μεσθα; возможно, и в медиуме соответственно окончаниям актива принять ПО -mes-dha и ВО *-me-dha (4), хотя и не ясно, почему ПО было утрачено в индоиранских языках и особенно в иранском.

Скорее подтверждение, чем модификацию дают германские языки. Готские окончания пассива явно соответствуют индоевропейским окончаниям на -ai/-oi, а не предполагаемым, нигде не засвидетельствованным окончаниям на -ō (5). Приведем в качестве примера формы презенса от готского глагола haitan 'звать(ся)':

1. haitada	4. haitanda
2. haitaza	5. haitanda
3. haitada	6. haitanda.

Окончания 2, 3, 6 -za, -da, -nda определенно соответствуют и -e окончаниям -soi, -toi, -ntoi. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всех трех лицах множественного числа используется одно и то же окончание, а 1-е лицо ед. ч. идентично 3-му лицу ед. ч. Их идентичность является готской инновацией, что

доказывается др.-исл. *heite* 'я зовусь', восходящим к **haitai*, имеющему известное из индоиранского окончание 1-го лица ед. ч. Также ясно, что идентичность окончаний во множественном числе — это вторичное явление, но не в результате простого распространения окончания 3-го лица на 1-е и 2-е. (6) Напротив, унаследованное окончание 1-го лица мн. ч. *-omedha* или, как в индоиранских языках, *-omedhai* должно было бы дать вначале *-amida*, которое затем в результате синкопы дало бы *-anda*, чтобы сократить длину формы и привести ее в соответствие с другими формами (7). На этой стадии можно было заменять формы 1-го лица формами 3-го, в частности потому, что фонетически обусловленное развитие *-ai* в *-a* дало форму, которая выглядела как 1-е лицо ед. ч. актива. Во 2-м лице мн. ч. окончание *-edhwe*, в результате фонетического развития, перешло сначала в *-edu*, а затем, под влиянием аналогии, — в *-eda*, *-ada*, и, наконец, по аналогии с 4/6, — в *-anda*.

Окончание 2-го лица мн. ч. *-dhwe* представлено и в кельтских языках: др.-ирл. *-id* у депонентных глаголов не базируется на заимствовании окончания актива (и.-е. *-ete*), а закономерно развилось из индоевропейского окончания (8).

(1) *Ruipérez*₁, с. 8 и сл. (для 1-го л. ед. ч. он предполагает *-ai*, а не *-ai*, как я); он же, с. 156—160 (см. критику *Neu*₄, с. 347—354), см. также *Szemerényi*₃₃, с. 717 и сл. 10 О возникновении греч. *-αι* и т. д. см. *Kuryłowicz*₁₇, с. 59.

(2) *Kuryłowicz*₁₇, с. 60, *Cowgill*₃, с. 24—31.

(3) См. также *Petersen*₂, с. 167, *Erhart*₃, с. 21—28.

(4) *Petersen*₂, с. 102, *Lazzeroni*₃, с. 56.

(5) Это постулировал *Meillet*₃, с. 68, *Petersen*₂, с. 162 и сл., *Kuryłowicz*₁₁, с. 353; Савченко₄, с. 28, сл. 23 В пользу *-ai* недавно вновь высказалась М. М. Гухман (см. Гухман, с. 80), *Lindemann*₄, с. 137 и сл.

(6) Так, например, *Krause*₁, с. 247.

(7) Ср. по этому поводу также *van Helten*, с. 87, и *Brugmann*₄, с. 47; *Lindemann*₄, с. 138³.

(8) Еще *Brugmann*₃, II, 3, с. 651 (иначе *Watkins*₃, 1966, с. 40) И.-е. окончанием было не *-dhum* (так *Petersen*₂, с. 165, Савченко₃, 1961, с. 115).

Дополнение. Лат. *-minī* по традиции идентифицируется с гомер. инф. на *-méai* или с формой множественного числа (1) причастия м. р. на *-nepos*. Обе гипотезы с синтаксических позиций крайне сомнительны. Логично было бы связать *-minī* с засвидетельствованным индоевропей-

ским окончанием. Это можно сделать, если исходить из расширенной формы -dhwe-noi (по аналогии с ПО преобразована из частицы -ne; ср. вед. -thana, -tana наряду с -tha, -ta), которая изменилась в -b(e)nei и -mpei и, наконец, в результате анаплексиса, — в -mini. Несколько иначе см. в работе: Hendriksen, с. 313.

2.2.2. Окончания на -г. Рассмотренные выше окончания типа -to/-toi в некоторых языках определенным образом противостоят окончаниям на -г. Пожалуй, лучше всего данный факт известен в латинском, однако он характерен также для италийского, венетского, кельтских языков, хеттского, тохарского и фригийского (1).

Формы на -г в западных областях зафиксированы как пассивно-безличные: в древнеирландском (berair = нем. wird gebracht 'приносят'), кимрском (cegir = нем. es wird geliebt 'любят', dywedir 'говорят'), умбрском (ferar 'feratur', ier 'itum sit?') и оскском (loufir 'libet' = 'vel'), на востоке в хеттском (haltsiyari от haltsāi- 'звать'); как личные эти формы зафиксированы в хеттском (es-ari 'он сидит') и, возможно, в венетском (tolar 'приносит', *didōr 'дает?') (2). В индоиранских языках окончания на -г встречаются только в 3-м лице мн. ч., например в duhrē 'они доят', šēgē = авест. sōire 'они лежат' (3).

Лучше известны окончания на -г, которые выступают в сочетании с уже описанными окончаниями на -mi и употребляются с медиальными и/или пассивными глаголами (4):

Лат.	Оск.-умбр.	Др.-ирл.	Фриг.
1. -(ō)g		-ur	
2. -re/-ris		-ther	
3. -tur	-ter	-thir	-tor
4. -mur		-mir	
5. -mini		-the	
6. -ntur	-nter	-tir	
Хетт.	Тохар. А/В		
1. -ha(ha)ri	-mār/mar		
2. -tati, -tari	-tār/tar		
3. -ta(ri)	-tār/tār		
4. -wasta-ri, -ti	-mtār/mtār		
5. -duma(ri)	-car/tār		
6. -nta(ri)	-ntār/ntār.		

Хеттский и тохарский особенно отчетливо показывают, что окончания на -г первоначально употреблялись только как ПО. В этих языках они используются во всех лицах, в хеттском, правда, факультативно. Напротив, в латинском и в древнеирландском г первоначально отсутствовало в формах 2-го лица: лат. -ge продолжает и.-е. -so; др.-ирл. -ther восходит к thēs, расширенному, видимо, затем с помощью г, однако формы 2-го лица множественного числа в обеих ветвях не имеют г. В формах 1-го лица ед. ч. хеттский и тохарский сильно расходятся; это свидетельствует о том, что их формы возникли самостоятельно позднее. Напротив, в латинском и в древнеирландском эти формы настолько хорошо согласуются друг с другом, что -ог и -тог, пожалуй, следует считать общей для них инновацией, тем более, что -тог в обоих языках развилось, по-видимому, из унаследованного *mod(a), которое представляет собой инотембровую ступень *medha.

Таким образом, можно заключить, что формы на -г первоначально были представлены только в первичных окончаниях 3-го лица. Праформами для латинского были -tor/-ntor, для хеттского — -tori/-ntori, для древнеирландского (конъюнктивные окончания -ethar/-etar) — -tro/-ntro (5).

(1) Об окончаниях на -г в общем плане см. богатую библиографию в работе Porzig², с. 83, а их краткое описание — на с. 84 и сл. см. также Pisanī³, с. 1—38; Leumann⁴; Hartmann; Calbioli¹, с. 56 и сл. (история изучения); Schmidt K H⁴, с. 14—20, он же², с. 160—169, 257—275 (см. критику. Pokorņy³, с. 316—321), Samranile³, с. 64 и сл.

(2) См. Pellegrini—Prosdoci¹, с. 122 и сл. (где еще читается как kvidor), с. 175; Lejeune², с. 405 и сл.

(3) См., в частности, Leumann⁴, с. 11 и сл., Narten³, 1969.

(4) Армянский язык здесь не рассматривался, так как его окончания на -г не имеют ничего общего с описываемыми нами окончаниями, см. Pedersen², с. 104 и сл.; Vagstad², с. 509—526.

(5) О кельтском, итальяском и хеттском см. также Kuryłowicz², с. 14 и сл.

2.3. Окончания перфекта Перфект первоначально имел особые окончания. Последние хорошо сохранились в индоиранских языках и в греческом, отчасти в древнеирландском, но затемнены в латинском и старославянском. Окончания перфекта отчетливее всего видны в парадигме глагола 'знать'

	Др.-инд.	Греч	Гот.
1	véd-a	Foīð-α	wait
2.	vét-tha	Foīσ-θα	waist
3.	véd-a	Foīð-ε	wait
4.	vid-má	Fīð-μεν	wit-um
5	vid-á	Fīσ-τε	wit-uþ
6.	vid-úr	Fīσ-ασι	wit-un
7.	vid-vá		wit-u
8.	vid-áthur		wit-uts
9.	vid-átur		

Окончания 1—3 на основании свидетельств древнеиндийского и греческого можно определить как -a, -tha, -e; для 4 можно вывести -me, а для 7—-we. Что касается остальных окончаний, то только в отношении 6 можно с определенностью сказать, что этим окончанием было -г или -г. Греч. -ασι из -αυσι и гот. -un из -nþ свидетельствуют о проникновении более частотных форм. См также ниже, 4.3.a и 7.1.3.

Эти окончания лежат также в основе латинских форм, которые, как следует из ранних надписей, в единственном числе имели вид -ai -tai -eit и были, очевидно, вариантами приведенных выше форм, расширенных с помощью первичного i. Важное значение имеет латинское окончание 3-го лица мн. ч. -ēge, восходящее к -ēgo (ср. в пассиве форму 2-го лица ед. ч. -re, из -so); вместе с тохар. В -āre/-are, хетт. -ir (например, es-ir 'они были') и др.-инд. -ig они указывают на и.-е. -г/-го для 3-го лица мн. ч.

Об окончаниях см Belardi₁, с. 98 и сл.; Rosenfeld₁, с. 377 и сл. (о 2-м лице ед. ч. в герм. см теперь также Bech₂, с. 75—92), Watkins₁, с. 102; Polomé₂, с. 873 и сл. Cardona₂, с. 108 и сл.; Neu₁, с. 221 и сл.

Окончание 2-го лица ед. ч. было определено как -sta Бонфанте —см. Bonfante₂, с. 205 и сл., Cowgill₁, с. 172 и сл., как -ta это окончание определил Курилович (см. Kuryłowicz₂₃, 2, с. 341).

О лат. см Bader₁, с. 87—105, Untermann, с. 165—171

2.4. Анатолийская система. Описанная выше хеттская система глагольных окончаний представляет собой лишь часть целого. Наряду со спряжением на -mi, охарактеризованным выше при рассмотрении окончаний, существовало еще так называемое спряжение на -hi. Обе системы окончаний отличаются друг от друга в активе

только в трех лицах единственного числа презенса и претерита, а также в 3-м лице множественного числа императива; в медиуме—только в 3-м лице единственного числа указанных времен и наклонений. Имеет смысл привести здесь систему окончаний полностью (1).

Актив						
Презенс		Претерит		Императив		
	спр.- <i>mi</i>	спр.- <i>hi</i>	спр.- <i>mi</i>	спр.- <i>hi</i>	спр - <i>mi</i>	спр.- <i>hi</i>
1.	<i>mi</i>	(<i>ah</i>) <i>hi</i>	(<i>n</i>) <i>un</i>	<i>hun</i>	(<i>a</i>)llu	
2.	<i>si</i>	<i>ti</i>	<i>s, t(a)</i>	<i>s, ta, sta</i>	<i>ø, i, t</i>	<i>ø, i</i>
3.	<i>tsi</i>	<i>i</i>	<i>t, ta</i>	<i>s, ta, sta</i>	<i>tu</i>	<i>u</i>
4.	<i>weni</i>	<i>weni</i>	<i>wen</i>	<i>wen</i>	<i>weni</i>	
5.	<i>teni</i>	<i>teni</i>	<i>ten</i>	<i>ten</i>	<i>teni</i>	
6.	<i>ntsi</i>	<i>ntsi</i>	<i>ir</i>	<i>ir</i>	<i>ntu</i>	

Медиопассив			
Презенс		Претерит	
	спр - <i>mi</i>	спр - <i>hi</i>	спр - <i>mi</i>
1.	<i>ha(ha)ri, ha</i>	<i>ha(ha)ri</i>	<i>ha(ha)t(i)</i>
2.	<i>tati, tari, ta</i>	<i>ta(ti)</i>	<i>tat(i), ta</i>
3.	<i>ta(ri)</i>	<i>ar(i)</i>	<i>tat(i), ta</i>
4.	<i>wasta(-ti/ri)</i>	<i>wasta(ti)</i>	<i>wastat</i>
5.	<i>duma(ri)</i>	<i>duma</i>	<i>dumat</i>
6.	<i>nta(ri)</i>	<i>nta(ri)</i>	<i>ntat(i)</i>

Императив	
	спр - <i>mi</i> спр.- <i>hi</i>
1.	<i>ha(ha)ru</i>
2.	<i>hut(i)</i>
3.	<i>taru aru</i>
4.	—
5.	<i>dumat(i)</i>
6.	<i>ntaru</i>

Важным следует считать тот фактор, что, например, в греческом -*mi* означает атематическое спряжение, а -*ō*—тематическое, тогда как в хеттском оба типа окончаний совместимы как с консонантным, так и с вокалическим исходом основы, например. *es-mi* 'я есмь', *ija-mi* 'я делаю', *ar-hi* 'я прибываю (куда)', *da-hi* 'я беру'.

Еще существеннее для индоевропейского праязыка тот факт, что хеттской системе из двух парадигм спряжения в других древнеанатолийских языках противостояла совсем иная система. Характерные окончания в лувийском выглядят следующим образом (2):

Актив			Медиопассив	
Презенс	Претерит	Императив	Презенс	Императив
1. mi, wi	ha	allu		
2. si	s	ø		
3. ti	ta	tu	(ta)ri	(ta)ru
4. —	—	tan	duwar(i)	—
5. nti	nta	ntu	ntari	ntaru

Как можно судить, в лувийском нет форм на *-hi* (3), соответствующих хеттскому спряжению; напротив, форма 1-го лица ед. ч. в так называемом склонении на *-mi* (3 л. ед. ч. *-ti*) представлена в двояком виде: с *-mi* и с *-ui*, например *aw-i-mi* 'я прихожу' (4), *aw-i-si* 'ты приходишь', *aw-i-ti* 'он приходит', то есть мы имеем здесь точные соответствия греч. *εἶ-μι*, *εἶ* (из **ei-si*), *εἶσι*, но *tiyanesui* 'я черпаю', *harusui* 'чиню'. По-видимому, *-ui* возникло в результате прибавления первичного *i* к *-u*, которое, очевидно, продолжает и.е. *-ō* (5). Таким образом, можно было бы констатировать наличие следов обоих типов индоевропейского спряжения (*-mi/-ō*), тогда как в хеттском от них сохранилось лишь спряжение на *-mi*.

Напротив, в лувийском и в других анатолийских языках претерит имеет в 1-м лице ед. ч. окончание *-ha*, которое в хеттском выступает в этой функции в модифицированном виде как *-hup* (скрещение *-ha* с *-up*), но в то же время оно представлено, видимо, и в *-hi* (скрещение *-ha* с первичным *i*). Следовательно, спряжение на *-hi* не унаследовано, а является хеттской инновацией, которая не встречается в других анатолийских языках (6).

(1) Friedrich₁, с. 77; Pedersen₂, с. 79 и сл., Sturtevant—Hahn, с. 139 и сл., Kropasser₃, с. 369, Kammenhuber_{3a}, с. 73 и сл.

(2) Friedrich₁^a, с. 191

(3) Так считает Laroche—см. Puhvel₃, с. 243.

(4) *-mi* является первичным, см. Kropasser₃, с. 86, 377¹

(5) Sze me ré nyi_{1a}, с. 159 Обычно это окончание сопоставляется с хетт *-u-n* (1-е л. ед. ч. прет.), сюда можно было бы причислить также лик *-u*, лид *-u*, зап.-тохар. *-w-a* и лат. *-u-i*, см. Benve-

niste₁₇, с. 18, Watkins₁, с. 105, Gustani₁, с. 80 и сл.; Вяч. Вс. Иванов₃, с. 226. Однако тохар. w должно интерпретироваться иначе (Wintel₃, с. 206—209), а лат. -и не является личным окончанием.

(6) Подробнее об этом см. ниже, 7.1.3.

2.5. Окончание императива (1).

а) Простой императив.

Для 2-го лица ед. ч. актива у тематических глаголов используется основа, то есть корень с тематическим гласным, например лат. age = греч. ἄγε, а у атематических глаголов — либо чистая основа, например лат. ī из *ei, либо распространенная частицей основа в полной ступени (например, лит. ei-k 'иди') или в нулевой ступени (греч. ἰ-θι = др.-инд. i-hi, греч. Γινῃθι 'знай' = др.-инд. vid-dhi).

Для 2-го лица мн. ч. у обоих типов глаголов используется индикатив со вторичными окончаниями без аугмента, так называемый инъюнктив; ср. фэре́те по сравнению с é-фэре́те, также др.-инд. bhārata: ábharata.

Формы инъюктива применяются также в медиопассиве; ср. *sek^weso 'следуй' в греч. ἑπου, лат. sequere; *sek^wedhwe в греч. ἑπεσθε, лат. sequimini (см. выше, 2.2.1, конец); таково же положение в индоиранском, с тем лишь различием, что там *sek^weso, видимо, под влиянием 2-го лица мн. ч. изменилось в *sek^weswo: др.-инд. saśasva (см. выше, 2.2.1). Индоиранские формы императива на tān и -ntān для 3-го лица мн. ч. (например, др.-инд. bharatām 'должен быть отнесен') являются, конечно, не формами аккузатива абстрактных существительных на -tā (2), а инъюнктивами bharata, bharanta (= фэре́то, фэро́нто), расширенными частицей -am.

Такого рода инъюнктивные формы употреблялись и в 3-ем лице мн. ч. актива; они в расширенном частицей и виде представлены в др.-инд. bharatu, bharantu, и.-е. *bheret, *bheront, в атематических формах astu, santu 'будь(те)', и.-е. *est, *sent. Тот же способ образования находим в хетт. estu/asandu 'будь(те)', eptu/appandu 'должен/должны взять', kwendu/kupandu 'должен/должны убить', aku/akkandu 'должен/должны умереть'. Этот элемент и в хеттском употреблялся даже в медиопассиве; см. 2.4.

В формах императива использовались, следовательно, приведенные ниже окончания.

	Актив	Медиопассив
Атемат.	Темат.	
2. -ø, -dhi	-e	-so
3. -t (+u)	-et (+u)	-to
5. -te	-ete	-dhwe
6. -ent (+u)	-ont (+u)	-nto

б) Футуральный императив (3).

Наряду с «простым императивом» в древнеиндийском, греческом и латинском существуют образования, которые можно назвать «футуральным императивом». Главным признаком этого императива является окончание *-tōd*, которое в такой форме сохранилось еще в древнелатинском. Однако с 200 г. до н. э. это окончание выступает уже в виде *-tō*, как в греческом с начала письменной традиции. В древнеиндийском ему, несомненно, соответствует *tād*. Интересно, что одна и та же форма используется в нескольких лицах; ср. лат. *agitō*—2 и 3 лицо ед. ч., др.-инд. *gaschatād* 'ты/он должен идти'. Древнеиндийский показывает даже, что та же самая форма использовалась во 2-м лице мн. ч., но не в 3-м лице мн. ч., так что ошибочным является мнение, будто одна форма применяется во всех лицах и числах. Эта негативная оценка подкрепляется тем фактом, что в классических языках для 3-го лица мн. ч. существует особая форма; ср. греч. *φερέτω* 'пусть они несут (императив 3 л. мн. ч.)', лат. *feruntō*—то же.

Для индоевропейского праязыка можно, таким образом, построить следующую парадигму

	Атемат.	Темат.
2.	<i>estōd</i>	<i>bheretōd</i>
3.	<i>estōd</i>	<i>bheretōd</i>
5.	<i>estōd</i>	<i>bheretōd</i>
6.	<i>sentōd</i>	<i>bherontōd</i>

В отличие от такого широкого употребления **bheretōd* в классических языках наблюдаются значительные ограничения. В латинском во 2-м лице мн. ч. для большей ясности было введено *-te*, то есть **datō(d)* было заменено на *datōte*. В греческом сфера употребления формы была ограничена третьим лицом ед. ч.: *φερέτω*.

В то же время в древнелатинском эти формы использовались и для депонентных глаголов (ср. *ūtītō ūtūtō*), однако вскоре они были вытеснены формами *ūtītōr ūtūtōr*. В греческом возникли новые медиопассивные формы в результате скрещения с инфинитивом на *-σθαι*, употребляемым в императивном значении. 3-е л. ед. и мн ч. *φερέσθω*, позднее также 3-е л. мн. ч. *φερέ(ν)σθω* (4) 'пусть их несут'.

О самой форме следует сказать, что, как установил Гедике (Gaedicke) еще в 1882 г., значение будущего времени обусловлено окончанием *-tōd*, которое было, собственно говоря, формой аблатива ед. ч. местоимения **to-* (см. выше, VIII.2.1) и имело значение 'с того момента, потом'. Отличие отчетливо проступает в примерах типа *tu epistulam hanc a me accipe atque illi datō* 'получи это письмо от меня и пусть оно будет дано ему' (*Pseudolus*, 647).

Что же касается элемента формы, стоящего перед *-tōd*, то долгое время утверждалось, что *es bhere* и т. д. являются свидетельством первоначального использования во всех лицах и числах. Однако это суждение необоснованно, ибо, как было показано выше, в третьем лице мн. ч. употреблялась другая форма. Его необоснованность подтверждается и тем, что аблатив *tōd* предполагает такой период существования праязыка, в котором и лица и числа были уже полностью развиты. Поскольку ясно, что форма 2-го лица ед. ч. **bheretōd* возникла из формы 2-го лица ед. ч. **bhere + tōd*, то следует предположить то же самое и для других личных форм. Тогда можно сделать следующий вывод:

- | | |
|---------------------|------------------------------|
| 2. <i>bheretōd</i> | возникла из <i>bhere-tōd</i> |
| 3. <i>bheretōd</i> | <i>bheret-tōd</i> |
| 5. <i>bheretōd</i> | <i>bherete-tōd</i> |
| 6. <i>bherontōd</i> | <i>bheront-tōd</i> , |

а именно, что формы 2-го лица возникли из форм простого императива, а формы 3-го лица — из инъюнктивных форм. Форма 3-го лица мн. ч. **bheront-tōd* в результате редукции изменилась в **bherontōd*, а форма 2-го лица мн. ч. **bheretetōd* в результате гаплогогического сокращения дала **bheretōd*. Это привело к совпадению форм 2-го лица единственного и множественного чисел, под

влиянием которого и форма 3-го лица ед. ч. *bherettōd была упрощена в *bheretōd

(1) Ср. Brugmann₃, II, с 553 и сл., Schwyzer₂, I, с. 797 и сл., Winter₄, с. 221 и сл.

(2) Brugmann₃, с. 56 Конечно, нельзя приравнивать ни к греч. (акт ¹) φέρυτων (как это делали, например, Хирт (см. Hirt₃, IV, с. 141), а также Пизани (см. Pisani₃, с. 152, Thumb—Haushild, I, 2, с. 212 и сл.)), поскольку оно образовалось из φέρυτω(δ), ни к форме 3-го лица ед. ч. -ām (например, duhām), как считал Шенцер (см. Schwyzer, там же, с. 803), ибо оно определенно образовано по аналогии с -iām.

(3) Szemerényi₄, с библиографией.

(4) Ср Risch₇, с. 8 и сл.

(5) См также Strunk₈, с. 285 и сл.

2.6. *Тематический гласный и аблаут* Глагольные окончания, как мы видели, присоединяются к соответствующей глагольной и временной основе либо с помощью так называемого тематического гласного, либо без помощи его Тематическим гласным было *e* или *o*, причем последнее перед носовым (m, но также n) и w; не вызывает сомнений, что первоначально тематическим гласным повсюду было *e*, которое, согласно фонетическим закономерностям перед лабиальными, «изменялось» в *o* (1). Распределение *e* и *o* можно проиллюстрировать на примере следующих парадигм (презентс индикатива активного залога):

	Греч.	Гот.	Ст.-слав.	Лит.
1.	φέρω	baira	berp	vedu
2.	φέρεις	bairis	berēši	vedi
3.	φέρει	bairiþ	beretū	veda
4.	φέρουμεν	bairam	beremū	vedame
5.	φέρετε	bairiþ	berete	vedate
6.	φέροντι	bairand	berptū	veda
7.	—	bairōs	berēvē	vedava
8.	φέρετον	bairats	bereta	vedata
9.	φέρετον	—	berete, -ta	veda

Готская парадигма с *a* (из *o*), *ō* и *i* (из *e*) соответствует, за одним исключением, по распределению *e/o* греческой парадигме, что подтверждается также древнеирландским и латинским (quaeso 'прошу', quaesumus 'мы просим', legunt 'они читают'), хотя в результате звукового развития это чередование почти полностью устра-

нено. Напротив, в балтийских и славянских языках наблюдается морфологически, но не фонетически обусловленное выравнивание. в литовском *a* (из *o*) вытесняет *e*, в славянском побеждает *e*, за исключением *i* и *б*. Однако в аористе и имперфекте сохраняется древнее распределение.

Относительно происхождения тематического гласного высказывались противоположные мнения: одни считали его частью основы (2), другие — «конструктивным элементом» (3). Первая точка зрения позволяет предположить, что наличие или отсутствие тематического гласного обуславливалось определенными звуковыми или акцентологическими факторами. Если принять вторую точку зрения, то конструктивный элемент должен был бы появляться во всех лицах, поскольку он служит для образования основ, а не отдельных личных форм. С этой точки зрения совсем невероятным является *полутематический* тип, предполагаемый некоторыми исследователями. Утверждение, что лат. *ferō fers fert ferimus fertis ferunt* представляют индоевропейский тип **bherō *bheresi *bherti *bheromos *bherte(s) *bheronti* (4), остается недоказанным и несовместимо с ударением в глаголе (в единственном числе — на основе, во множественном числе — на окончании).

У атематических глаголов в *единственном числе* представлена *полная ступень* корня, в *двойственном и множественном числе* — его *нулевая ступень*. Соответственно ударение в единственном числе падает на корневой гласный, а в двух других числах — на окончание, ср.: **éimi* 'я иду'. **i-més* 'мы идем'. Появление тематического гласного во всех лицах должно было бы привести к закреплению ударения на этом гласном и обусловить нулевую ступень корня. Это наблюдается, однако, лишь в небольшом числе случаев, которые, возможно, и не относятся к индоевропейскому периоду. В большинстве форм мы наблюдаем ударный гласный полной ступени корневого слога, например: **bhérō, *bhéromos, *bhéronti*. Это означает, что в данном типе многократно проходили процессы выравнивания. Было высказано предположение, что тематический гласный вначале закрепился в нулевых ступенях сильного аориста (например, **luk-ó-m, *luk-é-s, *luk-é-t*), а оттуда уже был распространен на презенс и имперфект (5) или что в окситональном типе презенса

(с ударением в единственном числе на тематическом гласном) произошел переход от чередования $\text{TRT-}\acute{o}m/-\acute{e}s/-\acute{e}t$: $\text{TRT-}\acute{m}\acute{e}/-\acute{t}\acute{e}/-\acute{e}nt$ к закреплённому тематическому гласному $\text{TRT-}\acute{o}m/-\acute{e}s/-\acute{e}t/-\acute{o}me/-\acute{e}te/-\acute{o}nt$ и стал, таким образом, образцом для $\text{T}\acute{e}\text{RT-}\acute{o}m/-\acute{e}s/-\acute{e}t$ и т. д. вместо прежнего закономерного $\text{T}\acute{e}\text{RT-}\acute{e}m/-\acute{s}/-\acute{t}$ и т. д. (6). Тематический гласный возник, если и не таким, то, во всяком случае, весьма сходным путем. Не вызывает сомнений, что тематический гласный вместе с чередованием, о котором говорилось в начале данного раздела, в индоевропейский или позднеиндоевропейский период закрепился повсеместно. Нельзя утверждать, что индоевропейские языки различным образом консолидировали до этого еще неустойчивое состояние, а, напротив, необходимо отметить, что унаследованное устойчивое состояние было в них с течением времени трансформировано согласно свойственным этим языкам закономерностям.

(1) См. выше, VI 3 46. Ср., кроме того, *Convergence*, с. 207 (первоначально только *e*); *Poldauf*, с. 165 (о перед лабиальными); *Kuryłowicz*₁₁, с. 72.

(2) *Fick*, с. 1 и сл., *Hirt*₂, II, с. 167, IV, с. 159 и сл.

(3) Например, *Meillet*₁, 1937^a, с. 174, *Knobloch*₂, с. 407—420; противоположное мнение см. *Kuryłowicz*₁₁, с. 74, прим. 47.

(4) *Szemerényi*₁₀, с. 189 и сл., 195 и сл. См. также *Elfenbein*, с. 180 и сл., *Stang*₅, с. 319, *Vaillant*₂, с. 97 и сл., он же₈, III, с. 365 и сл., 438, *Cowgill*₆, с. 263, *Kuryłowicz*₁₇, с. 79 и сл. (против), ср. также *Schmid*₁, с. 101.

(5) *Kuryłowicz*₁₁, с. 72.

(6) *Kuryłowicz*₁₇, с. 116 и сл., *Adrados*₄, с. 601 и сл., *Risch*, с. 239, *Schmitt—Brandt*, с. 128 и сл.; недавно вновь *Kuryłowicz*₂₃, 2, с. 271 и сл., *Kerns—Schwartz*, с. 717—719.

Дополнение. На основе определенных медиальных форм с полной ступенью (например, др.-инд. *śauṣ* = греч. *χαῖμα* 'я лежу' и т. д.) и некоторых представленных почти только в индоиранских языках форм актива с продленной ступенью (др.-инд. *tāṣṭi* 'он плотничает' от *taks-*) Нартен теперь предполагает (см. *Narten*₃, с. 9 и сл.), что наряду с рассмотренным выше типом имелся еще несший всегда ударение на корне («протеродинамический») корневой презенс; ср. **steu-* 'торжественно объявлять'. 1-е л. ед. ч. акт. зал. **stēu-mi*, 1-е л. мн. ч. акт. зал. **stēu-mes*, 1-е л. ед. ч. мед. зал. **stēw-ai*, 1-е л. мн. ч. мед. зал. **stēu-medha*.

2.7. *Диатезы (1)* С помощью личных окончаний были четко разграничены две диатезы актив и медиум. В некоторых случаях медиум соотносился с активом, например греч. *λοῦω* 'я мою', *λούομαι* 'я моюсь'. Некоторые глагольные основы не имели актива, а имели только медиум (*Media tantum*); таково, например, и -е. **sek*wetoi* 'он следует', которое представлено в др.-инд. *saçatē*, греч. *ἕπεται*, лат. *sequitur*, др.-ирл. *sechithir*. Естественно, не каждому активу можно было сопоставить медиум (*Activa tantum*), например *ἀποθνῴσκει* 'он умирает'.

Содержательная интерпретация этих диатез крайне затруднительна. Конечно, можно было бы отказаться от определений подобного рода и ограничиться констатацией чисто формальных различий. Но такое решение в качестве окончательного неприемлемо. При этом актив вызывает меньше затруднений, чем медиум. Медиум использовался преимущественно для выражения физических функций типа сидеть, лежать, прыгать и т. д. (греч. *ἵσται*, *κεῖται*, *ἄλλεται*) и в особенности для глаголов аффекта (*Verba affectuum*) типа бояться, стыдиться, радоваться и т. д. (греч. *φοβέομαι*, *αἰδέομαι*, *ἡδομαι*), поэтому его главную функцию склонны были видеть именно в выражении аффекта «Медиум выражает действие (в самом широком смысле слова), которое субъект сопровождает эмоциями» (2). Однако данное определение не согласуется с приведенными выше глаголами физического действия. Скорее следовало бы присоединиться к мнению К. Бругмана о том, что *Media tantum* обозначали преимущественно «действия, процессы или состояния, которые протекали, по существу, в субъекте и в его сфере и в которые он вовлекался полностью, и только он один, и т. д.» (3). К этому определению весьма близко определение, данное Э. Бенвенистом и совершенно правильно отражающее оппозицию медиума и актива: «В активном залоге глаголы обозначают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне. В медиальном залоге, который представляет собой диатезу, определяемую через оппозицию с первым, глагол указывает процесс, который развивается в субъекте; субъект является внутренним по отношению к процессу» (4); ср. также определение, согласно которому медиум показывает, что процесс «происходит с учетом того, что именно затрагивается им, вовлекается в него — человек или вещь» (5). Таким образом, медиум можно было бы

назвать *субъективом* (6), чему очень хорошо соответствовало бы его название в древнеиндийской грамматике — *atmanē-padam* 'словоформа, относимая к самой себе'.

Граница между активом и медиумом не вполне отчетлива. В некоторых случаях между ними нет семантических различий (*σπεύχω* = *σπεύχομαι* 'я спешу'), или же мы не можем семантически обосновать выбор той или иной диатезы *εἰμι* 'я есмь' — диатеза актива, а *ἔσομαι* 'я буду' — диатеза медиума. Особенно часто встречается активный перфект наряду с *Medium tantum* (в других временных формах), например: греч. *τίττωμαι*: *τέτονα* 'рождаюсь, рожден', *δέρκομαι*: *δέδορκα* 'всматриваюсь', лат. *revertor* 'возвращаюсь' перф. *reverti* 'вернулся'; др.-инд. *vártē vavárta* 'становлюсь', *mṛsyatē* 'забывает' *matarsa*. Объясняется это, по-видимому, тем, что первоначально перфект обозначал только состояние, а не процесс или действие; см. ниже, 7.3

Отмеченный выше субъектный характер медиума хорошо можно показать на парах типа греч. *θύει*, др.-инд. *yaṇati* 'он приносит жертву, совершает жертвоприношение' (о жреце), в отличие от греч. *θύεται*, др.-инд. *yaṇatē* 'он приносит жертву' (о том, кто приносит жертву, или о том, кто сам совершает жертвоприношение). Сюда же принадлежит *рефлексивный* медиум, *τρέπομαι* 'я поворачиваюсь', *взаимный* медиум, например *μάχεσθαι* 'бороться', и *интенсивный*, или *динамический*, медиум, например: *πολιτεύω* 'я гражданин': *πολιτεύομαι* 'я действую как гражданин' (7).

Для индоевропейского праязыка можно обнаружить формальное различие только между двумя диатезами. Инактивная диатеза в раннем индийском и греческом была, если не полностью, то преимущественно, медиальной. Поэтому вторую индоевропейскую диатезу обычно считают медиумом (и мы придерживаемся того же). В таком случае *пассив*, наличие которого в индийском и греческом в начальный период их истории нельзя полностью отрицать, рассматривают как вторичное явление, производное от медиума в рефлексивном употреблении (8). Сегодня это трудно понять. Ведь с конца 50-х гг. возникла трансформационная грамматика Н. Хомского, которую восприняли почти как новую грамматику, и пассивная трансформация (9) совершенно правильно была названа прототипом трансформационных отноше-

ний (10). Не удивительно, что Е. Курилович был вынужден объявить трансформационную оппозицию актив-пассив занимающей более высокую иерархическую ступень, чем простой семантический контраст актив:медиум. Если и складывается представление, что в индийском в начале письменной традиции древнее состояние представлено оппозицией *bharati:bharatē* (акт.:мед.), то это неправильно, ибо основная оппозиция актив:пассив представлена формами *bharati:bhṛyatē*. В этой оппозиции новая форма *bhṛyatē* взяла на себя фундаментальную функцию пассива, тогда как употребление *bharatē* было ограничено вторичной, интранзитивной, или медиальной функцией. И в греческом пассивная функция древнего спряжения на *-τοι* была возрождена по крайней мере в аористе: за древней формой закрепились вторичная функция (медиум), хотя в этом случае обе функции еще сосуществовали; ср. *τιμίζομαι* 'я оценю/я буду уважаем, почитаю' (11).

С вышеизложенной интерпретацией фактов не согласуется то обстоятельство, что в пассиве агенс часто не упоминается, что пассив употребляется преимущественно в тех случаях, когда агенс не известен, что пассив употребляется большей частью в 3-м лице (12). Объяснение может быть весьма простым (13). Трехчленная пассивная конструкция типа *discipulus laudatur a magistro* 'ученик хвалит учителем' представляет собой трансформ конструкции *magister discipulum laudat* 'учитель хвалит ученика' и как таковой отличается от активной конструкции только своей «экспрессивной» (коммуникативной—Б. А.), но не «символической», изобразительной (номинативной—Б. А.) функцией. Поэтому она является лишь стилистическим вариантом активной конструкции. Двухчленная пассивная конструкция, в которой отсутствует агенс, может, напротив, использоваться и тогда, когда агенс фактически неизвестен или не должен быть назван, то есть в тех случаях, когда в индоевропейском языке не было прямого соответствия в форме актива, поскольку не было еще и неопределенно-личных предложений. Следовательно, двухчленный тип *discipulus laudatur* необходим и поэтому статистически представлен чаще, чем трехчленный тип, который является лишь стилистическим вариантом и вследствие этого менее важен (14).

(1) Введение в проблематику и специальную литературу см.: Schwyzer₂, II, с 222 и сл., Hofmann—Szantyr, с. 287 и сл. (с. 291, библиография).

(2) О Hofmann, с. 178 (на него с полным согласием ссылается Швицер (см. Schwyzer₂, с. 223²)).

(3) Brugmann₃, II, 3 с. 685.

(4) Benveniste_{12a}, с. 171.

(5) Gonda₂, с. 66 и с. 175—193.

(6) Bechert₁, с. 170, ср. Hermodsson, с. 28 и сл.; Гухман, Schmidt₇, с. 18 и сл.; Rosén₂, с. 324 и сл., Савченко₃, с. 99—119.

(7) Schwyzer₂, II, с. 229 и сл.; Burrow₂, с. 293 и сл., Thumb—Hauschild, I, 2, с. 185 и сл.

(8) Schwyzer₂, с. 224, 236, 238 (1); в данной связи ср., в частности, Wistrand, с. 5 и сл. — развитие медиума в пассив, по его мнению, чуть ли не закон природы. См. также Hendriksen₂, Gonda₂, Hermodsson, с. 19—25, Hartmann, с. 8, 13 и сл. (пассив появляется позднее и не повсюду), *Zsilka, с. 277—310.

(9) Chomsky₁, с. 42 и сл., 112; 1965, с. 103 и сл., ср. Lyons₂, с. 257 и сл., 261 и сл., 373

(10) Bach, с. 62 и сл.

(11) Kuryłowicz₁₇, с. 72—85, еще в статье, опубликованной в 1929 г., он отстаивал мнение, что интранзитивно-пассивное употребление «медиума» древнее взаимного или возвратного, а Маргулиес (см. Margulies₁) еще в 1924 г. выводил медиум из пассива. Эту точку зрения Гофман—Сангир (см. Hofmann—Szantyr, там же, с. 287) продолжают считать совершенно ошибочной. См. также Margulies₂, с. 116, 120, а в последнее время—Flobert, с. 567—604, особ. с. 600.

(12) См. Schwyzer₂, Schwyzer₂, II, с. 238 и сл., Rysiewicz, с. 323—331, Schmidt₂, с. 1—12, 269, 274—275, Le Bourdellès, с. 481—494, ср. также Ammann₂, с. 95—111

(13) Kuryłowicz₁₇, с. 72 и сл.

(14) См. также Schauwecker, с. 366—370, Jankuhn (против того, чтобы считать пассив явлением и.-е. праязыка) Как отмечает Коллер (см. Koller, с. 31), впервые оппозиция актив — пассив была открыта в греческой грамматике. Тезис Хомского отвергается, по крайней мере для немецкого языка, см. David, с. 61—74.

Б. НАКЛОНЕНИЯ

3.1. Из четырех наклонений (см. выше, 1) только три имеют специальные показатели наклонения или личные окончания *Индикатив*, собственно говоря, противостоит трем маркированным наклонениям как немаркированное наклонение; его приметами могут считаться показатели времени и тематический гласный. Лишь 2-е лицо ед. ч. императива представляет собой исключение. в нем обычно выступает чистая основа.

См. сообщения Calboli₂; Calboli₃; Calboli₄

3.1.1. *Конъюнктив* (1) четко отличается от других наклонений и, в частности, противостоит индикативу. Атематическому индикативу противостоит тематический конъюнктив, а тематическому индикативу — конъюнктив с «соединительным гласным» ē/ō. Так, в случае атематического индикатива *eimi/*eisi/*eiti 'иду, идешь, идет' конъюнктив имеет формы *ey-ō/*ey-e-s(i)/*ey-e-t(i) и т. д., тогда как в случае *bherō/*bheresi/*bhereti его формы будут *bherō/*bherēs(i)/*bherēt(i) и т. д.; очевидно, в формах последнего ряда ē репрезентует последовательность e + e, ō — последовательность o + o, то есть тематический гласный (индик.) + признак конъюнктива. См. ниже, 7.2.

Тематический конъюнктив атематических глаголов отчетливо противопоставлен индикативу в определенных греческих формах, например ἵμεν '(давай) пойдем' ἵμεν; так же обстоит дело с конъюнктивом тематических глаголов, ср. φέρωμεν φέρητε.

Последний тип, по крайней мере в такой форме, в латинском не представлен. Конъюнктив от *es-mi (в латинском — sum), то есть и.-е. *esō/*eses(i)/*eset(i) и т. д., определенно продолжает существовать в лат. erō/eris/erit, но приобрел футуральное значение. Поэтому ясно, что соответствием греческому конъюнктиву φέρω/φέρης (или -ης) является латинский футурум agēs aget agētis, в котором формы с -ō- были выравнены по формам с ē, то есть agēmus agent; 1-е лицо ед. ч. agam заимствовано у нового конъюнктива на -ā.

Первоначально каждый глагол имел, вероятно, лишь одну форму конъюнктива. Об этом свидетельствует тот факт, что в древнелатинском конъюнктив от tangō имел еще форму tagam (nē attigās), от adveniō — advenat и т. д. и лишь позднее был выравнен по основе презенса и стал иметь форму tangam, adveniam и т. д. Так же и в древнеиндийском противостояли друг другу kṛṇōti 'он делает' (основа презенса с -ṇ-) и karat(i) 'он должен делать' (от основы глагола). Лишь позднее возник конъюнктив презенса в виде kṛṇav-a-t (2).

К основе конъюнктива обычно присоединяются вторичные окончания (ВО), ср. др.-лат. kapiad 'сариат', греч. аркад. ἐχῆ (из -ē-t), фессал. θέλῆ, в аттическо-ионийском первоначальные формы -ης -η были преобразованы по аналогии с индикативом в -ης -η. В древнеиндийском, однако, наблюдается смешение вторичных окончаний

с первичными окончаниями либо лишь кажущийся свободным выбор тех или других. Существовали следующие личные окончания:

1. -ā, -āni	4. -ma	7. -va
2. -s, -si	5. -tha	8. -thas
3. -t, -ti	6. -n(t)	9. -tas,

другими словами, только первичные окончания применяются в 1-м лице ед. ч., во 2-м и 3-м лице двойственного числа, во 2-м лице множественного числа; только вторичные окончания встречаются в 1-м лице двойственного числа, в 3-м лице множественного числа; свободное варьирование допускается во 2-м лице ед. ч. между -si и -s, в 3-м лице ед. ч. между -ti и -t. В 1-м лице ед. ч., как уже говорилось, -ā является первичным окончанием (= греч. -ω, лат. -ō). Здесь возможен также вариант -āni (ā, распространенное частицей -ni или даже -ā-na, преобразованное под влиянием первичного (I) i в -ā-ni). В медиуме, напротив, используются почти только первичное окончание на -ē или варианты на ai, и лишь в третьем лице мн. ч. допускается также вторичное окончание Ср.: bharāsi/bharās, bharāti/bharāt; от i- 'идти': 1. ay-ā(ni), 2. ay-a-s(i). 3. ay-a-t(i); от as- 'быть': 1. as-āni, 2. as-a-s(i), 3. as-a-t(i). 5. as-a-tha, 6. as-a-n и т. д.

При более внимательном изучении данного варьирования (3) складывается впечатление, что вторичные окончания были первоначальными, а первичные окончания постепенно распространялись, вероятно, в связи с постепенным смысловым сближением с индикативом. В историческом аспекте эта точка зрения представляется более обоснованной, чем предположение, что очень ограниченное варьирование — собственно говоря, только во втором и в третьем лице единственного числа — якобы, обусловлено различиями содержательного характера (4) или же существованием в прошлом двух «времен» — конъюнктивного презенса и имперфекта (5).

(1) Ср. Schwyzger₂, II, с. 790 и сл., Hahn₅, с. 59

(2) Renou₂, с. 5 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 139.

(3) Gonda₄, с. 110 и сл.

(4) Hoffmann K₂, с. 264⁴, 276.

(5) Kuryłowicz₁₇, с. 139.

Дополнение 1. Некоторые исследователи оспаривают утверждение о том, что в индоевропейском языке

существовал конъюнктив (например, Pedersen₇, с. 191 и сл.; Lape₁₂, с. 157). Однако поскольку кратковокалический конъюнктив атематических глаголов засвидетельствован в индоиранских языках, греческом, латинском и кельтских (см. Kurylowicz₁₇, с. 113 и сл.), то нельзя сомневаться в том, что он существовал еще в индоевропейском языке

Дополнение 2 Описанное здесь чередование е/о, ē/ō признается, насколько можно судить, большинством исследователей. Однако некоторые полагают, что чередование ē/ō является вторичным, сменившим существовавшее прежде единственное ē; см., например, Hirt₃, 4, с. 296; Pedersen₇, с. 192; Watkins₃, с. 42 и сл.

3.1.2. Оптатив атематических глаголов имеет отчетливые признаки: суффикс -уѐ- в единственном числе, -і- в других числах. Суффиксы присоединяются к нулевой ступени основы, а к ним присоединяется вторичное окончание (1). Отчетливее всего образование оптатива можно реконструировать для глагола *es- 'быть':

- | | |
|-----------|--------------|
| 1. s-yē-m | 4. s-ī-me |
| 2. s-yē-s | 5. s-ī-te |
| 3. s-yē-t | 6. s-iy-ent. |

Пожалуй, лучше всего эта парадигма сохранилась в древнелатинском: *siem, siēs, siet, simus, sitis, sient*; в несколько преобразованном виде — в греческом — с восстановлением *es-, но опущением интервокального s: *εἶμι, -ης, -η, εἶμεν* (из *es-ī-m-), *εἶτε, εἶεν*. В древнеиндийском -уā- было проведено по всей парадигме: *syām, syās, syāt, syāma, syāta, syug*. Напротив, в готском наблюдается обобщение нулевой ступени -ī- в (*wiljau*) *wileis, wili, wileima, wileiþ, wileina* 'я хочу' и т. д. — из *wel-ī-; точно так же в латинском *velim, velis* и т. д.

У тематических глаголов перед вторичным окончанием выступает элемент -oi-, который, как можно полагать, состоит из инотембровой ступени тематического гласного o и нулевой ступени атематического уѐ/ī (2). Образование можно реконструировать на основе греческого, готского и древнеиндийского.

	Греч.	Гот.	Др.-инд	И.-е.
1	φέροιμι	bairau	bharēyam	bheroy-ṃ
2.	φέροις	bairais	bharēs	bheroi-s
3.	φέροι	bairai	bharēt	bheroi-t
4	φέρομεν	bairaima	bharēma	bheroi-me
5	φέροιτε	bairaiþ	bharēta	bheroi-te
6	φέροισιν	bairaina	bharēyur	bheroy-ṇt

Формы 2—5 соответствуют друг другу в этих языках; в 1-м и 6-м в греческом должна была бы возникнуть *φέροια; эта форма, видимо, представлена в аркад. 1-м лице ед ч ἐξελάουοια; в готском следовало бы ожидать *bairaju или *bairajun; не вызывает сомнений, что bairau возникло закономерно, в результате утраты интервокального j, тогда как 3-е лицо мн. ч. было выравнено по другим личным формам множественного числа. В древнеиндийском *bharaya получило для уточнения -m, 3-е лицо мн ч. *bharayat приобрело вторичное окончание -ur и обе формы ввели характерное ē из других личных форм.

Если, что весьма вероятно, o в -oi- является тематическим гласным, то нелегко понять, почему в сочетании с собственно суффиксом -i- выступает o, а не e. Утверждение, будто o объясняется тем, что опатив «основывается» на индикативе (3), не убеждает. Скорее можно было бы предположить, что, как в индикативе и конъюнктиве, o вначале появилось в некоторых личных формах; друг другу противостояли, следовательно, 1. -ou-ṃ, 4. -oi-m-, 6 -ou-ṇt и 2 -ei-s, 3. -ei-t, 5. -ei-te, причем -oi-/ei- только по аналогии воспроизводили чередование -o-/e- индикатива и конъюнктива. При такой интерпретации можно было бы опереться на балтийские языки, если в них формы императива (первоначально—опатива), образуемые с -ei- (типа др.-прусск. weddeis), действительно восходят к и.-е -ei-, а не к -oi- (4).

(1) Schwyzer₂, I, с 793, Leumann₁, с. 324, Stang₅, с. 421 и сл., Vaillant₅, III, с. 29 и сл

(2) Kuryłowicz₁₇, с. 141—142.

(3) Kuryłowicz₁₇, с. 142

(4) Schmid₂, с 60 и сл, Stang₅, с. 439.

3.1.3. *Конъюнктив на -ā* представлен в латинском, древнеирландском (1) и в тохарском. Латинским ferat ferās ferat в древнеирландском соответствуют bera berae

beraid. Оба ряда форм восходят к *bher-ā-m, -ā-s(i), -āt(i) и т. д. В тохарском (А) представлены -am -at -as и т. д., например kalkam 'я пошел бы' (2).

Конъюнктив на -ā долгое время трактовался как употребляемый в модальном значении претерит; ср. лат. egam, amā-bā-s (3). Н. С. Трубецкой затем указал на то, что в латинском все индоевропейские конъюнктивы приобрели футуральное значение (eris, agēs), а все латинские формы конъюнктива, насколько можно установить их происхождение, восходят к индоевропейским формам опатива. Из этого Трубецкой сделал вывод, что и конъюнктив на -ā является продолжением первоначального опатива. Он считал, что в индоевропейском языке атематические глаголы имели опатив на -уѐ-/-ī-, а тематические — опатив на -oi- или -ā-, но едва ли оба одновременно в одном и том же языке (4). Прошло четверть века, и Э. Бенвенист, взяв на вооружение эту идею, предпринял попытку установить связь с другими образованиями на -ā, в частности с формами прошедшего времени типа лат. egās-bās, при этом претеритные образования он возводил к первоначальному опативу, что можно показать на следующих примерах: ср. англ. he would get up early—he used to. 'он обычно вставал рано/он имел обыкновение вставать рано' (5).

В противоположность этому справедливо указывалось, что нельзя отделять ни формы на -ā (представленные в итальянском и кельтском) от аналогичных форм в балто-славянском, ни латинские формы на ē в имперфекте (и плюсквамперфекте) конъюнктива (es-s-ē-s, fuis-s-ē-s) от форм на ē в балто-славянском; если бы все формы латинского конъюнктива были древними формами опатива, то так же должно было бы обстоять дело и с формами на ē, однако опативы на ē не известны ни в одном языке. Отсюда вытекает, что латинские формы на -ā и на -ē (и формы на -ā в кельтском), которые следует считать одинаковыми с формами на -ā и на -ē в балто-славянских языках, как и последние, были когда-то претеритными (6). В формулировке Е. Куриловича это звучит так: латинский конъюнктив на -ā — прежний опатив — восходит к аористу, который хорошо засвидетельствован в балто-славянских языках; конъюнктивное использование является модальным остатком этого древнего аориста, признак которого —ā или ē — восходит к древним корням

seī и продолжает существовать в греческом аористе на -ην (7). Но коль скоро долгий гласный может быть возведен к корням seī, тогда можно думать, что он был представлен также и в презенсе и вообще в глагольной основе. Это предположение подтверждается тохарским языком, в котором, как в итальянских и в кельтских языках, в одной системе сосуществуют конъюнктив на -ā, презенс на -ā и претерит с ā. Лат. secās (през. инд.) и tegās (през. конъюнк.) первоначально были одной и той же формой. Сказанное относится к -bām — старой форме претерита (*bhwā-m) от 'быть' (8).

Таким образом, в латинском картина выглядит следующим образом. Индоевропейский конъюнктив (e/o и ē/ō) стал футурумом. Еще перед этим переходом к формам на -s были образованы тематические формы конъюнктива, которые послужили основой для имперфекта и плюсквамперфекта конъюнктива. Новое настоящее время конъюнктива было образовано частью из форм опатива, частью из употреблявшихся в модальном значении форм на -ā (9). О существовании опатива на -ā в индоевропейском праязыке нет никаких доказательств.

(1) О следах в британском см Watkins₁, с. 149 и сл., о мессап. begap (из -ā-nf) см. Milewski, с. 209.

(2) Krause—Thomas, I, с. 226 и сл.

(3) Leumann₁, с. 325.

(4) Trubetzkoy₁, с. 267—274.

(5) Benveniste₇, с. 11—20, к этому же присоединился Watkins₁, с. 118 и сл. (ср. с. 151); он же₃, с. 41.

(6) Safarewicz₁, с. 102—105 (ā-Aorist > Plqpf. > Impf.; Prät. часто в ирреальном значении).

(7) Kuryłowicz₁₁, с. 35, 131, прим. 35; Kuryłowicz₁₇, с. 115, 137, 142. Ср. также Vaillant₄, с. 120; Hahn₄, с. 34—51; Stang₅, с. 374 и сл.; Rundgrén₄, с. 138 и сл.

(8) См. важную работу: Lane₉, повторно опубликованную в 1967 г. под названием «Studies in Historical Linguistics in Honor of George Sherman Lane», Chapel Hill, 1967. (В прим. 27, однако, необоснованно отрицается существование конъюнктива в индоевропейском праязыке), см. также с. 82 и сл.; Thomas₁, с. 212; Ambrosini₂, с. 37 и сл., 60 и сл., Schmidt₅, с. 25.

(9) Хорошие параллели к ирреальному употреблению (Plautus, Mil 1371: si honeste censeam te facere posse, suadeam) представлены в романских языках; ср. франц. si j'avais fait 'если бы я был голден' (см. Lausberg, с. 194 и сл.); для выражения желания и побуждения, например eātus, такими параллелями могут служить используемые как побудительные перфектные формы в русском: *пошли, поехали, начали*, см. Гвоздев, с. 310.

3.1.4. *Императив* в его обеих разновидностях — императив презенса и императив футурума — был рассмотрен выше; см. 2.5.

3.1.5. *Инъюнктив* упоминался нами неоднократно, но относительно того, существовал ли он, ведутся оживленные дискуссии. Обычно так называют не имеющие аугмента формы имперфекта или аориста в индикативе, выступающие в модальном значении в древнеиндийском или в индоиранских языках. Это означает, что в формальном отношении инъюнктив не является самостоятельным образованием, ибо формы прошедшего времени как таковые могут употребляться и без аугмента, другими словами, при отсутствии аугмента нет необходимости считать их инъюнктивом. Ввиду того, что инъюнктив выражен нечетко, и с формальной и с семантической стороны его часто не признавали (1), однако недавно он вновь привлек внимание многих исследователей (2), а К. Гоффман посвятил ему монографию (3).

В других индоевропейских языках никаких параллелей этому наклонению не обнаруживается. Правда, надо иметь в виду, что в данном вопросе в расчет мог бы приниматься только греческий язык, ибо только в нем аугмент (и имперфект) сохранил свое значение. Если во 2-м лице мн. ч. настоящего времени императива используется форма на *-te*, которая внешне не отличается от безаугментной формы 2-го лица мн. ч. имперфекта (в индоиранском и греческом), то мы вправе в лучшем случае говорить об «инъюнктиве» в индоевропейском праязыке, но не в греческом, ибо в греческом императив стал совершенно самостоятельным, и безаугментная форма, если она встречается, может быть только имперфектной. В противовес тому мнению, что инъюнктив, якобы, является такой же грамматической категорией, как индикатив, конъюнктив и т. д. (4), необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что инъюнктив в индийской системе не является самостоятельной категорией (5); в лучшем случае так можно называть определенные случаи употребления древних безаугментных форм прошедшего времени.

Одним из наиболее хорошо известных случаев употребления инъюнктива в древнеиндийском является его использование с *тā* в запретительных предложениях (6).

Как установила А Хан (7), такое употребление основывается на модальном, запретительном значении частицы; она считает, что инъюнктив употребляется не потому, что что-то должно быть «упомянуто» (8), но по той причине, что в отличие от императива, употребляемого для выражения приказа, запрещение, собственно говоря, выражается одной частицей *mā*, в связи с чем глагол может удовлетвориться нулевым наклонением, каковым и является инъюнктив (9). Сопоставить хеттский прохибитив (запретительное наклонение) с *lē* и индикатив (не императив!), например *lē istamasti* 'не слушай' в отличие от приказа *istamas* 'слушай!' или аккад. *la taqabbi* 'не говори', можно с презенсом, то есть эмфатическим 'ты не скажешь' (10); в таком случае др.-инд. *mā tiṣṭhas* 'не оставайся' могло, видимо, получить старую форму презенса: 'не стойшь (=остаешься) ты'. Однако ввиду того, что запретительные конструкции могут включать также формы прошедшего времени, например в древне-аккадском обороте *ā taqbi* 'не говори!' (10), инъюнктив мог, видимо, получить первоначальную форму прошедшего времени

В данной связи особенно важна та специфическая черта инъюнктива, что он был способен принимать и заменять любое наклонение. Ср., например, в Ригведе:

- | | |
|------------------------------------|---|
| а) X 80,1 <i>dadāti.. čarat</i> | '(Агни) дает.. проходит', |
| б) I 42,7 <i>kṛṇu..vidas</i> | 'сделай...создай', |
| в) VI 40,4 <i>ṣṛṇava(s) . dhāt</i> | 'ты должен слушать...
должно иметься', |
| г) II 33,14 <i>parivṛjyās ..</i> | 'должен нас пощадить... |
| <i>parigāt</i> | должен нас миновать' |

Как установил Кипарский (см Кипарский Р.), в подобных случаях речь идет о подмеченной им «конъюнктивной редукции», состоящей в том, что глагольные признаки могут быть заменены нейтральными, если эти признаки хотя бы раз уже точно указаны, а, как известно, нейтральной формой как раз и является инъюнктив (11). В дескриптивном плане это, видимо, первоначально означало, что в цепочке форм презенса индикатива вместо *-ti* *..-ti* *..-ti* возможны были окончания *ti...-t* *..-t* и т д, при цепочке императивных форм вместо *-tu* *..-tu* *..-tu* могли появляться окончания *-tu...-t* *...-t* и т. д В результате возникала остаточная форма, которая

могла использоваться самым разнообразным образом. При этом важен тот факт, что такое употребление инъюнктивных форм занимает второе место после инъюнктива в запретительных предложениях с *mā*. Третья же группа случаев определяется содержанием — мифологическим или ритуальным (12).

Инъюнктив, следовательно, нельзя считать особым наклонением в индоевропейском языке, а тем более в отдельных индоевропейских языках. Еще в позднеиндоевропейском языке «инъюнктив» был пережитком того периода, когда форма **bheret* существовала как неопределенный вариант наряду с более определенным **bhereti*. Остаточными являются также императивные формы типа др.-инд. *bharat-u* *bharant-u* и т. д.; см. выше, 2.5 (13).

(1) Особенно энергично существование инъюнктива отрицает А. Хан (см. Hahn₄, с. 38 и сл., 44 и сл.) «фантастическая идея должна быть решительно отвергнута», ср. Benveniste₁₀, с. 26.

(2) Kuryłowicz₁, с. 164—179, Renou₁, с. 63—80, Burrow₂, с. 298, Gonda₄, с. 33 и сл.; Thomas₁, с. 216 и сл., он же₃, с. 91 и сл., Watkins₄, с. 45 и сл., он же₁, III и сл., Meid₁, с. 89 и сл.; Kuryłowicz₁₇, с. 145, 152, Campanile₃, с. 41 и сл.; Meid₅, с. 53 и сл.

(3) Hoffmann K₂

(4) Hoffmann K₂, с. 35.

(5) Ср. Buck, с. 238: «необходимо остерегаться предположения, что это особая формальная категория, координированная с остальными наклонениями».

(6) В данной связи см. Gonda₄, с. 44 и сл., 197 и сл., Gonda₇, с. 184 и сл., Moorhouse, с. 12 и сл., Rundgren₂, с. 92 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 146 и сл., Hoffmann K₂, с. 43 и сл. Это единственное употребление, о котором упоминает Meillet₁, с. 247. О дискуссионном вопросе относительно связи с запретительными конструкциями в классических языках см. Hoffmann—Szantyr, с. 337, 456.

(7) Hahn₄, с. 41 и сл., 54 и сл.

(8) Hoffmann K₂, с. 104.

(9) Kiparsky P₄, с. 48.

(10) Несколько по-иному Rundgren₂, с. 96.

(11) Kiparsky P₄, с. 34 и сл.

(12) Kiparsky P₄, с. 37.

(13) См. также Wright₁, с. 184—199.

В. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

4. Во всех индоевропейских языках в индикативе, а также и в других наклонениях представлены различные образования, которые мы обычно называем *временами*.

Так, в латинском в индикативе различают 6 времен, в конъюнктиве—4, в императиве—только 2, однако в *presentē (te)* прослеживается перфектная форма. В латинском все времена распадаются на две большие группы: а) *actio infecta* и б) *actio perfecta*. Вторая обычно имеет особые приметы, но очень часто они имеются и у первой группы, ср.: *amā:-amā-v-*, *pingō.pingū* и т. д. На основе таких формальных критериев мы можем различать, по меньшей мере, три временные основы, от которых образуются вторичные временные формы индикатива, а также формы наклонения.

1. Основы презенса

4.1. В индоевропейских языках представлено несколько основ презенса (1), которые в большинстве случаев могут быть четко разграничены только по формальным признакам. Они могут иметь атематическое или тематическое спряжение, либо только одну диатезу (*Activa tantum*, *Media tantum*), либо две. Корни могут употребляться в чистом виде, или с помощью формантов могут образовываться новые основы презенса от глагольных основ (*девербативные*) или от именных основ (*деноминативные*), например латинский девербатив *spec-iō* 'смотрю' и деноминатив *custōd-iō* (2); сюда же недавно были отнесены и *делокутивные* образования, то есть формы, производные от оборотов, например *salūtāre* 'приветствовать' от *salūtem dīcō* 'говорю приветствие' и т. д. (3). Различное происхождение глаголов не играет в их употреблении никакой роли.

(1) Brugmann₈, II, 3, с. 86 и сл.; Meillet₁, 1937*, с. 196; Meillet—Vendryès, с. 173 и сл., Leumann₁, с. 308 и сл.; Schwyzer₂, I, с. 672 и сл.

(2) Schwyzer₂, с. 717 и сл., 722 и сл.

(3) Benveniste₁₃, с. 57—63, Debrunner, с. 116 и сл.

Главными типами основ презенса являются:

а) Корневые основы

4.1.1. Корневые образования могут выступать в качестве основ презенса, как 1) атематических, так и 2) тематических. Примеры на употребление 1.

*es-mi 'есмь' др.-инд. *asmi*, греч. *εἰμι*, гот. *im* и т. д.

*ei-mi 'я иду'. др.-инд. ēmi, греч. εἶμι, лат. īmus из *ei-mos и т. д.

*kei- 'лежать' греч. κεῖ-μαι, хетт. 3-е л. ед. ч. ki-ta(ri), др.-инд. śē-tē;

*ēs- 'сидеть'. греч. ἵσ-ται, др.-инд. ās-tē, хетт. 3-е л. ед. ч. es-a(ri).

Корень, конечно, может быть и двусложным (см. выше, V.3.5), тогда основа презенса имеет обычно вид *CeCa-; ср. др.-инд. vāmi-ti 'его рвет', āni-ti 'дышет'; в других языках в активном залоге данный тип больше нигде не представлен—ср. тематическое преобразование *wepa- в греч. (F)ἐμέω и лат. vomō—однако в греч. медиуме он существует; ср. ἐρᾶ-μαι 'я люблю', κρέμα-μαι 'я вишю' и т. д. (1).

Примеры на употребление 2 содержат в одних случаях ударный корневой слог и поэтому его полную ступень, например:

*bherō: греч. φέρω, лат. ferō, др.-инд. bharāmi и т. д. (2);

*sērpō 'ползу': греч. ἔρπω, лат. serpō, др.-инд. sarpāmi, а в других—ударный тематический гласный и поэтому нулевую ступень корневого слога;

*glubhō в греч. γλύφω 'вырезаю, выдалбливаю' наряду с *gléubhō в лат. glūbō 'счищать кожуру' и др.-в.-н. kliuban 'раскалывать', англ. cleave 'раскалывать';

*grbhō в греч. γράφω 'пишу' (первоначально 'процарапываю') наряду с *gérbhō в ср.-в.-н. kerben 'делать зарубки', др.-англ. seorfan 'резать', англ. carve 'резать'.

Данный тип, называемый обычно типом tudāti (др.-инд. tudāti 'он бьет'; ср. лат. tundō tutudī 'ударяю, ударил'), встречается очень редко, ибо он используется как тематический аорист, например греч. ἔφογον 'я убежал' (3).

(1) Ср. Schwyzger₂, I, с 680 и сл.; Szemerényi₂₄, с. 82 и сл.

(2) О существовании этого образования в индоевропейском языке см. Szemerényi₁₉, с 189 и сл.

(3) Schwyzger, там же, с 683; Kuryłowicz₁₇, с 116, по мнению Бенвениста (см. Benveniste₂, с. 167), этот тип во всех случаях имеет именное происхождение.

Дополнение. В некоторых случаях представлена, по видимому, 0-ступень; ср. гот. mala, лит. malù 'мелю'. На этом основании был сделан вывод о существовании

в индоевропейском праязыке тематических и даже атематических основ презенса со ступенью -o; см. Meillet, 1937⁸, с 203; Hiersche_{3a}, с 149—159. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что наряду со ступенью -o во многих случаях такого рода могут выступать и другие ступени (ср. др.-ирл. *melim*, ст.-слав. *meljъ*) и в особенности, что в большинстве случаев ей предшествует или за ней следует лабиальный; см. Szemerényi₂₁, с 45 и сл., особ. прим. 74.

б) Редулицированные основы (1)

4.1.2. Основной приметой данного способа образования является повторение корня, которое может быть *тотальным* (полным) и *символическим*. При тотальной редуликации корень повторяется полностью, например др.-инд. *dar-dar-ti* 'разбит расколот', греч. *μαρμαίρω* 'блестеть' из **mar-mar-uō*, *πορφύρω* 'нахожусь в быстром движении' (диссимилированное) из *pur-pur-*, ст.-слав. *glagolati* 'говорить' из **gal-gal-*; иногда появляется вставное -i- др.-инд. 3-е л. ед. ч. *bhar-i-bhar-ti*, 3-е л. мн. ч. *bhar-i-bhr-ati* 'непрерывно нести', причем чередование *i* и *i* обусловлено, очевидно, факторами ритмического порядка. При символической редуликации, напротив, повторяется только часть корня; ср. различные возможности: др.-инд. *var-var-ti* 'крутит', *dē-diṣ-* 'показывать' — из **dei-dik-*, *rō-ruṣ-āpa-* 'сияющий' — из **leu-luk-*.

Наиболее распространенной формой символической редуликации является повторение начала корня. По-видимому, только эта форма редуликации была грамматикализована в индоевропейском праязыке. Здесь мы будем называть ее просто редуликацией.

Редуликация обычно заключается в том, что перед корнем появляется начальный согласный и *i* (2): др.-инд. *bi-bhar-* 'нести', лат. *gi-gn-ō* 'рождаю'. Если корень начинается более чем с одного согласного, то, как в последнем примере, повторяется только первый из них: греч. *ἀπο-δι-δρά-σκω* 'убегаю'. Однако в случае начальной группы *s* + смычной первоначально повторялась, по-видимому, вся группа. В большинстве языков это приводило к диссимиляции; ср. **stā-*, при редуликации **sti-st-*, лат. *sistō*, греч. *ἵσταμι* (из **si-st-*), но др.-инд. *tisth-*. Примером вокалического начала могут служить греч. *i-állω* 'посылаю':

др.-инд. *iy-ag-ti* 'приводит в движение'. Однако очень часто встречается так называемая *аттический редупликация*, при которой повторяются гласный и первый согласный; ср. греч. *ἀρ-αρ-ἰσχω* 'соединяю', др.-инд. *ag-ag-ti* 'шевелится, двигается' (3).

С повторением первоначально был, вероятно, связан семантический оттенок повторения или интенсивности. Однако в отдельных индоевропейских языках это имеет место только при (почти) тотальной редупликации, как в случае древнеиндийских интенсивов, тогда как при грамматической редупликации этот оттенок значения не проявляется (4).

Редуплицированные образования настоящего времени могут быть атематическими и тематическими.

В начале приведем примеры атематических форм:

**dhi-dhē-mi* 'я ставлю': греч. *τίθμι*, лат. *crēdō* из **kret-dhi-dhō* (5);

**di-dō-mi* 'я даю': греч. *δίδομι*, лат. *didet* 'dat = он дает', а также, видимо, лат. *reddō* из **re(d)didō* (2);

**sti-stā-mi* 'я ставлю куда-то': греч. *ἵστανμι*;

**ghi-ghē-ti* 'покидает, уходит': греч. *ῥίχμι*, др.-инд. *ji-hī-tē*; ср. др.-в.-н. *gān*;

**bhi-bher-ti* 'несет': др.-инд. *bi-bhar-ti*.

Примеры на тематические формы:

**sti-st-ō* лат. *sistō*, др.-инд. *tiṣṭhāmi*;

**pi-b-e-ti* 'пьет': др.-инд. *pibati*, лат. *bibit*, др.-ирл. *ibid* (см. выше, VI. 4 4.1);

**si-zd-ō* 'садиться, сидеть'. лат. *sīdō*, др.-инд. *sīdati*, греч. *ἵζω*;

**si-s-ō* 'бросать, сеять': лат. *serō*, возможно, хетт. *sisša-* (6).

(1) О редупликации в общем плане см. Brugmann³, II, 3, с. 20 и сл., Pisani¹, с. 321—337; Hirt³, IV, с. 6—15, Meillet¹, 1937⁸, с. 179—182; Schwyzler², I, с. 646 и сл., Ambrosini¹, с. 285—292, Brock², с. 119—165, Kropasser³, с. 569.

(2) Первичный *i* в образованиях настоящего времени допускают: Леуманн (см. Leumann⁴, с. 27, 44 и сл.), см. еще Brugmann, цит. раб., с. 104. Наличие в индоевропейском праязыке только **didōmi* оспаривают: Schwyzler, цит. раб., с. 648; Етенеац¹, с. 409 и сл.; Insler², с. 64⁸. Редупликация *si* закрепилась тем не менее еще в индоевропейском праязыке в образованиях презенса, редупликация *se* ограничивалась аористом (Kuryłowicz¹⁷, с. 119) и перфектом.

(3) Объяснение аттической редупликации с позиций ларингальной теории (*hle-hlouth > ἤλθουθ-) впервые предложил Курилович (см. Kuryłowicz, с. 31—33), того же придерживался также Шантрэн (см. Chantraine, с. 26). Однако теперь эту редупликацию предпочитают объяснять процессами в самом греческом языке (*le-louth-e > ἤλ-έλουθε > ἤλ-τλουθε с продлением!), см. Kuryłowicz₁₁, с. 269 и сл.; ср. Cowgill₇, с. 153. О протетическом гласном см. Hovdhaugen, с. 115 и сл., 128. Ясно, что аттическая редупликация в презенсе восходит к случаям тотальной редупликации.

(4) Вандриес (см. Vendryès₁, с. 117 и сл.) приписывал редуплицированным формам презенса значение «определенного вида», см. Schwyzler, цит. раб., с. 690; там же относительно предположения о каузативном значении (недавно Kropassee₈, с. 571—572); приводимые примеры, однако, недостаточны Брок (см. Brock₂, с. 147 и сл.) возвращается к значению итеративности.

(5) Szemerényi₃, с. 49; Serbat, с. 86

(6) Laroche₂, с. 75.

в) Основы с носовыми

4.1.3. В большинстве индоевропейских языков известен способ образования форм презенса на ранних стадиях с помощью носового инфикса, а позднее — и носового суффикса. Наиболее древние типы лучше всего сохранились в древнеиндийском. Поэтому при оценке типов в других языках мы должны ориентироваться на положение в древнеиндийском языке (1).

Древнеиндийские грамматисты выделяли в своей десятиклассной системе настоящего времени три класса основ с носовыми. В качестве представителя 7-го класса можно привести корень yuj- 'соединять', обнаруживающий аблаут:

1. yunáj-mi, 2. yunák-ṣi, 3. yunák-ti, 4. yuñj-más, 5. yuñk-thá, 6. yuñj-ánti. Ср также bhid- 'раскалывать': 3. bhinát-ti—6. bhind-ánti; čhid- 'отрезать': 3. čhinát-ti—6. čhind-ánti.

Во всех приведенных случаях создается впечатление, что в нулевой ступень корня (yuj-bhid- и т. д.) инфигирован элемент па (2) (yu-pa-j-, bhi-pa-d-), который за пределами единственного числа превращается в п (yu-ñj-, bhi-p-d-); возникшая в результате основа презенса имеет атематическое формоизменение.

Аналогичная картина наблюдается в древнеиндийском и в отношении 5-го класса:

ṣhu- 'слушать'. 3. ṣhṛōti—4. ṣhṛumás, 6. ṣhṛuvánti; и 9-го класса:

krī- 'покупать': 3. krīṇāti—4. krīṇīmās, 6. krīṇāti.

Ф. де Соссюр высказал мнение, что ṣṭrḥ- возникло из ṣṭu- таким же путем, как bhinad- из bhid-, а именно как ṣṭ-па-и-. Несколько сложнее обстоит дело с 9-м классом. Однако и в отношении этого класса Ф. де Соссюр считает, что rupāmi 'я очищаю' и pavate 'он очищает'—rūta- 'чистый' из *rew(ə)-etoi соотв. *ruə-to- (см. выше, V.3.5)—находятся в таком соотношении друг с другом, при котором rupā- возникло из *ru-па-ə-, причем а-ə развилось в ā. Следовательно, в этих трех классах наблюдается полный параллелизм; исходя из этого, для индоевропейского праязыка получим:

yeug-/yug-	kleu-/klu-	rewə-/ruə-
yupneg-	kīneu-	rūpeə-

Из них в греческом в неизмененном виде сохранился только тип древнеиндийского 9-го класса; ср.:

1. δάμναμι, 3. δάμνασι—4. δάμναμεν, 5. δάμνατε; у Гомера (с ā > η): δάμνημι δάμνησι. Тип 5-го древнеиндийского класса был несколько видоизменен:

1. δείχνωμι	4. δείχνωμεν
2. δείχνῶς	5. δείχνῶτε
3. δείχνῶσι	6. δείχνῶσσι.

Чередование vū/vṛ возникло из пeu/пи- по аналогии с vā/vṛ. Тип 7-го древнеиндийского класса за пределами индоиранского нигде с достоверностью обнаружить не удается (3).

Наряду с этими атематическими формами существуют, кроме того, соответствующие им формы тематические. Санскритскому bhinatti в языке пали соответствует тематическое bhindati, в латинском же известно только findō; древнеиндийскому upakti соответствует латинское iungit, древнеиндийскому атемат. rīpakti '(пред)оставлять'—латинское linquit. В индоиранском уже в ранний период часто используется только тематическая форма; ср. др.-инд. siñcati, авест. hinčaiti 'выливает', напротив, др.-инд. темат. vindati, авест. атемат. vinasti (из -ad-ti) 'находит'. Переход к тематической флексии начался, по-видимому, под влиянием 3-го лица мн. ч. на -onti, которое могло восприниматься и как тематическое. В некоторых случаях он стал совершаться, вероятно, еще в индоевропей-

ский период; ср. лат. *gimprō* = др.-инд. *luprāmi* 'разламываю'.

Отчетливо охарактеризованные конечные элементы -*pā*- и -*peu*-, в которых строевым элементом первоначально было только *p* или *pe*, стали все больше использоваться как целостные суффиксы (4), как в лат. *asper-pā-gi* 'отвергать', *conster-pā-gi* 'пугать; устилать' (5), др.-инд. *badh-nā-ti* 'связывает' соотв. лат. *sternuo* 'стелю', греч. *ζεύωμι* 'соединяю, связываю' (6). Тематизированные -*p(ə)*-о- и -*pw*-о- также получили распространение; ср. греч. *τίνω* 'платить' из **τινFω*; к -*p(ə)*- присоединились еще суффиксальные -*po*- и -*po*-, например греч. *θηγάνω* 'точу'. Во всех индоевропейских языках атематические формы с носовыми инфиксами (7) постепенно были заменены тематическими (часто суффиксальными) формами с носовыми.

(1) См. Schwyzer₃, I, с. 690 и сл.; Specht₂, с. 283 и сл., Kropasser₃; Puhvel₂, с. 14 и сл., Erhart₄, с. 59 и сл., Вяч. Вс. Иванов₄, с. 175 и сл.; Kropasser₆, с. 432 и сл.; Strunk₂, Откупников, с. 96—106 (все образования с -*p*- являются деноминативными), Lindeman_{4a}, с. 83—90.

(2) *pe/pw* в индоевропейском языке предполагают Saussure₄, с. 224, Specht₂, с. 82, Cowgill₅, с. 252. Напротив, простое *p* допускают Хирт (см. Hirt₁, с. 46, 138 и сл., а также Hirt₂, IV, с. 198 и сл.), Benveniste₂, с. 159 и сл., Strunk₂, с. 26. Бенвенист высказывает предположение, что носовой вводился в «основу II», другими словами, не в **yug*-, а в **yweg*-, противоположное суждение см. Cowgill₅.

(3) О хеттском языке см. Brock₁, с. 31—36, Kropasser₆, с. 432 и сл.

(4) Kuryłowicz₁₇, с. 107 и сл.

(5) Наряду с -*pā*- имелись еще -*pē*-, -*pō*-; см. Cowgill₅, с. 251; Strunk₂, с. 53 и сл., Beekes, с. 250 и сл., неправильно Stang₆, с. 323.

(6) Гипотеза, что -*pu*-, якобы, возникло из *pAw* (например, Cowgill₅, с. 251 и сл.), представляется мне необоснованной.

(7) Носовые инфиксы были первоначально носовыми суффиксами, наряду с корнем **yeu*- существовала расширенная форма **yeu-p*-, и обе они могли присоединять детерминатив -*eg*- формы **yeu-eg*- и **yeu-p-eg*- дали **yeug*-, соотв. **yupég*-, ср. Brugmann₂, II, 3, с. 274, Schwyzer, цит. раб., с. 691; Kuryłowicz₁₇, с. 106.

г) Основы на -*sk*-

4.1.4. Четкий по форме суффикс -*sk*- является общеиндоевропейским (1). В одних индоевропейских языках он еще продуктивен, а в других встречаются только его

следы. С ним засвидетельствованы только тематические образования и в соответствии с этим нулевая ступень корня (2), ср.

**prk-sk-ō* 'спрашиваю': др.-инд *prčchāmi*, лат *poscō* (из **porkskō*), др.-ирл. *arso*, др.-в.-н. *forščōn* 'выведывать' — от существительного *foršca* 'вопрос';

**gʷn-sk-ō* 'иду': др.-инд *gačchāmi*, греч. *βάσχω*.

Другие ступени были введены, вероятно, по аналогии с другими формами, ср.:

**gnō-sk-ō* 'познаю': лат. (g)*nōscō*, греч. (эпир.) *γνώσχω*, др.-перс. *xšpā-s-ātiy* 'знакомиться (презентс конъюнктив 3-е л. ед. ч.)'.

Первоначально использовался, по-видимому, только один способ образования: форма типа греч. *γί-γνώ-σχω*, с редупликацией и *-sk-* она представляет собой, вероятно, контакминацию **γί-γνώ-μι* и *γνώ-σχω* (3).

С формальной точки зрения *-sk-* представляет собой скорее соединение двух суффиксов *s+k* (4), чем самостоятельное слово, например тохар. А *skē-* 'стараться' (5). В семантическом плане развитие шло в отдельных языках различными путями. Приобретшая в латинском столь большое значение инхоативная функция в других языках почти не известна. Определенно она вторична по своему характеру и распространилась под влиянием основ с инхоативным оттенком значения типа *scēscō* 'я расту'. В хеттском, где этот суффикс очень продуктивен, можно выявить итеративно-дуративно-дистрибутивное значение; ср *walliskitsi* 'он славит вновь', *atskantisi* 'они обжорствуют (всю ночь напролет)' (6). Интересно, что в тохар. В *-sk-* придает обычно каузативное значение: *rittāskau* 'я соединяю'; но встречаются еще следы итеративного или дуративного значения (7). Таким образом, не исключено, что все более поздние оттенки развились из основного итеративно-дуративного значения (8)

(1) См. Schwyzer₂, I, с 706 и сл., Couvreur₃, с 89—101; Ruipérez₂, с 130 и сл., Hiersche₁, с 33—38, Kuryłowicz₁₇, с 106 и сл., Szemerényi₁₉, с 5, 67 и сл., Risch₈, с 239 и сл., Вяч. Вс. Иванов₄, с 139 и сл., Kroppasser₅, с 575 и сл., Ramat, с 105—123.

(2) Szemerényi₁₉, с 5; Schmitt, R.₁, с 275 и сл., Kroppasser₅, с 581 и сл. В хеттском спряжение является тематическим, но по образцу класса на *-mi*, см Pedersen₆, с 82.

(3) Leumann₄, с 45, Schmitt, R.₁, с 279 и сл., ср также Schwyzer, цит. раб., с 710, Forssman, с 14—20

(4) Вяч. Вс Иванов, цит. раб. ср Kropasser₅, с 581.

(5) Schwyzer, цит. раб., с. 707¹.

(6) Kropasser₅, с 575 и, особенно ясно, Friedrich₁, с 140 и сл., см также Dressler, с 159 и сл.

(7) Krause₂, с. 82 и сл

(8) Kuryłowicz₁₇, с. 107, Ramat (итеративно-интенсивное значение), некоторые считают, что менее правильно, значение каузативно-интенсивным (см Souvreg₉) Порциг (см Potzig₁, с. 152—167) писал о «происходящей толчками или расчлененной на отдельные действия итерации» (Ruck- oder aktweise vor sich gehende Iteration), тогда как Мейе (см Meillet₁, 1937², с 221) приписывал этой форме «определенный вид» (с. 204). «характеризующий процесс, в котором предел очевиден»

д) Основы на -уо-

4.1.5. Вне всякого сомнения, наиболее значительным и продуктивным суффиксом в поздний период индоевропейского праязыка был -уо-, служивший для образования как девербативных, так и деноминативных основ настоящего времени. Спряжение было тематическим, однако в хеттском, как и в случае глаголов на -sk-, по образцу класса на -mi (1) Способ образования в индоевропейском праязыке ясен. Однако в отдельных индоевропейских языках он затемнен утратой -у- в интервокальном положении или изменением его после согласных. Лат. *monēō*, греч. *δοκέω* первоначально имели в исходе -еуō, последовательности -gy- -dy- соотв. -ky- -ty- дали в греч. -ζ- или -σσ-/ττ-; ср. *ἄζομαι* 'почитаю (к.-л.)' (*ἄγιος* 'священный'), *ἐρίζω* 'спору, состязаясь', *φυλάσσω* 'охраняю', *ἱσσομαι* 'молить' (: *ἐρίδ-*, *φυλαχ-*, *λιτ-*). В результате происшедшего в дальнейшем стяжения первоначальные условия оказались почти нераспознаваемыми: лат. *dōnās* 'даришь' восходит к **dōnāyesī*, *monēs* 'остерегаешь' — к **monēyesī* и т. д.

Суффикс -уо- может использоваться для образования основ настоящего времени от глагольного корня или девербативов настоящего времени от глагола. Так, от корня **spek-* 'смотреть' презенс образуется не в форме **spek-mī* или **spek-ō*, а как **spekuō* лат. *speciō*, *con-speciō*, др.-инд. *raṣyāmi*; греч. *σκέπτομαι* образовалось в результате метатезы.

Напротив, *φοβέομαι* 'убегать, бояться' сосуществует с простым *φέβομαι* 'убегаю'. Среди девербативов широко распространены два типа: первый из них — это 3-е лицо ед. ч., которое оканчивается на -ā-ye-ti или -eye-ti, в по-

следнем случае—со ступенью корня при основном гласном *e* и со значением итеративности—интенсивности или каузативности; ср. лат. *domāre* = др.-в.-н. *zamōn*, и.-е. **domāuō* (2) и *monēō* из **monēuō* 'напоминаю' от **men-* 'вспоминать' в *teminī*. Второй тип—это формы с продленной ступенью *ē* вроде греч. *λῃκάω* 'танцевать': латыш. *lēkaju* 'я прыгаю', греч. *πῃδάω* 'прыгаю', лат. *cēlāre* 'прятать' от **kelō* в *osculō*, *sēdāre* 'успокаивать' к *sedeo* 'сизу', а также с *ō* типа *τῳπάω* 'поворачивать туда и сюда', *πῳτάομαι* 'порхать'; встречаются также формы с нулевой ступенью типа др.-в.-н. *borōn* 'сверлить', греч. *σφριγάω* 'изобиловать'. Формы с полной ступенью имеют место также в группе на *-eye-*; ср. греч. *πῳλέομαι* 'продаю': *πέλομαι*, др.-инд. *svārayati* 'усыпляет'. *svap-* 'засыпать', др.-в.-н. *fuoren* 'везти, вести': *fagan*.

Деноминативные глаголы могут образовываться с помощью *-uo-* от основ всех классов; ср. др.-инд. *patas-* 'почитание': *patas-yāti* 'он почитает', *śatru-* 'враг': *śatrū-yāti* 'поступает, как враг', хетт. *lamap-* 'имя'. *lamniya-* 'обозначать, называть' = *δνομα*: *δνομαίνω* = гот. *namō*: *nam-pjan*. В случае *o*-основ глагол оканчивается на *-e-uō*: греч. *δῶρον* 'подарок': *δωρέομαι* 'дарить', *πόλεμος* 'война': *πολέμω* 'сражаюсь'. Конечный элемент *-āuō*, который первоначально употреблялся, естественно, только у *ā*-основ (например, др.-инд. *ṛṭanā* 'борьба'. *ṛṭanāyāti* 'борется', греч. *τιράω* 'я чту', лат. *cūgā-re* 'заботиться', русск. *работа*: *работаю*) получил более широкое распространение: в латинском с его помощью глаголы могут образовываться от всех основ (ср. *gēper-āre* 'порождать', *laud-āre* 'хвалить' и т. д.); но употребление его вместо *-e-uō* в *o*-основах, как представляется, восходит к позднему периоду индоевропейского праязыка; ср. лат. *dōnāre* от *dōnim*, греч. *δῶνάω* в гомер *δῶνόντας* от *δῶνος* (3).

Данное мнение (4), в особенности по отношению к девербативам, не является общепризнанным. Так, глаголы типа **monēuō* **domāuō* раньше считали деноминативными (5). Эти формы с *o*-ступенью, во всяком случае, наводят на мысль об их деноминативном образовании: *φορέω* *ποτάομαι* кажутся прежде всего связанными с *φόρος* *ποτή* (6). В таком случае содержащее нулевую ступень **lukēye-* от отглагольного прилагательного **luké-/lukó-* (ср. вед. *giśayanta* 'они должны светить' от *giśa* 'ясный, светлый') представляет, по-видимому, наиболее древнее

состояние; следующей стадией была, вероятно, форма *louké-ye- от являющегося инновацией отглагольного прилагательного *loukó- (ср. вед. gōṣayati от gōṣa- 'сияющий'), которое приобрело отчасти итеративно-интенсивное, отчасти каузативное значение, последнее, в частности, в противоположность медиопассиву, ср. φοβέομαι 'я убегаю, боюсь' : φοβέω 'обращать в бегство, устрашать' (7).

В большинстве индоевропейских языков представлено тематическое формоизменение. Особенно отчетливо оно наблюдается у глаголов девербативных типа *spekuō, чаще всего — также в случае деноминативных глаголов типа *moneuō *dōnauō. Преимущественно на основе греческих диалектов, в которых (то есть в эолийском и аркадско-кипрском) вместо τιμάω φιλέω ἀξιώω употребляются τιμάμι φιλάμι ἀξιώμι, все вновь и вновь высказывается предположение, что, по крайней мере, -άμι является таким же древним, как и -άω, а, возможно, что оно даже древнее, то есть относится к индоевропейскому состоянию (8). Однако именно для данного класса со всей решительностью необходимо отвергнуть предположение о существовании атематического -άμι в индоевропейском праязыке. В упомянутых греческих диалектах еще встречаются следы тематической флексии (например, эол. τίμαι — 3-е л. ед. ч. из -ά-ε-); в германских языках гот. salbōs (2-е л. ед. ч.) и salbōþ (3-е л. ед. ч. и 2-е л. мн. ч.) указывают на -āyesī -āyetī -āyete и т. д. (9). Кажущиеся на первый взгляд родственными хеттские формы на -ah-mī сюда не относятся, поскольку они образованы от прилагательных (например, newahmī 'я обновляю' — от *newa- 'нов-'), тогда как глаголы, о которых здесь идет речь, образованы от существительных (10).

В случае глаголов на -euō сравнение не дает единообразного результата. Индоиранские и греческий языки (например, φοβέω) свидетельствуют о настоящем тематическом формоизменении -euō/-euesī/-eyetī/-euotos и т. д., с которым согласуются латинская парадигма (например, moneō -ēs) и общегерманская парадигма (например, гот. pasja -jis 'спасать' из *noseuō *noseyesī). А в старославянском языке в качестве соответствий представлены positi или saditi с презентными формами на -jр -iši -itū -imū -ite -etū (из -int-); форма 1-го лица ед. ч. указывает, следовательно, на -уō, а не на -euō, а в остальных

лицах повсюду представлено -i-, которое восходит к ī или eī, но явно не к -eue-/-eуо-. Этому типу в балтийских языках соответствует литовский тип с инфинитивом на īti и презенсом на -ō- (видоизменен), например prašyti 'просить', през grašai, grašai, prašo, prašome, prašote, prašo.

Данному *итеративно-каузативному* типу в балтославянских языках противостоит другая группа, имеющая значение состояния и в формальном плане характеризующаяся тем, что наряду с презенсом с j/i — не только в славянских языках, но и в литовском (-i-, а не -ō-) — в этой группе представлен инфинитив, оканчивающийся на -ėti, и это -ē- выступает и в претерите; ср. ст.-слав. mīnēti 'полагать', ро-mīnēti 'вспоминать', лит. minėti 'вспоминать, упоминать' с формами презенса mīnjo, mīni-ši -tū и т. д. соотв. miniu minì minì minime minite minì и с формами претерита mīnē (ст.-слав. 3-е л. ед. ч. аор.) и minē-jo (3-е л. ед. ч. прет.). Эта группа явно связана с определенными формами в германских языках и латинском (11) В германских языках 3-й класс слабых глаголов обнаруживает поразительные лексические соответствия с латинским; ср. гот. haban 'иметь', ðahan 'молчать', ana-silan 'умолкать' с лат. параллелями habēre (12), tacēre, silēre. Кроме того, соответствие древневерхненемецкой флексии в презенсе (habēm -ēs -ēt -ēmēs -ēt -ēnt) латинской едва ли можно считать случайным. Внимательное изучение материала показывает (13), что в прагерманском парадигма презенса выглядела следующим образом: -uþ, -ēyis, -ēyīþ, -uam, -ēyīþ, -uamþ. В отдельных языках флексивные формы развивались по-иному. В готском, например, -ēyi- через -ēi- дало -ai- (2. habais, 3. 5. habaiþ), тогда как формы с неприкрытым -у- возникли явно в результате стяжения -ауа- в -а- и дали: 1. haba, 4. habam, 6. haband. Этому могла бы соответствовать также парадигма лат. habēre, если принять, что формы с -ē- возникли из -ēue-/-ēуо-. Однако с данным типом спряжения не согласовывалось бы изменение балтийских и славянских глаголов состояния. Напротив, деноминативные глаголы типа ст.-слав. o-slabēti (от slabŭ) с парадигмой -ējo, -ēješi, -ējetŭ и т. д. могли бы рассматриваться как соответствие итало-германскому типу.

Следовательно, вместо одного-единственного класса при более внимательном рассмотрении мы получили три, которые в отдельных языках вновь смешивались.

а) Итеративно-каузативные глаголы типа *moneuþ, -eyesi: лат. moneþ, гот. *nasjan*, греч. φοβέω и т. д.; в балто-славянских языках спряжение в презенсе модифицировано, как в ст.-слав. -jъ, -iši и т. д., инф. на -iti.

б) Глаголы состояния типа лат. *tacere*: презенс *taceþ* *tacēs* и т. д., гот. *ŕaha -ais* и т. д. В балто-славянских языках — инфинитив на -ēti, однако презенс такой же, как в случае а (и в балтийских).

в) «Деноминативные» глаголы типа лат. *albeō* 'я бел'. *albeō albēs* и т. д., гот. *leikan* 'нравиться'; в балто-славянских языках представлен инфинитив на -ēti, а презенс имеет ту же форму, как и ст.-слав. -ějъ, -ěješi и т. д.

Различаются не только основы, но и спряжение, а в особенности оформление суффикса, которого мы до сих пор почти не касались.

Прежде всего необходимо учитывать, что даже при простейшей форме суффикса — -ye-/-yo- — структура корня, согласно закону Зиверса (см. выше, 7.2.1), распадается на два алломорфа — -ye- и -iye-. Следовательно, в отношении своих формантов и.-е. *srek-yō 'я рассматриваю' и *sāg-iyō 'я отслеживаю' идентичны. Во 2-м лице ед. ч. *spekyesi и *sāgiyesi дают в латинском *specis* (ср. *alis alid* из *alyos *alyod) и *sāgis* (ī в результате стяжения iye); лат. *capis* — из *kap-ye-si соответствует др.-в.-н. *hevis*, в отличие от восстановленного гот. *haffis*, тогда как лат. *sāgis* точно соответствует гот. *sōkeis* 'ищешь' (из *sōkiyisi) (14). Инверсия закона Зиверса (см. выше V.7.2 3) объясняет, каким образом и.-е. *logheyo 'класть' превратилось в гот. *lagja* или и.-е. *noseyo — в гот. *nasja* (15).

Часто высказывается предположение, что наряду с «неизменяющимся» суффиксом -ye-/-yo- существовал еще суффикс с чередованием -yo-/-i- или -yo-/-ī-. Это предположение опирается главным образом на балто-славянские языки, где, как мы видели, итеративно-каузативные глаголы наряду с инф. на -iti в старославянском имеют в презенсе окончания -jъ, -i-ši, -i-tū, а глаголы состояния наряду с инф. на -ēti используют в славянском те же самые окончания, а в балтийских языках (литовском) — -jo-/-i-. Считать, что итеративно-каузативный тип якобы повсюду, начиная с индийского и греческого на востоке до германских, кельтских и итальянских языков на западе, имеет один и тот же облик (*moneuþ), а в балто-славянских языках является отражением индоевропейских

диалектов, просто невозможно; видимо, после утраты индоевропейской общности происходили процессы, в результате которых *-eue-* заменилось формой *-ei-* (16). Что касается глаголов состояния, то они не дают никакой опоры для высказываний за или против. Предложенный выше для общегерманского анализ также не является единственно возможным. Высказывалось, в частности, предположение, что гот *-ai-*, якобы, продолжает и.-е. *-ai-* (17) или что индоевропейская атематическая (!) парадигма в единственном числе базировалась на ударном *-ēi-*, а в других числах — на безударном *-ai-*. Это позволяет объяснить все звуки: *ē*, *ei* (отсюда слав. *i*), *i* (из признака мн. ч. *-ai-* с утратой *ə*) и *y* (3-е л. мн. ч. *-āy-énti* дало *-y-énti*) (18), однако не структуру парадигмы. Еще менее убедительной была попытка по образцу лабиовелярных ларингальных ввести также палатализованные ларингальные (см. выше, VI, 4 4.1), причем, как утверждается, *eHy* переходили в *ē*, а *Hy* — в определенном окружении — в *i* или *y* (19). Более убедительной представляется новейшая трактовка, при которой расхождение в количестве между славянским и литовским принимается за исходный момент. Поскольку слав. *i* и лит. *i* могут считаться идентичными только в конечной позиции, высказывается предположение, что спряжение в презенсе опиралось на формы лит. *mīni* = слав. *mīni* (*-tū*), которые были не чем иным, как формой 3-го лица ед. ч. перфекта (окончание *-e + -i* презенса); благодаря этому удается обосновать значение состояния и установить связь между *-i-* и *-ē-* через аорист (ср. греч. *-η-ν*) (20).

О происхождении этих форм в заключение следует сказать, что суффикс *-uo-*, во всяком случае отчасти, развился в результате введения тематического гласного в основы на *-i*. Основа *poti-* 'господин' дала таким образом глагол **potyetoī* 'владеть' (из 'быть господином чего-л.'); этот глагол представлен в лат. *potitur*, др.-инд. *patyate* (21). Однако не исключено, что определенную роль при распространении образований данного типа сыграло словосложение, а именно образование композитов не только с **ei-* 'идти' (22), но и, в частности, в случае фактивных глаголов, с **uo-* 'делать', в связи с чем можно упомянуть о хетт *iyaṁi* 'делаю' (23).

(1) Ср. Brugmann, II, 3, с. 178 и сл., Meillet, 1937*, с. 217—220, Schwyzler, I, с. 712—737, Вяч. Вс. Иванов, с.

181—184, Bammesberger, Stang, с 354, Vaillant, III, с 261 и сл., Kropasser, с. 467.

(2) Ср. Benveniste₁₀, с 15 и сл

(3) Szemerényi₂₀, с 78

(4) См. Schwyzer, цит. раб

(5) Brugmann, цит раб, с 162, 245 (. -eуō от i-основ!), ср. Sprech₂, с. 329.

(6) Vaillant₂, с 98.

(7) Ср Kuryłowicz₁₁, с 86 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 84 и сл., 105 В данной связи см. также Rundgren₃, с. 104 и сл.; Rundgren₄, с. 133 и сл.

(8) Так, например, считает Шанцер (см. Schwyzer, цит. раб., с 729; ср., кроме того, Stang, цит. раб., с 330, Polomé₄, с 197—198, Lindeman₁₂, с. 88

(9) О греческом в настоящее время см Cowgill₈, с 81 и сл., о древнегерманских языках см Wissmann₁, с. 199 и сл., Cowgill₈, с 1—15; о балто-слав см. Vaillant, цит. раб., с. 365 и сл.

(10) Kropasser₅, с. 422 и сл.; Pedersen₆, с 126, его попытку нельзя признать обоснованной.

(11) Ср. Wagner₁, а также Wagner₂, с. 161—173; Schmalstieg₁, с 177—183, Bennett₁, с. 135—141; Cowgill₈, с. 264 и сл., Schmid₁, с. 83, 94 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 76—84; Степанова, с. 110—118, Schmidt₂, с. 202—207; «Сравнительная грамматика германских языков», IV, М., 1966, с. 385 и сл., Polomé₄, с. 83—92, Перельмутер₂, с. 15 и сл.

(12) Гот. haban восходит к *karþ- и родствен лат. carīd, а не habēre, однако в морфологическом плане оба они представляют один и тот же тип.

(13) Wagner₁, с. 4, 49 и сл.; «Сравнительная грамматика германских языков», IV, 1966, с. 389; ср., кроме того, Sehr₁, с. 6; Krahe₂, с 37—39.

(14) Niedermann, с. 43—57; Graur, с 127—150, Pariente₁, с. 1—81

(15) Marchand, с 285—287.

(16) Ср. Kuryłowicz₁₇, с. 84; см. также Vaillant, цит раб., с. 438—439, Cowgill₈, с. 263.

(17) Bennett, цит. раб.; противоположное мнение ср. в «Сравнительной грамматике германских языков», IV, 1966, с. 387:

(18) W. P. Schmidt, цит. раб.

(19) Diver, с 110—122; Cowgill₈, с. 264 и сл. (о Пухвеле [Puhvel]). Шмальштиг предполагает чередование -eу-/ -уо-.

(20) Kuryłowicz₁₇, с 81, 83.

(21) Szemerényi₁₉, с 378

(22) Hirt₂, 4, с. 226.

(23) Vaillant₂, с. 98, Schwyzer, цит. раб., с 714²; Georigiev₇, с 741, Schmitt—Brandt, с. 129.

е) Основы других типов

4.1.6. Кроме главных основ презенса, существуют еще мелкие группы, которые используют менее продуктивные суффиксы (1)

Из смычных для этих целей чаще всего используются дентальные; ср. лат. *pectō* 'расчесываю', *plectō* 'я плету', *flectō* 'я сгибаю', *nectō* 'я связываю' с *t* (2); *sallō* (ср. *salsus* из **sald-tos*) 'я прыгаю', *cudō* 'кую', *tendō* 'протягиваю' с *d* (3); греч. *πλήθω* 'я наполняюсь', *πύθεται* 'гниет' с *dh* (4). Спирант *s* в качестве форманта основ настоящего времени представлен в хетт. *ars-tsi* 'течет' = др.-инд. *arsati* 'течет'; др.-инд. *śrō-s-ati* 'слушает' : *śru-*, греч. *αὐξάνω* . лат. *augēō* 'я увеличиваю', греч. *ἀλέξω* 'защищаю' : аор. *ἄλ-αλх-εῖν* и т. д. (5).

У большинства менее продуктивных суффиксов их функция почти не поддается определению; в этом отношении они приближаются к определителям корня, о которых говорилось выше — см. V.5 4.

(1) Общие сведения см. Brugmann, II, 3, с. 336 и сл., 362 и сл., Schwyzler, I, с. 701—706.

(2) Ср. Peruzzi, с. 394—408.

(3) Для *d* к помощи ларингальных прибегает Розен (см. Rosén, с. 199 и сл.), тогда как другие (см. Thibaut, с. 7) трактуют его как «усиление» у после *l* и *n*; обе гипотезы малоубедительны.

(4) Benveniste, с. 188 и сл., ср. с. 189: «*dh-* выражает состояние, в частности законченное состояние».

(5) Schwyzler, цит. раб., с. 706; Kropasser, с. 394 и сл., как считает Гонда (см. Gonda, гл. II), с помощью *-s-* образовывались также каузативные глаголы.

2. Аорист и футурум

4.2.1. В аористе представлены два четко разграниченных способа образования основ: деривация от глагольной основы с помощью *-s-* (сигматический тип) и деривация без *-s-* (асигматический тип). Последний случай имеет две разновидности: к основе аориста окончания (ВО) присоединяются с тематическим гласным или без него (1).

а) *Атематическая асигматическая основа аориста* представлена лучше всего в греческом и индоиранских языках; ср. *ἔ-γινω-ν* 'я узнал', др.-инд. *a-dā-m* 'я дал' (2).

На основе наблюдений над спряжением некоторых греческих корней с долгими гласными можно утверждать, что данный тип первоначально имел полную ступень в единственном числе актива, нулевую — в других числах и во всем медиуме; ср. греч. *ἔ-θῆ-κα* 'я посадил': *ἔ-θῆ-μεν*, *ἔ-δω-κα* 'я дал': *ἔ-δο-μεν*, гомер. *ἔ-η-κα* 'я бросил, послал':

1-е л. мн. ч. $\dot{\epsilon}\mu\epsilon\nu$, и соответствующие медиальные формы $\dot{\epsilon}\text{-}\theta\acute{\epsilon}\text{-}\mu\eta\nu$, $\dot{\epsilon}\text{-}\delta\delta\text{-}\mu\eta\nu$, $\dot{\epsilon}\text{-}\nu\tau\omicron$. Данное чередование уже у Гомера ограничивалось приведенными глаголами, а также, возможно, и гомеровскими формами $\dot{\epsilon}\text{-}\beta\eta\text{-}\nu\text{:}\beta\acute{\alpha}\text{-}\tau\eta\nu$; а вообще это чередование сменилось оппозицией актива и медиума; ср. $\dot{\epsilon}\varphi\theta\eta\nu$ 'я опередил': 1-е л. мн. ч. $\dot{\epsilon}\varphi\theta\eta\mu\epsilon\nu$:мед. $\varphi\theta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$. Аналогичное соотношение наблюдается и в древнеиндийском, уже в самом начале письменной традиции; ср. $ad\acute{a}m$ 'я дал':мед. 3-е л. ед. ч. $a\text{-}di\text{-}ta$ = греч. $\dot{\epsilon}\text{-}\delta\omicron\text{-}\tau\omicron$, $a\text{-}sth\acute{a}m$ 'я стоял' = греч. $\dot{\epsilon}\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\nu$:мед. 3-е л. ед. ч. $a\text{-}sth\acute{i}\text{-}ta$.

У основ на дифтонг или на (и-е) $e + R$ представлен тот же вид аблаута, однако нулевая ступень еще часто сохраняется в активе, особенно в 3-м лице мн. ч., например: др.-инд. $a\text{-}\acute{s}rav\text{-}am$ 'я слышал', 3-е л. ед. ч. $a\text{-}\acute{s}r\acute{o}\text{-}t$ (и -е. $*klew\text{-}\mu$, $*kleu\text{-}t$); $\acute{s}ri\text{-}$ 'направляться': 2-е л. ед. ч. $a\text{-}\acute{s}r\acute{e}\text{-}s$, 3-е л. ед. ч. $a\text{-}\acute{s}r\acute{e}\text{-}t$, 3-е л. мн. ч. $a\text{-}\acute{s}riy\text{-}an$ (и -е. $*klei\text{-}s$, $*klei\text{-}t$, $*kliy\text{-}ent$); $gam\text{-}$ 'идти': 1-е л. ед. ч. $a\text{-}gam\text{-}am$, 2, 3. л. ед. ч. $agan$, 3-е л. мн. ч. $a\text{-}gm\text{-}an$ ($*g^wem\text{-}\mu$, $*g^wem\text{-}s$, $*g^wem\text{-}t$, $*e\text{-}g^wem\text{-}ent$). Нулевая ступень представлена и в $a\text{-}kr\text{-}an$ 'они сделали', а также в медиуме 1—3 л. ед. ч. $a\text{-}kr\text{-}i$ $a\text{-}kr\text{-}th\acute{a}s$ $a\text{-}kr\text{-}ta$ и т. д. В греческом также встречаются следы этого древнего способа образования; ср. от $\kappa\tau\acute{\epsilon}\iota\nu\omega$ 'убивать' (основа $\kappa\tau\epsilon\nu\text{-}$) 1-е лицо мн. ч. аориста активного залога $\dot{\epsilon}\text{-}\kappa\tau\acute{\alpha}\text{-}\mu\epsilon\nu$ 'мы убили' ($*kt\eta\text{-}m$), 3-е лицо ед. ч. медиума $\acute{\alpha}\mu\text{-}\acute{\epsilon}\kappa\tau\acute{\alpha}\tau\omicron$ ($*kt\eta\text{-}\tau\omicron$), 1-е лицо ед. ч. активного залога некогда должно было иметь форму $*\acute{\epsilon}\kappa\tau\epsilon\nu\alpha$ ($*kten\text{-}\mu$). К $\sigma\epsilon\acute{\iota}\omega$ 'гоню', $\chi\epsilon\acute{\iota}\omega$ $\chi\acute{\epsilon}(F)\omega$ 'лью' относятся архаические формы 3-го лица ед. ч. медиума $\acute{\epsilon}\sigma\omega\tau\omicron$ $\acute{\epsilon}\chi\omega\tau\omicron$ и 3-го лица мн. ч. медиального залога $\acute{\epsilon}\chi\omega\tau\omicron$. Поэтому не исключено, что к данному типу относится и форма аориста 1-го лица ед. ч. активного залога $\acute{\epsilon}\chi\epsilon(F)\alpha$, а единственное число первоначально имело формы $*gheu\text{-}\mu$, $*gheu\text{-}s$ $*gheu\text{-}t$, откуда возникли формы 1-го лица ед. ч. $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\alpha$ 'я вылил, высыпал' и по аналогии с ним 2-го лица $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\alpha\varsigma$ и 3-го лица $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\epsilon$ (3).

б) *Тематическая асимметрическая основа аориста* отличается от описанной выше разновидности тем, что между глагольной основой и окончанием имеет место тематический гласный, в большинстве случаев основа представлена нулевой ступенью. Этот тип встречается в ведийском примерно у 60 глаголов. Он широко распространен и в греческом (4). Ср. др.-инд. $a\text{-}vid\text{-}a\text{-}m$ 'я нашел', $a\text{-}\acute{c}\acute{c}hid\text{-}a\text{-}t$ 'он отрезал', $a\text{-}v\acute{r}\acute{j}\text{-}a\text{-}n$ 'судили'; греч. $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\nu$

(ē-Fið-o-y) 'я увидел', ἑφύον 'я бежал', ἑδραον 'они увидели'. В других языках данный тип тоже встречается, например в кельтских языках; ср. др.-ирл. lod 'я ушел', luid 'он ушел' из *ludh-om, *ludh-et, что сопоставимо с греч. ἤλυθον, ἤλυθε (5). В этих условиях удивительно, что удается обнаружить лишь очень незначительное количество параллелей, охватывающих несколько языков; было даже замечено, что в лучшем случае аорист *wid-o-m 'я нашел, увидел' (др.-инд. и греч. см. выше) можно было бы счесть относящимся к индоевропейскому периоду (6) и, быть может (7), также еще *ludh-o-m 'я ушел' (греч. и др.-ирл. см. выше).

Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что данный тип восходит к позднеиндоевропейскому периоду. Однако интересно, что данный способ образования, который повсюду сравнительно рано отмирает, в индоиранских языках и греческом на первых порах обладает еще некоторой продуктивностью, поскольку в этот тип переходят глаголы первого типа, иногда даже те же самые глаголы. Так, форма 3-го лица мн. ч. др.-инд. adṛṣan, отождествленная с греч. ἑδραον, дала повод предположить для индоевропейского праязыка в 3-м лице мн. ч. форму первого типа *e-dṛk-ont (8). Однако в индийском в начале письменной традиции представлен атематический аорист 1-е л. ед. ч. dāṛṣam, 1-е л. мн. ч. ādarṣma. Не подлежит сомнению, что (a)dṛṣan как раз и является соответствующей нулевой ступенью; ср. выше akaḡam:akḡan и т. д. (9).

Особым подвидом данного типа являются редулицирующие и большей частью (в греческом — всегда) тематические аористы, которые особенно широко распространены в раннегреческом и в древнеиндийском (10); ср. πείθω 'убеждать':πεπιθεῖν, φεύω 'убивать':ἔπεφνε, κέλομαι 'кричать кому-л.':ἐκέλετο, χαίρω 'радоваться':ἡχάροντο и т. д. У некоторых глаголов такие аористы имеют каузативное значение, например ἔλαθετο 'забыл':ἐκ-λέλαθον 'побудили (его) забыть', λαγχάνω 'выиграть (по жребию), получить':ἔλαχον 'чтобы они меня' включили в долю'. При вокалическом начале появляется аттическая редупликация, например ἀρ-αρ-εῖν 'соединять'. Редулицированные аористы в древнеиндийском в принципе всегда каузативны, например a-vī-vṛdh-at 'выращивал'.

Единственным примером, восходящим к индоевропейскому праязыку, является красивое соответствие др.-инд.

avōsaŋ 'я сказал' = греч. ἔ(F)ειπον из и.-е. *e-we-wk^w-от от *wek^w- 'говорить, сказать'; в греческом -weuk^w- диссимилировалось в -weik^w-.

в) *Сигматическая основа аориста* Этот тип был на поздней стадии существования индоевропейского праязыка самым продуктивным. Во многих языках еще в доисторический период он был слит в единую систему с перфектом, например в кельтских и в латинском. Однако самостоятельным он остался в индоиранских языках, греческом и славянских. Это атематический тип, другими словами, вторичное окончание присоединяется непосредственно к оформленной с помощью s основе аориста; ср., например, греч. ἔδειξα 'я показал' из *e-deik-s-ŋ в отличие от εἶδον из *e-wid-o-m.

Корневой слог основы выступал с разными степенями аблаута, причем свидетельства основных языков в данном случае расходятся. В древнеиндийском продленная ступень представлена в активе, а нулевая ступень и основная ступень у корней на i или u — в медиуме; в конъюнктиве и в активе и в медиуме отмечается основная ступень. Например, पि- 'вести' имеет в единственном числе актива следующие формы: 1-е л. a-pai-ṣ-am, 2—3 л. a-pai-s (вместо a-pai-ṣ-s и a-pai-ṣ-t); в медиуме: 1 л. a-pe-ṣ-i, 2 л. a-pe-s-ṭhās, 3 л. a-pe-ṣ-ṭa, в активе конъюнктива: pe-s-āni, pe-s-as(i), pe-s-at(i); однако gudh- 'сдерживать, препятствовать' имеет в 1-м лице ед. ч. формы: a-ḡut-s-am, a-ḡut-s-i, ḡot-s-āni. Напротив, в греческом глагольная основа обычно имеет ту же форму, что и в презенсе; ср. δείκνυμι: ἔδειξα, γράφω: ἔγραφα, но также τίνω: ἔτινασα. Свидетельства существования продленной ступени в активе представлены, видимо, также в латинском и в старославянском; ср. лат. vehō: vēxī и ст.-слав. vezr: vēsŭ; в обоих случаях — из и.-е. *weghō: *wēgh-s-. На этом основании раньше как нечто само собой разумеющееся делался вывод, что в индоевропейском праязыке сигматический аорист имел продленную ступень в активе (11). Сегодня больше склоняются к тому, чтобы считать греческие формы более древними (12). Однако в самом греческом сохранились еще следы древней продленной ступени, которые до сих пор не считались таковыми. Так, ἐρρηξα 'я сломал' нельзя трактовать как просто сигматический аорист от ῥήγνυμι: корень *Fρηγ- не мог бы иметь нулевую ступень ῥαγῖναι (13) и, наоборот, данная нулевая ступень предполагает пол-

ную ступень *Frēγ-, продленной ступенью которой является Frēȝa. Точно так же γῆρά(σ)ω опирается на аорист *ēγῆρα — ср. γῆραυτ- (14) — возникший из *gēr-s-π (15). Поэтому следует признать, что сигматический аорист активного залога имел продленную ступень. Естественно, продленная ступень была представлена не во всех формах актива, а, как у основ презенса, только в единственном числе индикатива (16). О ее происхождении см. выше, VI.2.8. Дополнение 1.

Сигматический аорист, как свидетельствует об этом его распространенность, относится, во всяком случае, к индоевропейскому периоду (17), хотя он, видимо, и является наиболее поздним из способов образования аористных основ в индоевропейском языке (18). Относительно его происхождения существует только одно правдоподобное предположение, а именно, что это был претерит основ презенса на -s (19). Гипотеза о том, что он восходит к разновидности объектного спряжения, при котором s следовало бы трактовать как прономинальный элемент (20), не убеждает, точно так же как и гипотеза, что -s первоначально было окончанием 3-го лица ед. ч. или распространяющим элементом именного происхождения, то есть *prek-s- 'asking (occurred)' ['спрашивая (уже произошло)'] (21).

(1) Введение в проблематику и специальную литературу см.: Schwyz₂, I, с 739 и сл., Thumb—Hauschild, I, 2, с 296 и сл., Chantraine₃, с 161 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 109

(2) Ср Gil₁, с 163—183, относительно аблаута см. Kuryłowicz₁₇, с. 119 и сл

(3) Ср. Schwyz₂, цит. раб., с. 745, но также Pariente₃, с. 79, Strunk₂, с. 89.

(4) См. MacDonell₁, с. 371, Schwyz₂, цит. раб., с. 746 и сл

(5) Часто предполагается, что 2-е лицо ед. ч. претерита сильных глаголов в западногерманских языках, — например, др.-в.-н. *zugī*, *pāti* — восходит ко 2-му лицу ед. ч. индоевропейского атематического аориста, однако другие исследователи (см. Polomé₃, с. 879) вновь возводят его к оптативу перфекта, о слав см. Vaillant₃, III, с. 45 и сл

(6) Thurneysen₁, с. 84; он же₂, с. 116¹, Schwyz₂, цит. раб., с. 746².

(7) Cardona₂ (цитир по Anttila, 1966, с. 35).

(8) См. Schwyz₂, цит. раб., с. 747 и в последнее время — Frisk₂, с. 368.

(9) Strunk₂, с. 97; ср. Narten₃, с. 113 и сл., 117

(10) Schwyz₂, цит. раб., с. 748; Thumb—Hauschild,

цит. раб., с 300 и сл., а также с. 302, об атемат формах в древнеиндийском

(11) См Schwyzer, цит. раб., с 751, Kuryłowicz₁₁, с 159 и сл., 272 и сл.; Schmid₂, с. 226, Вагнер (см Wagner₃, с 4) склонен и кельтские продленные ступени типа sāss- к saigid 'ищет' трактовать как индоевропейские.

(12) Watkins₁, с 18 и сл., особ. 41, 49 и сл. (противоположное мнение см Wagner, цит. раб.); Meid₃, с. 105, Откупщиков, с. 47 и сл. Поскольку vēst не засвидетельствовано в старославянских текстах (см. Watkins₁, с. 35 и сл., 41), сошлись на мнении, выдвинутом в работе Kölln₂, с 265 и сл., где эта форма выводится из сербско-церковнославянского, см также Mathiasen, с 201—214.

(13) Нулевой ступенью от Rē должно было бы быть Rø, то есть R. Ср Meillet₁, 1937⁸, с. 160, Kuryłowicz₁₁, с 170⁸, 175, 205.

(14) Schwyzer, цит. раб., с. 682 и (неправильно) 708; Gil₁, с. 169, 176.

(15) Риш (см Risch₂, с 209) аналогичным образом интерпретировал ἰσφης (из *e-sg wēs-s).

(16) Ср Thumb—Hauschild, цит раб., с 306. Об утрате продленной ступени в греческом см. Kuryłowicz₁₁, с 272 и сл., а об оформлении сигматической парадигмы см Risch₁, в данной связи см также Lejeune₅, с 326, о микен qejameno.

(17) Совершенно неприемлема точка зрения Откупщикова (см. цит раб., с 49), утверждающего, что сигматический аорист образовался лишь после распада индоевропейской общности, а в латинском—после распада италийской общности (!) ср также Watkins₁, с 101 и сл.

(18) Так считает Meillet₈, с 79 и сл., ср. Schwyzer, цит раб., с 749², Kuryłowicz₁₇, с 109

(19) Напр., Schwyzer, цит раб., с 749², Kuryłowicz₁₁, с 33, Kuryłowicz₁₇, с 104⁷, 110, Вяч Вс Иванов₄, с. 173 и сл.

(20) Kretschmer₂, с 11 и сл.; Kropasser₃, с. 21.

(21) Watkins₁, с. 97 и сл., 99, 105 и сл.

(22) О проблемах, связанных с индийским и индоевропейским аористом, см также Елизаренкова₁.

4.2.2. Футурум представлен не во всех индоевропейских языках. Так, хеттский и древнегерманские языки не имеют специальных форм для выражения будущего. В других языках встречаются формы, которые определенно являются довольно поздними инновациями, например 1-й футурум в латинском. Наконец, существуют и такие языки, которые обнаруживают сходный или даже идентичный способ образования футурума, так что законным начинает казаться вопрос, не сохранили ли они индоевропейский способ образования футурума (1).

К формам футурума такого рода относятся:

1) греческий футурум на -σω -σεις -σει и т. д., то есть формы, образуемые с суффиксом -s- и спрягаемые по те-

матическому типу, наряду с ними существует так называемый дорический футурум на -σέω; например: παιδεύ-σ-ω 'я буду воспитывать', в дорич. παιδεύσέω (или -σίω);

2) лат. тип. *faxō* (Плавт, Тусс. 643) *ego faxo* (= *faciam*) *dicat*;

3) др.-ирл. тип с -s- от глагольной основы, зафиксирован только у шести глаголов (2), например. *seiss* 'будет сидеть' из **sed-s-ti*, *reiss* 'он будет бежать' из **ret-s-ti* (та же основа, что и у лат. *rota*);

4) индоиранский футурум с суффиксом -sy-, например др.-инд. *dā-sy-ā-mi* 'я дам';

5) балтийский футурум (3), например: лит. *duo-siu* 'дам', 2-е л. ед. ч. *duo-si*, 1-е л. мн. ч. *duo-si-me*, 2-е л. мн. ч. *duo-si-te*, 3-е л. мн. ч. *duo-s*;

6) др.-ирл. футурум с ē, тип *génaid* 'нанесет рану'; сопоставляется с древнеиндийским дезидеративом (4) *génaid* возводится вначале к **gignāti* (през. *gonaid* 'ранит') и затем вместе с др.-инд. *jighāmsati* 'он хочет ранить' — к и.-е. **g^whi-g^wh²-seti* (5), пра-ирл. **gignāseti*. За исключением данного типа, ограниченного глаголами, оканчивающимися на сонант, редупликация обычно сохраняется; ср. *gigis* 'будет просить' из **gi-ged-s-ti*, и -е **g^whi-g^whedh-s-ti* (см. IV 7 5 3).

Таким образом получаютс^я три типа футурума на -s:

а) Латинский футурум *faxō* ясен по своей структуре. Поскольку наряду с футурумом *faxō* существует еще конъюнктивная форма *faxim*, то мы наблюдаем такое же соотношение, как и в случае *egō-sim*, и -е **esō*- **syēm* (см. выше, 3.1. 1—2), другими словами, *faxō* было первоначально конъюнктивом к аористной основе *fak-s-*. Тот факт, что в латинском древняя основа аориста продолжает свое существование только в указанных образованиях модального характера — что служит иногда поводом для возражений (6) — не имеет отношения к делу, ибо основа аориста *fak-s-* засвидетельствована в близкородственном венецком в индикативе в форме *faxs-θo* (7). С таким типом футурума из конъюнктивного аориста согласуется и древнеирландский тип *seiss* (см. выше, п. 3), а также (8) обычный греческий футурум с -s- (см. выше, п. 1) С формальной точки зрения против этой гипотезы выдвигаются возражения, при этом в качестве довода для возражений часто указывают, что основа футурума, особенно в греческом, отличается от основы аориста, ср.

ἐπαθον—πείσομαι 'страдать', ἤλυθον—ἐλεύσομαι 'приходить', ἔσχω—ἔξω 'получать, держать'. При этом упускают из виду, что—это превосходно можно наблюдать в древнеиндийском—один и тот же глагол может иметь несколько основ аориста и что конъюнктив на -s- имел полную ступень, как и πείσομαι из πενθ-σ- или ἐλεύσομαι из *leudh-s- и т. д. В синтаксическом плане можно указать на то обстоятельство, что конъюнктив часто используется в качестве проспектива, что практически равнозначно футуруму, ср. ἵδομαι, γέννεται (10)

б) Другой и, на первый взгляд, единообразный тип представлен в языках сатэм. Бросающаяся в глаза идентичность др.-инд. dā-sy-āmi с лит. duo-si-u—обе формы из и.-е. *dō-sy-ō—послужила поводом для предположения, что в языках этой группы, в отличие от многообразия футуральных образований в западных языках, в данном случае речь идет об общей восточной инновации (11). В этой связи необходимо прежде всего указать на то, что единственное причастие byšēšt- (до последнего времени почти всеми оно рассматривалось как свидетельство того, что и в славянском некогда существовал футурум на -sy-) (12) должно быть окончательно исключено из рассмотрения, так как оно является довольно поздней инновацией, которая образовалась на основе аористной формы byšę и которая означает не только 'будущий', но, соответственно своему происхождению, также и 'ставший' (13). Если и можно проводить параллель между балтийским футурумом и индоиранским футурумом, то к этому надо подходить как к результату контактов в тот период, когда балты жили в Приднепровье, в непосредственном соседстве с иранскими народами (14). Далее, в последнее время неоднократно обращали внимание на атематический характер балтийского футурума: литовская парадигма (например: 1. dúosiu, 2. dúosi, 4. dúosime, 5. dúosite, 3, 6. duōs) имеет, как отмечается, в 3-м лице атематическую форму *dō-s(-t)—хотя у Даукша (Daukša) встречается также duosi из *dō-s-i(-t), а формы множественного числа на -i-me, -i-te отличаются от форм на -yo-me, -ye-te- в индоиранских языках (15); по этим соображениям следовало бы даже отказаться от такого убедительного соответствия, как др.-инд. dāsyā(mi)—лит. dúosiu (16). Отличие у обеих флексий такое же, как в случае лит. mīni:др.-инд. manyatē 'думает', а само это откло-

нение представляет собой в обоих случаях вторичное явление в балтийских языках (17) Будем, следовательно, придерживаться того мнения, что индоиранские и балтийские языки, а также не исключено, что на ранней стадии и балто-славянские, имели общие формы футурума с тематическим формантом *-syo-*, который происходил, как можно полагать, из индоиранского региона.

в) *Третий тип* футурума, как мы видели, представлен только в индоиранском и древнеирландском, а его структуру можно было бы представить следующим образом: редупликация + корень (V или N) + *s* + тематический гласный (17) + окончание. Обычно проводимая параллель между др.-ирл. *génaid* и др.-инд. *jighāmsati* на основе и -е **g^whi-g^wh²seti* внушает сомнения, потому что др.-ирл. *-ā* едва ли можно отделить от конъюнктивного *-ā*; ср. образуемую к *egnaid* 'предоставленный' форму 3-го лица ед. ч. конъюнктива *-ega* — футурума *ebga* (**perā — *pī-grā*), что определенно базируется на распространении *-ā* от корней *sēt* (18). Во всяком случае, индоиранские формы имеют отчетливую структуру с *-s-* и дезидеративное значение.

Можно, таким образом, говорить о:

1) формах футурума на *-s-*, которые продолжают формы конъюнктива сигматического аориста и представлены в греческом, латинском и кельтских языках;

2) формах футурума на *-sy-*, возникших, по всей вероятности, в индоиранских языках и не выходящих за пределы распространения языков сатем;

3) о дезидеративах на *-s-*, представленных только в индоиранских языках.

Коснемся вкратце соотношения между этими способами образования. У футуральных форм на *-s-* как входящих к конъюнктивным формам аориста и форма и значение ясны. Напротив, формы на *-sy-* трудно связать с сигматическим аористом. С чисто формальных позиций в их основе мог в принципе лежать презенс на *-s-* (см. выше, 416). Тогда формы на *-so-* были бы формами конъюнктива или тематическими формами, а формы на *-syo-* — распространенными; дорический футурум можно было бы рассматривать как формы с распространением иного рода (*-se-yo-*); сигматический аорист можно было бы считать соответствующей формой прошедшего времени (19). Учитывая отчетливую связь представленных

в западных языках форм сигматического аориста конъюнктива, следует придерживаться для них данной интерпретации. Присущие восточным языкам формы на -су- восходят, напротив, к иному, самостоятельному источнику, — к дезидеративам (20). Неразрешимым является вопрос о том, связано ли -су- через свой -у- с *ei- 'идти' (21).

(1) Ср. Schwyzer₂, I, с 779 и сл., *d'Elia; Thumb—Hauschild, с 352 и сл., Strunk₃, с 298 и сл.

(2) Thurneysen₃, с 410.

(3) Stang₅, с 397 и сл.

(4) Thurneysen₃, с 404, 414; Puhvel₁, с 454—456, Kuryłowicz, с 254, Етенеау₁, с 410, Cowgill₅, с 262, Schmidt₈, с 21 О возникновении индоиранских дезидеративов см Leumann₄, с 45—47; Thumb—Hauschild, цит раб, с 352 и сл., Insler₂, с 57—66

(5) Напротив, никаких лексических параллелей или соответствий не находят другие ученые, см. Leumann₄, с 45—47, Thumb—Hauschild, цит раб, с 351, 353.

(6) Thomas₂, с 11, он же₁, с 207 и сл (см., однако, с 210 и сл.); ср также Watkins₃, с 41.

(7) Leumann₄, с 324, 343 и сл.; Hahn₄, с 61; Cowgill₅, с 263

(8) Hahn₄, с 61, прим. 115, Pariente₂, с 59 и сл., он же₃, с 23 и сл

(9) Schwyzer, цит. раб, с 787, Householder, с 398; W P Schmid₇, с 43, прим. 163, Schmidt₈, с 23

(10) Schwyzer, цит. раб, II, с 309 и сл.; Kuryłowicz₁₇, с 140.

(11) Porzig₂, с 88, а также Savčenko₄, с 34—35.

(12) Vaillant₈, III, с 104

(13) Aitzetmüller₃, с 11—16.

(14) О расселении балтов на юго-востоке, до линии Десна—Сейм и об иранском влиянии см Топоров, Трубачев (с. 231 и карту 2 с географическим распределением), Gimbutas, с 69—102, Pauls, с 185—196, Филли, с 28—41; о территории южнее Припяти и Десны см. Трубачев, с 5—14 (характеристика исследования) и с 269—289 (оценка различных языковых элементов, с картами) Иные суждения Агутаа, с 73—90. См также Sulimirski, с 1—17

(15) Schmid W P₁, с 55 и сл.; Stang₅, с 397; особенно детально—Kazlauskas, с 365 и сл.

(16) Schmid W P₁, с 78.

(17) См. выше, 415, прим. 11, Cowgill₅, с 264 Что атематическая форма 3-го лица ед ч в др.-ирл. (gigis 'будет просить' из *gi-ged-s-ti) вторична, ясно из -lili 'будет следовать' из *li-li-s-e-t (Thurneysen₃, с 414).

(18) Ср Watkins₁, с 161

(19) Schwyzer, цит. раб., I, с 787, Kuryłowicz₁₁, с 33, прим. и с 34; ср Schmid W P₁, с 43 и сл., Poultney, с 873, 878—879 Теперь Курилович (см Kuryłowicz₁₇, с 115) вновь исходит из сигматического аориста.

(20) Смит (см Smith, с 182) исходит из атематической формы -s-ti, которая, будучи различным образом модифицирована, выступает как -s-i-ti в протопракрите, как -s-ya-ti в индоиранских языках, как -siu в балтийских, как -s-e-tai в протогреческом. Но протопракрит не отличался от индоиранских, см. Berger, с. 25, Alsdorf, с. 4

(21) Например, Hirt, IV, с. 176, ср. Hahn, с. 71, прим.

3. Перфект

4.3. Четкая система перфекта представлена только в индоиранских языках и в греческом. Однако, если постичь специфику этих форм, то нетрудно будет понять, что древний перфект в древнегерманских языках сохранился почти без изменений, а в индоиранских языках — с включением некоторых элементов иного рода. В латинском перфект и аорист слились в новый перфект (1).

Как мы уже видели, перфект располагает особыми личными окончаниями. Эти окончания присоединяются непосредственно (без соединительного гласного) к основе перфекта, которая, подобно глагольным корням с гласным основы *e*, в единственном числе актива имеет ступень -o, а в остальных формах — нулевую ступень; ср. от τίττομαι 'возникаю, рождаюсь', гомер 3-е лицо ед. ч. τίττο-е 'он есть (рожден)': 3-е лицо двойств. ч. (έκ) τίττο-την, где -τα представляет нулевую ступень gp. У этих форм имеется и другой признак перфекта — редупликация.

а) *Личными окончаниями ед ч.* (см. выше, 2.3) были -a -tha -е. Реконструкция окончания 3-го лица ед ч. -е опирается не только на греческий, но и на кельтские языки, ибо оппозиция 1-го лица ед. ч. gād: 3-го лица ед ч gáid в древнеирландском указывает на и -е. -а -е (2) Во всяком случае, греческий и кельтские языки свидетельствуют против гипотезы (3), состоящей в том, что формы 3-го лица единственного числа и тем самым все формы единственного числа имели тембр *a*. Форма 2-го лица ед. ч. особенно подвержена инновациям. В греческом древнее окончание уже в начале письменной традиции сохранилось только у глагола οἶδα (οἶδα из *woid-tha); везде оно было заменено окончанием -ας, как и в древнеирландском. Оно, напротив, сохранилось в лат. -(s)tī и в гот. -t, возникавшем после спирантов; ср., например, gaf-t (нем. gabst 'дал').

Первоначально перфект имел только окончания «активного залога». Об этом свидетельствуют многие медиальные глаголы, у которых в перфекте отмечались окончания актива; ср. τίτυομαι:τέτυονα, μαίνομαι:μέμνηα 'свирепствую'. Позднее под влиянием медиальной основной формы и перфект получил медиальное оформление и возникли τέτυνμαι наряду с τέτυονα, а вместо нее—πέπεισμαι '(до)веряю' вместо прежней формы πέπειθα от πείθομαι и т. д. (4). В древнеиндийском к активной форме tu-tōd-a (от tudati 'толкает', лат tu-p-d-ō), которая была единственной формой (3-го лица ед. ч) в ведийской литературе, позднее добавилась медиальная форма tu-tud-ē. Латинские окончания (см. выше, 2.3) можно рассматривать как снабженные i (то есть признаком значения hic et nunc) варианты «активных» окончаний (5). Досадным при этом является, однако, то обстоятельство, что корни перфектных форм типа de-d-i, имеющие нулевую ступень, никак не согласуются с формами перфекта активного залога. В то же время полная ступень в формах типа vīdī fūgī (из *woid- *bhoug-) и т. д не соответствует медиальным окончаниям. Следовательно, не исключено, что и в латинском к перфекту в активном залоге затем был образован медиальный. Только что упомянутая форма *woidai лежит в основе единственно отчетливого примера в славянском—ср. ст.-слав. vědě 'я знаю' (6). Было бы неправильно возводить атематическую парадигму věd- (1 л. vědě, 2 л. věsi, 3 л. věstū и т. д) к перфекту на -ē woid-ē-m (7), в котором -ē- не могло отсутствовать.

б) *Редупликация* в ее символическом варианте на поздней стадии индоевропейского праязыка (см. выше 4.1.2) стала чисто грамматическим средством. В случае консонантного начала корня начальный согласный, а при s+T—вся группа повторялись в сочетании с -e- перед корнем; ср. греч. θέ-δορх-α 'я видел', гот stai-staut 'толкнул' и т. д. В отдельных языках редупликативный (удвойтельный) гласный с течением времени, а, может быть, еще в доисторический период, уподобился корневому гласному; ср. лат momordī 'я укусил', sporondī 'поручился', poroscī 'я потребовал', rupugī 'я колол' cuscugī 'побежал', начало которых в древнелатинском звучало еще tem-sper-per-per-ses-, или др.-ирл. -cúala 'я слышал' из *kuklowa, и -e. *ke-klow-a, др.-инд. bubudhē 'я бодрствовал' из и -e *bhe-bhudh- (7a). И.-е. *bheu- 'стано-

виться (кем)' позволяет (на основе формы 3-го лица ед. ч. *bhe-bhow-e, а также формы 3-го лица мн. ч. *bhe-bhuw-ŋ) ожидать в древнеиндийском *babhāva соотв. *babhūvur; последняя из них является нормальной формой, тогда как первая по общему правилу превратилась в *bubhāva, а затем — в babhūva так же, как *su-sāv-a 'родила' перешло в sasūva. Напротив, в авестийском форма 3-го лица мн. ч. сохранилась в форме babuvar (на письме — bābvarə), а 3-е лицо ед. ч. — в форме bubāva (на письме — bvāva) (8). В некоторых случаях в индоиранских языках и в греческом (?) редупликативный гласный получал продление, например др.-инд. dādharma от dhar- 'держать'; предполагается, что продление обусловлено факторами ритмического порядка (9).

При вокалическом начале корня происходит продление гласного, например лат. ēdī ōdī, гот. uz-ōn 'выдохнул' (и -e *ān-; ср. лат. animus), др.-исл. ōl 'рос', ōk 'ехал' (и.-е. *āl-, *āg-; ср. лат. alō agō). Оно возникло, по-видимому, в результате стяжения редупликативного гласного e с начальным гласным a, e, o в ā, ē, ō (10). Лат. ēdī и (возможно) ōdī в греческом соответствуют ἔδωδα и ὤδωδα. В основе *аттической редупликации* лежат соответствующие латинским формам *īda *ōda, которые в разных окружениях подвергались сильным модификациям (например, 2-е л. ед. ч. *īda = īda 'был', 2-е л. мн. ч. *īste = īste 'вы были' и т. п.) и поэтому получали морфологическое восполнение, сходное с восполнением типа *ēstós из ed-to-s в ἔδ-εστός 'съедобный'. С односложных форм типа названных выше или таких, как ἀφρα δλωλα δτωπα ὄρωρα, данное правило было распространено и на двусложные: из *ākowa *ēgoga *ēpoка (от ἀκώω, ἐγεῖρω, ἐνεχ- 'нести') возникли таким путем ак-ākowa *eg-ēgoga *ep-ēpoка, атт. ἀκίχαα, ἐγ-ρ-ήτορα, ἐνήποχα (11). Следовательно, аттическая редупликация в перфекте принципиально отличается от называемой точно так же редупликации в презенсе или аористе; см. выше, 4.1.2 (3).

В исторических языках, в которых представлен перфект, редупликация является общим правилом. Пожалуй, единственным исключением позднеиндоевропейского или даже общиндоевропейского периода необходимо считать перфект *woida 'я знаю'; он восходит к *wewoida, которое в результате уподобления дало *wowoida, упростившееся вследствие своей частотности в *woida; см.

выше, 2.3 Следы древней редупликации представлены в причастии *weid-wōs, вокализм которого объясним только из *we-wid-, ввиду того что первоначальное *weid- должно было бы дать форму с нулевой ступенью *wid-wōs (12). Конечно, в отдельных языках вторично возникли новые случаи и даже целые классы нередуплицированных перфектных форм. Так, редуплицированные перфектные основы в латинском утрачивали редупликацию в композитах (например, др.-лат. tetulī, но contulī и т. д.) и краткие формы могли проникать в систему простых слов, например в класс лат. tulī. В греческом сокращение количества долгого гласного перед группой RT (закон Остгофа) привело к появлению нередуплицированных форм, в частности в ионийском; ср. также ὄρτια '1,85 метра' из *ωρ(ο)ῖτια (13). Единичные утраты наблюдаются и в древнеиндийском: это личные формы подюжины корней и трех причастий; ср. takṣur 'они сделали', dāś-vas- 'восхваляющий' (14). Систематическое устранение редупликации произошло в древнегерманских языках. В первых шести классах сильных глаголов ее нет, она имеет место лишь в седьмом, но и то лишь в готском; в других германских языках она полностью отсутствует, если не считать единичных остаточных случаев; ср. тем не менее гот. saisō 'сеял' = др.-исл. sega, гот. haihait 'звался' = др.-англ. (англская форма) heht и т. д. (15). Объяснить устранение редупликации (см. также п. в) в деталях трудно. Во всяком случае, ничего не дает предположение, что редупликация в индоевропейском праязыке имела место только тогда, когда корневой гласный не был способен к качественному чередованию (16). Это противоречит готскому типу lailōt с редупликацией и качественным чередованием (през. lētan 'оставлять'), а также итальянским перфектам *fēked, *fāked, *fefeked, *fefāked (17) — все от faciō и т. д.

в) *Корневой слог*, насколько это возможно, имеет ступень -o в единственном числе (актива), а в остальных случаях — нулевую ступень. Прекрасным примером может служить индоевропейская парадигма *woid-a, *woid-tha, *woid-e, но во множественном числе *wid-me и т. д. Принцип отчетливо прослеживается в особенности в раннегреческом, общегерманском и в кельтских языках; ср. греч. λαίπω:λέλοιπα 'оставлять', гот. pīman:pan и т. д., др.-ирл. gegon 'я ранил'. Не исключено, что в славян-

ских языках некоторые основы презенса со ступенью -о, например ст.-слав *bojati se* 'бояться' восходят к индоевропейским перфектам (18). Однако существуют и некоторые отклонения от данного основного правила.

В древнеиндийском, где различие между тембровым редуликативным гласным *e* и тембровым гласным корня *o* обнаруживается благодаря закону палатализации (каг-'делать': перф. *ṣa-kaṅ-a*), у корней, оканчивающихся на один согласный, можно наблюдать, что в ведийском форма 3-го лица ед. ч. имеет корень с *ā*, в отличие от *a* в форме 1-го лица ед. ч. (19); ср. 1 л. *ṣa-kaṅ-a*: 3 л. *ṣa-kāṅ-a*, 1 л. *ja-gam-a*: 3 л. *ja-gām-a* 'ушел', 1 л. *bi-bhāu-a*: 3 л. *bi-bhām-a* 'боялся'. Первоначально полагали, что данное различие можно объяснить с помощью так называемого закона Бругмана (и.е. *o* в открытом слоге переходило в *ā*), и, соответственно, считать форму 3-го лица ед. ч. *ja-gām-a* закономерной возникшей из и.е. **g^we-g^wo-me*. Однако в таком случае оказывалось невозможным возвести 1-е л. ед. ч. *ja-gam-a* к **g^weg^woma*, а предложенное в качестве решения **g^weg^wema* нигде не находит опоры, да и в самом индоиранском оно противоречит закону палатализации. Выход пытались найти с помощью ларингальных закон Бругмана, якобы, сохраняет силу, ибо различие между 1 лицом и 3 лицом ед. ч. вызвано тем, что первоначальными формами были **g^we-g^wom*-На и **g^we-g^wom-e* и только в последней *o* находилось в открытом слоге (20). Однако таким образом не удастся интерпретировать корни *sēt*: если 1-е лицо ед. ч. *jaṇa* (каузатив *jaṇauati*) имеет *ā* потому, что корнем было **janH-*, то и 3-е лицо ед. ч. из **ja-janH-a* должно было бы дать **jaṇa*, а не засвидетельствованное в действительности *jaṇa*. Данное различие окончательно доказывает, что долгота в форме 3-го лица ед. ч., позднее факультативно также в форме 1-го лица ед. ч., обусловлена не фонетическими причинами. Долгота была введена в формы с *o*-ступенью, вероятно, по аналогии с морфологическими соответствиями типа др.-инд. *tud* 'толкать': *sad* 'сидеть' в связи с тем, что *taud:sad* перешло в *taud:sād* (21). Однако и в таком случае остается загадочным, почему две личные формы, имеющие одну и ту же структуру, претерпели различное развитие (22).

Продленные ступени встречаются и в других языках, однако они не ограничиваются одним лицом. Формой

с продленной ступенью является греч. ὁρῶν 'он воспринимаем' — от *gep- 'узнавать' и, вероятно, εἶωθα 'я привык': εἶων 'имеющий обыкновение' (23). Однако более значительную роль продленная ступень играет в системе перфекта других европейских языков, в особенности западных.

В данной связи прежде всего следует сказать о латинских основах перфекта с проведенной повсюду продленной ступенью. clēpit 'украл', ēdī 'я съел', ēmī 'я купил', (co-)ēpī 'я начал', frēgī 'я сломал', lēgī 'я прочел', sēdī 'сел', vēpī 'пришел', scābī 'соскоблил'; fōdī 'я выкопал', ōdī 'пáхнул'. Перфектные основы с вокалическим началом корня являются, во всяком случае, унаследованными. ēdī вместе с греч. ἔδ-ῥδ-α (см. выше, п. б.), гот. frēt 'жрал' восходят к и.-е. *ēd-. Вероятно, сюда же относится и форма настоящего времени ст.-слав. ѣмī 'я ем'. Лат. ōdī вместе с греч. ὀδ-ωδ-α и лит. uodžiū 'я пáхну' (*ōdyō) точно так же указывают на и.-е. *ōd- (24). В формальном отношении ēdī и ōdī можно возвести к и.-е. *H₁e-H₁d-ai и *H₂e-H₂d-ai (25). Нельзя было бы, однако, обосновать ни ларингальный в *ed- (см. выше, VI.6.9), ни медиум в системе этих глаголов, а также пришлось бы пренебречь отчетливыми параллелями с другими языками. Предпочтение следует отдать старому объяснению на основе *e-ed- и *e-od- (26).

Латинские корням с консонантным началом имеются также прямые соответствия в древнегерманских языках, ср.: clēpit 'украл', frēgimus 'мы сломали', sēdimus 'сели', vēnimus 'пришли' с гот. hlēfum brēkum sētum qēmum. Против этих отчетливых параллелей часто высказывается возражение, что в германских языках продленная ступень представлена, якобы, только во множественном числе, а формы единственного числа, напротив, имели ступень о; ср.: hlaf, brak, sat, qam. В ответ на это справедливо указывалось, что ēt в гот. frēt и sēt в др.-в.-н. gi-saaz (Weissenburger Katechismus) имели, как и латинские формы, продленную ступень также в единственном числе, и что, следовательно, в 5-м классе о-ступень была введена по аналогии (27). Поскольку в древнеиндийском типе спряжения 3. sasāda/4. sēdīma форма 1-го лица мн. ч. определенно возникла из правильной индоевропейской формы с нулевой ступенью *se-sd-, то было бы весьма заманчиво предположить для типа *sēd при консонантном начале корня аналогичное индоевропейское

звуковое развитие, то есть *se-zd->*sēd-, хотя условия и неясны (28).

г) Перфект первоначально обозначал являющееся результатом предшествующего действия *состояние в настоящем*; ср. и.-е. *woida 'я выяснил и теперь я знаю это', лат. (g)pōvi 'я узнал и теперь я знаю', греч. τέθνηκε 'он мертв', ἔστηκε 'он встал на место и теперь стоит'. Это объясняет и общегерманские претерито-презентные глаголы. Уже в ранний период перфект использовался не только *интранзитивно*, но и *транзитивно* в случае делящегося действия: λαγχάνω 'я получаю благодаря жребию' — λέλογχα 'я получил благодаря жребию, владею', а также при пассивных трансформациях: γόνα λαλονται 'колени ослаблены'. Лишь в послегомеровский период перфект начинает обозначать продолжающееся в настоящее время воздействие на объект (*результативный перфект*): δέδωκε 'он дал', τέτιμήκε 'он почтил'. Этот перфект развивается затем (в III в до н э.) в *повествовательное* время: πέφευγε 'он бежал' (29). В этом усматривали даже общий закон развития (30)

Наряду с состоянием перфект выражает также первичные действия (29), например: 'он кричит', 'ревет', 'пахнет', 'преисполнен радости' (χέκρᾱγε, βέβρῳχε, ὀδῶδε, γέγηθε), которые нельзя вывести из «результативного состояния», но которые очень хорошо можно интерпретировать как интензивы. И интензивность, и результативное состояние хорошо совмещаются с редупликацией, которая и выражает именно эти оттенки значения

Ввиду того что перфект столь легко переходит в повествовательное время (30), перфектные формы очень быстро «изнашиваются» и существует потребность в их постоянном обновлении. Этим объясняется большое количество инноваций в данной сфере глагольной системы. В классической латыни огромное значение имеет перфект на -vī-, в отношении которого еще нет полной ясности (31); в греческом все более широкое распространение приобретает перфект на -k-, в германских языках с самого начала уже в готовом виде представлен все еще не совсем ясный слабый претеритум (33)

Полностью оформившийся к концу индоевропейского периода перфект имел следующие признаки: 1) особые окончания, 2) редупликацию и 3) при возможности качественное и количественное чередование

- (1) Brugmann₃, II, 3, с 427 и сл.; Schwyzer₂, I, с 764 и сл.; Belardi₁, Schmidt₅
- (2) Thurneysen₃, с 433
- (3) Pisani₂, с 221 и сл., Belardi₁, с 101, Neu₁, с 225.
- (4) Chantraine₁, с 21 и сл
- (5) См также Bader₁, с. 97, прим 36.
- (6) Vaillant₇, с 52—56, он же₆, III, с 76, 448.
- (7) Aitzetmüller₃, с. 209 и сл.
- (7a) Leumann₆, с 54.
- (8) Несколько иначе см Brugmann, цит раб., с 25, 441, 454, Benveniste₁₀, с 25 и сл.
- (9) Schwyzer, цит. раб., с. 648, ср также Kuryłowicz₁₇, с 342 и сл.; Benveniste, цит. раб.; Lindeman₇, с. 20.
- (10) К ларингальным прибегает Бенвенист (см Benveniste₈, с. 17).
- (11) Wackernagel₁, с 501 По-иному см Schwyzer, цит. раб., с 766, особ. прим 8, Kuryłowicz, см выше, 4.1.2, прим. 3.
- (12) Szemerényi₁₃, с 25.
- (13) См. выше, VI 275 и Szemerényi₁₃, с 209, 229 и сл.
- (14) MacDonell₁, с. 353; Wackernagel—Debrunner, II, 2, с 910, ср также Thumb—Hauschild, I, 2, с 277, Leumann₆
- (15) Ср. Prokosch, с 176 и сл., Hirt₄, с. 142 и сл.; «Сравнительная грамматика германских языков», 1966, с. 248 и сл., Kuryłowicz₁₁, с. 312, прим.
- (16) Ср. Meillet, 1937⁸, с. 206, Kuryłowicz₁₇, с. 70 и сл.; Bader₁, с. 98; также Belardi₁, с 95, Brock₂, с. 149 и сл.
- (17) Lejeune₃, с. 145—153
- (18) Vaillant₇, с. 53; Vaillant₄, III, с. 77 О качественном чередовании см. VI.3. и Kuryłowicz₁₇, с. 70
- (19) Ср MacDonell₁, с 353 и сл., 356.
- (20) Так впервые Kuryłowicz₁, с 206 и сл., а в недавнее время также Mauryhofer₂, с. 18, Mauryhofer₁, с 178, Insler₃, с. 332.
- (21) См. также Kuryłowicz₁₀, с 57—60, Kuryłowicz₁₁, с. 321, 332 (каузативы) и особ 337 Это мнение было высказано Пизани еще в 30-е гг Pisani₃, с. 401—403, Pisani₅, с. 21; Pisani—Pokorny, с. 48.
- (22) Ср также Belardi, цит раб., с. 95 и сл.; Thumb—Hauschild, I, 2, с 278.
- (23) Ср Schwyzer₂, с. 770, 703⁴
- (24) Vaillant_{4,7}. По-иному Kuryłowicz₁₁, с. 306 и сл.
- (25) Benveniste₈, с. 16 и сл.; ср. Cowgill₄, с. 491 и сл., см также Макаев, с. 42, прим, Polomé₂, с 873, Lindeman₇, с 275 и сл.; он же₆, с. 76; Bader₂, с. 160 и сл.
- (26) Например, Leumann₆, с 332.
- (27) Fourquet, с. 61—68, Макаев, цит раб., с. 41, вопреки Polomé (цит раб.)
- (28) Kuryłowicz₁₇, с. 71.
- (29) Ср Wackernagel₄, с 166 и сл., Schwyzer₂, I, с. 768, II, с 286 и сл., Hofmann—Szantyr, с. 317 и сл., MacDonell₂, с 341 и сл О греческом перфекте см McKay, с. 1—21, о результативном перфекте см. Keil, с. 29—41, относительно перфекта и посессивных отношений см. Allen₁, с. 337—343.

Согласно мнению Перельмугера (см. Перельмугер₁, с. 94—102), перфект обозначал первоначально душевное состояние, а не результативное состояние (совпадает с мнением Schwyzer₂, II, с. 263!)

(30) Kuryłowicz₁₁, с. 29, Kuryłowicz₁₇, с. 25 и сл., 56 и сл.

(31) См. библиографию Lindemann₂, с. 280, прим. 11, совершенно невероятно Schmitt—Brandt, с. 123

(32) Ср. Kropasser₂, с. 518 и сл., Pisani₁₀, с. 19, Lazzeroni₁, с. 120 и сл. (все пишут о связи—в результате заимствования?—с анат. прет на -ha).

(33) Watkins₂, с. 45; Kuryłowicz₁₇, с. 126 и сл., Polomé₂, с. 878, Hiersche₄ (обсуждаются Вишневский, Хаммерих, Бех), Knapp, с. 301—314, Ball, с. 162—188

4. Аугмент, полиморфизм, супплетивизм, глагольная система, вид

4.4.1. В юго-восточном регионе индоевропейской территории представлен не только аорист, охарактеризованный дополнительной приметой, но также определенные типы основ презенса и перфекта, которые, подобно аористу, не присоединяют первичных окончаний. Эта примета, названная *аугментом*, хорошо известна, в частности, по греческому и индоиранским языкам, в которых снабженные аугментом образования от основ презенса и перфекта, то есть *имперфект* и соотв. *плюсквамперфект*, занимают в системе глагола четко очерченное место.

а) Аугмент (1) при консонантном начале глагольной основы е- является *слововым аугментом*. При вокалическом начале аугмент е- еще в индоевропейский период вместе с начальным гласным подвергался стяжению, причем начальные гласные приобретали долготу (*темпоральный аугмент*), то есть е+е=ē, е+о=ō, е+а=ā. Ср. греч. ἔ-φερε-ς = др.-инд. a-bhara-s 'нес', и -е. *ebheres; греч. ἦα = др.-инд. āsam 'я был', и -е. *ēsṃ из *e-es-m; греч. ἄγες (атт. ḡγες) = др.-инд. ājas 'вел', и -е. *āges из *e-ag-e-s.

За пределами греческого языка и индоиранских следы употребления аугмента встречаются во фригийском: εἰδαις 'statuit' (ср. хетт. dais 'он посадил'). Особенно интересны они в армянском (2): аугмент сохранился в 3-м лице ед. ч. аориста, но только в том случае, если глагол с консонантным началом без аугмента становился односложным; ср. 1 л. beri, 2 л. berer, 3 л. eber из *ebheret или 1 л. lkhi, 2 л. lkher, 3 л. elikh 'оставил' из *elik*et = греч. ἔλιπε

Это правило связано с известной тенденцией не уменьшать размеры слова меньше определенного минимума. Между прочим, оно наблюдается и в греческом: опущение аугмента не допускается, если без аугмента возникнет односложное слово с кратким гласным: возможны $\sigma\tau\eta$ $\gamma\omega$, а также $\acute{\epsilon}\tau\alpha$ $\acute{\epsilon}\sigma\chi\epsilon$, но не $\ast\eta\tau\alpha$ $\ast\sigma\chi\epsilon$ (3).

В ранних памятниках греческого и индоиранских языков — всё поэзия — употребление аугмента факультативно; напротив, в прозаических произведениях его употребление с самого начала является обязательным. Из этого факта и из территориального распространения обычно делается вывод, что в индоевропейском праязыке аугмент был инновацией на ограниченной территории, которая к тому же не укоренилась (4). В принципе отсутствие аугмента в других языках могло, конечно, быть «вызвано последующей его утратой» (5); можно было бы, во всяком случае, только радоваться, если бы удалось расширить область бывшего употребления аугмента, как это было недавно сделано, например, в отношении славянского на основе некоторых акцентных особенностей аориста (6). Микенские документы, которым, за исключением одной формы, аугмент не известен (7), казалось бы, свидетельствуют о его факультативном употреблении. В действительности же эти находки ставят нас перед дилеммой, ибо темпоральный аугмент исторического периода предполагает домикенское стяжение $e + e$ в $\acute{e}$ (8). В то же время недавно была дана лингвистическая интерпретация наличия или отсутствия аугмента. Как утверждается, формы с аугментом и формы без него различаются в функциональном плане, причем функцией аугментированного индикатива является «сообщение», а функцией неаугментированного инфинитива — «упоминание» (9).

Аугмент первоначально был самостоятельным словом, вероятно, наречием. Такое предположение вытекает, между прочим, из того, что аугмент несет ударение, а глагол тем самым превращается в энклитику. Значение аугмента интерпретируют либо как 'действительно' (10), либо как 'ранее, прежде' (11), во всяком случае, он не был соединяющим предложения элементом (12). Наряду с e - в качестве слогового аугмента, в особенности перед сонантами, встречается также $\acute{e}$ -; ср. др.-инд. $\acute{a}u\text{p}ak$ $\acute{a}u\text{uk}ta$ от $yu\acute{j}$ - 'запрягать', $\acute{a}ri\acute{a}k$ от $ri\acute{c}$ - 'осво-

бождать', греч. ἤ-Feīðŋ 'знал' к Foīða. В таких случаях можно было бы постулировать начальный ларингальный (13). Однако такие случаи немногочисленны, с бóльшим основанием можно сослаться на редулицированные слоги с e/ē или на чередования типа ne/пё, pŋo/pŋō (14).

Общей тенденцией является постепенный отказ от аугмента. Тем примечательнее тот факт, что в двух точках области его бывшего распространения он и сегодня продолжает существовать: в греческом и в ягноби — ответвлении согдийского языка, относящегося к восточно-иранскому — ср. мод. греч. ἐφυγα 'я убежал' и ягноби akúnim 'я сделал', ašávim 'я ушел'.

б) Аугмент характеризует индикатив прошедших времен, то есть аорист, имперфект и плюсквамперфект.

В имперфекте выступает снабженная аугментом и вторичными окончаниями основа презенса. Следовательно, он находится в оппозиции к имеющему первичные окончания презенсу; ср. *ébheret:*bhéreti в греч. ἐφερε:φέρει, др.-инд. ábharat:bharati. Имперфект, на первый взгляд, представлен в том же регионе индоевропейского праязыка, что и аугмент. Латинский имперфект на -bā- представляет собой, во всяком случае, позднюю инновацию. Что же касается старославянского аориста, то он, по-видимому, воспринял многие древние имперфектные формы. Так, 2-е и 3-е лицо ед. ч. аориста тематических глаголов, например vede (ср. 1-е л. ед. ч. věšŭ) и глаголов на -пр типа mŋp 'миновать' (ср. 2 и 3 л. ед. ч. аор. mŋp) определенно восходят к индоевропейским имперфектам типа *wedhes/*wedhet и -neu-s/-t (15). Армянский аорист eber тоже продолжает имперфектную форму *ebhet, которая никогда не могла быть аористом. Недавно также и древнеирландский имперфект, и балтийский претерит на -ē- были возведены к этому индоевропейскому имперфекту (16).

Плюсквамперфект (17), как можно судить, возник намного позднее. Однако, поскольку перфект — форма презенса — является древним, то соответствующее ему прошедшее время должно быть, по меньшей мере, столь же древним, как и имперфект. В греческом наряду с oīða широко распространен претерит ἤFeīðŋ- (2-е л. ед. ч. ἤēðŋs, 3-е л. ед. ч. ἤēðŋ с вариантами). Представленное

здесь -η- выступает также в футуруме εἰδήσω. Для сравнения можно указать на славянскую аористную основу věd-ě- и инф. věděti, которые свидетельствуют о форме прошедшего времени на -ě- от перфекта vědě 'я знаю' (18). Попытку связать греч. ᾔδεια с лат. videram (19), причем -ε(σ)α, якобы, соответствует лат. -eram на основе и -e-es-, следует признать неудачной, ибо греческая форма восходит к -ē-, которое часто выступает и в других глагольных формах, в частности в причастии; ср. κηχαῖρτα.

Древний тип, при котором вторичные окончания присоединяются непосредственно к основе, сохранился в формах двойственного и множественного числа (17); ср. ᾔσταντο 'оба знали', ἕστασαν 'они стояли', ἐπέτιθμεν 'мы доверяли' и т. д. У этого типа есть параллели и в древнеиндийском, например: a-bi-bhē-t 'был в страхе', aṣṣagar 'бодрствовал', avēdam 'я знал' к перфектам презенса bibhāya, jāgara, veda (20).

(1) Schwyzer₂, I, с. 650 и сл., Meillet₁, 1937⁸, с. 24; 2 Chantraine₂, с. 309 и сл.; Kuryłowicz₁₇, с. 131, Bottin, с. 69—145; Wright₁, с. 187, 199.

(2) Ср. Meillet₁₂, с. 123 и сл.

(3) Ср. Schwyzer₂, I, с. 651.

(4) Schwyzer₂, I, с. 56 Ср. Wackernagel₃, с. 1 и сл., Pisani₁₄, с. 110 и сл.; Ambrosini₃, с. 66 и сл.

(5) Porzig₂, с. 87.

(6) Vaillant₆, III, с. 17, 551.

(7) Об этом см. Dihoux, с. 92.

(8) Szemerényi₃₃, с. 724.

(9) Schmitt₂, с. 65—67, как и Hoffmann K₂, с. 145 и сл., критику см. Ferrari, с. 231 и сл.

О другой возможной причине утраты аугмента см. Kiparsky P₄, с. 39.

(10) Cowgill₆, с. 108 и сл.

(11) Brugmann₃, II, 3, с. 11, а недавно вновь Erhart₇, с. 17, см. также Kiparsky P₄, с. 45.

(12) Так Watkins₄, с. 15. е=лув а 'и', критику см. Friedrich₄, с. 49, ср. Вяч. Вс. Иванов₄, с. 245 и сл. и Вяч. Вс. Иванов₃, с. 230, прим. 20, совершенно иначе Ambrosini₃, с. 63.

(13) См. Kuryłowicz₈, с. 31, Kuryłowicz₁₁, с. 268, 339; Lehmann₁, с. 77, а также Cowgill₇, с. 163, 169, очень неудачную статью Даугмана (см. Daugman) вообще не следовало бы печатать.

(14) Brugmann₃, Schwyzer₂, I, с. 653.

(15) Vaillant₆, с. 51, 54, 230.

(16) Kuryłowicz₁₇, с. 135, Schmalstieg₄, с. 123.

(17) Schwyzer₂, I, с. 776; Kuryłowicz₁₇, с. 91.

(18) Vaillant₆, с. 52; он же₈, III, с. 47, 77, 452.

(19) Pedersen₉, с. 15, а также Pisani₁₀, с. 158 Латинский

плюсквамперфект возводят к -is-ā-; см Leumann₁, с. 339, Safarewicz₁, с. 100 и сл; Kuryłowicz₁₇, с. 125, Watkins₃, с. 43 (20) Thieme₁, с. 35 и сл; Schwyzler₂, I, с. 777 и сл, Leumann₄, с. 32.

4.4.2. Индоевропейский глагол мог иметь различные основы презенса и аориста. Такого рода *полиморфизм* особенно развит в индоиранских языках (1) и в меньшей степени — в греческом (2); ср., например, др.-инд. bhāgati 'несет': bi-bhar-ti 'разносит', но и без изменения значения — saçatē и siṣakti 'следует', stavatē 'хвалит': stu-māsi 'мы хвалим', bhayatē: bibhēti 'боится', tudati: tundatē 'толкает', dabhanti: dabhnuvanti 'они обманывают'. Корень hñ- 'звать' обнаруживает наибольшую вариантность. Он дает пять различных основ, которые, естественно, используются с различной частотностью. Назовем их в порядке их частотности: havatē, hvayati, 1-е л. ед. ч. huvé, hūtē, juhūmas(i). Хорошо известными случаями в греческом являются: πυνθάνομαι — πυνθύομαι 'узнаю', λήθω — λανθάνω 'я скрыт', μένω: μένω 'жду' и, как крайний случай, κεράνομαι, κέρνημι, κερνάω, κεραιώ, κεράω 'смешиваю'. К данному кругу проблем не относится наблюдаемая повсюду тенденция заменять древние атематические образования тематическими. Только в балтийских языках древний тип пережил поздний расцвет (3), хотя в настоящее время этот древний тип исчез. Так, из атематического и -e *sti-stā-mi, сохранившегося в греч. ἴστημι, в латинском возник тематический тип sistō, в древнеиндийском — также темат. tiṣṭhami; атематическому др.-инд. mārj-mi 'я тру' в греческом соответствует тематическая форма ἀμέλγω 'донить' и т. д.

Ввиду наличия разнообразных основ презенса было бы естественным предположить, что каждая из них выражает особый оттенок значения. Так, для редуцированных основ был выявлен «определенный вид» (4). У основ на -sk- главным, вероятно, было итеративно-дуративное значение (5) и т. д. Однако недавно справедливо было указано (6) на то, что подобное мнение было бы обоснованным лишь в том случае, если бы все эти образования были представлены и продуктивны в одной и той же синхронной системе, что, как известно, не имеет места. Так, суффикс -ye/-yo- (см. выше, 4.1 5), продуктивность которого повсюду возрастала в исторический период, определенно лишь на позднем этапе стал весьма

продуктивным. Намного важнее то обстоятельство, что все вторичные основы презенса служили для того, чтобы восполнять новообразованиями с дуративным значением постоянно сокращающийся инвентарь. В нормальном случае, как отмечается, развитие шло от основного глагола через отглагольное существительное к образованному от него (деноминативному) глаголу. Между ним и основным глаголом устанавливалась смысловая связь, и первый начинал восприниматься как дериват второго, например:

Основной глагол	Отглагольное имя	Деноминативный глагол	Отглагольный глагол
*wegheti 'vehit' ('везет, тащит')	*wogho- 'едучи, вóз(ка)'	*woghe-ye- от *wogho-	*wogh-eye- от *wegheti.

В этом свете представляет интерес вопрос, к какой именно форме следует возводить, например, лат. *dō* — к и.-е. **di-dō-mi*, то есть к типу образования, засвидетельствованному в греческом, индоиранских и итальянских языках, или, скорее, к **dō-mi*, которое представлено в балто-славянских языках (7). Обе формы были некогда представлены в индоевропейском праязыке. То же самое можно сказать и о западногерм. **dōn* 'делать', восходящем к и.-е. **dhē-mi*, и и.-е. **dhi-dhē-mi* в греч. τίθημι. Редуцированная основа была при этом вариантом, имеющим итеративное значение, часто вытеснявшим основной глагол в сферу аориста; ср. др.-инд. *dadāmi* 'даю': *adām* 'я дал'.

Полиморфизм в аористе также представляет собой хорошо известное явление, относящееся к позднему периоду индоевропейского праязыка, — сосуществование асимметрических и симметрических основ. И в данном случае речь идет, в конечном счете, о сосуществовании различных основ презенса, одна из которых приобретала отчетливое значение аориста (8). Однако между этими двумя основными типами нельзя обнаружить никаких функциональных различий.

(1) В данной связи см. *Vekerdi*; Елизаренкова₂, с. 91 — 165.

(2) См. об этом защищенную в Лондоне диссертацию моего ученика (см. Kujore)

(3) Stang, с. 310

(4) См. выше, 4.1.2, прим. 4.

(5) См. выше, 4.1.4, прим. 8

(6) См., в частности, Velten₂, с. 185 и сл., Kuryłowicz₁₁, с. 32; он же₁₇, с. 105, 109

(7) Szemerényi₁, с. 7 и сл., Kuryłowicz₂₀, по-иному Otrębski₁, с. 24, Georgiev₂, с. 216; Tedesco₂, с. 11.

4.4.3. Встречающееся у существительного, а в особенности у прилагательного объединение разных основ в одну парадигму, то есть *супплетивизм* (см. выше, VII. 8.9), наблюдается и у глагола. Как известно, перфект латинского глагола *ferō* имеет форму не **feferē* или **feruī*, а *tulī*, др.-лат. *tetulī*, то есть используется совсем иная основа; кроме того, отглагольное прилагательное к этому глаголу образуется не в виде **fertus*, а, с синхронической точки зрения, еще от одной основы, то есть *la-tus*, хотя при диахроническом подходе удастся установить, что она возникла из **tlātos*, а следовательно, связана с *tulī*. В греческом этимологически не связанные друг с другом основы образуют целостную парадигму, например у глаголов 'видеть': *ὄρω* — *ὄφρα* — *εἶδον*, 'сказать': *λέγω* — *ἔρω* — *εἶπον*, 'идти': *ἔρχομαι* — *εἶμι* — *ἦλθον* и т. д.

Часто высказывается мнение, что супплетивизм является чем-то примитивным. Однако оно опровергается хотя бы тем фактом, что известны случаи его сравнительно позднего происхождения, например, англ. *went* лишь с XV в. стало претеритом глагола *go* 'идти'. Очевидно, супплетивизм представляет собой лишь один из аспектов никогда не кончающегося процесса обновления в языке, которому подвергаются особенно часто используемые элементы — будь то элементы словарного состава или элементы грамматической системы (1).

Часто утверждают, что некоторые глагольные основы, якобы, имели определенное значение, которое не допускало их употребления в определенных формальных категориях. Так, считается, что глагольная основа **dō-* обозначала точечное действие, и поэтому презенс **dō-ti* был невозможен (2). В свою очередь корень **bher-*, как утверждается, не образовывал в индоевропейском языке ни аориста, ни перфекта, поэтому-то соответствующими формами являются в греческом *ἔνεγκον*, *ἐνήνοχα*, в древнеирландском *go-uic*, в латинском *tetulī* (3). Однако из-

вестно, что в древнеирландском встречается аорист от этой основы (*birt* 'нес'), а в древнеиндийском с ведического периода представлен корневой аорист (прекатив *bhriyā-sam*, императив *bhṛtam*), сигматический аорист *abhār-sam* и аорист на *-is-* *abhārisam*. И отглагольное прилагательное от этого корня, якобы, не может существовать на том основании, что латинский и греческий используют другие основы, в связи с чем обычно ссылаются на лат. *lātus* соотв. греч. *οἰστός*; однако отглагольное прилагательное представлено в вед. *bhṛtā-*, а др.-ирл. *bríthe* является распространением отглагольного прилагательного; напротив, первичная форма сохранилась как форма пассивного претерита. Совершенно очевидно, что супплетивизм не позволяет делать никаких выводов относительно семантических ограничений для определенных глагольных корней.

(1) См. Mańczak₄; см. выше, VII 89

(2) Ср. Tedesco₂; см. выше, 4.4 2.

(3) Например, Pokorny₁, I, с. 128, Meillet₇, с. 140—141, Watkins₈, с. 7.

4.4.4. Как следует из сказанного выше, в системе индоевропейского праязыка в его поздний период существовало противопоставление актива и медиопассива, а внутри них противопоставление презенса и аориста. Первая оппозиция опиралась на форму личных окончаний, например **bhereti* 'несет': **bheretoi* 'несом, несет для себя', вторая же — прежде всего на различия в оформлении основ, лишь дополнительно на окончания и, возможно, на аугмент; ср.: **bhéugeti* 'уклоняется, бежит': **(é)bhugét* 'он бежал' (греч. *φεύγει:έφυγε*), **yunégti* 'запрягает': **(e)yēuk-s-t ekwō* 'он запряг обеих лошадей' (др.-инд. *yunākti:āyaukṣ-īt*). Вместе с тем существовал еще «перфект», который, собственно говоря, был презенсом, и от него в качестве глагола состояния был возможен только «актив». Лишь в конце индоевропейского периода стало возможным образовывать соответствующие формы медиопассива и, возможно, еще раньше, — соответствующий претерит. Оппозиция презенс:аорист, являвшаяся первоначально просто противопоставлением настоящего времени и настоящего (обращенного в прошлое) времени, должна была в корне измениться там и тогда, где и когда была создана вторая форма прошедшего вре-

мени, опирающаяся непосредственно на основу презенса. Бинарная (двучленная) оппозиция *bhéugeti:*(e)bhugét превратилась в тернарную (трехчленную) *bhéugeti:(é)bhéuget:*(é)bhugét, в результате чего древний претерит и стал, собственно говоря, аористом, тогда как новый претерит, имеющий одинаковую основу с презенсом (то есть имперфект в юго-восточном регионе), стал просто перемещать дуративное действие в прошедшее время. Можно полагать, что развитие форм прошедшего времени повлекло за собой — для заполнения сферы будущего — создание футурума, который, как мы уже видели, из индоиранских языков распространился на балтийские (возможно, и славянские), а в греческом вызвал к жизни иную инновацию.

В индоевропейском праязыке в его поздний период уже прочно закрепились наклонения. Конъюнктив и оптатив и, пожалуй, еще намного раньше, элементарное наклонение приказа — императив. Менее ясно, в какой мере они в нем развились до того состояния, которое засвидетельствовано в отдельных индоевропейских языках. Латинский конъюнктив имеет четыре «времени»; в греческом представлены три формы конъюнктива, то же самое — в ведийском; в готском, который вообще имеет только два времени, — две формы конъюнктива. На основе латинских форм конъюнктива *advenat* 'он пришел бы', *tagās* 'коснулся бы ты' и т. д. обычно делают вывод (см. выше, IX.3 1.1), что индоевропейский конъюнктив не был еще связан с временными основами и что поэтому могла существовать только одна его форма. Этот вывод может быть подкреплён следующим наблюдением. В отдельных языках (например, в греческом или в древнеиндийском) существует аористный конъюнктив, который по своему значению никак не соотносится со значением прошедшего времени в индикативе. Не объясняет этого факта и предположение, что аорист имел значение моментального, точечного вида, ибо если бы форма аористного конъюнктива действительно была образована от аориста, то она должна была бы также иметь значение прошедшего времени. Объясняются эти факты просто тем, что конъюнктив сигматического аориста возник в тот период, когда сигматический аорист был просто претеритом презенса на -s-, а конъюнктив на -s- был конъюнктивом презенса. Однако, поскольку соответствующий презенс

на -s- оказался утраченным как самостоятельная категория, то конъюнктив на -s- был соотнесен с сигматическим аористом. В соответствии с его отношением к индикативу асигматический аорист получил новый конъюнктив с основой, ориентированной на индикатив, несмотря на то, что требуемый системой конъюнктив, собственно говоря, уже имелся в виде конъюнктива презенса. Семантическое своеобразие аориста конъюнктива не является, таким образом, следствием специфичной семантики аориста, напротив, оно унаследовано в почти неизменном виде от более древнего периода; изменился лишь аорист индикатива, и как раз потому, что его противочлен — настоящее время — оказался утраченным.

Отсюда следует, что аористу должны были или, по крайней мере, могли соответствовать формы опатива и императива, причем без какой-либо отнесенности к прошедшему времени. В принципе это может быть сказано и о перфекте, правда, при описании состояния наклонения первоначально не имели смысла. Однако по мере развития перфектов, обозначавших «действие», стали возможны и наклонения. лат. *meminī* из **me-mn̥-tōd* к индикативу **me-mn̥-a(i)* или даже др.-инд. опатив *ba-bhūyā-s* 'будь'.

Развитие этой части системы в активе можно представить следующим образом:

I.	Основы презенса без -s-		Основы на -s-
През. инд.	bhéug-e-ti	yuneg-ti	yeug-s-ti
Прет. инд.	bhug-é-t	yuneg-t	yeug-s-t
През. конъюнкт.	bhéug-ē-ti	yuneg-e-ti	yeug-s-e-ti
II.			
През инд.	bhéug-e-ti	yuneg-ti	
Имперф. инд.	bhéug-e-t	yuneg-t	
През. конъюнкт	bhéug-ē-ti	yuneg-e-ti	
Аор инд	bhug-é-t	yeug-s-t	
Аор. конъюнкт.	bhug-ē-ti	yeug-s-e-ti	

В периоде I друг другу противостоят **bhéugeti* и **bhugét*; наряду с ними существует конъюнктив **bhéugeti*. В это время **yunegti* и **yeugsti*, имеющие по три формы, находятся на том же уровне. Затем происходит сдвиг презенса **yunegti* вытесняет **yeugsti*, прет **yeugst* при-

соединяется к системе презенса *yuneḡti/*yuneḡt, в результате чего *yeuḡst вступает в оппозицию с *yuneḡt тем самым оказываются дифференцированными имперфект и аорист. В некоторых случаях используется лишь оппозиция *yuneḡti:*yeuḡst.

Если привлечь сюда еще и перфект, а для юго-восточного региона индоевропейского праязыка также футурум, а опатив и императив, напротив, не принимать во внимание, то для индоевропейского праязыка позднего периода можно получить следующую общую картину

Общендоевропейский		Юго-восточный и индоевропейский	
През. инд.—През конъюнкт.	Перф. инд — Перф. конъюнкт	През. инд — През	конъюнкт
		Имперф инд.	
Прет. инд Фут инд (первонач. Прет. конъюнкт)		Аор инд — Аор конъюнкт. Фут. инд (первонач Деци- дератив)	

4.4.5. Вид (1). Как правило, славянский глагол представляет собой, по сути говоря, пару глаголов. Два глагола служат для того, чтобы один и тот же процесс, одно и то же действие или состояние представить либо в их протяженности, либо как уже завершенные. Нем. «Gestern habe ich einen Roman gelesen» можно передать на русский язык либо как: а) *вчера я читал роман*, либо как б) *вчера я прочитал роман*. В (б) сообщается, что роман был прочитан до конца, а в (а) этого нет. Поэтому различают два вида, которые в переводе на западные языки ошибочно называют аспектами, хотя первоначально имелись в виду две разновидности, два подтипа, два класса (2); таковыми являются совершенный вид 'der vollendete Aspekt' (пример б) и несовершенный вид 'der unvollendete Aspekt' (пример а). По-немецки их обычно называют также *перфективным* соотв *имперфективным аспектом* (вместо Aspekt говорят также Aktionsart). Еще одна особенность русской системы заключается в том, что настоящее время глагола совершенного вида, поскольку подчеркивается завершенность, не может быть в полном смысле слова настоящим временем — это будущее время. нем «ich werde schreiben» значит в русском 'я на-пишу', если имеется в виду завершение про-

цесса писания, например письма, но 'я буду писать', если я хочу сказать, чем я буду заниматься

Эти факты, установленные еще в XVII в. на материале чешского, польского и русского языков, вскоре после 1850 г., стали известны и Курциусу из работ чешских ученых. Георг Курциус обнаружил «аспекты» (виды) также в греческом, в частности в противопоставлении имперфекта и аориста (3). Позднее их обнаружили почти во всех языках, и даже было высказано предположение об их существовании в индоевропейском праязыке. Однако легко убедиться (4), что при этом происходит необоснованное перенесение соотношений в славянских языках. Ни в греческом, ни в каком-либо ином древнем индоевропейском языке нет ничего, что могло бы соответствовать сквозному дуализму славянского глагола. Если к тому же принять во внимание, что славянская система не является унаследованной, а, напротив, в начале письменной традиции не была еще полностью сложившейся, можно только удивляться, как вообще могла возникнуть и быть воспринятой идея о существовании системы видов в индоевропейском праязыке (5). Индоевропейская «система» становится совершенно непостижимой, если допустить, что «вид в индоевропейском праязыке существовал лишь в зародыше», «вид был еще мало распространен», и одновременно утверждать, что «в индоевропейском праязыке ранней поры еще было сложившейся категории времени: «народ и язык, которые целиком поглощены своим настоящим, не нуждаются в том, чтобы выражать это настоящее особыми глагольными формами» (6). Следует ли это понимать так, что индоевропейский глагол не знал ни вида, ни времени? Либо одно, либо другое он, наверняка, должен был иметь.

Поскольку вид в том смысле, в каком эта категория существует в славянском и отсюда была введена в систему изучения всех индоевропейских языков, в самом славянском возник как ареально ограниченная инновация, его не могло быть в индоевропейском праязыке (7). Со всей непреложностью это приводит нас к выводу, что в таком случае именно время и наклонение было той категорией, которая главным образом характеризовала индоевропейский глагол. Этот вывод согласуется с результатами формального исследования (см. выше, 4.4.4),

согласно которому существенным в индоевропейском индикативе было различие между настоящим и прошедшим, к которым позднее добавилось еще будущее (8) Различие между действием и состоянием, то есть между презенсом и перфектом, не было ни временным, ни видовым; см. ниже, 7 3

(1) В качестве введения в обширнейшую литературу и отчасти в проблематику может послужить упоминавшаяся уже грамматика Швицера (см. Schwyzer₂, II, с. 242 и сл. Из новейшей литературы назовем: Pollak, с. 47 и сл., Pisani₁₁, с. 262, прим. (библиография!), Safarewicz₂, с. 246—254, Kölln₃, с. 57—79, Vailant₃, III, с. 460 и сл., Panzer, с. 68—81 (библиография!), Haitof, с. 735—743, Coseriu₂, с. 93—116, Lyons₂, с. 313 и сл., 397 и сл., Dressler, с. 39 и сл., Strunk₄, с. 289—310, Kölln₁; Szemerényi₃₄ (библиография! В частности, обсуждаются работы Галтона, МакЛеннана, Вейриха)

(2) Это установил Мазон, см. MacLennan, с. 69, прим. 42.

(3) Ср. описание, которое дает Швицер (см. Schwyzer₂, II, с. 251, особ. прим. 1 и 250⁸)

(4) Szemerényi₃₄

(5) Трехчленную систему (imperfective—perfective—stative, последний—в перфекте) предполагают Курилович (см. Kuryłowicz₁₇, с. 130 и сл. и гл. II) и Лайонз (см. Lyons₂, с. 314)

(6) Цитаты см. Schwyzer₂, II, с. 253, о времени см. также Schelesniker, с. 392, индоевропейский праязык не имел времен; Kuryłowicz₁₇, с. 130.

(7) Szemerényi₃₄

(8) См. Strunk₄, с. 279—311.

Г. СИНТЕЗ: ПАРАДИГМЫ (С ПРИМЕЧАНИЯМИ)

5. Все, что было выявлено выше в процессе анализа, для большей наглядности можно теперь представить в синтезированной форме как реконструированные парадигмы

5.1. Глагол *es- 'быть' можно почти полностью реконструировать в системе презенса.

а) Презенс	Др.-инд.	Греч.	Лат.
1. ésmi	ásmi	εἰμί	sum
2. és(s)i	ási	εἶ, εἷς, ἐσσί	ess, es
3. ésti	ásti	ἐστί	est
4. smés(i)/smós(i)	smás	εἰμές, нон. εἰμέν	sumus
5. sté(s)	sthá	ἐστέ	estis
6. sénti	sánti	εἰσὶ	sunt, ock sent

Примечание. Структурный принцип — полная ступень корня в единственном числе, нулевая ступень — в других числах — отчетливее всего сохранился в древнеиндийском. Во 2-м лице ед. ч., по-видимому, -ss- сокращено в -s-; гомер. ἐσσι, др.-лат. ess являются восстановленными формами. О латинской парадигме см Szemerényi¹⁸, с. 190 и сл.

б) Имперфект Др.-инд. Греч.

1. ēsm	āsam	ῥα, атт. ῥι, ῥυ
2. ēss	ās, āsīs	ῥσθα
3. ēst	ās, āsīt	дор ῥς, гомер. ῥεν, атт ῥυ
4. ēsme	āsma	ῥμεν
5. ēste	āsta	ῥστε ῥτε
6. ēsent	āsan	дор ῥεν, гомер. атт. ῥσαν

Примечание. Формы единственного числа выглядят следующим образом: *e-es-m, *e-es-s, *e-es-t; во множественном числе можно было бы ожидать *e-s-me и т. д., но аугментированная основа единственного числа выступает и во множественном числе. Др.-инд. 2 и 3 л. ās возникли из *ās-s *ās-t, поскольку в исходе возможен только один согласный; по той же причине āsan развилось из формы с -nt. В греческом форма 1-го лица ед. ч. ῥα — это регулярная форма, подвергшаяся стяжению в ῥι, которое в сочетании с присутствующим почти всюду вторичным окончанием -υ дало ῥι — υ. Форма 2-го лица ед. ч. ῥσθα восприняла перфектное окончание -θα. В 3-м лице ед. ч. дор. ῥς продолжает и.-е. *ēst. Гомер. ῥεν, атт. ῥυ — это форма 3-го лица мн. ч. (I), которая в дорийском сохранилась в прежнем виде; гомеровская и аттическая инновации исходили от предложений, в которых форма 3-го лица мн. ч. соотносилась с субъектом, выраженным существительным среднего рода множественного числа; см Schwyzler, цит. раб., I, с. 677*. Во множественном числе 1-е л. ῥμεν закономерно утратило σ перед μ, по аналогии с ῥμεν, и 2-е лицо мн. ч. стало иметь вид ῥτε; форма 3-го лица мн. ч. ῥσαν возникла в связи со смещением первоначального ῥεν.

в) Конъюнктив Др.-инд. Греч Атт. Лат.

1. esō	asā-ni	εω	ῥ	erō
2. eses(i)	asas(i)	εῖς	ῥς	eris

3	eset(i)	asat(i)	ἔη	ἦ	erit	
4	esome	asāma	ἔωμεν	ῶμεν	erimus	
5.	esete	asatha	ἔητε	ἦτε	eritis	
6.	esont	asan	ἔωσι	ῶσι	erunt	

Примечание См. выше, 3.1.1.

г) Оптатив (см. выше, 3.1.2).

	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Др.-в.-н.
1.	syēm	syām	εἶην	siem, sim sī
2.	syēs	syās	εἶης	siēs, sīs sīs
3	syēt	syāt	εἶη	siet, sit sī
4.	sīme	syāma	εἶμεν	sīmus sīn
5.	site	syāta	εἶτε	sītis sīt
6	siyent	syur	εἶεν	sient, sint sīn

5.2. Глагол *ei- 'идти' спрягался точно так же.

а) Презенс	Др.-инд.	Греч.	Лат.	
1	éimi	ēmi	εἶμι	eō
2.	éisi	ēši	εἶ	īs
3.	éiti	ēti	дор. εἶτι, атт. εἶσι	it
4.	imés(i)	imás	ἴμεν	īmus
5.	ité(s)	ithá	ἴτε	ītis
6.	yénti	yánti	ἴασι	eunt

Примечание. Древнеиндийская парадигма продолжает индоевропейскую парадигму почти без изменений. В греческом ἴασι 'они идут (из ...)' преобразовано из ἴενσι по аналогии с глагольным окончанием -αυσι; само ἴενσι образовано из ἐνσι путем добавления слабой ступени корня i-. Лат. eō с тематическим гласным восходит к eimi: *eu-ō утратило интервокальное y; также и eunt развился из *euonti, которое возникло из yonti в результате восполнения по общей основе *ei-. Формы 1 и 2-го лица мн. ч. восходят к *ei-mos, *ei-tes, в которых вместо *i- было введено *ei-. Дальнейшие подробности см. Schwyzler, I, с. 674; относительно конъюнктива см. выше, 3.1.1.

5.3. Для глагола *bher- 'нести' можно реконструировать следующее тематическое спряжение:

Презенс	Имперфект	Конъюнктив	Оптиматив
1. bherō	(e)bherom	bherō	bheroym
2. bheresi	(e)bheres	bherēs(i)	bherois
3. bhereti	(e)bheret	bherēt(i)	bheroit
4. bheromes	(e)bherome	bherōme	bheroime
5. bherete(s)	(e)bherete	bherēte	bheroite
6. bheronti	(e)bheront	bherōnt	bheroŷt

Примечание. О презенсе см. выше, 2 6, о конъюнктиве см. § 3 1 1, об оптимативе — § 3 1.2.

5.4. У глагола *yeug- 'запрягать' сигматический аорист и конъюнктив имели следующий вид:

	Индикатив	Конъюнктив
1	(e)yēug-s-ŋ ēζευξ-η	yeug-s-ō
2	(e)yēug-s-s ēζευξ-ας	yeug-s-es(i)
3.	(e)yēug-s-t ēζευξ-ε	yeug-s-et(i)
4.	(e)yug-s-mé ēζεύξαμεν	yeug-s-ome
5	(e)yug-s-té ēζεύξε-α-τε	yeug-s-ete
6	(e)yug-s-ŋt ēζευξα-ν	yeug-s-ont

5.5. У глагола *bheug- 'уклоняться, убежать' те же формы тематического аориста имели вид:

1.	(e)bhug-o-m	ἐφυγον	bhug-ō
2.	(e)bhug-e-s	ἐφυγες	bhug-ēs
3	(e)bhug-e-t	ἐφυγε	bhug-ēt
4	(e)bhug-o-me	ἐφύγομεν	bhug-ōme
5.	(e)bhug-e-te	ἐφύγετε	bhug-ēte
6.	(e)bhug-o-nt	ἐφυγον	bhug-ōnt

5.6. О спряжении перфекта *woida см. выше, 2.3 и 4 3.

5.7. Об обоих императивах см. выше, 2.5.

5.8. По приведенным образцам легко реконструировать и медиопассивные формы; ср *sek^wetoi, *sek^wontoi и т. д.

Д. ИНФИНИТНЫЕ (ИМЕННЫЕ) ФОРМЫ

6. В качестве инфинитных форм индоевропейский глагол располагал несколькими прочно закрепившимися в системе формами прилагательного, причастия и отглаго-

гольного прилагательного. Существительные, напротив, еще не стали, по-видимому, прочной составной частью глагольной парадигмы будущие инфинитивы, если они имелись, существовали еще как самостоятельные именные формы.

6.1.1. *Причастие на -nt-* представлено во всех индоевропейских языках, хотя в некоторых из них оно уже не является живой категорией. Наиболее древнее состояние системы формоизменения сохранилось в древнеиндийском. Это позволяет нам с достаточной надежностью реконструировать индоевропейскую парадигму. Ср : *sont- от *es- 'быть', *yont- от *ei- 'идти', *bheront- от *bher- 'нести' (см также, VII, 1.4 4, 2 2 2)

Ед. ч. Ном.	sōn	yōn	bhērōn
Акк.	sōnt-ṃ	yōnt-ṃ	bhēront-ṃ
Ген.	sqt-ós	yqt-ós	bhérqt-os
Лок.	sqt-í	yqt-í	bhérqt-i
Мн. ч. Ном.	sōnt-es	yōnt-es	bhēront-es
Акк.	sōnt-ṣ	yōnt-ṣ	bhēront-ṣ
Ген.	sqt-óm	yqt-óm	bhérqt-om
Лок.	sqt-sú	yqt-sú	bhérqt-su.

Номинатив ед. ч. с продленной ступенью (см. VI.2.7.3) сохранился только в греческом: ἑών (атт ὢν в результате стяжения), ἰών, φέρων. В других языках повсюду восстановлен номинатив на -ont-s: др.-инд. bharan из *bharant-s, гот. bairands, лит. vedąs и ст.-слав. vedy 'ведущий'. В латинском первоначальное состояние удержалось только в sōps 'виновный', insōps 'невиновный' (1) и отчасти в iēps, euntis и в voluntās; в других же случаях была обобщена слабая ступень -ent- из -nt-, даже в рано изолировавшемся dēps 'зуб' (см. выше, VII 2.2.1). Формы среднего рода также образуются от основы на -nt-, тогда как формы женского рода образуются с помощью суффикса -ī (тип devī; см. выше, 7.3; 8.1):

- *snt-ī в др.-инд. satī, греч. аркад ἑασσα из *e-snt-ya;
- *bheront-ī в др.-инд. bharantī, греч. φέρουσα 'несущая'.

Особенность анатолийских языков, благодаря которой они отличаются от остальных индоевропейских языков, состоит в том, что данное причастие транзитивных гла-

голов имеет пассивное значение, например хетт. *asant-* 'сущий', как и др.-инд. *sant-* и т. д.; однако от *kwen-* 'убивать', и -е. **g^when-* (см. выше, IV, 7.4.7, 7 5.3), причастие *kupan-* означает не 'убивающий', как др.-инд. *ghn-ant-*, а 'убитый' Точка зрения, состоящая в том, что залоговая индифферентность является первичной (2), получает все большее распространение (3) Она подтверждается, по-видимому, и тем, что с помощью *-nt-* создаются также субстантивные дериваты (4), что особенно отчетливо видно в хеттском, но наблюдается и в других индоевропейских языках.

При выяснении происхождения этого суффикса необходимо учитывать, что и у атематических глаголов он имеет форму *-ont-* (например, **s-ont-*, **y-ont-* и т. д.); *-nt-*, следовательно, — вторичного происхождения, например: *-ant-* из *-ā- + -ont-* и т. п. В таком случае отпадает объяснение, согласно которому его возводят к местоимениям *p(o)* и *t(o)* (5) Это объяснение все равно неприменимо к названиям жителей населенных пунктов и стран: *'Aḫuntas* — это 'те, кто владеет *'Aḫa*', то есть *'Aḫa ḫuntas* (6) Тогда можно было бы предположить, что *-ont-* образовано с суффиксом *-t-* существительных, называющих деятеля/действие и восходящих к **em-* 'брать', и что он первоначально сочетался с существительными: **bher-om-t* 'ношу берущий'; это согласовалось бы с тем фактом, что образования на *-nt-* не входили первоначально в систему глагола (7)

(1) Об этом см. Watkins₇, с 186 и сл., Seebold₉, с 26 и сл.

(2) Ср. Sommer₂, с 67, Jacobsson, с. 123—138, Schmidt₆, с 6, Evangelisti, с 3—19.

(3) По-иному Швицер (см. Schwyzler₂, II, с 241¹), Курилович (см. Kuryłowicz₁₂, с. 239, однако компромиссное суждение см. в Kuryłowicz₁₇, с 167

(4) Szemerényi₈, с 208 и сл.; он же₆, с 275 и сл. (с 277, библиография), Kammenhuber₁, с 43—57; Pokorny₂, с 5—16; Krapasser₄, с 213 и сл., Laroche₁, с 23—43, Benveniste_{10a}, с. 44—51, Georgiev₁, с 175 и сл.; Georgiev₆, с 189 и сл.

(5) Kretschmer₃, с 192

(6) В данной связи ср. Brandenstein₂, с 74.

(7) Относительно образования см. также Wackernagel—Debrunner, II, 2, с 160 и сл.; 417 и сл.

6.1.2. Суффикс *-nt-* со всей очевидностью тесно связан с системой презенса в активном залоге Поэтому не

вызывает удивления его распространение и на аорист, выделившийся из этой системы вследствие вторичного процесса, а позднее — и на футурум. Напротив, в *системе перфекта*, которая была, благодаря собственным окончанием, самостоятельной, закрепился совсем другой суффикс — *-wos-* соотв. *-wōs-* — в полной и соответственно в продленной ступени — и *-us-* в нулевой ступени; формы женского рода образуются от нулевой ступени с помощью *-ī* (греч. *-ya*) и, подобно формам женского рода причастий на *-nt-*, склоняются по типу *dēvī*.

Наиболее известным примером образований данного типа является причастие от **woida*. Оно засвидетельствовано в древнеиндийском в мужском роде в форме номинатива ед. ч. *vidvān*, генитива *viduṣ-as*, в форме ж. р. *viduṣ-ī*; соответствующими греческими формами у Гомера являются (F)εἰδ(F)ός, (F)εἰδ(F)ότος, (F)ιδυ(σ)ία. В греческом, следовательно, представлены основы на *-s-/t-*. В древнеиндийской парадигме также существуют падежные формы с *-t-*, например форма ср. р. ед. ч. номинатива *vidvat*, форма инструменталиса мн. ч. *vidvadbhis*. Из этого сделан вывод, что индоевропейский праязык имел гетероклитическую парадигму с *-wos-/wot-*, несмотря на то, что невозможно было установить распределение этих форм (в греческом и в древнеиндийском *-t-* распределено по разным падежам), а, кроме того, не следовало упускать из виду тот факт, что формы женского рода на *-us-ī* недвусмысленно указывали на единство суффикса в форме *-wos-/us-*. Теперь это стало доказанным фактом благодаря микенскому, в котором, как и в иранском, *-t-* неизвестно. Его введение в греческий и в древнеиндийский представляет собой независимо возникшую в обоих языках инновацию, которая для этого слова была проведена и в готском. Микенский показывает, кроме того, что *wid-* в мужском роде было слабой основой. Следовательно, первоначальную парадигму можно представить в таком виде:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. Ном	<i>weid-wōs</i>	<i>weid-wos</i>	<i>wid-us-ī</i>
Аkk	<i>weid-wos-ṃ</i>	<i>weid-wos</i>	<i>wid-us-īm</i>
Ген	<i>wid-us-os</i>	<i>wid-us-os</i>	<i>wid-us-yās</i>
Дат	<i>wid-us-ei</i>	<i>wid-us-ei</i>	<i>wid-us-yāi</i>

Наблюдаемое здесь сложное чередование в древнеиндийском было обобщено по слабой форме корня *wid-, которая в женском роде сохранялась и в раннегреческом, в остальных же случаях уступила место полной ступени *weid-, позднее — также и в женском роде; ср. атт εἰδώς/εἰδύτα (1).

Что касается происхождения данного суффикса, то с чисто формальных позиций -wes- рассматривали как суффикс, образованный от корней на -u- с помощью -es- (2), или членили его на we + s (3). С учетом статального значения можно было бы предположить, что -wes- восходит к корню *wes- 'пребывать'.

(1) Все относящиеся сюда проблемы рассматривает Семереньи (см. Szemerényi, с. 7—26); о греческой форме на -t- см. также Ruijgh, с. 90, о тохар. см. Lane, с. 218

(2) Adrados, с. 25

(3) Erhart, с. 71 и сл

6.1.3. В медиопассиве, как и в активе, существовал суффикс, соотнесенный с системой презенса, но позднее, подобно -nt- в активе, распространившийся также на аорист и футурум, а после появления пассивного перфекта — и на перфект. Этот суффикс имел форму -тепо-соотв. -тпо-; ср. греч. ἐπόμενος 'следующий', др.-инд. saśa-tāpa-, но авест. varəθna-. Следы данного способа образования представлены в лат. fēmina, собственно говоря, 'кормящая' — из *dhē(yo)-menā (ср. θήσατο 'кормила (молоком)'), alumnus 'воспитанник' — из *alo-menos от alō (1).

Балто-славянский суффикс -то- причастий настоящего времени пассива (ср. русск. *иско́мый*, *види́мый*, лит. *pėsamas* 'несо́мый'), считавшийся ранее изолированным в системе индоевропейского праязыка, сопоставляют теперь с -та- причастий пассивного залога, засвидетельствованных в лувийском и в хеттском иероглифическом (ср. лув. *kes-ama* 'причесанный', хетт. иерогл. *asīma* 'любимый') (2). Указанные анатолийские формы представляют собой, однако, результат ассимиляции -атпа- и родственны образованиям на -тепо-/тпо-. Это явствует из того, что притяжательные именные образования с первоначальной формой -итап-а- прошли все засвидетельствованные стадии: -итепа-, -итпа-, -итта-. Наиболее древние имена из Кюльтепе (18 в. до н. э.) принадлежали к типу *Harsumn-итап* 'из Харсумы'; последовательно

они подвергались тематизации агип-ишапа- 'морской', редукции. пез-ишепес 'неситы', синкопированию пез-ишпа- 'неситы'. Точно так же жители Suppiluliuma(а) назывались вначале Suppiluliuma(а), из этой формы уже около 1400 г до н. э. возникло Suppilulium(m)a (3). Таким образом, анатолийские языки примыкают к единой южной зоне с -м(е)по- (4), тогда как балто-слав -то- в причастиях по-прежнему остается изолированным (5).

Для объяснения его происхождения вновь было высказано предположение о его связи с суффиксом -шп- или -шеп-/шоп- (6). Если, однако, соотнесение с анатолийскими этнонимами не беспочвенно, то этот суффикс следовало бы скорее соотносить с *шеп- 'пребывать, оставаться'.

Примечание В индоиранских языках у атематических глаголов и в перфекте вместо -māpa- находим -āpa-; ср. dadhāna- от dadhāmi 'сажаю', duhāna- от duh- 'доить', tu-tud-āpa-, da-d-āpa- от tud- 'толкать', dadāmi 'давать'. Происхождение этих форм неясно (7). Если -āpa- можно соотнести с общегерм. -apa- (например, гот. baug-ans) и возвести к и.-е. -opo- (7), то можно полагать, что -ā- обусловило появление в *-тапа- (и -е. -тепо-) продленной ступени и переход его в -шāпа-.

(1) Leumann₁, с. 222; Schwyzler₂, I, с. 524 и сл., Brixhe, с. 319

(2) Friedrich₂, с. 46, Benveniste₁₇, с. 27 и сл.

(3) Lagroche₄, с. 255 и сл., там же о лувийской диссимилации в -wapi-, в данной связи см также Szemerényi₃₁, с. 155 и сл.

(4) Однако по-иному см. Kropasser₆, с. 180, Lagroche₄, с. 258, прим. 17. Так, впрочем, уже Polomé₁, с. 108 и сл.

(5) Ср., однако, Vaillant₂, III, с. 114. -то- — -тпо-

(6) Ср. Leumann₁, с. 222, Schwyzler₂, с. 524

(7) См. Thumb—Hauschild, I, 2, с. 359

Дополнение В данной связи следует упомянуть также латинский герундий и герундив. Характерное для них -nd- представлено также в итальянских языках (ср. умбр. popler anferener 'populi circumferendi = lustrandi', оск. pihaner 'arcis piandae' и оск. upsannam deded = *operandam, faciendam dedit, sakrannas 'sacrandaе'). Однако соответствие столь значительно, что скорее можно предположить заимствование из латинского (1). В чисто фонетическом плане было бы возможно сопоставление с древнеиндийскими инфинитивами типа pibadhyai ~ bibendi

(оба — из *-ndh-*) (2), а также с хеттскими инфинитивами на *-appa* типа *appa* 'брать' из *-atpa*, вследствие чего получалось бы, что лат *-nd-* возникло из *-tp-* (3) или из *-d(h)p-* (4). Это опять такой случай, когда отчетливо проявляется бессилие некомпаративиста там, где и компаративист не может дать ответа. Для латиниста представили бы интерес следующие вопросы (1) являются ли герундий и герундив оба первичными, (2) возник ли герундив из герундия или (3), наоборот, герундий из герундива. Большинство исследователей отвечают положительно на второй вопрос, особенно потому, что древнелатинские обороты типа *lūcis dās tuendī cōpiam* (Плавт) или *pāvis inchoandī exordium* (Энний), или *eius (fēminae!) vivendī cupidus* (Теренций), как кажется, совершенно отчетливо свидетельствуют о приоритете герундия (5) предполагается, что древнее *lūcis tuendī*, например, по аналогии с *luminis tuendī* преобразовалось в *lūcis tuendae* (6). На третий вопрос положительно отвечают немногие (7). Однако не следует упускать из виду, что *secundus oriundus* определенно не могли возникнуть из форм герундия, и это тем самым свидетельствует в пользу первого вопроса (8). С большей уверенностью можно констатировать, что значение необходимости и даже пассивная диатеза имеют вторичное происхождение (9); ср., например, *docendo discimus* или *ad docendum ruemus* 'обучая, мы учимся' или 'для обучения мальчика (акк.)'.

(1) Porzig³, с. 184, Porzio Gernia, с. 13

(2) Pisani⁷, с. 217—221, Porzio Gernia, с. 20.

(3) Ср. Szemerényi², с. 169—179.

(4) Risch⁶, с. 359.

(5) Ср. Aalto¹, с. 170, Pisani, цит. раб., Hahn¹, с. 269 и сл., Hahn^{2a}, с. 181—207; Hahn⁶, с. 393 и сл., Porzio Gernia, с. 20.

(6) Hahn^{2a}.

(7) В том числе Зоммер (см. Sommer¹, 1914³, с. 592)

(8) Так считает Дрекслер (см. Drexler, с. 429—445).

(9) Hofmann—Szantyr, с. 370.

6.1.4. Если образования на *-nt-*, *-wos-* и *-meno/-mno-*, несмотря на их прежние связи с системой имени в индоевропейском языке, прочно закрепились в глагольной системе, то наряду с ними существовали и такие образования, которые лишь свободно примыкали к системе глагола. В истории развития отдельных индоевропейских

языков особое значение приобрели суффиксы *-to-* и *-po-*, которые в индоевропейском языке поздней поры играли значительную роль в отглагольных прилагательных (1)

Суффикс *-to-* широко распространен во всех индоевропейских языках, за исключением анатолийских и тохарских. Древнейшим было образование от нулевой ступени корня И-е **klu-tó-s*, представленное в др.-инд. *śru-ta-*, греч. *κλυτός*, лат. *inclutus*, др.-в.-н. *Hlot-hari* 'Лотар', др.-нрл. *cloth* (ср. р. 'слава'), образовано не от презенса **k̑neumi* (см. выше, 4.1.3), а от корня непосредственно. И значение у него не партиципальное, его можно описать как 'связанный со слышать и быть услышанным, знаменитый'. Другими примерами образования от нулевой ступени являются и.-е. **gʷn̥-tó-s* в др.-инд. *gata-*, греч. *-βατός*, лат. *(in)-ventus*; **m̥n̥-tó-s* в др.-инд. *matá-* 'подуманный (имеемый в виду)', лат. *(com)mentus* 'выдуманный', гот. *munts* 'подуманный (имеемый в виду)'; **gō-tó-s* 'рожденный' в др.-инд. *jāta-*, лат. *(g)nātus*, галл. *Gintu-gnātus* 'перворожденный', гот. *air̥þa-kunds* 'рожденный на земле, земного происхождения'. На более поздних стадиях исторического развития наблюдается тенденция ограничивать употребление этих форм сферой пассива, как, например, в нов.-в.-н. *gelobt* 'похваленный', *erlaubt* 'разрешенный', лат. *amātus* 'любимый', *laudātus* 'похваленный'. Тем не менее первоначальная индифферентность к диатезам совершенно очевидна. Др.-инд. *gatas* очень часто означает 'он ушел', *prāptas* (*pra-āp-tas*) — 'он достиг' и т. д. Причастие на *-to-* от латинских депонентных глаголов регулярно имеет значение актива и т. д.

Наряду с *-to-*, очевидно, в той же функции использовалось и *-po-*. В функции, сходной с партиципальной, эти образования перестали употребляться в греческом и в латинском (ср., однако, *plē-nus* 'полный', *ἅγιος* 'святой'), тогда как в индоиранских, славянских и германских языках они были включены в глагольную систему, и эта функция была распределена между *-to-* и *-po-*. В древнеиндийском, например, почти все корни на *-d-* образуют отглагольное прилагательное с помощью *-pa-*: *bhid-* 'колоть' *-bhinna-*, *ad-* 'есть' *-appa-* 'еда' и т. д. В древнегерманских языках этот способ был обобщен для образования причастия прошедшего времени от сильных глаголов; ср. нов.-в.-нем. *gestiegen* 'подняв-

шийся', нов.-в.-нем. geboren 'рожденный', нов.-в.-нем. gegangen 'ушедший' и т. д. В славянских также произошло распределение, причем сфера -to- оказалась сильно ограниченной (2)

Суффикс -по- связан, очевидно, с различными образованиями на -t-. Можно полагать, что -to- есть результат тематизации абстрактных имен на -t- (3).

(1) Основные сведения и литературу см.: Schwyzger, I, с. 501 и сл.; Hofmann—Szantyr, с. 383, 391 и сл., см. также Bernert, с. 1—14; Regula, с. 89—95, Аттманн, с. 10—23

(2) Ср. Vaillant, III, с. 116 и сл., а также ниже, 6 2, прим. 9.

(3) Kuryłowicz, с. 77, прим. 48.

6.2. Кажущаяся столь сама собой разумеющейся в отдельных индоевропейских языках категория *инфинитива* (1) не обнаруживается в общеиндоевропейском, и нельзя предполагать, что она там существовала. Ведь в ведическом представлено древнее состояние, в котором значительное число (161) образований может выступать в функции появившегося позднее инфинитива, причем в падежной форме, определяемой структурой предложения (2) Как правило, эти инфинитивы являются падежными формами отглагольных абстрактных существительных, преимущественно дативом и аккузативом, лишь изредка — генитивом и аблативом, пожалуй, никогда — локативом (3) В подавляющем большинстве инфинитивных конструкций — свыше 600 из общего количества 700 — в «Ригведе» представлен датив и только примерно в 50 случаях — аккузатив. Датив имеет целевое значение, аккузативу при транзитивных глаголах свойственно значение прямого объекта, при глаголах движения — обстояательства цели; ср. sugān pathō akṛōṇ nīr-ajē (дат) gās 'он расчистил пути, чтобы *выгнать* скот' («Ригведа», 3, 30, 10), 'войско марутов' ā gamad. . barhir āsadē (дат) 'должно прийти, чтобы *сесть* на . .' («Ригведа», 5, 46, 5); śakēma tvā samidham (акк.) 'были бы мы в состоянии *зажечь* тебя (Агни)' («Ригведа», I, 94, 3), iyētha barhir āsadam (акк.) 'ты (Агни) пришел, чтобы *сесть* на . .' («Ригведа», 4, 9, 1)

В морфологическом плане особое значение имеют абстрактные существительные на -tu-, -ti-, -(a)s- и -(v)an-. От форм на -tu- датив очень часто оканчивается на -tavē или -tavāi (больше 40 случаев), например dā-tavē 'давать', генитив, аблатив — на -tōs (10), например dā-tōs, а акку-

затив — на -tum, например dā-tum. В случае -ti- датив используется при пяти глаголах, например pī-taye 'для питья = пить', ū-taye 'помогать'. От форм на -(a)s- часто встречается датив на -(a)sē (почти 30 глаголов), например jīv-asē 'жить', śaks-asē 'видеть'. Интересно, что инфинитив, который восходит к дативу и который в «Ригведе» представлен в 6—7 случаях, почти полностью исчезает еще в ранний послеведийский период. Напротив, аккузатив на -tum, который соответствует латинскому (и славянскому) супину, представлен в «Ригведе» всего пять раз, но зато позднее он становится единственным способом образования инфинитива.

Не упоминавшаяся до сих пор ведийская форма на -dhyai имеет значение и для греческого. Эта исчезнувшая позднее форма засвидетельствована в «Ригведе» от 35 глаголов, например: piba-dhyai 'пить', bhaga-dhyai 'нести' и т. д. (4). Поскольку эта форма предстает в системе как совершенно изолированная, она, определенно, является наследием индоевропейского праязыка. В самом деле, эта форма представлена в греч. -(σ)αι, которое используется в инфинитиве активного залога и во 2-м лице ед. ч. императива медиального залога у сигматического аориста; ср. λῴσσαι/λόεσσαι, позднее — в обоих случаях — λῴσαι. Ведическим формам saśadhyai 'следовать', bhagradhyai 'нести' соответствовали вначале греч. *ἐπέσσαι *φέρεσσαι. Однако, поскольку они не могли перейти в аорист, они остались в системе презенса и под влиянием окончаний с -σθ- трансформировали свое окончание в -σθαι. Материал индоиранских языков и греческого гарантирует, следовательно, что формы на -dhyai существовали по крайней мере в одном из регионов индоевропейского праязыка (5).

К общиндоевропейскому периоду восходит также греческий тип инфинитива на -ειν, который, как показывает микенский, восходит к -e(s)en и таким образом может быть сопоставлен с ведическим инфинитивом на -sapi (например, pesapi 'вести'). Вариант на -(ε)ναι возник под влиянием -αι в -σ(θ)αι. Аналогичным образом объясняются дублиеты на -μεν/-μεναι в диалектах и у Гомера (6).

У латинского инфинитива общее окончание в презенсе активного залога -ге, как можно судить по es-se (и vel-le) и перфектному -is-se, восходит к -se или (ср. ante. греч. ἀντί) — к -sī. В таком случае agere из *agesi можно было бы

считать локативом основы на -s- (*agos/agesos 'ведение'), что прекрасно согласуется и с семантикой. Обращает на себя внимание соответствие между др.-инд. *jīvasē* и лат. *vīvere*; в древнеиндийском представлен датив основы на -s- *g^wiw-es-, в латинском — локатив. Из числа инфинитивов пассивного залога тип 3-го спряжения на -ī можно интерпретировать как датив (древнее -ei) корневого существительного; ср. упоминавшееся выше др.-инд. *piṛ-aḥ* из *ag-ei с лат. *agi*. Окончание -gi в других типах спряжения можно было бы тогда рассматривать как скрещение -ī с окончанием активного залога -ge (7).

Древнеиндийскому типу на -taue от существительного на -ti- соответствует балто-славянский инфинитив на -ti- (например, ст.-слав. *vesti*, лит. *vesti*), который возводится к дативу на -tei и локативу на -tēi. В древнепрусском представлены три окончания *dā-t*, *dā-tun*, *dā-twei* 'давать'; -t восходит к локативу на -ti-, тогда как два других окончания представляют собой окончания аккузатива и датива основ на -tu- (8). Аккузатив основы на -tu-, то есть -tum, выступает в старославянском и латинском как супин и является, как мы видели, единственным инфинитивом в классическом санскрите.

По особому пути пошли древнегерманские языки, которые использовали в качестве инфинитива форму аккузатива существительных среднего рода на (и-е) -по- гот *bairan* восходит к и-е. *bheronon (9).

(1) Общие сведения см.: Meillet₁₁, с. 188 и сл., Schwyzer, I, с. 804 и сл., II, с. 358; Kuryłowicz₁₇, гл. IV, Hofmann—Szantyr, с. 341 и сл.

(2) MacDonell₁, с. 407 и сл.; Sgall, с. 135—268

(3) Sgall, с. 157, 159, 248.

(4) Sgall, с. 225 и сл.

(5) По-иную Benveniste₂, с. 207 и сл., ср. Schwyzer₂, I, с. 809, Sgall, с. 156, прим. 19, Poultney, с. 872—873, 876

(6) Ср. Aalto; Burgière

(7) Трудным случаем было бы PAKARI в Дуэновой надписи (ок. 500 г. до н. э.), если усматривать в нем пассивный инфинитив.

(8) См. Vaillant₂, III, с. 126 и сл., Stang₂, с. 447 и сл., Haudry, с. 144. В тохарском имеется инфинитив на -tsi, который возможно, происходит от основы на -ti-, см. Krause—Thomas, I, с. 261. По-иную Windekens, с. 6, 17 (-dhyai); Winter₁, с. 21 (~др.-инд. -taue).

(9) Естественно, связан с причастием, см. выше, 614. Относительно -epo-/-opo- см. Seebold₂, с. 251—269.

Е. ПРЕДЫСТОРИЯ

7. Полученную на основе сопоставления систем отдельных языков индоевропейскую глагольную систему необходимо подвергнуть исследованию в соответствии с принципами внутренней реконструкции (см. выше, III 1), при этом мы получим некоторое представление о взаимосвязях внутри системы и таким образом сможем заглянуть в ее предысторию

Личные окончания

7.1. Одной из наиболее заметных примет индоевропейской системы личных окончаний является сквозное разграничение первичных и вторичных окончаний, которое можно наблюдать в индикативе аористной системы презенса как в активе, так и в медиопассиве. Носителем этой дифференциации почти во всех лицах (1 л.—3 л., 6 л.) является гласный *-i* (см. выше, IX.2.1 1 и 2.2 1):

	Актив		Медиопассив	
1.	<i>-mi</i>	<i>-m</i>	<i>-(m)ai</i>	<i>-(m)a</i>
2.	<i>-si</i>	<i>-s</i>	<i>-soi</i>	<i>-so</i>
3.	<i>-ti</i>	<i>-t</i>	<i>-toi</i>	<i>-to</i>
6.	<i>-nti</i>	<i>-nt</i>	<i>-ntoi</i>	<i>-nto</i>

Данное обстоятельство подсказывает вывод, что эти оба ряда личных окончаний, а тем самым также настоящее и прошедшее время, первоначально составляли единство и лишь позже были разграничены. Для подчеркивания *hic et nunc* личное окончание, распространенное элементом *-i*, первоначально использовалось как стилистический вариант. Однако затем вариантные личные окончания подверглись поляризации, вследствие которой немаркированный вариант был полностью вытеснен из сферы *hic et nunc* и таким образом превратился в показатель прошедшего времени (1). С исторической точки зрения, следовательно, вторичные окончания были первичными, и, чтобы избежать недоразумений, окончания *-m*, *-s*, *-t*, *-nt* следовало бы называть «примитивными».

Обращает при этом на себя внимание, что дифференциация не является сквозной и что, в частности, 1-е лицо и 2-е лицо мн. ч. лишены данного признака.

Во всяком случае, не стоит распространять представленную в некоторых языках дифференциацию — ср. хетт -weni, -teni, др.-ирл -m(a)i из -mosi — на общиндоевропейский, хотя в принципе нет никаких причин, которые помешали бы предположить, что -i в исходе слова могло утрачиваться (2). В то же время следовало бы считать методически неправильными попытки отрицать существование твердо установленных личных окончаний в некоторых областях индоевропейского праязыка, например в древнеирландском (3). Не исключено, что избирательное присоединение в 1-м лице и во 2-м лице мн. ч. было обусловлено тем, что эти лица и так хорошо были охарактеризованы, а время однозначно определялось речевой ситуацией.

Меньше внимания до сих пор уделялось различию между активом и медиопассивом. Видимо, почти не вызывает сомнения и то, что по крайней мере в некоторых лицах характерный гласный вторичных окончаний пассива был первичным, а в активе утратился лишь с наступлением редукции гласных (4). Временную последовательность можно представить следующим образом

	Актив	Пассив
I. 3-е л. ед. ч.	-to	-tó
II. Утрата гласного	-t	-tó
III. Дейктическое -i	-ti/-t	-tói/-tó
IV. Перемещение ударения	-ti/-t	-toi/-to.

(1) Ср. Brugmann₃, II 3, с. 593, Kieckers, с. 22; Burrow₃, с. 313, Martinet₃, с. 17 и сл; Savčenko₄, с. 47; Kuryłowicz₁₇, с. 131 (ср. Kuryłowicz₁₁, с. 32), Сафаревич, с. 14 и сл. (-i только в 3-ем лице является индоевропейским!), Erhart₇, с. 17 (i = 'сейчас'); Kiparsky, см. выше, 315(9), Wright₁ — Бранденштейн (см. Brandenstein₁, с. 18) полагает, что -i является окончанием локатива *didōmi — geb-bei-mir 'дай-ка-мне'.

(2) Ср. выше, VII 2.1, прим. 5, хотя по-иному Brugmann₃.

(3) Так, например, Watkins₄, с. 47, а затем вновь он же₈, с. 1 и сл., ср. возражения в Sampson₁₈, с. 65.

(4) Kieckers, цит. раб. -о 'тогда' опровергается первичным окончанием -toi — По-иному Meillet₃, с. 66; Савченко₄, с. 114.

7.1.2. Значительно больший интерес всегда вызывал вопрос о *происхождении* личных окончаний. Со времен первых работ Ф. Боппа, то есть с XVIII в., было принято усматривать в личных окончаниях личные местоимения. Несмотря на многие возражения (1), данный

тезис в случае формы 1-го лица единственного числа -т вполне очевиден и для этого лица теперь почти всеми признан (2); он справедлив и для формы 1-го лица множественного числа, где местоимение первоначально звучало *mes (см выше, VIII.4 4 в), а также для формы 1-го лица двойственного числа, в окончании которого *we(s) также содержится местоимение (3) И если 1-е лицо выражается личным местоимением, надо ожидать тот же самый принцип и для 2-го лица Это подсказывается и многими другими языковыми группами. Так, в финском языке мы наблюдаем такую картину: личные окончания 1 л. -п (из -m), 2 л. -t, 4 л. -mme, 5 л. -tte; личные местоимения. 1 л. minä, 2 л. sinä (из tinä), 4 л. me, 5 л. te; суффиксированные притяжательные местоимения. 1 л. -mi, 2 л. -si, (из -ti), 4 л. -mme, 5 л. -pne (из -nde) (4). Те же самые отношения можно наблюдать в кавказских и тюркских языках (5), в хамито-семитских (6) и, наконец, в баскском, где личным префиксам 1 л. n-, 2 л. *h-, 4 л. g-, 5 л. z- соответствуют личные местоимения ni, *hi, gu, zu (7).

Без труда этот принцип можно обнаружить и в индоевропейском праязыке во 2-м лице мн. ч. Ведь окончание -tes представляет собой множественное число местоимения 2-го лица ед. ч. *tu: форма множественного числа *twes (из tu + es) упростилась в *tes, а в единственном числе чередовались *twe и *te (8). Индоиранское первичное окончание -thas, по общему мнению, было преобразовано из -t, вероятно, в связи с другими чередованиями в системе личных окончаний, в особенности в двойственном числе (9).

Бесперспективной представляется, напротив, попытка связать окончание 2-го лица ед. ч. -s(i) с местоимением *tu. По крайней мере для меня предположение (10) о том, что s и t можно было бы привести к общему знаменателю — местоимение в таком случае должно было бы звучать примерно *Zwe, — вообще не может быть предметом дискуссии. Однако проблема решается просто, если, как часто предполагается в исследованиях последнего времени, окончанием 2-го лица ед. ч. первоначально было -t, а не -s. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что в системе окончаний перфекта признаком окончания 2-го лица ед. ч. также было -t (11), которое в результате вторичного процесса дало индоиранское -tha

(12) и лежит также в основе индоиранского окончания *-thās* (13). Кроме того, *-t* выступает в качестве окончания 2-го лица ед. ч. в хеттском и тохарских языках, а *-s*, соответственно, — в 3-м лице ед. ч., например в хетт. *dais* 'posuit' 'он положил (3 л ед. ч. перфекта)' (14). Мы вправе поэтому допустить, что и 2-е лицо ед. ч. основывалось на личном местоимении (15), а позднее было вытеснено окончанием 3-го лица ед. ч. *-s*, когда в эту форму проникло *-t*.

В 3-м лице множественного числа наблюдаются совсем иные соотношения. Окончание 3-го лица мн. ч. *-nt-*, возможно, и связано с окончанием 3-го л. ед. ч. *-t*, но, однако, не как форма множественного числа последнего. Что касается окончания 3-го лица ед. ч. *-t*, то раньше безоговорочно принималось, что оно содержит указательное местоимение **to-* (16). Затем стали высказываться сомнения в правильности данной гипотезы и были предприняты попытки идентифицировать *-t* с субстантивным суффиксом, используемым для образования названия деятеля, например др.-инд. *deva-stu-t-* 'восхваляющий богов', лат. *sacer-dō-t-* 'qui sacra facit', то есть букв. 'который совершает священные действия — жрец', а также для образования названий действий, например вед. *stu-t-* 'восхваление'; таким образом, можно было бы и окончание *-to(i)* в медиопассиве идентифицировать с суффиксом *-to-* в отглагольных прилагательных (17). Остроумный вариант этой точки зрения представляет собой попытка объяснить всю систему глагольного спряжения путем сочетания данной теории с эргативной теорией. При этом предполагалось, что с абстрактным существительным на *-t-* агенс сочетался в эргативе, а с личными местоимениями — в косвенном падеже. Так, с существ. **g^when-t-* 'удар' возможен был бы следующий ряд конструкций. **g^when(t)-m-i* 'удар мною = я бью', **g^whent-t-i* > **g^when-si(l)*, **g^when(t)-mes*, **g^whent-wes*; напротив, в 3-м лице выступало просто существительное, ср. **g^when-t-i* 'удар' (наносимый кем-то) = бьет', или причастие, ср. **g^whnp-ont-i* 'бьющие' = 'они бьют' (18).

Подобный подход согласовался бы с недавно подчеркнутой оппозицией между 1—2 лицом, с одной стороны, и 3 лицом — с другой, то есть с оппозицией между «лицом» и «не-лицом» (19). В 3-м лице мн. ч. *-nt-*, по-видимому, связано с причастием, а для 3-го лица ед. ч. по-

добная интерпретация исключена несмотря на то, что там в качестве окончания может выступать *-s*. Тогда остается только одна возможность — предположить, что не только *casus rectus* (им п.), но и *casus obliquus* (косв. падеж) указательного местоимения **so/*to* могли выступать в субъектной позиции, вероятно, все же в хронологической последовательности. Сосуществование в синхронии означало бы, что, смотря по тому, является субъект одушевленным или неодушевленным, использовалось указательное местоимение **s(o)* или **t(o)*.

Окончания 3-го лица мн. ч. *-nt* и *-г*, вероятно, именного происхождения (20) *-nt-*, видимо, связано с *-nt-* в причастиях; напротив, *-г*, в лучшем случае, не совсем ясным образом связано с *-г* в медиопассивных формах (см. ниже, 7.1 3).

(1) Ср Hirt₂, с 36 и сл., Jespersen, с. 383 и сл., Burrow₂, с 316.

(2) Brugmann₃, II, 3, с 5 и сл., 592 и сл. (против отрицательной позиции Хирта), Brugmann₆, с 139, Kretschmer₁, с 35; Савченко₅, с 48 и сл., Вяч. Вс. Иванов₂, с 265, Vaillant₆, III, с. 21; Brandenstein₁, см. еще 7.1.1(1).

(3) См. выше, VIII.4.4 в и ср Brugmann₃, II, 3, с. 594, Brugmann₆, с 137 **bherō-wē* 'я несу (**bherōl*) и другое лицо (ты/он)' Окончания *-mes/-wes*, естественно, нельзя рассматривать как просто фонетические варианты (так Kuryłowicz₁₇, с. 150 и сл.)

(4) Kretschmer₁, Szinnyei, с 115, 116 и сл., 120 и сл., Hakulinen, с 54, 183, Collinder, с. 243

(5) Ср. Савченко₅, с 44 и сл.

(6) Moscati, с. 137 и сл.

(7) Lafon, с. 216

(8) См. выше, VIII.4.4 в и V 4.2.

(9) См. Kuryłowicz₁₇, с. 152 и сл. Интересна попытка, которую предпринял Вайан (см. Vaillant₂, с. 94), решив возвести *th* к первоначальной группе *H-t*.

(10) Ср. Мыркин₁, с. 83 и сл.; Brandenstein₁. Так же Ambrosini₃, с. 95.

(11) Burrow₄, с. 64, 72, Ambrosini₃, с. 92 и сл. Относительно хеттского см. Kropasser₅, с. 377 и сл.

(12) Kuryłowicz₁₁, с. 381, Савченко₅, с. 50 (: *-tha* из 1-го лица ед. ч. На и 2-го лица ед. ч. *t*)

(13) Kuryłowicz₁₁, с. 41, 381, Kuryłowicz₁₇, с. 58, Савченко₁, с. 119

(14) Watkins₁, с. 74 и сл., 90 и сл., 97 и сл., 102 и сл. (однако в древнеисландском — не *-si* в 3-м лице ед. ч., как утверждается на с. 86 и сл., 104) См. также Adrados₉, с. 150. Совсем иначе Kuryłowicz₁₇, с. 156 и сл.

(15) Звуковое развитие шло по пути *-tu>-tw>-t* и/или *-tu-i=-twi>-ti*

(16) Например, Brugmann₃, II, 3, с 594, Brugmann₅, с 137 и сл.

(17) Hirt₃, IV, с 102, 104; Kieckers, с 22

(18) Vaillant₁, с. 105 и сл. Относительно -tt->-ss- см. также Heller₁, с. 7; он же₂, с 21²

(19) См Benveniste₃, он же₁₁, он же₁₄, все эти работы перепечатаны теперь в Benveniste_{10a}, ср. Kuryłowicz₁₇, с 148.

(20) Erhart₁, с 11 и сл., Burrow₂, с. 317; Савченко₆, с 52—56. Относительно -nt=причастию см Kieckers, с 12 и сл., Vaillant₁, с. 106.

7.1.3. *Перфектные окончания* (см. выше, 2.3) занимают в индоевропейской системе, по-видимому, изолированное место. Однако они находятся в теснейшем родстве с некоторыми *медially-пассивными окончаниями*. Для последних (см. выше) были реконструированы следующие формы (2.2.1).

ПО 1 -(m)ai, 2 -soi, 3 -toi, 6. -ntoi

ВО 1 -(m)ā, 2. -so, 3. -to, 6 -nto.

Наряду с ними существуют еще явно более древние формы. 2-е лицо ед. ч. имеет в древнеиндийском вторичное окончание -thās. В 3-ем лице ед. ч. у некоторых глаголов вместо -ta представлено окончание -at, например aduhat 'доил', aśayāt 'он лежал', которые существуют наряду с формами 3-го лица ед. ч. презенса duh-e, śay-e (1) и поэтому, видимо, преобразованы из a-duh-a, a-śay-a (2). В третьем лице мн. ч. эти же глаголы выступают в имперфекте как aduhraṇ aśēraṇ, а в презенсе — как duhrē śērē, так что в формах имперфекта опять-таки отчетливо прослеживается распространение *aduhra *aśēra с помощью -n(t)

Получающиеся таким образом окончания в прошедших временах

2 л. -thās, 3 л. -a, 6 л. -ga

никак не удастся связать с приведенными выше окончаниями. Однако они отчетливо связаны, как это давно подметили Курилович и Станг (3), с перфектными окончаниями

2 л. -tha, 3-л. -e, 6 л. -g

Отсюда следует, что перфект и медиопассив тесно связаны друг с другом. При этом объяснить сохранение древних перфектных окончаний в прошедших временах можно тем (4), что они относятся к тому периоду, когда

они, подобно -to -nto, были первичными, точнее говоря, самыми примитивными окончаниями. Это состояние подтверждается материалом анатолийских языков, где в лувийском 1 л. ha, 3 л. ta функционируют как вторичные окончания, тогда как в хеттском 1 л. ha-, 2 л. ta-, 3 л. (t)a- выступают как первичные окончания.

Перфект вследствие своего значения и инотембровой ступени в 3-м лице ед. ч. на -e производит впечатление именного образования (5). В таком случае формы 1 л. woid-na, 2 л. woid-tha, 3 л. woid-e и т. д. можно было бы рассматривать как возникшие из *woide-/woido-, отглагольного абстрактного существительного ('знание') или отглагольного прилагательного ('знающий') путем добавления определенных окончаний, отчетливо оформленных только в единственном числе и в 3-м лице множественного числа (6). Эта точка зрения тоже таит в себе определенные трудности. ведь из оформленного *woido не так-то просто вывести *woid-a *woid-tha. Поэтому нам следовало бы скорее исходить из корневого имени *woid-. Однако и окончания не совсем ясны. И в данном случае можно было бы, по крайней мере в 1-м и во 2-м лице, ожидать личных местоимений. Однако лишь для -tha удается, хотя это и не так просто, установить связь с *tu (7). Указанные трудности оказываются не полностью преодоленными и в том случае, если, руководствуясь общим впечатлением, предположить конечное -a для всех форм и считать инновацией -e в третьем лице ед. ч. (см. выше, 4.3a).

Несмотря на это, для более древнего состояния можно установить в системе презенса три следующих категории

1. Актив	2. Медиопассив	3. Перфектный медиум
2 -s	-so	-tha
3 -t	-to	-e
6. -nt	-nto	-r

Дальнейшее уменьшение их числа на основе допущения, что второй ряд будто бы возник на базе 3-го лица ед. ч. -to, модифицированного из -e или -e/-o (8), невозможно ввиду трудности объяснить появление -to. Приведенная выше модель согласуется также с тем фактом, что не все «медиальные формы» обозначали состояние, ср. *sek'etoi 'следует', *lowetoi 'моется' и т. д. Для

второго типа медиум, без сомнения, надо возводить к активу, а не к перфекту (9) Переходы из одной группы в другую, видимо, происходили неоднократно ввиду семантических контактов В данной связи напрашивается отнюдь не притяннутая за уши трактовка 1-го лица ед. ч. медиума (см. выше, 2.2.1): -то медиопассива и -ha перфектного медиума скрестились в -та и -tai соответственно -ho и -hoi. Последний тип, то есть -ho, -t(h)o, -o, лежит, как можно полагать, в основе анатolianской схемы -ha -ta -a (см. выше, 2.4) (10), тогда как хеттское спряжение на -hi- представляет собой инновацию из перфекта (в значении презенса) с -ha -tha -e, который под влиянием класса на -mi сначала развился в -hai -thai -ei, а затем — в -hi -ti -i (11).

Медиопассив и перфектный медиум воздействовали друг на друга и в случае знаменитых окончаний на -г. Анатолийский материал вначале показал, что г выступало только в настоящем времени, а затем, что оно ограничивалось третьим лицом (см. выше, 2.2.2). Однако мы должны пойти еще дальше: окончание 3-го лица мн. ч. -antag, возникшее в результате скрещения формы 3-го л. мн. ч. -anta и формы 3-го лица мн. ч. -г (12), было по аналогии распространено и на 3-е лицо ед. ч. -a и -ta. А это ядро -(t)ag/-antag соотв. (с -i, как при спряжении на -hi-) -(t)ari/-antari послужило отправным пунктом для обобщения г по всей парадигме, как в тохарских языках (см. 2.2.2). Напротив, итальянские и кельтские языки остались ближе к общему исходному состоянию. Сам элемент г остается по-прежнему загадочным; единственно солидным решением, пожалуй, было бы связать его с гетероклитиками на -г (13), однако объяснить появление функции 3-го лица мн. ч. еще труднее, чем для -nt- (14), а его идентичность с безличным -г (тип др.-ирл. -begar, ср. нем. «es wird getragen, man trägt» 'несут') вновь поставлена под сомнение (15) Тем не менее его появление относится к весьма ранней стадии общендоевропейского. Это явствует из того, что форма на -г в итало-кельтских языках и в восточной группе языков (хеттском, тохарском, фригийском) основывается, очевидно, на общей инновации (16)

Столь же сложна проблема возникновения окончания 1-го лица ед. ч. -ō в активе О нем здесь упоминается постольку, поскольку его часто считают результатом

стяжения -o- + перф. -ha (17) Однако ларингальный никак не объясняет тембр (o) тематического гласного, а для окончания -o (то есть -ō из -e- + -o) нет никакой базы (18). Поскольку тембр o предполагает носовой (см выше, 2.6), следует предположить -om. Это последнее изменилось в -ō, подобно тому, как, например, *met, *t(w)em изменилось в *mē *t(w)ē; см. выше, VIII. 4 46. Таким образом, различие между -ō и -mī следовало бы считать вторичным (19).

(1) Список глагольных форм на -ē (1-е л. и 3-е л. ед. ч.) см. в. Cardona₁, с. 338.

(2) Wackernagel₂, с. 309—313, Leumann₄, с. 10 и сл. Зоммер (см. Sommer₂, с. 61 и сл.) считал -at первичным. См. также Narten₃, с. 9 и сл.

(3) Kuryłowicz₅, с. 1—4, Stang₁, с. 29—39; ср. также Vaillant₃, с. 76—83. См. также более поздние описания: Kuryłowicz₁₁, с. 41 и сл., Kuryłowicz₁₇, с. 58—70, Insler₂, с. 322 и сл.

(4) На это обратил внимание Станг (см. Stang₁, с. 36).

(5) Так утверждает Бругман (см. Brugmann₃, II, 3, с. 594, Brugmann₆, с. 139, см. также Vaillant₃, с. 82, Grünenthal, с. 138, Савченко₅, с. 117, Kuryłowicz, цит. работы, другие (см. Winter₄, с. 219) видят в -e простой протетический гласный.

(6) Kuryłowicz₁₇, с. 62.

(7) Ср. Kuryłowicz₁₁, с. 44, где он еще исходит из аористной основной формы *Ilkwe.

(8) Kuryłowicz₁₇, с. 58 ('механизм введения t'), Kuryłowicz₂₇, с. 76 и сл.

(9) Исходным пунктом при этом могли, видимо, быть возвратные формы, после того как, например, *lowe-s(w)e 'мойся' превратилось в *loweso.

(10) Ср. по этому поводу также Ambrosini₄, с. 89—95.

(11) См. Sturtevant—Hahn, I, 1951², с. 131—137, Puhvel₃, с. 243 и сл.; Kammenhuber_{3a}, с. 72; она же₄, с. 329 и сл.

(12) Об основных проблемах см. Neu₁, с. 231, с которым я расхожусь в важных моментах; см. также Kuryłowicz₂₆, с. 7—20.

(13) Например, Pisani₆, с. 31; Martinet₄, с. 130 и сл.; см. также Вяч. Вс. Иванов₄, с. 123 и сл.

(14) Pedersen₆, с. 105. Настоящим решением было бы предположение, которое высказал Вайан (см. Vaillant₃, с. 107⁴), о том, что конечное -n(t) перешло в -г; к сожалению, звуковые законы все еще продолжают оставаться препятствием.

(15) В данной связи см. Schmidt₁, с. 237.

(16) Kammenhuber₂, с. 43 и сл., она же_{3a}, с. 87.

(17) Например, Савченко₅, с. 52, Neu₁, с. 229 (он предполагает перф. -o); Watkins₃, с. 3; по-иному (из o + h) Вайан (см. Vaillant₃, с. 93 и сл., III, с. 20, 141, Pedersen₆, с. 81; Untermann, с. 166³).

(18) Так Neu₁, Spēcht₂, с. 313.

(19) Иные объяснения дает Erhart₂, с 87 и сл (eh*). Liebert, с 73, Lindemann₄, с. 140, Kerns-Schwartz, с 718—719

7.2. В случае *форм наклонений* обращает на себя внимание, что *оптатив* (см. 3.1.2) использует вторичные окончания. Отсюда, видимо, следует, что оптатив лишь вторично стал наклонением и что он, собственно говоря, представляет собой прошедшее время, вытесненное в сферу наклонений с соответствующей функцией. С этих позиций оптатив и -е *rō(i)-‘пить’, то есть *rōuēt, объясняли как *rōu-ē-t, переосмысленное в *rō-uē-t. в отношении *rōu-ē-t предполагается, что первоначально это был аорист на -ē (1). Поскольку аорист на -ē для индоевропейского праязыка не доказан, придется считать эту трактовку сомнительной. Некоторых ученых форма суффикса -уē- спровоцировала на то, чтобы обнаружить в нем глагол со значением ‘идти’ (восходит к *ei-) (2).

Предпринимаются попытки возвести и *конъюнктив* (см 3.1.1) к форме индикатива (3). Это не составляет труда, если модальное употребление связывать с формами футурума (4), при ином подходе дело осложняется. С морфологической точки зрения, проблема заключается в том, как е/о приобрело данную функцию. Согласно недавно высказанному предположению, исходить надо из волюнтаривной формы *éu-ō ‘я хочу идти’ и, возможно, из *éuei (= ei + eil) ‘он (некто) должен идти’, где по воле случая установился тематический тип системы формоизменения (5).

(1) Kuryłowicz₁₇, с 141, относительно употребления см. с 143. См также Holmér₁, с 19—27 и Holmér₂, с 5—13 (древний прет).

(2) Например, Hirt₃, IV, с. 290 и сл., VI, с 279, VII, с 148, Hahn, 1953, с. 65. Относительно вторичных окончаний оптатива см также Gonda₄, с 47, Hoffmann K.₂, с 276

(3) Kuryłowicz₁₁, с 28, 71—74, он же₁₇, 137 и сл., Сафаревич, 1964, с 15.

(4) Hirt₃, IV, с 297, Hahn₄, с 65.

(5) Risch₃, с 238. С моей точки зрения, *ei-ei, в лучшем случае, могло бы быть формой 2-го лица ед ч.

7.3. Внимательное исследование временных основ и личных окончаний ведет ко все большей *редукции системы*, кажущейся на первый взгляд столь сложной. Разграничение *систем презенса и аориста* возникло явно

вторично. Еще в историческое время по основе никогда нельзя, собственно говоря, было определить, к какой системе она принадлежит. Если личное окончание является первичным, то дать ответ нетрудно. Если же окончание является вторичным, тогда ответ на вопрос, имперфект это или аорист, зависит от того, возможны ли в языке формы с первичными окончаниями (1)

Позиция *перфекта* теперь тоже совсем иная. Если в исторических языках в нем в принципе (2) выявляется связь с прошедшим — хотя и рассматривается результат в настоящем, — раньше он был просто настоящим временем. Отличие от «системы презенса» в историческое время состоит не во времени, а в *характере действия*: глагол на -*pti* обозначал действие, а глагол на -*a* — *состояние* (3). *Медиопассив*, который в индоевропейском праязыке позднего периода предстает в сложившемся виде, на более ранней стадии отсутствовал. Однако это не значит, что для более ранней стадии мы можем говорить только об одной-единственной диатезе (:активе) (4), в то время имелись по меньшей мере две диатезы: диатеза действия и диатеза состояния (5)

Большая опасность, связанная с методом редукции, заключается в том, что рассматривается не вся система, а одна ее часть, а суждения, однако, высказываются о всей системе. Метод редукции приводит к устранению категории времени. Однако вполне возможно, что, сосредоточив свое внимание исключительно на личных окончаниях, мы проглядим определенные различия, которые еще сохраняются в системе. Не исключено также, что существовавшее некогда временное разграничение оказалось утраченным. Прекрасно подметил Ежи Курилович (см. Kuryłowicz₁₇, с. 58): «Нельзя реконструировать *до бесконечности*. Мы должны быть удовлетворены реконструкцией стадии, похожей на историческую реальность».

(1) В данной связи см. Brugmann₃, II, 3, с. 48, Meillet₁, 1937⁸, с. 197 и сл., 248, Schwyzler₂, I, с. 640

(2) Я исключаю интенсивы (*βεβρυχε*) и претерито-презентные формы (*οἶδα*, гот *scal*), поскольку они являются наследием предшествующей эпохи

(3) Савченко₁, с. 117, он же₂, с. 115—118; Сафаревич, 1964, с. 13—17; Вяч. Вс. Иванов₄, с. 137

(4) Schwyzler₂, II, с. 224.

(5) В данной связи см. также Перельмутер₂, с. 11—21

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

A	— <i>Anglia</i> (Zeitschrift für englische Philologie), Tübingen.
AB	— <i>Annales de Bretagne</i> . Revue publiée par les Facultés des Lettres et Sciences humaines des Rennes et de Nantes, Rennes.
ABSI	— <i>Acta Baltico-Slavica</i> . Archeologie, historia, etnografia et linguarum scientia (Białostockie Towarzystwo Naukowe), Białystock.
Acme	— <i>Annali della Facolta di filosofia e lettere dell'Università statale di Milano</i> , Milano.
Acta	— <i>Acta Univ. Carolinae Philologica</i> . Monographia, Praha.
Actas	— <i>Actas del III Congreso español de estudios clásicos</i> , Madrid, 1968.
ACI	— <i>Archivio Glottologico Italiano</i> , Firenze.
AIED	— <i>Ancient Indo-European Dialects Proceedings of the Conference on Indo-European Linguistics</i> . Held at the University of California, Los Angeles, April 25—27 1963. Edd. by Henrik Birnbaum and Jaan Puhvel, Berkeley and Los Angeles, 1966.
AION-L	— <i>Annali dell'Istituto Orientali di Napoli</i> . Sezione Linguistica, Napoli.
AJP	— <i>American Journal of Philology</i> , Baltimore.
AL(B)	— <i>Acta linguistica</i> (Magyar tudományos Akademia), Budapest.
AL(H)	— <i>Acta linguistica Hafnensia International Journal of structural linguistics</i> , København.
Annales	— <i>Annales Academiae Scientiarum Fennicae Ser. B.</i> , Helsinki.
AO	— <i>Acta Orientalia</i> (Magyar tudományos akademia), Budapest.
ArchL	— <i>Archivum Linguisticum</i> . A Review of Comparative Philology and General Linguistics, Glasgow.
ArchO	— <i>Archiv Orientální</i> . (Československá Akademie věd), Praha.
ASNP	— <i>Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa</i> . Lettere, storia e filosofia, Pisa.

BB	— (Bezenbergers) Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, Göttingen
BICS	— Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London, London.
BPT	— Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique, Kraków
BSL	— Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, Paris.
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies (University of London), London
Ca	— Cahiers de linguistique théorique et appliqué (Université de Bucarest), Bucarest
Celtica	— Celtica (The Dublin institute for advanced studies), Dublin.
CS	— Curtius Studien.
CTL	— Current Trends in Linguistics, The Hague
«Directiones»	— Directiones for Historical Linguistics, edd. W P Lehmann and. Y Malkiel, Austin, London, 1968
Donum Balticum	— Donum Balticum To Professor Christian S Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970, Stockholm, 1970
«E. Benveniste»	— Entrennes de E Benveniste, Paris, 1928
EC	— Etudes Celtiques, Paris
«E Koschmieder»	— Aus der Geisteswelt der Slawen. Dankesgabe an Erwin Koschmieder, München, 1967
Emerita	— Emerita Revista de linguística y filología clásica, Madrid.
Eos	— Eos Commentarii Societatis philologiae Polonorum, Bratislaviae.
Eranos	— Eranos Acta philologica Suecana, Upsaliae.
Eriu	— Eriu Founded as the Journal of the School of Irish Learning devoted to Irish Philology and Literature, Dublin.
ESIR	— Etudes Slaves et Roumaines Publ par l'Institut de philologie slave et l'Institut des langues romanes à l'Université de Budapest, Budapest
ESt	— Englische Studien. Organ für englische Philologie unter Mitberücksichtigung des englischen Unterrichts auf höheren Schulen, Leipzig.
Evidence	— Evidence for Laryngeals Ed. W. Winter, London, The Hague, Paris, 1965.
Fachtagung, II	— II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Sonderheft 15, Innsbruck, 1962
FL	— Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy, Dordrecht—Boston

- «F. Maurer» — Die Wissenschaft von deutscher Sprache und Dichtung. Methoden, Probleme, Aufgaben. (Festschrift für Friedrich Maurer zum 65. Geburtstag am 5. Jan 1963), Stuttgart, 1963
- «F. Novotný» — Charisteria Francisco Novotný octogenario oblata, Praha, 1962
- «For R. Jakobson» — For R. Jakobson. Essays on the occasion of his sixtieth birthday 11 Oct 1956, The Hague, 1956
- «F. Sommer» — Corolla linguistica Festschrift Ferdinand Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, Wiesbaden, 1955.
- FuF — Forschungen und Fortschritte. Nachrichtenblatt der deutschen Wissenschaft und Technik, Berlin.
- Glossa — Glossa (Department of modern languages of Simon Fraser University), Burnaby
- Glotta — Glotta. Zeitschrift für griechische et lateinische Sprache, Göttingen
- «G. S. Lane» — Studies in Historical Linguistics in Honor of George Sherman Lane, Chapel Hill, 1967
- Gymnasium — Gymnasium Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung, Heidelberg.
- «Hammerich» — Festgabe für L. L. Hammerich Aus Anlaß seines siebenzigsten Geburtstages, Kopenhagen, 1962.
- IF — Indogermanische Forschungen Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft, Berlin — Leipzig
- IJJ — Indo-Iranian Journal, The Hague
- IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 's-Gravenhage
- JA — Journal Asiatique (Société asiatique), Paris
- JAOS — Journal of the American Oriental Society, Baltimore, New Haven
- JEGPh — The Journal of English and Germanic Philology, Urbana, Ill
- «J. Fourquet» — Mélanges pour Jean Fourquet, München — Paris, 1969.
- «J. Kuryłowicz» — Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965
- JL — Journal of Linguistics (Linguistics Association of Great Britain), London
- «J. R. Firth» — In memory of J. R. Firth, London, 1966.
- «J. Wackernagel» — ANTIAQFON Festschrift Jacob Wackernagel zur Vollendung des 70. Lebensjahres am 11. Dezember 1923 gewidmet von Schülern, Freunden und Kollegen, Göttingen, 1923
- «Kl. Sch.» — M. Leumann Kleine Schriften Herausgegeben zum 70-sten Geburtstag am 6. Oktober 1959, Zürich und Stuttgart, 1955.
- Kratylos — Kratylos. Kritisches Berichts- und Rezensions-

- organ für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft, Wiesbaden
- «Kuiper» — Pratiḍānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to Franciscus Bernardus Jacobus Kuiper on his sixtieth birthday. Ed. by J. C. Heesterman, G. H. Schokker, V. J. Subramoniam, The Hague, 1968
- KZ — (Kuhns) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen, Berlin
- L — Lingua International review of general linguistics, Amsterdam
- Latomus — Latomus Revue d'études latines Bruxelles
- LB — Linguistische Berichte Forschung, Information, Diskussionen The actual and progressive Journal for all Fields of the Linguistics, Braunschweig
- «L. Dostert» — Papers in Linguistics in honor of Léon Dostert, The Hague—Paris, 1967
- LF — Listy Filologické (Československá Akademie věd), Praha
- Lg — Language. (Linguistic Society of America), Baltimore.
- Li — Linguistics An international review, The Hague.
- LP — Lingua Posnaniensis Czasopismo poświęcone językoznawstwu porównawczemu i ogólnemu, Poznań
- «L. Renou» — 40-e anniversaire de la fondation de l'Institut de Civilisation indienne de l'Université de Paris, 1967. Mélanges d'indianisme à la mémoire de Louis Renou, Paris, 1968
- LS — Lingua e stile (Istituto di glottologia dell'Università degli studi di Bologna), Bologna.
- Lustrum — Lustrum Internationale Forschungsberichte aus dem Bereich des klassischen Altertums, Göttingen
- Mu. — Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache (Gesellschaft für deutsche Sprache), Wiesbaden
- MB — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves, T. V (1937) Mélanges Emile Boisacque, Bruxelles
- MH — Museum Helveticum Schweizerische Zeitschrift für klassische Altertumswissenschaft, Basel
- Minos — Minos. Revista de Filologia Egea Salamanca.
- MSL — Mémoire de la Société de linguistique de Paris, Paris
- MSS — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. (Münchener sprachwissenschaftlicher Studienkreis).

- «M Vasmera» — Festschrift für Max Vasmer zum 70 Geburtstag am 28 Februar 1956, Wiesbaden, 1956
- «Names» — Names American Name Society, New York
- NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, Oslo
- «O Höfler» — Festschrift für Otto Höfler zum 65 Geburtstag, 2 Bde, Wien, 1968
- «Orbis» — Orbis Bulletin international de Documentation linguistique, Louvain
- «Oriens» — Oriens Zeitschrift der internationalen Gesellschaft für Orientforschung, Leiden International society for Oriental research
- OS — Orientalia Suecana, Uppsala
- «Pagliaro» — Studia classica et orientalia Antonio Pagliaro oblata, I, II, III, Roma, 1969
- Paideia — Paideia Rivista letteraria di informazione bibliografica, Brescia
- «Parola del Passato» — La Parola del Passato Rivista di studi classici, Napoli
- PF — Prace Filologiczne (Uniwersytet Warszawski), Warszawa.
- Ph — Phonetica Internationale Zeitschrift, Basel—New York.
- Phil — Philologica (Academia Republicii Socialiste Romania), Bucureşti
- «Phonologie der Gegenwart» — Phonologie der Gegenwart Vorträge und Diskussionen anläßlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien, 30 VIII—3. IX 1966
- «P. Kahle» — In memoriam P Kahle. Hrsg von Matthew Black und Georg Fohrer.—ZATW, Beiheft 103, Berlin, 1968.
- «P. Kretschmer₁» — Festschrift für Univ.-Professor Hofrat Dr. Paul Kretschmer. Beiträge zur griechischen und lateinischen Sprachforschung, Berlin—Wien—Leipzig—New York, 1926.
- «P Kretschmer₂» — ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ Gedenkschrift Paul Kretschmer, 2. Mai 1866—9 März 1956, Bd 2, Wien, 1956
- «Pokorny» — Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet, Innsbruck, 1967.
- PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle (Saale)
- PBB(H) — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle (Saale)
- PBB(J) — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Tübingen.
- Pr. d. l g — E. Benveniste, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966
- Proceedings₇ — Proceedings of the 7th International Congress of Linguists London, 1—6 September, 1952.
- Proceedings₈ — Proceedings of the 8th International Con-

- gress of Linguists. Oslo, 5-9 August, 1957, Oslo, 1958.
- Pocceedings, — Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists Cambridge, Mass., August 27-31, 1962, London, The Hague, Paris, 1964.
- RbPh — Revue belge de Philologie et d'Histoire, Bruxelles
- REA — Revue des études anciennes, Bordeaux—Paris.
- REIE — Revue des études indo-européennes, Bucarest
- Rendiconti — Rendiconti dell'Accademia dei Lincei
- RESI — Revue des études Slaves, Paris (Institut d'études slaves).
- RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica, Torino.
- RHA — Revue Hittite et Asiatique, Paris.
- RhM — Rheinisches Museum für Philologie, Frankfurt am Main
- «R Hotzenköcherle» — Sprachleben der Schweiz. Sprachwissenschaft, Namenforschung, Volkskunde (Festschrift für R. Hotzenköcherle), Bern, 1963
- RIGI — Rivista indo-greco-italiana, Napoli.
- RiSI — Ricerche slavistiche (Istituto di filologia slava dell'Università di Roma), Roma
- «R. Jakobson» — To honor R. Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday, 11. October, 1966, I, II, III, The Hague, 1967.
- RL — Ricerche linguistiche e lessicografiche dell'Istituto di lingua e letteratura italiana dell'Università di Utrecht, The Hague.
- RO — Rocznik Orientalistyczny (Polska akademia nauk Komitet orientalistyczny), Warszawa.
- «Rosetti» — Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani, București, 1965.
- RPh — Revue de Philologie, de littérature et d'histoire anciennes.
- RPhon — Revue de Phonétique appliquée
- RRL — Revue Roumaine de Linguistique, Bucarest.
- RSI — Rocznik Slawistyczny (Revue slavistique). (Polska akademia nauk Komitet językoznawczy i słowianoznawstwa), Wrocław
- «Saussure» — Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure, Paris, 1908.
- Sb. — Sborník Práci Filosofické Fakulty Brněnské University, Brno
- ScSl — Scando-Slavica (Association of Scandinavian slavistics), Copenhagen.
- ScSt — Scottish Studies, Edinburgh
- SEEJ — Slavic and East European Journal
- «Serra» — Joanni Domenico Serra ex munere Iactio inferiae Raccolta di studi linguistici in onore di G. D. Serra, Napoli, 1959
- SL — Studia Linguistica Revue de linguistique générale et comparée, Lund

- Slaw St. — Slawistische Studien zum 5 Internationalen Kongreß in Sofia, 1963, Göttingen, 1963
- SMEA — Studi miceni ed egeo-anatolici, Roma.
- SN — Studia Neophilologica A journal of Germanic and Romanic philology, Uppsala
- «Sprache» — Die Sprache Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Wien.
- SprB — Språkliga bidrag Meddelanden från Seminarier na för slaviska språk, jämförande språkforskning, finskugriska språk och östasiatiska språk vid Lunds universitet, Lund.
- SSL — Studi e saggi linguistici, Pisa
- StC — Studia Celtica, Cardiff
- StI — Studia linguistica
- «Studia Spitzer» — Studia linguistica et litteraria in honorem L. Spitzer, Bern, 1958.
- «Studies R Jakobson» — Studies presented to Professor Roman Jakobson by his students Ed. by Charles E. Gribble, Cambridge, Mass Slavica Publisher, 1968.
- TAPA — Transactions of the American Philological Association
- TCLP — Travaux du Cercle Linguistique de Prague
- «Th. Frings» — Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Sprache und Literatur Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin Festgabe Th Frings, Berlin, 1956
- TIL — Travaux de l'Institut de linguistique de Paris
- TLL — Travaux de linguistique et de littérature, Straßburg.
- TLP — Travaux de linguistique de Prague
- TPhS — Transactions of the Philological Society, London
- Trivium — Trivium Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft, Zürich.
- Universals — Universals of language. Ed. by Joseph H Greenberg Rapport of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13-15, 1961, Cambridge, Mass, 1963
- «V. Pisani» — Προμνημαί Scritti in onore di Vittore Pisani, Lecce, 1969.
- «V. Thomsen» — Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des siebzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912 dargebracht von Freunden und Schülern, Leipzig, 1912
- «W Brandenstein» — Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein, Innsbruck, 1968.
- «W. N Brown» — Indological studies in honor of W Norman Brown, New Haven, Connecticut, 1962.
- «W Eilers» — Festschrift für Wilhelm Eilers. Ein Dokument der internationalen Forschung zum 27. September 1966, Wiesbaden, 1967.

«W Krause»	— Indogermanica. Festschrift für Wolfgang Krause zum 65. Geburtstag am 18. September 1960 von Fachgenossen und Freunden dargebracht, Heidelberg, 1960
«Word»	— Word Journal of the Linguistic circle of New York
WPLUH	— Working Papers in Linguistics Department of Linguistics University of Hawaii, Honolulu
WS	— Die Welt der Slawen Halbjahresschrift für Slavistik, Wiesbaden
ZATW	— Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft, Berlin.
ZDL	— Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Wiesbaden.
ZDMG	— Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, Wiesbaden
ZfceltPh	— Zeitschrift für celtische Philologie, Tübingen
ZfdPh (B)	— Zeitschrift für deutsche Philologie, Berlin
ZfdPh (St)	— Zeitschrift für deutsche Philologie, Stuttgart
ZfdS	— Zeitschrift für deutsche Sprache, Berlin.
ZfMaF	— Zeitschrift für Mundartenforschung. Neue Folge des Teutonista, Halle (Saale)
ZfPhon	— Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Berlin.
ZfrPh	— Zeitschrift für romanische Philologie, Tübingen
ZfSl	— Zeitschrift für Slavistik, Berlin.
ZSPh	— Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg
ВСЯ	— Вопросы славянского языкознания, Москва
ВЯ	— Вопросы языкознания, Москва
О	— Э. Бенвенист. Общая лингвистика, перев. с франц., Москва, 1974.
ОЛ	— Е. Курилович. Очерки по лингвистике, перев. на русск., Москва, 1962.

БИБЛИОГРАФИЯ

Aalto₁—P. Aalto Untersuchungen über das lateinische Gerundium und Gerundivum, Helsinki, 1949.

Aalto₂—P. Aalto. Studien zur Geschichte des Infinitivs im Griechischen — «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, T 80, 2, Helsinki, 1953.

Adrados₁—F. R. Adrados. Quelques traitements phonétiques des laryngales indo-européennes. — Voir «Hommages à Max Niedermann». Collection Latomus, vol XXIII, Bruxelles, 1956, p 17—23.

Adrados₂—F. R. Adrados. Estudios sobre las laryngales indoeuropeas, Madrid, 1961

Adrados₃—F R Adrados. Hethitisch und Indogermanisch — In: «Fachtagung, II», 1962, S 145—151.

Adrados₄—F R Adrados Evolución y estructura del verbo indoeuropeo, Madrid, 1963.

Ahrens—H L Ahrens. Beiträge zur griech. Formenlehre und Etymologie. — KZ 3, 1854, S. 81—113.

Aitzetmüller₁—P Aitzetmüller. Lateinisch -lentus und andere nt-Bildungen — «Sprache», (1956) 1957, Bd 3, H 3—4, S. 131—134.

Aitzetmüller₂—P Aitzetmüller Das angebliche s-Futurum des Slavischen — In: «W. Brandenstein», S 11—16

Aitzetmüller₃—P Aitzetmüller Aksl. věd ě und die slavischen Zustandsverba — In «Slaw St », S 209—214

Allen₁—W S Allen. Transitivity and possession — Lg , 1964, 40, p 337—348

Allen₂—W S Allen On quantity and quantitative verse — In «In Honour of Daniel Jones», London, 1964, p 3—15

Allen₃—W S Allen Phonetics in Ancient India. («London Oriental Series»), Oxford, 1965^a.

Allen₄—W S. Allen. Vox Latina A Guide to the pronunciation of classical latin, Cambridge, 1965.

Allen₅—W. S Allen. A problem of Greek accentuation — In. «J R. Firth», London, 1966, p 8—14.

Allen₆—W. S Allen Prosody and prosodies in Greek TPhS, 1966, p 107—148.

cient Greek — in «K. JAKOBSON», p. 40—42

Allen₈—W. S. Allen *Vox Graeca*, London, Cambridge, 1968, 1974

Allen₉—W. S. Allen *The Latin accent a restatement* — *JL*, 1969, 5, p. 193—203

Alsdorf—L. Alsdorf *Namipavvajjā* — In: «Indological studies in honor of W. Norman Brown», New Haven, Connecticut, 1962, p. 8—17

Ambrosini₁—R. Ambrosini *Ricerche ittite II — Contributi ad'un interpretazione storico-geografica delle laringali* — *ASNP*, 1959, v. XXVIII, p. 292—302

Ambrosini₂—R. Ambrosini *Stabilizzazioni formali del rapporto locativo in alcune lingue indo-europee* — *ASNP*, v. XXIX, Pisa, 1960, p. 75—76

Ambrosini₃—R. Ambrosini *Concordanze nella struttura formale della categorie verbali indo-europee* — *SSL*, II, 1962, p. 33—97

Ambrosini₄—R. Ambrosini *Ittito esat e ai aduhat.* — *SSL*, VI, 1966, p. 89—95

Amelung—A. Amelung *Die Bildung der Tempusstämme durch Vokalsteigerung im Deutschen Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung*, Berlin, 1871

Amman₁—H. Amman. *Zum griechischen Verbaladjektiv auf -τος* — In «P. Kretschmer», 1957, S. 10—23

Amman₂—H. Amman *Nachgelassene Schriften zur vergleichenden und allgemeinen Sprachwissenschaft*, Innsbruck, 1961

Ammer—K. Ammer *Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur* — «*Sprache*», 1952, Bd. 2, H. 4, S. 193—214.

Andersen—H. Andersen. *IE *s after i, u, r, k in Baltic und Slavic* — *AL(H)*, 1968, II, S. 171—190.

Anttila—R. Anttila. *Proto-Indo-European Schwebelaute*. Yale Diss., 1966, Berkley, 1969.

Arens—H. Arens *Sprachwissenschaft — Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart*, Freiburg in Br., 1969²

Arumaa—P. Arumaa *Baltic et Iranicus* — «*V. Pisani*», 1969, p. 73—90

Atkins—S. D. Atkins *The RV dyaús-Paradigm and the Sievers—Edgerton Law.* — *JAOS*, 1969, vol. 88, N. 4, p. 679—709.

Bach A —A. Bach *Deutsche Mundartforschung*, Heidelberg, 1950²

Bach E —E. Bach. *An introduction to transformational grammar*, New York, 1966

Bader₁—F. Bader *Le système des désinences de 3 personne du pluriel du perfectum latin.* — *BSL*, (1967) 1968, t. 62, p. 87—105

Bader₂—F. Bader. *Vocalisme et redoublement au parfait en latin* — *BSL*, 1969, t. 63, fasc. I, p. 160—196

Bailey₁—C.-J. N. Bailey. *Review Vox Graeca the pronun-*

ciation of Classical Greek. By W Sidney Allen Cambridge University Press, 1968 —Lg, 1969, vol 45, N 3, p 640—647

Bailey₂—C. J. N. Bailey Inflectional pattern on Indo-European nouns —In WPLUH, 2, 1970/1971

Balázs—J Balázs. Gli interrogativi slavi e l'origine del genere nell'indoeuropeo —AION-L VII, 1965, p. 5—20

Ball—C J. E. Ball The Germanic dental preterite —In TPhS, 1968 (1969), p 162—188

Bammesberger—A Bammesberger Deverbative Jan-Verben des Altenglischen Diss., München, 1965.

Bănăţeanu—V Bănăţeanu. L'élément -r médio-passif en arménien classique —«Revue Roumaine de Linguistique», 1965, X, p. 509—526.

Барич—Х. Барич. Индоевропейски палатали.—В: «Глас Српске краљевске академија», СХХIV Други разред, 68, Београд—Љубљана, 1927, с 1—57 (Резюме на немецком языке, с 58—72)

Bartholomae₁—Chr. Bartholomae. Arische Forschungen, Halle, 1882—1886, H 1—2

Bartholomae₂—Chr Bartholomae. Iranisch ar—indisch *ir, ur*, S 204—205. θυγάτηρ, S 206—207. Indisch *jihvā*, S 207—209. Indisch *ai* in den Medialeausgängen des Konjunktivs, S 210—215 —KZ, 1885, Bd XXVII, Neue Folge, Bd VII

Bartoněk—A Bartoněk. K problematice latinckého superlativu na -issimus —LF, R III (LXXVIII), 1, 1955, s 1—8

Baumgärtner—K. Baumgärtner. Zur strukturellen Semantik —ZfS, Bd. XX, 1964, S 79—90.

Bech₁—G. Bech Die Entstehung der ahd Verbalendung -mēs —SN, 34, 1962, S 196—211.

Bech₂—G Bech Das Schicksal des indoeuropäischen 2 Sg. Ind Perf im Germanischen —SN, 41, 1969, S 75—92

Bechert₁—J Bechert Form und Charakter der Sprachen, am Beispiel des Griechischen —«Kratylos», X, 1965, S 162—174.

Bechert₂—J Bechert. Indogermanistik und generative Phonologie —LB, 2, 1969, S 28—46.

Beekes—R S P Beekes. The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek, den Hagen, 1969

Belardi₁—W Belardi. La formazione del perfetto nell'ie —RL, I, 1950, p 93—131

Belardi₂—W Belardi Ital ant allume scagliuolo —RL, 4, 1958, p 180—183

Benediktsson—H Benediktsson On the Inflection on the n-Stems in Indo-European —NTS, 1968, Bd XXII, s 7—31.

Bennett₁—W. H Bennett The parent suffix in Germanic weak verbs class III.—Lg, 1962, 38, N 2, p 135—141

Bennett₂—W. H Bennett The Germanic evidence for Bartholomae's law —Lg, 1966, 42, N 4, p 733—737

Benveniste₁—E. Benveniste Génitifs animaux de l'Avéstique —BSL, 1933, t. 34, fasc. 1, p. 22—27

Benveniste₂—E Benveniste Origines de la formation des noms en indo-européen, I, Paris, 1935, 1948 (русск. перев. Э Бенвенист Индоевропейское именное словообразование, М., 1955)

Benveniste₃—E Benveniste Structure des relations de personne dans le verbe.—BSL, 1946, t. 43, fasc. 1, p. 1—12, Pr. d. l. g., 1966, p. 225—236, O, 1974, c. 259—269

Benveniste₄—E. Benveniste. Noms d'ageant et noms d'action en indo-européen, Paris, 1948.

Benveniste₅—E Benveniste Sur quelques développements du parfait indo-européen.—ArchL, 1949, vol. 1, p. 16—22, O, 1974, c. 141—147

Benveniste₆—E Benveniste. Actif et moyen dans le verbe —«Journal de Psychologie», janvier-février, 1950, XLIII, p. 121—129; Pr. d. l. g., 1963, p. 168—175, O, 1974, c. 184—191

Benveniste₇—E Benveniste Prétérit et optatif en indo-européen —BSL, 1951, t. 47, fasc. 1, p. 11—20

Benveniste₈—E Benveniste Etudes hittites et indo-européen —BSL, 1953, t. 50, fasc. 1, p. 29

Benveniste₉—E Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction.—«Word», 1954, v. X, N 2—3, p. 251—264, Pr. d. l. g., 1966, p. 289—307, O, 1974, c. 331—349

Benveniste₁₀—E Benveniste Homophonie radicales en indo-européen —BSL, 1955, t. 51, fasc. 1, p. 14—41

Benveniste_{10a}—E Benveniste Présents dénominatifs en hittite —In «F. Sommer», 1955, S. 1—4

Benveniste₁₁—E Benveniste La nature des pronoms —In «For R. Jakobson», 1956, p. 34—37, Pr. d. l. g., 1966, p. 251—257; O, 1974, c. 285—291

Benveniste₁₂—E Benveniste Etudes sur la phonétique et l'étymologie de l'ossète —BSL, 1956, t. 52, fasc. 1, p. 6—59.

Benveniste₁₃—E Benveniste Les verbes délocutif.—In: «Studia Spitzer», 1958, p. 57—63, O, 1974, c. 320—328.

Benveniste₁₄—E Benveniste De la subjectivité dans la langue —«Journal de Psychologie», juillet-septembre, 1958, vol. LI, p. 257—265; Pr. d. l. g., 1966, p. 258—266; O, 1974, c. 292—300

Benveniste_{14a}—E Benveniste. La phrase relative, problème de syntaxe générale —BSL, 1957/1958, t. 53, fasc. 1, p. 39—54; O, 1974, c. 225—240

Benveniste₁₅—E Benveniste. Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique —BSL, 1959, t. 54, fasc. 1, p. 46—68

Benveniste₁₆—E Benveniste Les relations de temps dans le verbe français —BSL, 1959, t. 54, fasc. 1, p. 69—82, Pr. d. l. g., 1966, p. 237—250, O, 1974, c. 270—284

Benveniste_{16a}—E Benveniste Les substantifs en -ant du hittite —BSL, 1962, t. 57, fasc. 1, p. 44—51

Benveniste₁₇—E Benveniste Hittite et indo-européen Etudes comparatives, Paris, 1962

Benveniste₁₈—E Benveniste Présents dénominatifs en hittite.—In. «F. Sommer», S. 1—4.

Benveniste₁₉—E Benveniste. Le redoublement au parfait indo-iranien —In «J Kuryłowicz», S 25—33

Benveniste_{19a}—E Benveniste Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966

Benveniste₂₀—E Benveniste Fondements syntaxiques de la composition nominale —BSL, (1967) 1968, t 62, fasc 1, p 15—31, O, 1974, c 241—256

Berg—N Berg Einige Betrachtungen über den indogermanischen Komparationskasus —NTS, 1958, Bd XVIII, S 202—230

Berger—H. Berger Futurisches *gacchati* im Pali MSS 4, 1954, S 29—44

Bernert—E Bernert Das Verbalsubstantiv und Verbaladjektiv auf -to- —«Glotta», 1943, XXX, Bd, S 1—14

Biese—Y M Biese. Some notes on the Origin of the Indo-European Nominative Singular, Helsinki, 1950

Birwé—R. Birwé. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Vokalsystem, Walldorf—Hessen, 1956

Blankenstein—M van Blankenstein Untersuchungen zu den langen Vokalen der e-Reihe. Ein Beitrag zur Lehre des indogermanischen Ablauts, Göttingen, 1911

Bloch—A Bloch Kann der lateinisch-keltische Genitiv auf i der o-Stämme gleichen Ursprungs sein wie altindische Präverbialform auf -i? —KZ, 1960, Bd. 76, H 3/4, S 182—242.

Bloomfield—M. Bloomfield —CM. v. TAPA, 1895, 26, p. 5

Boggs—Roy A Boggs Apropos of F. van Coesten. «Zur Frage der internen Ordnung der Ablautsalternanzen im voreinzeldialektischen Germanischen. I» —«Orbis», (1963), XII, S 262—283, «Orbis», 1966, XV, S 501—504.

Bonfante₁—G. Bonfante —CM v «Emerita», 1936, 4, p 158—164

Bonfante₂—G Bonfante The Latin and Romance weak perfect —Lg, 1941, 17, p 201—211

Bonfante₃—G Bonfante. On reconstruction and Linguistic Method —«Word», 1945, I, p. 83—94, 132—161, 1946, II, p 155—156

Bonfante₄—G Bonfante. La teoria laringale. —«Paideia», 1957, XII, p. 22—28

Bonfante₅—G. Bonfante. Revue: Adrados, Francisco Rodríguez. Estudios sobre las laringales indoeuropeas, Madrid, 1961 —AGI, 1963, XLVIII, p 57—60

Bonfante₆—G Bonfante. Il valore della lettera Z in falisco. —AGI, 1966, LI, p. 1—25

Borgström₁—G Borgström. The thematic genitive singular in Indo-European —NTS, 1934, Bd VII, s 121—128

Borgström₂—G Borgström. Thoughts about Indo-European Vowel Gradation —NTS, 1949, Bd XV, s 137—187.

Borgström₃—G Borgström. Internal Reconstruction of Pre-Indo-European Word-Forms —«Word», 1954, vol. X, N 2—3, p. 275—287.

Borgström₁—G Borgström Ionkawa and Indo-European vowel-gradation —NTS, 1956, Bd XVII, S 119—128

Bottin—L Bottin L'augment in Omero.—SMEA, 1969, 10, p 69—145

Bourdellès—H Le Bourdellès Un point de syntaxe dialectale italique l'objet direct du passif impersonnel —«Latomus», 1965, XXIV, p 481—494.

Brandenstein₁—W Brandenstein. Ein Beitrag zur Entstehung des aktiven Indikativs —In «Pokorny», 1967, S 17—19

Brandenstein₂—W Brandenstein Studien zu Platons Atlantiserzählung —ArchO, 1949, XVII, 1, S. 69—84.

Brinkmann—H Brinkmann Zum grammatischen Geschlecht im Deutschen —In «Studien zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd I Sprache, Düsseldorf, 1965, S 357—399.

Brixhe—C Brixhe. Un ouvrage sur la langue phrygienne —RPh, 1968, 42, fasc II, p 306—319.

Brock₁—N van Brock Thèmes verbaux à nasal infixée en hittite —RHA, 1962, XX (70), p 31—36.

Brock₂—N van. Brock Les thèmes verbaux a redoublement du hittite et le verbe indo-européen —RHA, 1964, XXII (75), p 119—165

Brown—G Brown. Syllables and redundancy rules in generative phonology —JL, 1969, 6, p 1—17

Brugmann₁—K Brugmann Zur Geschichte der stammbildenden Declinationen —CS, 9, 1876

Brugmann₂—K. Brugmann Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung, Leipzig, 1904

Brugmann₃—K Brugmann Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre 2 Aufl I, II 1—3, Straßburg, 1897—1916

Brugmann₄—K Brugmann Das gotische -ada-Passivum —IF, 1920, Bd 39, S. 26—62

Brugmann₅—K Brugmann Zur Frage des Ursprungs der Personalendungen des indogermanischen Verbums —IF, 1920, Bd 39, S 131—139

Buck—C D. Buck Comparative grammar of Greek and Latin, Chicago, 1933

Burgière—P. Burgière Histoire de l'infinitif en grec, Paris, 1960

Burrow₁—T Burrow. Shwa in Sanskrit —TPhS, 1949 (1950), p 22—61

Burrow₂—T Burrow The Sanskrit Language, London, 1955

Burrow₃—T Burrow. Sanskrit gĩ-/gur- 'to welcome' —BSOAS, 1957, XX, p 133—144

Burrow₄—T Burrow. An Archaic Verbal Termination in Early Indo-Arian —IJJ, 1957, 1, p. 61—76.

Burrow₆—T Burrow Sanskrit plaksnotti.—In «Kui-per», 1968, p 247—252

Calboli₁—G Calboli Studi grammaticali, Bologna, 1962.
Calboli₂—G Calboli I modi del verbo greco e latino 1903—1966 —«Lustrum», 1965, Bd 11, S 173—349

Calboli₃—G Calboli Sintassi latina e linguistica moderna — In. LS, 3, 1968, p 307—317

Calboli₄—G Calboli I modi del verbo greco e latino 1903—1966 —«Lustrum», 1969, Bd 13, S 405—511

Campanile₁—E Campanile Sull'isoglossa satem —SSL, 1965, V, p 37—55

Campanile₂—E Campanile. Studi sulla posizione dialettale del latino —SSL, VIII, 1968, p 16—130

Campanile₃—E Campanile. Sulla sopravvivenza dell'ingluntivo indoeuropeo nei dialetti celtici —AION-L, 1968, VIII, p 41—86

Campbell—B Campbell Linguistic meaning Li 33, 1967, p 5—23

Cardona₁—G Cardona Rigvedic śrnviśé —Lg., 1961, 37, N3, p 338—341

Cardona₂—G Cardona. Review Adrados, Francisco Rodriguez Evolución y estructura del verbo indoeuropeo, Madrid, 1963 —In Lg, 1965, 41, N1, p 105—114

Carr—C. T Carr Nominal Compounds in germanic, London, 1939

Chantraine₁—P Chantraine Histoire du parfait grec, Paris, 1927

Chantraine₂—P Chantraine Grammaire homérique, T 1—2, Paris, 1948, 1953, 1958

Chantraine₃—P Chantraine. Morphologie historique du grec, Paris, 1964², П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка, перев с франц, М, 1953.

Chantraine₄—P Chantraine Exemples de la loi de Caland —In: «Pokorny», 1967, S 21—24.

Chantraine₅—P Chantraine Le parfait mycénien —SMEA, 3, 1967, p 19—27

Chomsky₁—N. Chomsky Syntactic Structure, 's-Gravenhage, 1957, 1961, 1963 (русск перев см в сб «Новое в лингвистике», вып 2, М., 1962, с 412—527)

Chomsky₂—N. Chomsky Aspekts of the theory of syntax, Cambridge (Mass), 1965, 1969 (русск перев Н Хомский Аспекты теории синтаксиса, М, 1972)

Chomsky—Halle—N Chomsky, M Halle The sound pattern of English, New York, 1968

Collinder—B Collinder Comparative Grammar of the Uralic languages, Stockholm—Uppsala, 1960

Coseriu₁—E Coseriu. Pour une sémantique diachronique structural —In. «Travaux de linguistique et de littérature», 11/1 Straßburg, 1964, p 139—186

Coseriu₂—E Coseriu El aspecto verbal perifrastico en griego antiguo —In. «Actas del III Congreso español de estudios clásicos», Madrid, 1968, p 93—116

Couvreur₁—W Couvreur De Hettitische H Een bijdrage tot de studie van het indoeuropeesche vocalisme, Louvain, 1937.

Couvreur₂—W Couvreur Le verbe hittite et le type thématique au indo-européen —MB, 1937, t V, p 207—218

Couvreur₃—W Couvreur Les dérives verbaux en -ske/o-du hittite et du tokharien —REIE, 1938, I, p 89—101

Cowgill₁—W Cowgill. Old Irish *teoir* and *cetheoir* —Lg, 1957, vol 33, N 3 (Part I), p 341—345

Cowgill₂—W Cowgill *Review* An introduction to Old Norse By E V [Gordon, Oxford, 1957 —Lg, 1958, vol 34, N 1, p 126—130

Cowgill₃—W Cowgill The inflection of the Germanic *ō*-presents —Lg 1959, vol 35, N 1, p 1—15

Cowgill₄—W Cowgill Greek *ou* and Armenian *œ* —Lg, 1960, vol. 36, N 3 (Part I), p 347—350; Gothic *iddja* and Old English *eode*, p 483—501

Cowgill₅—W Cowgill *Review* Laryngeals an the Indo-European verb By Jaan Puhvel, Berkeley and Los Angeles, 1960.—Lg, 1963, vol 39, N 2 (Part I), p 248—270

Cowgill₆—W Cowgill A search for universals in Indo-European diachronic morphology —In «Universals», 1963, p. 91—113.

Cowgill₇—W Cowgill Evidence in Greek.—In «Evidence», 1965, p 142—180

Cowgill₈—W Cowgill. Ancient Greek Dialectology in the light of Mycenaean —AIED, 1966, p 77—95

Cowgill₉—W Cowgill. The first person singular medio-passive in Indo-Iranian —In «Kuiper», 1969, p 24—31

Cowgill₁₀—W Cowgill The supposed Cypriote optatives *duwānoi* and *dōkoi*, with notes on the Greek infinitive formations —Lg, 1964, 40, p 344—365

Cuny₁—A Cuny Recherches sur le vocalisme, le consonantisme et la formation des racines en «nostratique», ancêtres de l'indo-européen et du chamito-sémitique, Paris, 1943.

Cuny₂—A Cuny Evolution préhistorique de l'indo-européen. I.—REA, 1936, v 38, p 69—77

Cuny₃—A Cuny Notes de phonétique historique Indo-européen et Sémitique —RPhon, 1912, v 2 p 101—132

Dal—I Dal Ein archaischer Zug der germanischen Pronominalflexion —NTS, 1938, Bd IX, S 186—218

Danielsen—N Danielsen Die negativen unbestimmten Pronominaladjektiva im Alt- und Mittelhochdeutschen —ZfdS, 1968, Bd 24, S 92—117

Daugmann—J Daugmann Long vowel augments in Sanskrit and Greek aorists —Li, 1967, vol. 35, p 7—27

Dauzat—A. Dauzat La géographie linguistique, Paris, 1948².

David—J. David. Sur l'impossibilité de dériver la forme passive de la forme active par une transformation sémantiquement indifférente en allemand — Voir «J. Fourquet», 1969, p. 61—74.

Debrunner—A. Debrunner. Zur Hypostasierung von Wünschen und dergleichen — In «Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956», Wiesbaden, 1956, S. 113—123.

Delattre—P. Delattre. Change as correlate of the vowel constant distinction — SL, 1964, XVIII, N 1 (1965), p. 12—25.

Devoto—G. Devoto. Origini Indoeuropee, Firenze, 1962.

Didrichsen—P. Didrichsen. R. Rask og den grammatiske tradition, København, 1960.

Diels—P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik, I. Heidelberg, 1932.

Diver—W. Diver. Palatal quality and vocalism length in Indo-European — «Word», vol. 15, 1959, p. 110—122.

Dressler—W. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen, Wien, 1968.

Drexler—H. Drexler, K. Strunk. Über Gerundium und Gerundivum — «Gymnasium», 1962, LXIX, S. 429—460.

Duhoux—Y. Duhoux. Le group lexical de $\delta\dot{\iota}\omega\mu\iota$ en mycénien — «Minos», 1968, 9, p. 81—108.

Đurovič—L. Đurovič. Das Problem der Morphonologie — In «R. Jakobson», 1967, S. 556—568.

Edgerton₁—F. Edgerton. Sievers's law and IE weak-grade vocalism. — Lg, 1934, vol. 10, p. 235—265.

Edgerton₂—F. Edgerton. The Indo-Europeans semivowels. — Lg., 1943, vol. 19, p. 83—124.

Edgerton₃—F. Edgerton. Indo-European s movable — Lg, 1958, vol. 34, N 4, p. 445—453.

Edgerton₄—F. Edgerton. The semivowel phonemes of Indo-European A reconstruction. — Lg, 1962, vol. 38, N 4, p. 352—359.

Elfenbein—J. Elfenbein. Il tipo verbale lat ferō, fers, in tocarico — RL, 2, 1951 (1952), p. 180—186.

d'Elia—G. d'Elia. Origine e sviluppo del futuro nell'IE, Lecce, 1942.

Emenau₁—M. B. Emenau. Review M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen Fascias 9—10, Heidelberg, 1957 — Lg, 1958, vol. 34, N 3 (Part 1), p. 408, 417.

Emenau₂—M. B. Emenau. The Dialects of old Indo-Aryan. — AIED, 1966, p. 123—138.

Erhart₁—A. Erhart. Ke genezi slovesné flexe v jazycích indoeurospských II Sb. IV, 1955 (A 3), s. 11—21.

Erhart₂—A. Erhart. Zum Ursprung der indogermanischen Komparative und der altindischen in-Stämme — ArchO, 1956, XXIV, S. 432—443.

Erhart₃—A. Erhart. Die idg. Personalendung -ō und Verwandtes. Sb. VII (E 3), 1958, S. 87—94.

Erhart₃—A. Erhart. Réflexions sur le participe du parfait actif — In: «F. Novotny», 1962, s 71—77

Erhart₄—A. Erhart Bemerkungen zum Nasalsuffix im Slavischen Sb XIII (A 12), 1964, s 59—67

Erhart₅—A. Erhart Die griechische Personalendung -μν Sb. XIV (E 10), 1965, S 21—28

Erhart₆—A. Erhart. Die indoeuropäische Dualendung -ō(u) und die Zahlwörter. Sb XIV (A 13), 1965, S 11—33.

Erhart₇—A. Erhart Sur la rôle des préfixes dans les langues indo-européennes. Sb XV (A 14), 1966, s 13—25

Erhart₈—A. Erhart. Zur Endung der 2. Person plur. medii. Sb. XV (E 11), 1966, S 79—82

Erhart₉—A. Erhart Zur indoeuropäischen Nominalflexion Sb. XVI (A 15), 1967, S 7—26

Ernout—Meillet—A. Ernout, A. Meillet Dictionnaire étymologique de la langue latine Histoire des mots, T I, Paris, 1959⁴

Essen—O. v. Essen Allgemeine und angewandte Phonetik, Berlin, 1966⁴

Evangelisti—E. Evangelisti Graecia asiana «Acme», 1965, vol. XVIII, p. 7—17; Ricerche sul suffisso -nt- di participio p. 205—251

Evidence—Evidence for Laryngeal, ed W. Winter, den Hagen, 1965.

Ferrell—J. Ferrell On the Prehistory of the Locative Singular of the Common Slavic Consonant Stems — In: «R. Jakobson», S 654—661

Festus—Festus De verborum significatu, ed W. M. Lindsay. — In: «Glossaria Latina iussu Academiae Britannicae edita», vol IV, pp 71f, Paris, 1930, Hildesheim, 1965

Fick—A. Fick. — In BB, 1877, Bd 1, S. 1

Fillmore—Ch. J. Fillmore. The case for case. 1968. Universals in Linguistic Theory, ed. by Emmon Bach and Robert I. Harms, New York, 1968, p 1—88

Flobert—P. Flobert Déponent et passif en italique et en celtique — AB, 1968, t 74, p 567—604

Fodor—J. Fodor The Origin of Grammatical Gender, I—II—L, 1959, vol VIII, p. 1—41

Fodor—Katz—J. A. Fodor, J. J. Katz. Structure of language Readings in the philosophy of language Englewood Cliffs, N. J., 1964, p 479—518.

Forssman—B. Forssman Zwei interessante griechische Verbalformen — MSS, 1968, Bd 23, S 7—20

Forster—J. Forster. The History of the t-stems in Greek. Univ. of London, Thesis, 1967.

Fourquet—J. Fourquet Germanique skulum, munum et la classification des prétérits forts — In «Hammerich», 1962, p. 61—68

Fraenkel—E. Fraenkel Zum anorganischen Anlauts-vor Konsonanten im Baltischen unter Berücksichtigung anderer indogermanischer Sprachen — IF, 1949, Bd LIX, H 3, S 295—306.

Friedrich₁—Joh. Friedrich. Hethitisches Elementarbuch, Heidelberg, 1960².

Friedrich₂—Joh. Friedrich. Luwische Kleinigkeiten — In «F Sommer», 1954, S 43—47.

Friedrich₃—Joh. Friedrich. Zu einigen seltsamen hethitischen Pronominalformen — In: «W Eilers», 1967, S 72—73

Friedrich₄—Joh. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefaßte historische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Ergänzungsheft 3, Heidelberg, 1966

Frings—Th. Frings. Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache, Halle (Saale), 1957³.

Frings—Linke—Th. Frings, E. Linke. Westgermanische Pronomen am Nordsee und Rhein — In «F Maurer», 1963, S 91—117

Frisk₁—H. Frisk. Suffixales -th- im Indogermanischen, Göteborg, 1936.

Frisk₂—H. Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1954—1957, fasc 1—6, Heidelberg, 1960, Bd 1

Friš—O. Friš. The IE comparative suffix -ios and the neuter suffix -os — ArchO, 1953, XXI, s 101—113

Fudge—E. C. Fudge. Syllables — JL, 1969, vol 5, p 253—286.

Futaky—I. Futaky. Trubetzkoy's Regeln für morphologische Wertung und die schriftdeutschen Affrikaten. Bemerkungen zu einem Aufsatz von N. Morcinec. Ph, 1967, 16, S 14—24.

Galton₁—H. Galton. Sound Shift and Diphthongization in Germanic — JEGPh, 1954, vol LIII, p 585—600.

Galton₂—H. Galton. The fixation of the accent in Latin and Greek. — ZfPhon, 1962, Bd XV, H 3/4, p 273—299

Gamillscheg—E. Gamillscheg. Die Sprachgeographie und ihre Ergebnisse für die allgemeine Sprachwissenschaft, Bielefeld, 1928

Garde₁—P. Garde. Principes de description synchronique des faits d'accent. — In «Phonologie der Gegenwart», Graz, Wien, Köln, 1967, p 32—43.

Garde₂—P. Garde. L'accent, Paris, 1968.

Georgiev₁—V. Georgiev. Das hethitisch-luwische Demi-nutivsuffix -ant- — ArchO, XXXIII, 1965, S. 175—182

Georgiev₂—V. Georgiev. Komplexe Methoden in der indoeuropäischen Sprachwissenschaft — «Kratylos», Bd. 10, 1965 (1967), S 211—216

Georgiev₃—V. Georgiev. Die indoeuropäische eH₂y-Klasse — In «J. Kuryłowicz», S. 81—87.

Georgiev₄—V. Georgiev. Introduzione alla storia delle lingue indoeuropee, Roma, 1966.

Georgiev₅—V. Georgiev. I. Die Genitivformen des Hieroglyphisch-Hethitischen. — RHA, 25 (81), 1967, S 157—165.

Georgiev₆—V. Georgiev. I. Zur hethitischen Onomastik. — ArchO, 1968, XXXVI, S. 189—199.

Georgiev₇—V. Georgiev. On the Present State of the Indo-European Linguistics. — In «Proceedings», (1962), 1964, p. 738—742.

Ghiselli—A. Ghiselli Grammatica e filologia. Studi e ricerche di grammatica latina, Firenze, 1961

Gil₁—L. Gil Sobre la historia del aoristo atematico griego — «Emerita», 1964, XXXII, p 163—183

Gil₂—L. Gil El genitivo an -i y los origenes de la declinación temática — «Emerita», 1968, XXXVI, p 25—43

Gil₃—L. Gil. Los temas nominales en laringal — «Emerita», 1969, XXXVII, p 371—409

Gimbutas—M. Gimbutas Ancient Baltic Lands.—IJSLP, 1963, VI, p 65—102

Goetze—A. Goetze Suffixes in «Kanishite» Proper Names.—RHA, 1960, XVIII (66), p 45—55.

Gonda₁—J. Gonda. Observations an ordinal Numbers.— In: «Bingkisan budi Een bundel opstellen aan Dr. Philippos Samuel van Ronkel door vrienden en leerlingen aangeboden op zijn tachtigste verjaardag, 1 Augustus 1950», Leiden, 1950, p 135—145.

Gonda₂—J. Gonda Remarks on the Sanskrit passive, Leiden, 1951

Gonda₃—J. Gonda The original character of the Indo-European relative pronoun *yo-*. L. IV, 1, 1954, p 1—41

Gonda₄—J. Gonda. The character of the Indo-European moods with special regard to Greek and Sanskrit, Wiesbaden, 1956.

Gonda₅—J. Gonda Four studies in the language of the Veda, 's-Gravenhage, 1959

Gonda₆—J. Gonda. Reflections on the Indo-European Medium I—II.—L., 1960, vol IX, p 30—67, 175—193.

Gonda₇—J. Gonda. The aspectual functions of the Rgvedic present and aorist, 's-Gravenhage, 1962.

Grassmann—H. Grassmann Über die Aspiraten und ihr gleichzeitiges Vorhandensein im An- und Auslaute der Wurzeln — KZ, 1863, Bd. 12, S 81—138

Graur—A. Graur La quatrième conjugaison latine.—BSL, 1939, t 40, fasc. 2, p 127—150

Grünenthal—O. Grünenthal. Zum Perfekt.—KZ, 1936, Bd. 63, H 1/2, S 133—140.

Güntert—H. Güntert Zum o-Abtönung in den indogermanischen Sprachen —IF, 1916, Bd XXXVII, S 1—87.

Gusmani₁—R. Gusmani. Contributi allo studio comparativo delle lingue anatoliche — AION-L, 1965, VI, p 69—87.

Gusmani₂—R. Gusmani. Forms «satem» in Asia Minore.— In «Festschrift Pagliaro», II, 1969, p 281—332

Haas—M. R. Haas Historical linguistics and the genetic relationship.—In CTL, III, 1966, p 113—153

Hahn₁—E. A. Hahn Voice of non-finite verb forms in Latin and English —In TAPA, 1943, LXXIV, p 269—306

Hahn₂—E. A. Hahn Relative and antecedent —In. TAPA, 1964, XCV, p 111—141

Hahn₃—E. A. Hahn Was there a nominative gerund? (Iterum de gerundio et gerundivo) — TAPA, 1965 [1966], XCVI, p. 181—207.

Hahn₃—E. A. Hahn. On alleged anacolutha in Old Persian ending — JAOS, 1965, LXXXV, p. 48—58

Hahn₄—E. A. Hahn. Subjunctive and Optative. Their origin as futures, New York, 1953

Hahn₅—E. A. Hahn. Verbal nouns and adjectives in some ancient languages — Lg, 1966, 42, N 2, p. 378—398

Hakulinen—L. Hakulinen. Handbuch der finnischen Sprache, Bd. I, Wiesbaden, 1957.

Hála—B. Hála. La syllabe, sa nature, son origine et ses transformations. — «Orbis», 1961, t. 10, N 1, p. 69—143

Hall₁—R. A. Hall, Jr. Introductory Linguistics. Philadelphia—New York, 1964.

Hall₂—R. A. Hall, Jr. On Realism in Reconstruction — Lg, 1960, 36, p. 203—206

Halle—M. Halle. Is Kabardian a vowel-less language? — FL, 1970, 6, p. 95—103.

Haltorf—B. Haltorf. Die Aspekte des modernen Russischen. Versuch einer semantischen und distributiven Modellierung — ZfSl, 1967, Bd. 12, S. 735—743.

Hammerich₁—L. L. Hammerich. Die germanische und die hochdeutsche Lautverschiebung. I. Wie entsteht die germanische Lautverschiebung? II. Worin besteht die germanische Lautverschiebung? — PPB(T), 1955, LXXVII, S. 1—29, 165—203

Hammerich₂—L. L. Hammerich. Ketzereien eines alten Indogermanisten. — In: «R. Jakobson», 1967, S. 839—849.

Hamp—E. P. Hamp. mille — «Glotta», 1968, Bd. XLVI, H. 3/4, S. 274—278.

Hartmann—H. Hartmann. Das Passiv. Eine Studie zur Geistesgeschichte der Kelten, Italiker und Arier, Heidelberg, 1954.

Harweg—R. Harweg. Pronomina und Textkonstitution, München, 1968.

Haudry—J. Haudry. Les emplois doubles du datif et la fonction du datif indo-européen. — BSL, 1968, t. 63, fasc. 1 (1969), p. 141—159

Hauri₁—C. Hauri. Zur Vorgeschichte des Ausgangs -ena des Instr. Sing. der a-Stämme des Altindischen — KZ, Ergänzungsheft 17 (Diss. Basel), Göttingen, 1963.

Hauri₂—C. Hauri. Der Stamm amú- 'jener' des Altindischen. — KZ, 1963, LXXVIII, S. 115—125.

Havers—W. Havers. Untersuchungen zur Kasusyntax der indogermanischen Sprachen, Straßburg, 1911

Heller₁—L. G. Heller. The IE so-/to- Demonstrative: Suppletion or Phonetic Differentiation? — «Word», 1956, XII, p. 7—8

Heller₂—L. G. Heller. The first person singular verbal endings in Indo-European. A study in syntagmatic phonetics — Lg, 1957, 33, N 1, p. 19—21.

Helten—W. van Helten. Zur Gotischen Grammatik — IF, 1903, Bd. XIV, S. 60—89.

Hendriksen₁—H Hendriksen Untersuchungen über die Bedeutung des Hethitischen für die Laryngalthorie Kopenhagen, 1941

Hendriksen₂—H Hendriksen The Active and the Passive —In «Språkventenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar», Uppsala, 1946—1948, s 61—76

Hendriksen₃—H. Hendriksen The personal ending —ArchO, 1949, XVII, s 310—314

Henning—W. B Henning Ein persischer Titel im Altarmenischen —«P Kahle», S 138—145

Henzen—W Henzen Deutsche Wortbildung, Tübingen, 1965^a

Hermann₁—E Hermann Der Diphthong -oi- im Stamm der geschlechtigen Fürwörter und die Genitivendung -sōm —In «J Wackernagel», 1923, S 217—219

Hermann₂—E Hermann Herkunft unserer Fragewörter —Sitzungsberichte der Bayrischen Akademie der Wissenschaften Phil.-hist. Klasse, München, 1943/3

Hermodsson—L. Hermodsson Reflexive und intransitive Verba im ältesten Westgermanischen Inaugural-Diss, Uppsala, 1952

Hiersche₁—R Hiersche Zu mi *gacchati*, *acchati* u ä als «Futurum» —«Sprache», 1960, Bd VI, S 33—38

Hiersche₂—R Hiersche Germ. got. þō/an þan Ntr. Pl. = ai tǫ(u) Masc Du aus idg tō(y). —KZ, 1963, Bd. LXXVIII, S 155—160.

Hiersche₃—R Hiersche. Untersuchungen zur Frage des Tenues aspiratae im Indogermanischen, Wiesbaden, 1964

Hiersche_{3a}—R Hiersche Gab es im Idg ein o-stufiges primäres Präsens? —IF, 1963, Bd 68, S 149—154

Hiersche₄—R Hiersche Neuere Theorien zur Entstehung des germanischen schwachen Präteritums —ZfdPh, 1968, 87, S 391—404

Hinderling—R Hinderling Studien zu den starken Verbalabstrakta des Germanischen, Berlin, 1967

Hirt₁—H Hirt Der indogermanische Ablaut, Straßburg, 1900

Hirt₂—H Hirt Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen —IF, 1904, Bd XVII, H 1/2, S 36—84

Hirt₃—H Hirt Indogermanische Grammatik I—VII, Heidelberg, 1921—1937

Hirt₄—H Hirt Handbuch des Indogermanischen II, Heidelberg, 1932

Hjelmslev—L Hjelmslev Le language, Paris, 1966

Hockett₁—Ch F Hockett A Course in Modern Linguistics, New York, 1958, 1965^a

Hockett₂—Ch F Hockett A manual of phonology Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics, 11, 1955

Hoeningswald₁—H M Hoeningswald Laryngeals and s-movable. —Lg., 1952, 28, N 2 (Part 1), p. 182—185.

Hoenigswald₂—H M Hoenigswald *Language Change and linguistic Reconstruction*, Chicago, 1960

Hoenigswald₃—H M Hoenigswald *A property of «Grassmann's law» in Indic* —JAOS, 1965, LXXXV, p. 59—60

Hoffmann, K₁—K. Hoffmann *Zu den 'altiranischen Bruchzahlen* —KZ, 1966, Bd LXXIX, H 3/4, S 247—254

Hoffmann, K₂—K Hoffmann *Der Injunktiv im Veda Eine synchronische Funktionsuntersuchung*, Heidelberg, 1967

Hoffmann—O. Hoffmann *Rez K. Brugmann und B. Delbrück Grundriß der vergleichenden grammatik der indogerman Sprachen*, Bd IV *Vergleichende syntax der indogerman sprachen* Von B. Delbrück, I und II —BB, 1899, Bd. 25, S 163—180

Hofmann—Szantyr—J B Hofmann, A Szantyr. *Lateinische Syntax und Stilistik*, München, 1965

Holmer₁—N. M Holmer —In *SprB*, I, Lund, 1951, S. 19—27

Holmer₂—N. M Holmer *On the Indo-European Optative*. *SprB*, 1959, III (13), s 5—13

Hooker—J. T. Hooker *Homeric Nominatives in -TA* —«*Glotta*», 1967, Bd XLV, H 1/2, S 14—23

Householder—F W Householder *Review Subjunctive and Optative Their origin as futures* By E. Adelaide Hahn New York. American Philological Association, 1953 —Lg, 1954, 30, p 389—399.

Houwink—Ph H J Houwink *ten Cate. The ending -d of the Hittite possessive pronoun* —RHA, 1966, XXIV (79), p. 123—132.

Hovdhaugen—E Hovdhaugen *Prothetic Vowels in Armenian and Greek and the Laryngeal Theory* —NTS, 1968, Bd. XXII, s 115—132

Insler₁—S Insler *Vedic tvāyā* —IF, 1967, Bd. 71, H 3, S. 221—235.

Insler₂—S. Insler. *Sanskrit fīpsati and fītsati* —IF, 1968/1969, Bd 73, H. 1/2, S 57—66

Insler₃—S. Insler *The Origin of the Sanskrit Passiv Aorist.* —IF, 1969, Bd. 73, H 3, S. 312—346.

Jaberg₁—K. Jaberg *Aspects géographiques du langage*, Paris, 1936

Jaberg₂—K Jaberg *Suppletivita* —In «*Serra*», 1859, p 27—38

Jakobson—R Jakobson *Selected Writings I. Phonological Studies*, 's-Gravenhage, 1962.

Jacobsson—G. Jacobsson *The Slavic Active Participles. Original Structure and Interference* —ScSl, 1963, T IX, p 123—138

Jankuhn—H Jankuhn *Die passive Bedeutung medialer Formen, untersucht an der Sprache Homers* —KZ, *Ergänzungsheft* 21, Göttingen, 1969.

Jespersen—O Jespersen. *Language, its nature, development and origin*, London, 1922 (Paperback, N. Y., 1964).

Johansson—K. F. Johansson. Arische Beiträge.—IF, 1903, Bd XIV, S. 265—339.

Josephson—F. Josephson. Pronominal adverbs of Anatolian Formation and function.—RHA, 1966, XXIV (79), p. 133—154

Jucquois—G. Jucquois. La structure des racines en i.-e. envisagée d'un point de vue statistique —In: «Recherches linguistiques en Belgique», ed Y. Lebrun, Wetteren (Belgium), 1968, p. 57—68

Kammenhuber₁—A. Kammenhuber. Die hethitischen -ant- Suffixe, historisch-komparativ betrachtet.—MSS, 1956, 8, S. 43—57.

Kammenhuber₂—A. Kammenhuber. Zur Stellung des Hethitisch-Luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache.—KZ, 1961, Bd 77, H. 1—2, S. 31—75

Kammenhuber₃—A. Kammenhuber. Morphologie hurrischer Namen —MSS, 1968, 23, S. 49—79.

Kammenhuber_{3a}—A. Kammenhuber. Die Sprachen des vorhellenistischen Kleinasien in ihrer Bedeutung für die heutige Indogermanistik —MSS, 1968, 24, S. 55—123

Kammenhuber₄—A. Kammenhuber. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch —In: «Alt kleinasiatische Sprachen», Leiden, Köln, 1969, S. 119—357.

Kastner—W. Kastner. Die griechischen Adjektive zweier Endungen auf -os, Heidelberg, 1967

Katz—J. J. Katz. Recent issues in semantic theory.—FL, 1967, 3, p. 124—194.

Katz—Fodor—J. J. Katz, J. A. Fodor. The structure of a semantic theory —Lg, 1963, 39, N 2, p. 170—210.

Kazlauskas—J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė grammatikā, Vilnius, 1968

Keil—F. Keil. Untersuchungen zum Perfektgebrauch Herodots.—«Glotta», 1963, Bd XLI, S. 10—51

Kent—R. G. Kent. The sounds of Latin, Baltimore (Maryland), 1945³, New York, 1966

Kerns—Schwartz—J. A. Kerns, B. Schwartz. Chronology of athematics and thematics in Proto-Indo-European —Lg., 1968, 44, p. 717—719.

Kieckers—E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. 1—50, München, 1934.

Kiparsky, P.₁—P. Kiparsky. A phonological rule of Greek —«Glotta», 1967, Bd XLIV, H. 3/4, S. 109—134

Kiparsky, P.₂—P. Kiparsky. A propos de l'histoire de l'accentuation grecque —«Langages», 1967, 8, p. 73—93

Kiparsky, P.₃—P. Kiparsky. Tense and mood in Indo-European syntax —FL, 1968, 4, p. 30—57.

Kiparsky, V.₁—V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Annales Academiae Scientiarum Fennicae B 32, 2, Helsingfors, 1934

Kiparsky, V.₂—V. Kiparsky.—См в ZSP, 1969, 34.

Kloster—M. Kloster Jensen. Die Silbe in der Phonetik und Phonematik —Ph, 1963, 9, S 17—38

Kluge—F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Bearbeitet von L. Sütterlin und E. Ochs, Halle (Saale), 1926³

Knapp—F P Knapp Ahd *teta*—*tätum* —In «O Höfler», 1968, S 301—314

Knobloch₁—J Knobloch Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs der *o*-Stämme auf *-sjo* —«Sprache», 1950, Bd 2, H. 3, S 131—149

Knobloch₂—J Knobloch La voyelle thématique *-e-/o-* serait *-el-* le un indice d'objet indo-européen?—L, 1952—1953, 3, p. 407—420

Knobloch₃—J. Knobloch —In «Atti del IV Convegno internazionale di linguisti», 1965

Kohler—K J Kohler Is the syllable a phonological universal?—JL, 1966, II, p 207—208

Koller—H Koller. Die Anfänge der griechischen Grammatik —«Glotta», 1958, Bd XXXVII, H. 1/2, S 5—40

Kölln₁—H Kölln. Opposition of voice in Greek, Slavic and Baltic, København, 1969

Kölln₂—H. Kölln. Die *e/o*-Verben im Slavischen —In ScSl, VII, 1961, s 261—285

Kölln₃—H. Kölln Aspekt und Diathese im Slavischen. —In. ScSl, XII, 1966, s 57—79

Komárek—M. Komárek Sur l'appréciation fonctionnelle des alternances morphologiques —Voir TLP, I, 1966, s. 145—161.

Krahe₁—H. Krahe. Indogermanische Sprachwissenschaft. 3 Aufl., I. Einleitung und die Lautlehre. I—II, Berlin, 1958—1959, 1962—1963

Krahe₂—H Krahe. Altgermanische Kleinigkeiten —IF, 1961, Bd LXVI, H 1, S. 35—43

Krahe—Meid—H Krahe, H Meid. Germanische Sprachwissenschaft, Berlin, 1967.

Krause₁—W Krause Handbuch des Gotischen, München, 1953.

Krause₂—W Krause Westtocharische Grammatik, Bd I Das Verbum, Heidelberg, 1952

Krause—Thomas—W Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch, Bd I Grammatik, Heidelberg, 1960, Bd II, 1964.

Kretschmer₁—P. Kretschmer Sprache, Leipzig und Berlin, 1923³.

Kretschmer₂—P Kretschmer. Objektive Konjugation im Indogermanischen.—In «Österreichische Akademie der Wissenschaften Phil-hist Kl », Bd. 225, 2, Wien, 1947.

Kretschmer₃—P Kretschmer Die Leleger und die ostmediterrane Urbevölkerung —«Glotta», 1953, Bd XXXII, S 161—204

Kronasser₁—H. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956.

Kronasser₂—H. Kronasser. Zum Bildhethitischen.—ArchO, 1957, XXV, S. 513—524.

Kronasser₃—H. Kronasser. Die Nasalpräsentia und Kretschmers Objektive Konjugation im Indogermanischen, Wien, 1960.

Kronasser₄—H. Kronasser. Die *nt*-erweiterten Substantiva des Hethitischen —«Sprache», 1962, Bd. VIII., H. 1, S. 213—219.

Kronasser₅—H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. I. (=Lfg 1—6), Wiesbaden, 1962—1966

Kronasser₆—H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie, Heidelberg, 1968².

Kuiper₁—F. B. J. Kuiper. Shortening of final Vowels in the Rigveda.—In. Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afdeling Letterkunde, Nieuwe Rechs, XVIII, 11, pp. 253—289, Amsterdam, 1955.

Kuiper₂—F. B. J. Kuiper. Avestan nazdā.—IJ, 1957, 1, p. 86—95

Kujore—O. Kujore. A study in the changes in the Greek present formations. Diss., London, 1966.

Kunert—I. Kunert. Zur Theorie der Silbe.—In: «E. Koschmieder», 1967, S. 82—95.

Kuryłowicz₁—J. Kuryłowicz. *a* indo-européen et *h* hittite —In. «Symbolae Grammaticae in Honorem Joannis Rozwadowski», Kraków, 1927, v. 1, s. 95—104.

Kuryłowicz₂—J. Kuryłowicz. Injonctif et subjonctif dans les Gāthās de l'Avesta.—RO, (1926) 1927, III, p. 164—179.

Kuryłowicz₃—J. Kuryłowicz. Les effets du *a* en indo-iranien, PF, 1927, XI, s. 201—243.

Kuryłowicz₄—J. Kuryłowicz. Le genre verbal en indo-iranien.—RO, (1928) 1929, VI, p. 199—209.

Kuryłowicz₅—J. Kuryłowicz. Le problème des intonations balto-slaves.—RSI, 1931, X, p. 1—80.

Kuryłowicz₆—J. Kuryłowicz. Les desinences moyennes de l'indo-européenne et du hittite.—BSL, 1932, 30, fasc. 1, p. 1—4.

Kuryłowicz₇—J. Kuryłowicz. L'indépendance historique des intonations baltiques et grecques.—BSL, 1934, 35, fasc. 1, p. 24—34

Kuryłowicz₈—J. Kuryłowicz. Etudes indo-européennes. I, Kraków, 1935.

Kuryłowicz₉—J. Kuryłowicz. La nature des procès dits «analogiques».—AL, V, 1945/1949, p. 15—37; OJL, c. 92—121

Kuryłowicz₁₀—J. Kuryłowicz. Le système verbal du sémitique.—BSL, 1949, 45, fasc. 1, p. 47—56, La loi de Brugmann p. 57—60

Kuryłowicz₁₁—J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956

Kuryłowicz₁₂—J. Kuryłowicz. New Discoveries in Indo-

European Studies a. Le hittite.—In: «Proceedings», (1957), 1958, p. 216—251.

Kuryłowicz₁₃—J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes, Wrocław—Kraków, 1952, 1958².

Kuryłowicz₁₄—J. Kuryłowicz. Contribution à la théorie de la syllabe.—In: BPTJ, VIII, 1948, p. 80—114, «Esquisses linguistiques», Wrocław—Kraków, 1960, p. 193—220, OJL, 1962, c. 267—306.

Kuryłowicz₁₅—J. Kuryłowicz. Probleme der indogermanischen Lautlehre.—In: «Fachtagung II», 1962, S. 107—115.

Kuryłowicz₁₆—J. Kuryłowicz. Un mirage de la grammaire comparée de l'indo-européen (l'accentuation du verbe composé).—BSL, 1964, v. 59, fasc. 1, p. 1—10.

Kuryłowicz₁₇—J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg, 1964.

Kuryłowicz₁₈—J. Kuryłowicz. On the Methods of Internal Reconstruction.—In: «Proceedings», p. 9—31; Е. Курн о в и ч. О методах внутренней реконструкции.—В сб.: «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965, с. 400—433.

Kuryłowicz₁₉—J. Kuryłowicz. Phonologie und Morphologie.—In: «Phonologie der Gegenwart», Graz, Wien, Köln, 1967, S. 158—172.

Kuryłowicz₂₀—J. Kuryłowicz. Slavic *dam*. A Problem of Methodology.—In: «R. Jakobson», 1967, S. 1127—1131.

Kuryłowicz₂₁—J. Kuryłowicz. La gémination consonantique dans les noms propres.—BSL, (1967) 1968, t. 63, fasc. 1, p. 41—49.

Kuryłowicz₂₂—J. Kuryłowicz. Die Flexion der germanischen schwachen Femininstämme.—In: «W. Brandenstein», 1968, S. 85—91.

Kuryłowicz₂₃—J. Kuryłowicz. Indogermanische Grammatik. Bd. II, Akzent, Ablaut, Heidelberg, 1968.

Kuryłowicz₂₄—J. Kuryłowicz. Autour de v. ind. sasti et sadhati.—In: «L. Renou», p. 433—437.

Kuryłowicz₂₅—J. Kuryłowicz. La désinence verbale *-r* en indo-européen et celtique.—Voir: EC 12/1, 1968—1969, p. 7—20.

Kuryłowicz₂₆—J. Kuryłowicz. *Revue*: R. Schmitt-Brandt. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems (Versuch einer inneren Rekonstruktion).—In: «Wissenschaftliche Bibliothek», Heidelberg, 1967, Bd. VII, BSL, 1969, t. 63 (2), p. 41—49.

Kuryłowicz₂₇—J. Kuryłowicz. The Notion of Morpho-(pho)neme.—In: «Directiones», 1969, p. 67—81.

Lafon—R. Lafon. L'expression de l'auteur de l'action en basque.—BSL, 1960, t. 55, p. 186—221.

Lakoff—G. Lakoff. Phonological restructuring and Grimm's law.—In: «Studies R. Jakobson», 1968, p. 168—179.

Lamb—S. M. Lamb. Prolegomena to a theory of phonology.—Lg., 1966, vol. 42, p. 536—573.

Lane_{1a}—G. S. Lane. The formation of the Tocharian subjunctive.—Lg., 1959, vol. 35, N 2 (Part 1), p. 157—179.

Lane₁—G. S. Lane. On the formation of the Indo-European demonstrative.—Lg., 1961, vol. 37, p. 469—475.

Lane₂—G. S. Lane. Tocharian evidence and the Trubetzkoy-Benveniste hypothesis.—Lg., 1962, vol. 38, p. 245—253, In: «G. S. Lane», 1967, p. 61—75.

Lane₃—G. S. Lane. On the interrelationship on the Tocharian dialects.—AIED, 1966, p. 213—233.

Lane₄—G. S. Lane. The beech argument: A re-evaluation of the linguistic evidence.—KZ, 1967, Bd. LXXXI, S. 197—212.

Langendoen—D. T. Langendoen. A restriction on Grassmann's Law in Greek.—Lg., 1966, vol. 42, N 1, p. 7—9.

Laroche₁—E. Laroche. Un «ergatif» en indo-européen d'Asie-Mineure.—BSL, 1962, t. 57, fasc. 1, p. 23—43.

Laroche₂—E. Laroche. Etudes lexicales et étymologiques sur le hittite.—BSL, 1963, t. 58, fasc. 1, p. 58—80.

Laroche₃—E. Laroche. Etudes de linguistiques anatoliennes.—RHA, 1965, XXIII (76), p. 33—54.

Laroche₄—E. Laroche. Les noms des hittites, Paris, 1966.

Lausberg—H. Lausberg. Romanische Sprachwissenschaft. III/2. Formenlehre, Teil 1, 2, Berlin, 1962.

Lazzeroni₁—R. Lazzeroni. Considerazioni sulla cronologia di alcune isoglosse delle lingue anatoliche — In: ASNP, XXIX, 1960, p. 103—124.

Lazzeroni₂—R. Lazzeroni. Sibilanti indoeuropee e sibilanti ittite.—In: SSL, II, 1962, p. 12—22.

Lazzeroni₃—R. Lazzeroni. Su alcune aspetti della lingua di Omero.—In: SSL, VII, 1967, p. 63—75.

Lazzeroni₄—R. Lazzeroni. Il dativo plurale della I e della II declinazione nei dialetti greci.—In: SSL, VIII, 1968, p. 173—197.

Lebrun—Y. Lebrun. Sur la syllabe, sommet de sonorité. Ph, 1966, XIV, p. 1—15.

Lehmann₁—W. P. Lehmann. Proto-Indo-European Phonology, Austin, Texas, 1952.

Lehmann₂—W. P. Lehmann. On earlier stages of the Indo-European nominal inflection.—Lg., 1958, 34, N 2 (Part 1), p. 179—202.

Lehmann_{2a}—W. P. Lehmann. Historical Linguistics: An Introduction, New York, 1962.

Lehmann₃—W. P. Lehmann. The Gothic Genitive Plural -ē: Focus of Exercises in Theory.—In: «L. Dostert», 1967, p. 108—111.

Lehmann₄—W. P. Lehmann. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns.—AL, 1970, 12, p. 1—20.

Lehmann₅—W. P. Lehmann. On the reading of some *ya*-suffixes in the R̥gveda —In: «Kuiper», 1968, p. 39—45.

Lejeune₁—M. Lejeune. Les correspondants italiques de lat. *finxit* et de lat. *fecit* —In: «F. Sommer», 1955, S. 145—153.

Lejeune₂—M. Lejeune. Traité de phonétique grecque, Paris, 1955².

Lejeune₃—M. Lejeune. La désinence φ en mycénien — BSL, 1956, LII, fasc. 1, p. 187—218.

Lejeune₄—M. Lejeune. Essais de philologie mycénienne. VIII. Les signes ta_2 et two — RPh, 1962, XXXVI.

Lejeune₅—M. Lejeune. Notes mycénienes. IV. Anthroponymes en $\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ — «Parola del Passato», 1964, 98, p. 321—328.

Lejeune₆—M. Lejeune. Venetica. — «Latomus», 1966, t. XXV, fasc. 1—4, p. 7—27, 381—413, 677—689.

Lejeune₇—M. Lejeune. Une présentation du mycénien — REA, 1967, 69, p. 280—288.

Lepschy—G. C. Lepschy Problems of semantics. — Li., 1965, 15, p. 40—65.

Lerchner—Frings—G. Lerchner, Th. Frings. Analogie. — PBB (H), 1962, 84, S. 48—57.

Leumann₁—M. Leumann. Lateinische Laut- und Formenlehre, 1926—1928, München, 1963^a.

Leumann₂—M. Leumann. Idg. sk' im Altindischen und im Litauischen. — IF, 1941, Bd. LVIII, S. 1—26, 113—130; In «Kl. Sch.», 1955, S. 328—359.

Leumann₃—M. Leumann. Vokaldehnung, Dehnstufe und Vrddhi — IF, 1952, Bd. LXI, S. 1—16, In. «Kl. Sch.», 1955, S. 360—371.

Leumann₄—M. Leumann. Morphologische Neuerungen im altindischen Verbsystem. — «Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks», Amsterdam, 1952, Deel 15, No 3, S. 73—123.

Leumann₅—M. Leumann. Kleine Schriften (Zur lateinischen, griechischen, indogermanischen und allgemeinen Sprachwissenschaft). Herausgegeben zum 70. Geburtstag am 6. Oktober 1959. Zürich—Stuttgart, 1959.

Leumann₆—M. Leumann. Zu den lautlichen Fernwirkungen im Altindischen. — In «Kuiper», 1968, p. 53—59.

Levin—Samuel Levin A reclassification of the Old English strong verbs. — Lg, 1964, vol. XL, p. 156—161.

Levin S —Saul Levin. Grassmann's 'law' in the early Semitic loanword $\chi\iota\tau\omega\nu$, $\kappa\iota\theta\omega\nu$. — SMEA, 1969, 8, p. 66—75.

Liebert—G. Liebert Die indoeuropäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie Ein Beitrag zur Erforschung der Pronominalbildung, Lund, 1957.

Liewehr—F. Liewehr Zur Entstehung und Behandlung der Nebensilbigkeit im Slavischen — ZfSl, 1967, Bd. 12, S. 708—726.

Lindeman₁—F. O. Lindeman. La loi de Sievers et le début du mot en indoeuropéen — NTS, 1965, XX, s. 38—108.

Lindeman₂—F. O. Lindeman. Altisländisch knd , $knegum$ — IF, 1966/1967, Bd. 71, H. 3., S. 278—285.

Lindeman₃—F. O. Lindeman. Sur une type particulier du degré zéro en indo-européen — SL, XVII, 1963, No 2 (1965), p. 87—90.

Lindeman₄—F. O. Lindeman. Notes sur les accusatifs indo-européens *G^wOM, *D(I)YEM — NTS, 1967, Bd. XXI, s. 133—136; Notes sur quelques formes verbales du germanique, p. 137—143.

Lindeman_{4a}—F. O. Lindeman. Althochdeutsch *ier*. — NTS, Bd. 1968, Bd. XXII, S. 74—82.

Lindeman₅—F. O. Lindeman. Bemerkungen zu den germanischen Nasalverben. — NTS, 1968, Bd. XXII, S. 83—90.

Lindeman_{5a}—F. O. Lindeman. Bemerkungen zu den indogermanischen Langdiphthongen. — NTS, 1968, Bd. XXII, S. 99—114.

Lindeman₆—F. O. Lindeman. Gotisch *iddja* und Altenglisch *ode* — IF, 1967/1968, Bd. 72, S. 275—286.

Lindeman₇—F. O. Lindeman. Zur Reduplikation beim Verbum im Tocharischen — NTS, 1969, Bd. XXIII, S. 15—24.

Lohmann—J. Lohmann. Genus und Sexus. Eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen Genusunterscheidung, Göttingen, 1932.

Loewe—R. Loewe. Germanische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig, 1933⁴.

Lottner—G. Lottner. Ausnahmen der ersten Lautverschiebung — KZ, 1862, II, S. 161—205.

Lucidi—M. Lucidi. Saggi linguistici, Napoli, 1966.

Lyons₁—J. Lyons. Firth's theory of meaning. — In: «J. R. Firth», 1966, p. 288—302.

Lyons₂—J. Lyons. Introduction to theoretical linguistics, Cambridge, 1968.

MacDonnell₁—A. A. MacDonnell. Vedic grammar. Grundriß der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde I, 4, Straßburg, 1910.

MacDonnell₂—A. A. MacDonnell. A Vedic grammar for students, London, 1955.

McKay—K. L. McKay. The use of the Ancient Greek perfect down to the second century A. D. — «Bulletin of the Institute of Classical Studies», 1965, XII, p. 1—21.

MacLennan—L. J. MacLennan. El problema del aspecto verbal. Estudio crítico de sus presupuestos, Madrid, 1962.

Magnusson—W. L. Magnusson. Complementary distributions among the root patterns of Proto-Indo-European — Li, 1967, 34, p. 17—25.

Makaew—E. A. Makaew. The morphological structure of Common Germanic — Li, 1964, 10, p. 22—50 (=Макаев₂).

Malkiel—Y. Malkiel. Each word has a history of its own. — «Glossa», 1967, 1, p. 137—149.

Malmberg₁—B. Malmberg. The phonetic basis for syllable division — SL, 1956, IX, p. 80—86.

Malmberg₂—B. Malmberg. Remarks on a Recent Contribution to the Problem of the Syllable — SL, 1961, XV, p. 1—9.

Mańczak₁—W. Mańczak. Tendances générales des changements analogiques. I—II. — L, 1958, VII, p. 298—325, 387—420.

Mańczak₂—W. Mańczak. Origine de l'apophonie e/o en indo-européen — L., 1960, IX, p. 277—287.

Mańczak₃—W. Mańczak. La nature du supplétivisme.— Li, 1966, 28, p. 82—89.

Mańczak₄—W. Mańczak. A propos de l'analogie progressive.— Li, 1967, 33, p. 82—86.

Mańczak₅—W. Mańczak. Über eine Unregelmäßigkeit im Ossetischen. Zur Kritik des Strukturalismus.— «Sprache», 1969, 15, S. 8—13.

Marchand—J. W. Marchand. Internal Reconstruction of Phonemic Split — Lg., 1956, vol. 32, p. 245—253; The 'converse of Sievers' law' and the Germanic first-class weak verbs, p. 285—287.

Marguliès₁—A. Marguliès. Die verba reflexiva in den slavischen Sprachen, Heidelberg, 1924

Marguliès₂—A. Marguliès. Verbale Stammbildung und Verbaldiathese — KZ, 1930, Bd. LVII, S. 201—241; KZ, 1930, Bd. LVIII, p. 79—124.

Martinet₁—A. Martinet. Un ou deux phonèmes?—AL, 1939, 1, p. 14—24, см. также «La linguistique synchronique. Etudes et recherches», Paris, 1965, p. 109—123; Paris, 1970³; см. также: André Martinet, Synchronische Sprachwissenschaft, Berlin, 1968, S. 102—112

Martinet₂—A. Martinet. Non-apophonic o-vocalism in Indo-European.— «Words», 1953, IX, p. 253—267; см. также в: «Economie des changements phonétiques», Berne, 1955, p. 212—234.

Martinet₃—A. Martinet. Economie des changements phonétiques. Berne, 1955 (Русск. перев.: А. Мартинет. Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960).

Martinet₄—A. Martinet. Crasis, Elision and Aphaeresis. A Supplement to a perfect of translation of classical Greek.— «Word», 1955, XI, p. 258—270.

Martinet₅—A. Martinet. Linguistique structurale et grammair comparée — «Travaux de l'Institut de linguistique de Paris», 1956, vol. 1, p. 7—21.

Martinet₆—A. Martinet. Le couple *senex—senatus* et le «suffixe» *-k-*.—BSL, 1955, 51, fasc. 1, p. 42—56.

Martinet₇—A. Martinet. Le genre féminin en indo-européen: examen fonctionnel du problème.— BSL, 1957, 52, p. 83—97.

Martinet₈—A. Martinet. Les «laryngales» indo-européens.— In: «Proceedings», p. 138—155.

Martinet₉—A. Martinet. Phonologie et «laryngals». — Ph, 1957, 1, p. 7—30.

Martinet₁₀—A. Martinet. Eléments de linguistique générale, Paris, 1961, 1963³. А. Мартинет. Основы общей лингвистики.— В сб.: «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, с. 366—566.

Martinet₁₁—A. Martinet. A functional view of language Oxford, 1962

Martinet₁₂—A. Martinet. De la morphologie — «Linguistique», 1965, N I, p. 15—30

Martinet₁₃—A. Martinet. Les problèmes de la phonétique évolutive.— In: «Proceedings of the 5th Congress of Phonetic Sciences», 1965, p. 82—102.

Maurer—Th. H. Maurer. Unity of the Indo-European ablaut system: the disyllabic roots.— Lg., 1947, vol. 23, N 1, p. 1—22.

Mathiassen—T. Mathiassen. On the problem of lengthened ablaut degree and the Slavic sigmatic aorist.— ScSl, 1969, 15, p. 201—214.

Mayrhofer₁—M. Mayrhofer. «Hethitisch und Indogermanisch». Gedanken zu einem neuen Buche — «Sprache», 1965, Bd. X, S. 174—197.

Mayrhofer₂—M. Mayrhofer. Sanskrit-Grammatik (mit sprachvergleichenden Erläuterungen), Berlin, 1965^a.

Meid₁—W. Meid. Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion, Wiesbaden, 1963.

Meid₂—W. Meid. Über S in Verbindung mit t-haltigen Suffixen, besonders im Germanischen.— IF, 1965, Bd. LXIX, H. 3, S. 218—255.

Meid₃—W. Meid. Rez.: Kuryłowicz, Jerzy. The Inflectional Categories of Indo-European, Heidelberg Winter, 1964, S. 246.— In: «Sprache», 1966, Bd. XII, S. 103—109.

Meid₄—W. Meid. Zum Aequativ der keltischen Sprachen, besonders des Irischen — In: «Pokorny», 1967, S. 223—242.

Meid₅—W. Meid. Indo-European and Celtic.— ScSt, 1968, 12, p. 45—56.

Meillet₁—A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, Paris, 1903, 1937^a, 1949 (русск. перев.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938).

Meillet₂—A. Meillet. Les dialectes indo-européens, Paris, 1922^a.

Meillet₃—A. Meillet. De quelques difficultés de la théorie des gutturales indo-européennes.— MSL, 1893, V. 8, fasc. 4, p. 277—304.

Meillet₄—A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. I—II, Paris, 1921—1936.

Meillet₅—A. Meillet. Remarques sur les désinences verbales de l'indo-européen — BSL, 1922, 23, fasc. 1, p. 64—75.

Meillet₆—A. Meillet.— Voir: MSL, 1922, 22, p. 258.

Meillet₇—A. Meillet. A propos de *oiros*.— In: «P. Kretschmer», S. 140—141.

Meillet₈—A. Meillet. Sur l'aoriste sygmétique.— Voir: «Saussure», 1908, p. 79—106.

Meillet₉—A. Meillet. Sur le latin *os*.— MSL, 1929, V. 23, fasc. 4, p. 259—260.

Meillet₁₀—A. Meillet. Rev.: E. Kieckers. Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik.— BSL, 1929, v. 29, fasc. 2, p. 170—172.

Meillet₁₁—A. Meillet. Essai de chronologie des langues indo-européennes — BSL, 1931, v. 32, p. 1—28.

Meillet_{11a}—A. Meillet. Les cas employés a l'infinifit en indo-européen — BSL, 1931, v. 32, p 188—193.

Meillet₁₂—A Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936^a.

Meillet—Vendryés—A. Meillet et G. Vendryés. Traité de grammaire comparée des langues classiques, Paris, 1924, 1955^a.

Meringer—R Meringer. Beiträge zur Geschichte der indo-germanischen Deklination, Wien, 1892.

Milewski—T Milewski. The Relation of Messapic within the Indo-European Family.— In. «J. Kuryłowicz», 1965, s. 204—219

Mittelberger—H. Mittelberger. Genitiv und Adjektiv in den altanatolischen Sprachen.— In «Kratylos», 1966 (1967), Bd. 11, S. 99—106.

Møller₁—H. Møller Rez.: Friedrich Kluge. Beiträge zur Geschichte der germanischen Conjugation. Quellen und Forschungen. XXXII, Straßburg, Trübner, 1879.— In «Englische Studien», 1880, 3, S 148—164.

Møller₂—H. Møller. Semitisch und Indogermanisch, T. I: Konsonanten, Kopenhagen, 1907.

Molina—J Molina Yébenes. Los pronombres latinos y las huellas de ausencia de flexión — «Emerita», 1966, v. XXXIV, p. 87—93.

Montell—P. Montell. La phrase relative en grecque ancien. Sa formation, son développement, sa structure des origines à la fin du v-e siècle A. C., Paris, 1963.

Moorhouse—A. Ch Moorhouse. Studies in the Greek Negatives, Cardiff, 1959.

Morgenroth—W. Morgenroth. Der Genitiv plural im Gotischen.— PBB (H), 1965, Bd. 87, S 328—336.

Morgenstierne₁—G. Morgenstierne The Language of the Prasun Kafirs —NTS, 1949, Bd. XV, s. 188—334.

Morgenstierne₂—G. Morgenstierne. — In «Encyclopedia of Islam», II, 1961, p. 142—143

Morpurgo-Davies₁—A. Morpurgo-Davies. Gender and the development of the Greek declension (TPHS), 1968 (1969), p 12—36.

Morpurgo-Davies₂—A. Morpurgo-Davies. Epigraphical φ.— «Glotta», 1969, Bd XLVIII, H 1—4, s 46—54

Moscatti—S Moscati, A Spitaler, E. Ullendorf, W von Soden. Comparative grammar of the Semitic languages Phonology and morphology, Wiesbaden, 1964.

Motsch—W. Motsch. Zum Ablaut der Verben in der Frühperiode germanischer Sprachen.— In: «Studia grammatica», VI, Berlin, 1967, S. 119—144.

Mounin—G. Mounin. Histoire de la linguistique des origines au XX-e siècle, Paris, 1967.

Nagy—G. Nagy. Greek Dialects and the Transformation of an Indo-European process, Cambridge (Mass), 1970

Narten₁—J. Narten. Ai jámbha-, gr γόμφοι und Verwandtes.—KZ, 1966, Bd. LXXIX, H. 3/4, S. 255—264.

Narten₂—J. Narten. Das altindische Verb in der Sprachwissenschaft.—In «Sprache», 1968, Bd., XIV, H. 2, S. 113—134.

Narten₃—J. Narten. Zum «proterodynamischen» Wurzelpräsens.—In: «Kuiper», 1969, S. 9—19.

Nehring₁—A. Nehring. Zur 'Realität' des Urindogermanischen.—L., 1961, X, S. 357—368.

Nehring₂—A. Nehring. Idg. 'sechs'.—«Sprache», 1962, Bd. VIII, H. 2, S. 129.

Nehring₃—A. Nehring. Sprachzeichen und Sprechakte. (Bibliothek der allgemeinen Sprachwissenschaft. Neue Folge), Heidelberg, 1963.

O'Neil—O'Neil. The Treatment of Vocalic R and L in Greek.—«Glotta», 1969, Bd. XLVII, H. 1—4, S. 8—46.

Neu₁—E. Neu. Die Bedeutung des Hethitischen für die Rekonstruktion des frühindogermanischen Verbal systems.—IF, 1967/1968, Bd. 73, H. 3, S. 201—238.

Neu₂—E. Neu. Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen, Wiesbaden, 1968.

Neu₃—E. Neu. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen, Wiesbaden, 1968.

Neu₄—E. Neu. Die indogermanischen primären Medialendungen.—IF, 1968—1969, Bd. 73, H. 3, S. 347—354.

Neumann, E.—E. Neumann. Rez.: Friedrich Johannes. Hethitisches Elementarbuch. 1. Teil Kurzgefaßte Grammatik. Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage, Heidelberg, 1960.—In: IF, 1962, Bd. 67, H. 2, S. 197—200.

Neumann, G.—Günter Neumann. Beiträge zum Lykischen. IV.—«Sprache», 1970, 16, S. 54—62.

Niedermann—M. Niedermann. Une loi rythmique en latin.—In «Saussure», 1908, p. 43—57.

Ölberg—H. Ölberg. Zur Neutralisierung von palatalem und velarem *k* vor Liquida.—In: «V. Pisanì», 1969, S. 683—690.

Olzsha Ou 'eins' und indogermanisch *du-o* 'zwei'.—IF, 1968—1969, Bd. 73, H. 1/2, S. 146—153.

Osthoff—H. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen, Heidelberg, 1899.

Osthoff—Brugmann—H. Osthoff, K. Brugmann. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen I, Leipzig, 1878.

Otrębski₁—J. Otrębski. Baltisch-slawische Miszellen.—LP, 1963, IX, s. 115—121.

Otrębski₂—J. Otrębski. Die lateinischen Demonstrativpronomina.—«Sprache», 1966, XII, S. 16—25.

Panzer—B. Panzer. Die Begriffe «Aktualität» und «Nicht-aktualität» in der Aspekt- und Tempustheorie des Slavischen.—In: «E. Koschmieder», 1967, S. 68—81.

Pariente₁—A. Pariente. Sobre las diferencias de tipo «facis»: «venis».—«Emerita», 1946, XIV, p. 1—81.

Pariente₂—A. Pariente. Sobre los futuros sigmáticos griegos — «Emerita», 1963, XXXI, p. 53—130.

Pariente₃—A. Pariente. Nota a los futuros sintéticos del ant. indio.—«Emerita», 1965, XXXIII, p. 23—45.

Pauls—John P. Pauls. River names in the Pripet Basin.—«Names», 1964, XII, p. 185—196.

Pedersen₁—H. Pedersen. Aspiration i Irisk, 1897.

Pedersen₂—H. Pedersen. Zur akzentlehre.—KZ, 1904, Bd. XXXIX, Neue Folge, Bd. XIX, H. 2, S. 232—255, Armenisch und die nachbarsprachen, H. 3, S. 334—435.

Pedersen₃—H. Pedersen. Formes sigmatiques du verbe latin, København, 1921.

Pedersen₄—H. Pedersen. Linguistic Science in the Nineteenth century. Methodes and results. Trans. by J. W. Spargo, Cambridge (Mass.), 1931.

Pedersen₅—H. Pedersen. Das Pronomen ΤΜΕΙΣ und das Idg. J- im Griechischen.—In: «Symbolae philologicae O. A. Daniels-son octogenario dedicatae», Upsala, 1932, s. 262—268.

Pedersen₆—H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938.

Pedersen₇—H. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung, København, 1941.

Pedersen₈—H. Pedersen. Die gemeindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute, København, 1951.

Pedersen₉—H. Pedersen. The discovery of language. Linguistic Science in the Nineteenth Century, Bloomington (Ind.), 1962.

Pellegrini — Prosdocimi — G. B. Pellegrini, A. L. Prosdocimi. La lingua venetica I. Le iscrizioni, Padova — Firenze, 1967.

Persson—P. Persson. Beiträge zur indoeuropäischen Wortforschung. I—II, Uppsala, Leipzig, 1912.

Peruzzi—E. Peruzzi. Appunti su *pectō plectō flectō nectō*.—«Rivista di Filologia ed Istruzione Classica», 1962, XL, p. 394—408.

Petersen₁—W. Petersen. The Adnominal Genitive.—AJP, 1925, vol. XLVI, 2, N 182, p. 128—160.

Petersen₂—W. Petersen. The personal endings of the middle voice.—Lg., 1935, vol. XII, N 3, p. 157—174.

Pilch₁—H. Pilch. Phonemtheorie. I, Basel—New York, 1964, 1968.

Pilch₂—H. Pilch. Intonation. Experimentelle und strukturelle Daten.—«Cahiers de linguistique théorique et appliquée», 1966 3, p. 131—136.

Pilch₃—H. Pilch. Phonemic constituent analysis.—Ph, 1966, XIV, p. 237—252.

Pisani₁—V. Pisani. Sul raddoppiamento indoeuropeo.—«Rendiconti», 1926, VI/2, p. 321—327.

Pisani₃—V. Pisani. Über einige al. r-Endungen und Verwandtes.—KZ, 1933, Bd. LX, H. 3/4, S. 212—223.

Pisani₃—V. Pisani. —См. в: «Rendiconti», 1934, VI/X, p. 394—421.

Pisani₄—V. Pisani. Geolinguistica e indoeuropeo, Roma, 1940.

Pisani₅—V. Pisani. Note di morfologia germanica.—AGI, 1942, XXXIV, p. 14—22.

Pisani₆—V. Pisani. 'Uxor'.—In: «Miscellanea Giovanni Galbiati. I—III. Ricerche di morfologia indoeuropea», Milano, 1951, p. 1—38.

Pisani₇—V. Pisani. Über die Infinitive auf sanskr. *-adhyai*, avest. *-(a)dyai* und die Gerundia bzw. Gerundiva auf lat. *-ndi*, deutsch *-anne(s)*.—KZ, 1955, Bd. 72, H. 3/4, S. 217—221.

Pisani₈—V. Pisani. Der lat. *-i*-Genitiv und die faliskischen *-osio*-Bildungen.—RhM, 1955, XCVIII, S. 315—324.

Pisani₉—V. Pisani. —См. в: AGI, 1957, XLI.

Pisani₁₀—V. Pisani. Rez.: Terracini, B.: *Pagine e appunti di linguistica storica*.—In: «Kratylos», 1958, Bd. 3, S. 15—20.

Pisani₁₁—V. Pisani. Glottologia indoeuropea. Manuale di grammatica comparata delle lingue indoeuropee, con speciale riguardo del greco e del latino, Torino, 1961².

Pisani₁₂—V. Pisani. La ricostruzione dell'indoeuropeo e del suo sistema fonetica.—AGI, 1961, XLVI, p. 1—31.

Pisani₁₃—V. Pisani. Grammatica latina storica e comparativa, Torino, 1962³.

Pisani₁₄—V. Pisani. Lingua poetica indoeuropea.—AGI, 1966, LI, p. 105—122.

Pisani₁₅—V. Pisani. Armenische Miscellen.—«Sprache», 1966, Bd. XII, H. 2, S. 227—236.

Pisani₁₆—V. Pisani. Baltico, slavo, iranico.—RSI, 1967 (1969), 15, p. 3—25.

Pisani—Pokorny—V. Pisani, J. Pokorny. Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft Indogermanistik. Keltologie.—In: «Wissenschaftliche Forschungsberichte. Geisteswissenschaftliche Reihe 2», Bern, 1953.

Pokorny₁—J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I, Bern, 1951—1959; II, Bern, 1962—1969.

Pokorny₂—J. Pokorny. Zu den keltischen *-nt*-Suffixen.—MSS, 1959, XV, S. 5—16.

Pokorny₃—J. Pokorny. Zur unpersönlichen Konstruktion im Irischen.—IF, 1965 (1966), Bd. LXX, S. 316—321.

Poldauf—J. Poldauf. Indo-European Personal Endings. A study of the channels of morphological development.—ZfPhon, 1956, IX, S. 156—168.

Pollak—W. Pollak. Studien zum Verbalaspekt im Französischen, Wien, 1960.

Polomé₁—E. Polomé. Review: Heinrich Otten. Zur gram-

matikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen. Untersuchung der Luwili-Texte, Berlin, 1953. — In: «Oriens», 1956, 9, p. 103—112.

Polomé₂ — E. Polomé. Diachronic Development of Structural Patterns in the Germanic Conjugation. — In: «Proceedings», (1962), 1964, p. 870—880.

Polomé₃ — E. Polomé. The Laryngeal Theory So Far: A Critical Bibliographical Survey. — In: «Evidence», 1965, p. 33—44.

Polomé₄ — E. Polomé. Germanisch und Italisch im Lichte der diskriptiven Sprachbetrachtung. — «Orbis», 1966, T. XV, N 1, S. 190—199.

Polomé₅ — E. Polomé. The position of Illyrian and Venetic. — In: AIED, p. 59—76.

Polomé₆ — E. Polomé. On the Origin of Germanic Class III of weak verbs. — In: «Pokorny», 1967, S. 83—92.

Polomé₇ — E. Polomé. — RBPh, 1968, 45, p. 821.

Polomé₈ — E. Polomé. The Indo-European numeral for 'five' and Hittite *panku*-*all*'. — In: «Kuiper», 1968, p. 98—101.

Popper₁ — K. R. Popper. The Poverty of Historicism, London, 1957.

Popper₂ — K. R. Popper. Logik der Forschung, Wien, 1934.

Popper₃ — K. R. Popper. The Logic of Scientific Discovery, London, 1959.

Porzig₁ — W. Porzig. Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildungen. — IF, 1927, Bd XLV, H 2, S. 152—167.

Porzig₂ — W. Porzig. Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954 (русс. перев.: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964).

Porzig₃ — W. Porzig. Altaltaische Sprachgeographie. — In: «W. Krause», 1960, S. 170—189.

Porzio Gernia — M. L. Porzio Gernia. L'osco «sakranas» ed il problema del gerundivo latino. — AGI, 1963, XLVIII, p. 1—26.

Postal — P. M. Postal. *Review*. Article of André Martinet. *Elements of general linguistics*, Chicago, 1964. — In: FL, 1966, 2, p. 151—186.

Pottier — B. Pottier. Vers une sémantique modern. — In: TLL, II (1, 1964, p. 107—138).

Poultney — J. W. Poultney. Some Indo-European morphological alternations. — Lg., 1967, vol. 43, N 4, p. 871—880.

Prokosch — E. Prokosch. A Comparative Germanic Grammar, Philadelphia, 1939 (русс. перев. Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954).

Puhvel₁ — J. Puhvel. Indo-European negative composition. — Lg., 1953, vol. 29, N 1.

Puhvel₂ — J. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European verb, Berkeley—Los Angeles, 1960.

Puhvel₃ — J. Puhvel. Dialectal aspects on the Anatolian branch of Indo-European. — In: AIED, 1966, p. 235—247.

Putschke — W. Putschke. Zur forschungsgeschichtlichen

- Stellung der junggrammatischen Schule. — ZDL, 1969, Bd. 36, S. 19—48.
- Ramat—A. G. Ramat. — *См. в* AGI, 1968, LII, p. 105—123.
- Reichelt—H. Reichelt. Die Labiovelare. — IF, 1922, Bd. XL, S. 40—81
- Regula—M. Regula. Zur Verbalform auf *-to-*. — «Glotta», 1952, Bd. XXXII, H. 1/2, S. 89—95.
- Renou₁—L. Renou. Les formes dits d'injonctif. — In «E. Benveniste», p. 63—80
- Renou₂—L. Renou. A propos du subjonctif védique. — BSL, 1932, 33, p. 5—30.
- Ribezzo₁—F. Ribezzo. Per la genesi delle tre serie gutturali indoeuropee — RIGI, 1922, 6, p. 225—241.
- Ribezzo₂—F. Ribezzo. — *См. в*: RIGI, 1923, 7, p. 41—62.
- Ribezzo₃—F. Ribezzo. — *См. в*: AGI, 1929, XXII—XXIII, p. 131—151.
- Risch₁—E. Risch. Zur Vorgeschichte der sigmatischen Aoriste im Griechischen — In «M. Vasmer», S. 424—431.
- Risch₂—E. Risch. Wortbildung der Homerischen Sprache, Berlin u Leipzig, 1937.
- Risch₃—E. Risch. Altgriechische Dialektgeographie? — MH, 1949, vol 6, fasc. 1, S. 19—28.
- Risch₄—E. Risch. Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht. — MH, 1955, 12, Fasc. 2, S. 61—116.
- Risch₅—E. Risch. — *См. в*: ZfrPh, 1951, 67, S. 359.
- Risch₆—E. Risch. Das indogermanische Wort für 'hundert'. — IF, 1962, Bd LXVII, H. 2, S. 129—141.
- Risch₇—E. Risch. Das Attische im Rahmen der griechischen Dialekte. — MH, 1964, vol. 21, fasc. 1, S. 1—14.
- Risch₈—E. Risch. Zum Problem der thematischen Konjugation. — In «J. Kuryłowicz», 1965, s. 235—242.
- Risch₉—E. Risch. Mykenisch *seremokaraōi* oder *seremokarore?* — SMEA, I, 1966, S. 53—66.
- Risch₁₀—E. Risch. Historisch-vergleichende Sprachbetrachtung und Dialektographie. — «Kratylos», 1966 (1967), Bd. 11, S. 142—155.
- Rix₁—H. Rix. Zur Vorgeschichte von absoluter und konjunkativer Flexion im Altirischen. — In «Pokorny», 1967, S. 265—275.
- Rix₂—H. Rix. Lat. *iecur*, *iocineris*. — MSS, 1965, 18, S. 79—92.
- Robins₁—R. H. Robins. Ancient and Mediaval grammatical theory in Europe with particular reference to modern linguistic doctrine, London, 1951.
- Robins₂—R. H. Robins. A short history of Linguistics, Bloomington—London, 1968.
- Rosén₁—H. B. Rosén. Greek evidence for laryngeals. A rejoinder to Prof Cowgill. — L., 1961, vol. 10, p. 190—210.
- Rosén₂—H. B. Rosén. Strukturalgrammatisches zum Verständnis Homers — L., 1967, vol. 17, p. 317—357, 375—409.
- Rosenfeld₁—H.-F. Rosenfeld. Ingwäon. *he*, *hi* und das

germanische Demonstrativpronomen. — *ZfMaF*, 1955, Bd. XXIII, S. 74—110.

Rosenfeld₁—H. F. Rosenfeld. Ingwäonisch *he*, *hl* und das Personalpronomen im Germanischen. Ein Beitrag zur Gliederung des Germanischen und zur germanischen Sprachgeschichte. — *FuF*, 1955, XXIX, S. 150—156.

Rosenfeld₂—H. F. Rosenfeld. Zur sprachlichen Gliederung des Germanischen. — *ZfPhon*, 1954—1955, VIII, S. 365—389.

Rozenkranz—B. Rozenkranz. Zur indo-uralischen Frage. — *AION-L*, 1966, VII, S. 155—179.

Royen—G. Royen. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde, Wien, 1929.

Ruijgh—C. J. Ruijgh. Etudes sur la grammaire et la vocabulaire du grec mycénien, Amsterdam, 1967.

Ruipérez₁—M. S. Ruipérez. Desinencias medias primarias indoeuropeas sg. la **(m)ai*, 2ª **-soi*, 3ª **(f)oi*, pl. 3ª *-ntoi*. — «*Emerita*», 1952, XX, p. 8—31.

Ruipérez₂—M. S. Ruipérez. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo, Salamanca, 1954.

Ruipérez₃—M. S. Ruipérez. Some remarks on the Mycenaean verbal ending *-toi*. — «*Minos*», 1968, 9, p. 156—160.

Rundgren₁—F. Rundgren. Der Genitivus aestimativus im Lateinischen. Einige Bemerkungen — «*Eranos*», 1960, LVIII, S. 51—65.

Rundgren₂—F. Rundgren. Erneuerung des Verbalaspekts im Semitischen. Funktional-diachronische Studien zur semitischen Verblehre, Uppsala, 1963.

Rundgren₃—F. Rundgren. Das Verbal suffix *ya*- im Semitischen und die Entstehung der faktitiv-kausativischen Bedeutung des D-Stammes. — *OS*, 1964, 12, p. 99—114.

Rundgren₄—F. Rundgren. Kausativ und Diathese. — «*Sprache*», 1967, Bd. XII, H. 2, S. 133—143. — In: «*G. S. Lane*», 1967, p. 61—75.

Rundgren₅—F. Rundgren. 'Manger' et 'boire', remarques sur le mode d'action de quelques verbes en sémitique et en indo-européen. — «*Pagliari*», 1969, 3, p. 177—191.

Ruwet—N. Ruwet. Introduction à la grammaire générative, Paris, 1967.

Rysiewicz—Z. Rysiewicz. Studia języznawcze, Wrocław, 1956.

Sadnik—L. Sadnik. Slavische Akzentuation, I. Die vorhistorische Zeit, Wiesbaden, 1959.

Safarewicz₁—J. Safarewicz. Contribution à la Grammaire. — «*Eos*», 1954, vol. 46, s. 102—105.

Safarewicz₂—J. Safarewicz. Le présent indéterminé et le présent déterminé en indo-européen. — In: «*J. Kuryłowicz*», 1965, s. 246—254.

Saussure₁—F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, Leipsick, 1879; Paris, 1889. [Русск. перев.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию,

М., 1977: «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», с. 302—557].

Saussure₂—F. de Saussure. Adjectifs indo-européens du type *caecus* 'aveugle'.—In: «V. Thomsen», 1912, p. 202—206.

Saussure₃—F. de Saussure. Cours de linguistique générale, Paris, 1922. [Русск. перев.: Фердинанд де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933].

Saussure₄—F. de Saussure. Recueil des publications scientifiques, Genf., 1922.

Scardigli—P. G. Scardigli. Osservazioni sulla teoria delle laringali.—«Atti e memorie dell'Accademia Toscana la Colombaria», 1957, 22, p. 71—116.

Schauwecker—L. Schauwecker. Zur Frage der Genera verbi (Diathesen) im Deutschen.—Mu., 1968, 78, S. 366—370.

Schelesniker—H. Schelesniker. Entstehung und Entwicklung des slavischen Aspektsystems.—WS, 1959, Bd. IV. S. 390—409.

Schindler₁—J. Schindler. Germanisch* *selxaz* 'Seehund'.—«Sprache», 1966, XII, S. 65—66.

Schindler₂—J. Schindler. Idg. **du*-im Tocharischen.—IF, 1966/1967, Bd. 71, H. 3, S. 236—238.

Schindler₃—J. Schindler. Das idg. Wort für «Erde» und die deutschen Spiranten.—«Sprache», 1967, XIII, S. 191—205.

Schindler₄—J. Schindler. Die idg. Wörter für «Vogel» und «Ei».—«Sprache», 1969, XV, S. 144—167.

Schleicher—A. Schleicher. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Ursprache, des altindischen, altiranischen, altgriechischen, altitalischen, altkeltischen, altslavischen, litauischen und altdeutschen, Weimar, 1876⁴.

Schmalstieg₁—W. R. Schmalstieg. The Slavic Stative Verbs in -i-.—IJSPL, 1959, I/II, S. 177—183.

Schmalstieg₂—W. R. Schmalstieg. Primitive East Baltic *-uo-, *-ie- and the 2nd Sg. Ending.—L, 1961, X, p. 369—374.

Schmalstieg₃—W. R. Schmalstieg. Slavic *četyre* 'four'.—AION-L, 1962, IV, p. 59—61.

Schmalstieg₄—W. R. Schmalstieg. Again the Lithuanian preterit in -e.—AION-L, 1965, VI, p. 123—126.

Schmalstieg₅—W. R. Schmalstieg. The East Baltic accusative plural.—L., 1966, XVI, p. 377—382.

Schmalstieg₆—W. R. Schmalstieg. Slavic o- and ā-stem accusatives.—«Word», 1965, Bd. XXI, p. 238—243.

Schmalstieg₇—W. R. Schmalstieg. Slavic morpheme alternants in *e/e* and *a/y*.—SEJ, 1968, 12, p. 44—52.

Schmid₁—W. P. Schmid. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum, Wiesbaden, 1963.

Schmid₂—W. P. Schmid. Baltische Beiträge.—IF, 1963, Bd. 68, H. 1, S. 47—60.

Schmid_{2a}—W. P. Schmid *Rez* Watkins, Calvert. Indo-European Origins of the Celtic Verb I. The Sigmatic Aorist, Dublin, 1962 — In IF, 1963, Bd. 68, H. 2, S. 224—228

Schmid₃—W. P. Schmid. Baltische Beiträge, II. — IF, 1964, Bd. 69, H. 2, S. 122—129.

Schmid₄—W. P. Schmid. Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte, Innsbruck, 1966

Schmidt, G.—G. Schmidt. Zu den singularischen Genetiven der idg. Personalpronomina — KZ, 1969, Bd. 82, H. 2, S. 227—250

Schmidt, Joh.₁—Joh. Schmidt. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen — KZ, 1881, Bd. XXV, H. 1, S. 1—179.

Schmidt, Joh.₂—J. Schmidt. Die kretischen Pluralnominative auf *-ev* und Verwandtes. — KZ, 1899, Bd. XXXVI, H. 3, S. 400—416

Schmidt, József—József Schmidt. Gutturalproblem, Budapest, 1912 (на венгерском языке)*.

Schmidt₁—K. H. Schmidt. Venetische Medialformen. — IF, 1963, Bd. 68, H. 2, S. 160—169

Schmidt₂—K. H. Schmidt. Zum Agens beim Passiv — IF, 1963, Bd. 68, H. 1, S. 1—12; Zum altirischen Passiv, H. 3, S. 257—275.

Schmidt₃—K. H. Schmidt. Dativ und Instrumental im Plural. — «Glotta», 1963, Bd. XLI, H. 1/2, S. 1—10.

Schmidt₄—K. H. Schmidt. Präteritum und Medio-Passiv — «Sprache», 1963, Bd. IX, H. 1, S. 14—20.

Schmidt₅—K. H. Schmidt. Das Perfekt in indogermanischen Sprachen — «Glotta», 1964, Bd. XLII, H. 1/2, S. 1—18.

Schmidt₆—K. H. Schmidt. Präteritales Partizip und Diathese. — IF, 1964, Bd. 69, H. 1, S. 1—9.

Schmidt₇—K. H. Schmidt. Historische Sprachvergleiche und ihre typologische Ergänzung — ZDMG, 1966, CXVI, S. 8—22.

Schmidt₈—K. H. Schmidt. Konjunktiv und Futurum im Altirischen — StC, 1966, I, S. 19—26.

Schmidt₉—K. H. Schmidt. Die indogermanischen *e*-Praesentia im Altirischen — «Eriu», 1966/1967, 20, S. 202—211.

Schmidt_{10a}—K. H. Schmidt. Venetische Medialformen. — IF, 1963, Bd. 68, S. 160—169, Zum altirischen Passiv, S. 257—275.

Schmitt, A.—A. Schmitt. Dental + Dental. — KZ, 1955, Bd. 72, H. 3/4, S. 234—235.

Schmitt, R.₁—R. Schmitt. Gibt es altpersisch *rasatiy*? — IJ, VIII, 1964—1965, p. 275—281

Schmitt, R.₂—R. Schmitt. Zwei Bemerkungen zum Augment. — KZ, 1967, Bd. 81, S. 63—67

Schmitt—Brandt—R. Schmitt—Brandt. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems, Heidelberg, 1967.

Scholes—R. J. Scholes. Syllable segmentation and identification in American English. — LI, 1968, vol. 36, p. 55—77.

* Так у автора. — Прим. ред.

Schrijnen₁—J. Schrijnen. Etudes sur le phénomène de l's mobile dans les langues classiques et subsidiairement dans les groupes congénères, Louvain, 1891.

Schrijnen₂—J. Schrijnen. Autour d's mobile.—BSL, 1938, v. 38, p. 117—121.

Schütz—J. Schütz. Ablautprobleme diphtongischer Wurzeln — «Kratylos», 1966 (1967), Bd. 11, S. 175—177.

Schwyzler₁—E. Schwyzler. Dissimilatorische Geminatenauflösung als Folge von Übersteigerung, zunächst im Neugriechischen und im Spätaltgriechischen.—KZ, 1934, Bd. 61, H. 3/4, S. 222—252.

Schwyzler₂—E. Schwyzler. Griechische Grammatik. I—II, München, 1939—1950.

Schwyzler₃—E. Schwyzler. Zum persönlichen Agens beim Passiv, besonders im Griechischen. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Phil.-hist. Klasse, 1942, N 10.

Sebeok—Th. A. Sebeok. Portraits of Linguists. A Biographical Source Book for the History of Western Linguistics 1746—1963. I—II, Bloomington and London, 1966.

Seebold₁—E. Seebold. Die Vertretung des idg. *g^{uh}* im Germanischen — KZ, 1967, Bd. 81, H. 1/2, S. 104—133

Seebold₂—E. Seebold. Ae. *twegen* und ahd. *zweue* 'zwei'.—A, 1968, vol. 86, p. 251—269.

Seebold₃—E. Seebold. Germanisch **sanþ-/sand-* 'seiend, wahr'.—«Sprache», 1969, Bd. XV, S. 14—45.

Sehrt—E. H. Sehrt. *ai* und *au* im Gotischen.—In: «Th. Frings», 1956, S. 1—11.

Seiler—H. Seiler. Relativsatz, Attribut und Apposition, Wiesbaden, 1960.

Senn—A. Senn. Die Beziehungen des Baltischen zum Slawischen und Germanischen.—KZ, 1954, Bd. 71, S. 162—168.

Serbat—G. Serbat. Indo-européen *-*dh-*, latin -*b-/d-* (*stabilum, aedes*).—RPh, 1968, v. 42, p. 78—90.

Sgall—P. Sgall. Die Infinitive im Rgveda — In: «Acta Universitatis Carolinae. Philologica», 11, Prag, 1958, s. 135—268.

Siebs—Th. Siebs. Anlautstudien.—KZ, 1901, Bd. 37, H. 3, S. 277—324.

Sievers—E. Sievers. Zur accent- und lautlehre der germanischen sprachen.—PBB, 1878, Bd. V, S. 63—163.

Sihler—A. Sihler. Sievers—Edgerton phenomena and Rigvedic meter — Lg., 1969, vol. 45, p. 248—273.

Simone—R. Simone. Per una semantica scientifica (Postille della semantica di Antal) — LS, 1966, 1, p. 355—386.

Sköld—H. Sköld. Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. I. Sprachgeographie und Indogermanistik; II. Zur Verwandtschaftslehre, die kaukasische Mode, Lund, 1931.

Skard—V. Skard. Dativstudien. Dativus sympatheticus und Dativus comparationis in der norrönen Sprache, Oslo, 1951.

Skutsch—F. Skutsch.—См. в: «Vollmöllers Romanische Jahresberichte», 7, 1905, I, c. 49.

Smith—H. Smith. Le futur moyen indien et ses rythmes — JA, 1952, Bd. CCXI, p. 169—183.

Sommer₁—F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1948³.

Sommer₂—F. Sommer. Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947.

Specht₁—F. Specht. Zur Bildung der adjektivischen u-Stämme.—KZ, 1938, Bd. 65, S. 193—207.

Specht₂—F. Specht. Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1944, 1948.

Specht₃—F. Specht. Beiträge zur griechischen Grammatik.—KZ, 1932, Bd. 59, H. 1/2, S. 31—131.

Stang₁—C. S. Stang. Perfektum und Medium.—NTS, 1932, Bd. VI, s. 29—39.

Stang₂—C. S. Stang. Zum indoeuropäischen Adjektivum.—NTS, 1957, Bd. XVII, S. 129—145.

Stang₃—C. S. Stang. Slavonic accentuation, Oslo, 1957.

Stang₄—C. S. Stang. Indo-européen *g^wōm, *d(i)ǵēm.—In: «J. Kuryłowicz», 1965, S. 292—296.

Stang₅—C. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, Oslo—Bergen—Tromsø, 1966.

Stang₆—C. S. Stang. L'alternance consonnes sourdes et sonores en indo-européen.—In: «R. Jakobson», 1967, S. 1890—1894.

Stanley—R. Stanley. Redundancy rules in phonology.—Lg., 1967, vol. 43, N 2 (Part I), p. 393—436.

Streitberg₁—W. Streitberg.—См. в: TAPA, 1893, 24, p. 29—49.

Streitberg₂—W. Streitberg. Die Entstehung der Dehnstufe.—IF, 1893, 3, S. 305—416.

Strunk₁—K. Strunk. Probleme der idg. Sprachwissenschaft nach Brugmann.—«Glotta», 1968, Bd. XLIII, H. 3/4, S. 199—217.

Strunk₂—K. Strunk. Nasalpräsentia und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen, Heidelberg, 1967.

Strunk₃—K. Strunk. Zeit und Tempus in altgermanischen Sprachen.—IF, 1968/1969, Bd. 73, H. 3, S. 279—311.

Strunk₄—K. Strunk. «Besprochene und erzählte Welt» im Lateinischen? Eine Auseinandersetzung mit H. Weinrich.—«Gymnasium», 1969, 76, S. 289—310.

Strunk₅—K. Strunk. Verkannte Spuren eines weiteren Tiefstufentyps im Griechischen.—«Glotta», 1970, Bd. XLVII, S. 1—8.

Studien zur indogermanischen Grundsprache, Arbeiten aus dem

Institut für allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft. Hrsg. von Wilhelm Brandenstein, Wien, 1952.

Studies in Historical Linguistics in Honor of George Sherman Lane, Chapel Hill, 1967

Sturtevant₁—E. H. Sturtevant. Relatives in Indo-European and Hittite.—«Curme», 1930, p. 141—149.

Sturtevant₂—E. H. Sturtevant. The Indo-Hittite Laryngeals, Baltimore, 1942

Sturtevant—Hahn—E. H. Sturtevant, E. A. Hahn. A comparative grammar of the Hittite Language, I. London, Oxford, 1951

Sulimirski—T. Sulimirski. Neighbours of the Baltic tribes.—ABSI, 1968, 5, p. 1—17.

Sweet—H. Sweet.—In: TPhS, 1880—1881.

Szemerényi₁—O. Szemerényi. Zwei Fragen des urslawischen Verbuns.—ESIR, 1, 1948.

Szemerényi₂—O. Szemerényi. The Latin Gerundive and other -nd- Formations.—In: TPhS, 1950, p. 169—179.

Szemerényi₃—O. Szemerényi. The development of the Indo-European Mediae Aspirate in Latin und Italic.—AL, 1952, IV, p. 27—53; 99—116, 1953, V, p. 1—21.

Szemerényi₄—O. Szemerényi. The future imperative of Indo-European.—RbPh, 1953, t. XXXI, p. 937—954.

Szemerényi₅—O. Szemerényi. The Latin Adjectives in -ulentus.—«Glotta», 1954, Bd. XXXIII, H. 3/4, S. 266—282.

Szemerényi₆—O. Szemerényi. Latin promulgare.—«Emerita», 1954, XXII, p. 159—174.

Szemerényi₇—O. Szemerényi. The Indo-European Cluster *sl* in Latin.—AL, 1954, VI, p. 31—45.

Szemerényi₈—O. Szemerényi. Illyrica.—KZ, 1954, Bd. 71, H. 3/4, S. 199—217.

Szemerényi₉—O. Szemerényi. Hittite pronominal inflection and the development of syllabic liquids.—KZ, 1956, Bd. 73, S. 57—80

Szemerényi₁₀—O. Szemerényi. Lat. *rēs* and the Indo-European longdiphthong stem nouns.—KZ, 1956, Bd. 73, S. 167—202.

Szemerényi₁₁—O. Szemerényi. Latin *tantus*, *quantus* and the genitive of price. With an excursus on *quando* and Gk.—«Glotta», 1956, Bd. XXXV, S. 92—114.

Szemerényi₁₂—O. Szemerényi. The Genitive Singular of Masculine -ā-Stem Nouns in Greek.—«Glotta», 1956, Bd. XXXV, S. 195—208.

Szemerényi₁₃—O. Szemerényi. Introductory Remarks.—In: «Proceedings», p. 523—527.

Szemerényi₁₄—O. Szemerényi. The Problem of Balto-Slav Unity.—«Kratylos», 1957, II, S. 97—123.

Szemerényi₁₅—O. Szemerényi. Greek γάλα and the Indo-European term for 'milk'.—KZ, 1958, Bd. 75, H. 3/4, S. 170—190.

Szemerényi₁₆—O. Szemerényi. Gothic *auhuma* and the so-called comparatives in *-uma* —PBB (T), 1960, 82, S. 1—30.

Szemerényi₁₆—O. Szemerényi. Studies in the Indo-European system of Numerals, Heidelberg, 1960

Szemerényi₁₇—O. Szemerényi. Trends and Tasks in Comparative Philology, London, 1962.

Szemerényi₁₈—O. Szemerényi. —CM. B. BSOAS, 1964, 27.

Szemerényi₁₉—O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of the Indo-European accent, Napoli, 1964.

Szemerényi₂₀—O. Szemerényi. Structuralism and Substratum—Indo-Europeans and Semites in the Ancient Near East.—L., 1964, vol. XIII, p. 1—29.

Szemerényi₂₁—O. Szemerényi. The labiovelars in Mycenaean and historical Greek.—SMEA, 1966, I, p. 29—52.

Szemerényi₂₂—O. Szemerényi. The development of the *-o/-ā-*stems in the light of the Mycenaean evidence.—In «Mycenaean Studies», Cambridge, 1966, p. 217—225.

Szemerényi₂₃—O. Szemerényi. The Greek nouns in *-εύς*.—In «P. Kretschmer», S. 159—181.

Szemerényi₂₄—O. Szemerényi. The history of Attic *οός* and some of its compounds.—SMEA, 1967, 3, p. 47—88.

Szemerényi₂₅—O. Szemerényi. The perfect participle active in Mycenaean and Indo-European —SMEA, 1967, 2, p. 7—26.

Szemerényi₂₆—O. Szemerényi. Iranica II.—«Sprache», 1966, Bd. XII, H. 2, S. 190—226.

Szemerényi₂₇—O. Szemerényi. The Mycenaean and historical Greek comparative and their Indo-European background —In «Studia Mycenaea» (Proceedings of the Mycenaean symposium), Brno, 1966, p. 25—36.

Szemerényi₂₈—O. Szemerényi. The alleged Indo-European *sor- 'woman'.—«Kratylos», 1966 (1967), Bd. XI, S. 206—221.

Szemerényi₂₉—O. Szemerényi. The new look of Indo-European Reconstruction and Typology.—Ph, 1967, 17, p. 65—99.

Szemerényi_{30a}—O. Szemerényi. Rez.: H. Seiler. Relativsatz, Attribut und Apposition, Wiesbaden, 1960.—In: «Kratylos», 1967, Bd. XII, S. 41—52.

Szemerényi₃₀—O. Szemerényi. Methodology of genetic linguistics.—In «Enzyklopädie der geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden», 4. Lfg. Methoden der Sprachwissenschaft, München, Oldenburg, 1968, S. 3—38.

Szemerényi₃₁—O. Szemerényi. The Attic «Rückverwandlung» or Atomism and structuralism in action —In. «W. Brandenstein», 1968, S. 139—157.

Szemerényi₃₂—O. Szemerényi. Arcadian and Cypriote (?) *ισπης* and the Mycenaean antecedent.—SMEA, 1968, 6, p. 7—13

Szemerényi₃₃—CM. Szemerényi₃₃.

Szemerényi₃₄—O. Szemerényi. Unorthodox views of tense and aspect —ArchL, 1965 (1969), 17/2, p. 161—171.

Szemerényi₃₅—O. Szemerényi. Etyma Latina II (7—18) —In. «V. Pisanis», 1969, p. 963—994.

Szemerényi₃₆—O. Szemerényi. The Indo-European name of the «heart» —In «Donum Balticum. To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970», Stockholm, 1970, p. 515—533.

Szinnyei—Szinnyei. Magyar nyelvhasonlítás, Budapest, 1927⁷.

Tedesco₁—P. Tedesco. Persian čiz and Sanskrit kím —Lg, 1943, vol. 21, p. 128—142.

Tedesco₂—P. Tedesco. Sanskrit dehi 'give'. —Lg, 1968, vol. 44, p. 1—24.

Thesaurus linguae latinae. Editus iussu et auctoritate consilii ab academiis societatisque diversarum nationum electi, Lipsiae, 1940—1955, Bd. 9.

Thesleff—H. Thesleff. Studies on Intensification in Early and Classical Greek, Helsingfors, 1954.

Thibau—R. Thibau. Rapports entre le latin et le grec. Essai de réhabilitation de l'hypothèse italo-grecque, Leiden, 1964.

Thieme₁—P. Thieme. Das Plusquamperfektum im Veda, Göttingen, 1929.

Thieme₂—P. Thieme. Der Fremdling im Rigveda, Leipzig, 1938.

Thomas₁—F. Thomas. Du latin fax ō/faxim, legam, -ās etc., à l'«injonctif» —1956, RPh, 30 (82), p. 204—223.

Thomas₂—F. Thomas. Aspects anciens du futur et du subjonctif en latin —«Latomus», 1956, T. XV, fasc. 1, p. 3—16.

Thomas₃—F. Thomas. Optativ éolien et conjugaison grecque —REA, 1961, v. 63, N 1—2, p. 86—95.

Thumb—Hauschild—A. Thumb, R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit. I³ (1—2)—II², Heidelberg, 1953—1959.

Thurneysen₁—R. Thurneysen. 1. Der Präsensstypus λιμπάνω. 2 ind. pṛthivī. —IF, 1894, vol. 4, S. 78—85.

Thurneysen₂—R. Thurneysen. Irisches Altir. rōgeinn 'hat Platz'. —KZ, 1936, Bd. 63, H. 1/2, S. 114—117.

Thurneysen₃—R. Thurneysen. A Grammar of Old Irish, Dublin, 1947.

Trnka—B. Trnka. On analogy. —ZfPhon, 1968, 21, s. 345—351.

Trubetzkoy₁—N. S. Trubetzkoy. Gedanken über den lateinischen a-Konjunktiv. —In: «P. Kretschmer», 1926, S. 267—274.

Trubetzkoy₂—N. S. Trubetzkoy. Gedanken über Morphologie —TCLP, 1931, 4, S. 160—163.

Trubetzkoy₃—N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, Göttingen, 1960³. [Русск. перев.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, М., 1960.]

Tucker—R. W. Tucker. Accentuation before enclitics in Latin. —In: TAPA, 1965, 96, p. 449—461.

Ullmann₁—S. Ullmann. The principles of semantics, Glasgow, 1957^a.

Ullmann₂—S. Ullmann. Précis de sémantique française, Bern, 1959^a.

Ullmann₃—S. Ullmann. Semantics.—An introduction to the science of meaning, Oxford, 1964.

Untermann—J. Untermann. Zwei Bemerkungen zur lateinischen Perfektflexion.—In. «W. Brandenstein», 1968, S. 165—171.

Vaillant₁—A. Vaillant. L'ergatif indo-européen.—BSL, 1936, v. 37.

Vaillant₂—A. Vaillant. L'origine de présents thématiques en -e/o —BSL, 1937, v. 38, fasc. 1, p. 89—101.

Vaillant₃—A. Vaillant. Les origines du mediopassif.—BSL, 1946, v. 42, p. 76—83

Vaillant₄—A. Vaillant. Généralités. Linguistique et grammaire comparée.—RESI, 1952, v. XXIX, p. 118—124.

Vaillant₅—A. Vaillant. Le parfait indo-européen en balto-slave.—BSL, 1962, v. LVII, fasc. 1, p. 52—56

Vaillant₆—A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves I, II, 1—2, III, 1—2, Paris—Lyon, 1950—1966

Vaillant₇—A. Vaillant. Le parfait indo-européen en balto-slave.—BSL, 1962, v. 57, fasc. 1, p. 52—56.

Vallini—G. Vallini. Problemi di metodo in Ferdinand de Saussure indoeuropeista.—SSL, 1969, 9, p. 1—85.

Vekardi—J. Vekardi. On Polymorphic Presents in the Rgveda.—AO, 1961, XII, s. 249—287.

Velten₁—H. V. Velten. Sur l'évolution du genre, des cas et des parties du discours.—BSL, 1932, v. 33, fasc. 2, p. 205—223.

Velten₂—H. V. Velten. Studien zu einer historischen Tempustheorie des Indogermanischen mit besonderer Berücksichtigung der modernen europäischen Sprachen —KZ, 1933, Bd. 60, H. 3/4, S. 185—211.

Vendryés₁—J. Vendryés. Le type thématique à redoublement en indo-européen.—MSL, 1916, T. 20, fasc. 3, p. 117—123.

Vendryés₂—J. Vendryés. Traité d'accentuation grecque, 1945.

Vennemann—T. Vennemann. Die Affrikaten in der generativen Phonologie des Deutschen —Ph, 1968, 18, S. 65—76.

Verner—K. Verner. Eine Ausnahme der ersten lautverschiebung.—KZ, 1876, 23; Neue Folge, Bd. III, S. 97—130.

Vogt—H. Vogt. Les occlusives de l'arménien —NTS, 1958, Bd. XVIII, s. 143—161.

Wackernagel₁—J. Wackernagel. Kleine Schriften, Göttingen, 1953.

Wackernagel₂—J. Wackernagel. Indisches und Italisch.—KZ, 1907, Bd. 41, H. 4, S. 305—319.

Wackernagel₃—J. Wackernagel. Indogermanische Dichtersprache.—«Philologus», 1942, XCV, H. 1/2, S. 1—19.

Wackernagel₁—J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax Erste Reihe, Basel, 1920, Basel, 1950².

Wackernagel—Debrunner—J. Wackernagel, A. Debrunner. Altindische Grammatik. I, II, 1—2, III, Göttingen, 1896—1954.

Wagner₁—H. Wagner. Zur Herkunft der ē-Verba in den indogermanischen Sprachen. Diss., Zürich, 1950

Wagner₂—H. Wagner. Zu den indogermanischen e-Verben.—ZfceltPh, 1956, Bd. XXV, H. 3/4, S. 161—173.

Wagner₃—H. Wagner. Zualtir. marnid «verraten».—ZfceltPh, 1967, Bd. XXX, S. 1—6.

Walde—A. Walde. Die Verbindungen zweier dentale und tönendes z im Indogermanischen.—KZ, 1896, 34, S. 461—536

Wanner—H. Wanner. Wortpaare vom Typus recken—strecken—In «R. Hotzenköcherle», 1963, S. 133—140.

Watkins₁—C. Watkins. The Indo-European origins of the Celtic Verb. Pt. I The Sigmatic Aorist, Dublin, 1962.

Watkins₂—C. Watkins. The origin of the *t*-preterite.—«Eriu», 1965, 19, p. 25—46.

Watkins₃—C. Watkins. Italo-Celtic Revisited.—In: AIED, 1966, p. 29—50.

Watkins₄—C. Watkins. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb.—«Celtica», 1963, 6, p. 1—49.

Watkins₅—C. Watkins. Notes on Celtic and Indo-European morphology and syntax—In: «Lochlann», 1965, III, p. 286—297.

Watkins₆—C. Watkins. The Indo-European word for 'day' in Celtic and related topics—In «Trivium», I, 1966, p. 680—682.

Watkins₇—C. Watkins. Latin sons.—In «G. S. Lane», 1967, p. 186—194.

Watkins₈—C. Watkins. On the prehistory of Celtic verb inflexion 1. The thematic present indicative active. 2. The deponent and passive present.—«Eriu», 1969, vol. 21, p. 1—22.

Watkins₉—C. Watkins. Indogermanische Grammatik III/1 Geschichte der indogermanischen Verbalflexion, Heidelberg, 1969.

Weinreich—U. Weinreich. Explorations in semantic theory—CTL, 1966, v. III, p. 395—477.

Wienold—G. Wienold. Genus und Semantik. Meisenheim am Glan, 1967.

Windekens—A. J. van Windekens. Etudes de grammaire historique et comparée du tocharien—ANION-L, 1962, IV, p. 2—25.

Winter₁—W. Winter. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen.—IF, 1962, Bd. LXVII, S. 16—35

Winter₂—W. Winter. Armenian Evidence, p. 100—115, Tocharian Evidence, p. 190—211.—In: «Evidences».

Winter₃—W. Winter. Zur Vorgeschichte einiger Verbformen in Tocharisch A—KZ, 1966, Bd. 79, H. 3/4, S. 206—210.

Winter₄—W. Winter. Vocative und Imperative.—In: «Sub-

stance and Structure of Language», ed. J. Puhvel, Los Angeles, 1969, p. 205—293.

Wissmann₁—W. Wissmann. Nomina postverbalia in den altgermanischen Sprachen nebst einer Voruntersuchung über deverbative o-Verben. 1. Teil: Deverbative o-Verben, Göttingen, 1932 — KZ, Ergänzungsheft 11

Wissmann₂—W. Wissmann. Der Name der Buche, Berlin, 1952

Wistrand—E. Wistrand. Über das Passivum, Göteborg, 1941

Witwer—M. Witwer. Über die kontrastierende Funktion des griechischen Suffixes -τερος — «Glotta», 1969, Bd. LXVII, S. 54—110.

Wright₁—J. C. Wright. The so-called injunctive.—BSOAS, 1970, 33, p. 184—199.

Wright₂—J. C. Wright. The Indo-European Interdental Spirants — In. «Rosetti», p. 1017—1022.

Wyatt—W. F. Wyatt, Jr. Structural linguistics and the laryngeal theory — Lg., 1964, vol. 40, N 2, p. 138—152.

Ziff—P. Ziff. Semantic Analysis. Ithaca, N. Y., 1967.

Zsilka—Zsilka. Das Passiv in Homers Heldengesängen. (Das Aufkommen der Funktion des Passivs und seine grammatischen bzw. lexikalischen Belänge).—«Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», 1964, XII, s. 277—310

Абаев—В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965

Ахманова—О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология, М., 1966

Бурлакова—В. В. Бурлакова. Предыстория славянских гуттуральных.—ВСЯ, 1962, № 6, с. 46—65.

Гамкрелидзе₁—Т. В. Гамкрелидзе. Хеттский язык и ларингальная теория.—В кн.: «Труды Института языкознания АН Груз ССР», т. III, 1960.

Гамкрелидзе₂—Т. В. Гамкрелидзе. Анатолийские языки и реконструкция системы «ларингальных» в индоевропейском — В кн.: «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков», М., 1964, с. 46—50.

Гамкрелидзе₃—Т. В. Гамкрелидзе. Картвельский и индоевропейский Типология реконструированных языковых систем — В сб.: «To honor Roman Jakobson», 1967, с. 709.

Гвоздев—А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык I Фонетика и морфология, М., 1958, М., 1973⁴.

Глушак—Т. С. Глушак. Попытка интерпретации индоевропейских долгих дифтонгов — В сб. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков», Минск, 1969, с. 21—38.

Гухман—М. М. Гухман. Судьба индоевропейского медиума в германских языках — В кн.: «Труды Института языкознания», т. IX. Вопросы германистики, М., 1959, с. 52—91.

Елизаренкова₁—Т. Я. Елизаренкова. Аорист в Риг-веде, М., 1960.

Елизаренкова₂—Т. Я Елизаренкова. Значение основ презенса в Ригведе — В кн. «Языки Индии», М., 1961, с. 91—165

Иванов₁—Вяч. Вс Иванов. Проблема языков кентум и сатэм — ВЯ, 1958, № 4, с. 12—23

Иванов₂—Вяч. Вс Иванов. Типология и сравнительно-историческое языкознание — ВЯ, 1958, № 5, с. 34—42.

Иванов₃—Вяч. Вс Иванов. Хеттский язык, М., 2001.

Иванов₄—Вяч. Вс Иванов. Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковая системы, М., 1966.

Иванов₅—Вяч. Вс. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — В сб.: «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968, с. 225—276

Иллич-Свитыч₁—В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального х- в праславянском (Поправка к «закону Зибса») — ВЯ, 1961, № 4, с. 93—98.

Иллич-Свитыч₂—В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском Судьба акцентуационных парадигм, М., 1963.

Иллич-Свитыч₃—В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — В кн.: «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964

Иллич-Свитыч₄—В. М. Иллич-Свитыч. Происхождение индоевропейских гуттуральных. — В кн.: «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков», М., 1964, с. 22—26

Иллич-Свитыч₅—В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские гуттуральные *k*¹, **k*, **g*. — В «Этимология. 1964», М., 1965, с. 338—343.

Иллич-Свитыч₆—В. М. Иллич-Свитыч. Соответствие смычных в ностратических языках. — В «Этимология. 1966», 1968, с. 304—355

Иллич-Свитыч₇—В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) — В «Этимология 1965», М., 1967, с. 321—373

Клычков—Г. С. Клычков. Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка — ВЯ, 1965, № 5, с. 3—14

Кравчук—Р. В. Кравчук. Индоевропейский аблаут *e.o* — результат исчезнувшего сингармонизма — В сб. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков», Минск, 1969, с. 12—20

Макаев₁—Э. А. Макаев. Ларингальная теория и вопросы индоевропейского языкознания — В кн. «Труды Института языкознания АН Груз. ССР», т. II, 1957, с. 55—71

Макаев₂—Э. А. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка. — В сб. «Проблемы морфологического строя германских языков», М., 1963, с. 54—73

Макаев₃—Э. А. Макаев. Проблема детерминантов в индоевропейском и общегерманском — ВЯ, 1969, № 1, с. 3—21

Майтинская₁—К. Е. Майтинская. К происхождению местоименных слов в языках разных систем — ВЯ, 1966, № 1, с. 15—25.

Майтинская₂—К. Е. Майтинская. К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем.—ВЯ, 1968, № 3, с. 31—40.

Мартине—А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1966.

Мельничук—А. С. Мельничук. Следы взрывного ларингального в индоевропейских языках.—ВЯ, 1969, № 5, с. 3—16.

Мошинский—Л. Мошинский. К развитию праславянских сонантов.—ВЯ, 1969, с. 3—10.

Мыркин₁—В. Я. Мыркин. Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте.—ВЯ, 1964, № 5, с. 78—86.

Мыркин₂—В. Я. Мыркин. Генезис германских личных местоимений с ареальной точки зрения.—ВЯ, 1966, № 6, с. 71—75.

Откупщиков—Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования, Л., 1967.

Перельмутер₁—И. А. Перельмутер. О первоначальной функции индоевропейского перфекта.—ВЯ, 1967, № 1, с. 92—102.

Перельмутер₂—И. А. Перельмутер. К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола.—ВЯ, 1969, № 5, с. 11—21.

Савченко₁—А. Н. Савченко. Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке.—ВЯ, 1955, № 4, с. 111—120.

Савченко₂—А. Н. Савченко. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском.—ЛР, 1960, VIII, с. 53—56.

Савченко₃—А. Н. Савченко. Категория медиума в индоевропейском языке.—ВРТЖ, 1961, 20, с. 99—119.

Савченко₄—А. Н. Савченко.—В: «Lingua Posnaniensis», 12—13, 1968, с. 28, св. 23.

Сафаревич—Я. Сафаревич. Развитие формативов времени в индоевропейской глагольной системе.—В сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, с. 14 и сл.

Сравнительная грамматика германских языков, IV, М., 1966.

Степанова—З. П. Степанова. Ареал распространения глаголов на -ё- в индоевропейских языках.—ВЯ, 1965, № 4, с. 110—118.

Супрун—А. Е. Супрун. Славянские числительные, Минск, 1969.

Топоров—В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, М., 1961.

Топоров—Трубачев—В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья, М., 1962.

Трубачев—О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины, М., 1968.

Филин—Ф. П. Филин. Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза.—ВЯ, 1967, № 3, с. 28—41.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

абл. — аблатив
акк. — аккузатив
акт. — актив
аор. — аорист
атемат. — атематический
вок. — вокатив
ген. — генитив
дат. — датив
двойств. — двойственное
деверб. — девербативный
деном. — деноминативный
ед. — единственное
ж. р. — женский род
импер. — императив
имперф. — имперфект
индик. — индикатив
инстр. — инструменталь(ный)
инф. — инфинитив
конд. — кондициональ

конъюнк. — конъюнктив
л. — лицо
лок. — локатив
мн. — множественное
м. р. — мужской род
ном. — номинатив
п. — падеж
перф. — перфект
плюсквам. — плюсквамперфект
през. — презенс
прил. — прилагательное
р. — род
соотв. — соответственно
ср. р. — средний род
сущ. — существительное
темат. — тематический
фут. — футурум
ч. — число

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест — авестийский
англ. — английский
аккад. — аккадский
албанск — албанский
анат. — анатолийский
аркад. — аркадский
арм. — армянский
атт. — аттический
балт. — балтийский
беот. — беотийский
вед. — ведийский
венг. — венгерский
вестин. — вестинский
вост.-греч. — восточногреческий
галльск. — галльский
готск. — готский
гом. — гомеровский
греч. — греческий
дор. — дорический
др.-анат. — древнеанатолийский
др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-н. — древневерхненемец-
кий
др.-и.-е. — древнеиндоевропей-
ский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-иран. — древнеиранский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-кимр. — древнекимрский
др.-лат. — древнелатинский
др.-лит. — древнелитовский
др.-макед. — древнемакедонский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-прусс. — древнепруссский
др.-русс. — древнерусский
др.-сакс. — древнесаксонский
др.-сканд. — древнескандинав-
ский
зап.-герм. — западногерманский

зап.-греч. — западногреческий
зап.-и.-е. — западноиндоевропей-
ский
зап.-тохар. — западнотохарский
и.-е. — индоевропейский
инд. — индийский
индоир. — индоиранский (или
арийский)
ион. — ионийский
иран. — иранский
итал. — италийский
ит. — итальянский
кельт. — кельтский
кимр. — кимрский
кипр. — кипрский
класс. лат. — классический ла-
тинский
лат. — латинский
латыш. — латышский
лид. — лидийский
лик. — ликийский
лит. — литовский
лув. — лувийский
микен. — микенский
нов.-в.-н. — нововверхненемецкий
нем. — немецкий
нов.-перс. — новоперсидский
общегерм. — общегерманский
оск. — оскский
перс. — персидский
пра-и.-е. — праиндоевропейский
раннегреч. — раннегреческий
раннелат. — раннелатинский
русс. — русский
семит. — семитский
серб. — сербский
сканд. — скандинавский
скр. — санскрит
слав. — славянский

ср.-в.-н — средневерхненемец-
кий
ср.-голл — среднеголландский
ср.-ирл. — среднеирландский
ср.-кипр. — среднекипрский
ст.-слав — старославянский
тохар — тохарский
умбр. — умбрский
фессал — фессалийский

фин — финский
флам. — фламандский
франц. — французский
фриг — фригийский
хетт — хеттский
хетт-иерогл — хеттский
глифический
чешск. — чешский
зол. — золийский

СОДЕРЖАНИЕ

Н С Чемоданов. Сравнительная грамматика индоевропейских языков Освальда Семереньи	5
Предисловие	13
I. Введение	15
II. Изменения в языке	28
III. Задачи индоевропейского языкознания	44
IV. Фонология	47
Реконструкция системы	47
а) Гласные	47
б) Дифтонги	52
в) Полугласные	55
г) Носовые и плавные	56
д) Слоговые носовые и плавные	57
е) Спиранты	62
ж) Смычные звуки	65
з) Аспирированные глухие смычные	81
и) Фонологическая система индоевропейского языка	83
V. Морфонология	84
Ударение	86
Чередование гласных аблаут	95
Чередование согласных	108
Структура морфемы	111
Комбинаторные изменения в сочетаниях морфем	115
Структура слова	120
VI. Предыстория индоевропейской фонологической системы	126
Происхождение ступеней аблаута	126
Ларингальная теория	138
Структура морфем	146
Возникновение и состав индоевропейского вокализма	150
Состав и развитие индоевропейского консонантизма	158
Резюме	166
VII. Морфология I	167
Существительное и прилагательное	167

Основы на смычный	172
Основы на носовой и плавный	177
S-основы	184
Основы на -I-, -U- и основы на дифтонг	185
Тематические основы	193
А- и Т-основы	200
Прилагательное и степени сравнения	205
VIII. Морфология II	216
Местоимение	216
Указательные местоимения	217
Вопросительные и относительные местоимения	222
Личные местоимения	226
Числительное	237
IX. Морфология III	245
Глагол	245
Личные окончания, тематический гласный, диатезы	248
Наклонения	272
Глагольные основы	281
Синтез: парадигмы (с примечаниями)	327
Инфинитные (именные) формы глагола	330
Предыстория	341
Список сокращенных обозначений названий журналов и сборников	352
Библиография. Обработала и дополнила Н. Н. Семенюк	360
Условные сокращения	403
Названия языков и диалектов	404